

Родная старина Книга 2



Родная старина

Книга 2 Отечественная история
с XIV по XVI столетие



Annotation

Вторая часть книги «Родная старина», впервые опубликованная в Санкт-Петербурге в 1879 году под редакцией В. Д. Сиповского, охватывает важный период истории нашего Отечества, связанный с усилением Москвы, а с нею и всей Руси.

Благодаря своей верности христианской вере Русь, после печального падения Византии, становится главной хранительницей Православия в мире. Решительно сбрасывает с себя татарское иго, покоряет Казань, Астрахань, Сибирь.

Не все складывается гладко в истории страны. Не всегда те, кому вверена ее судьба, выдерживают испытания властью, славой. И за это расплачивается русский народ лишениями и скорбями. Но во все времена он спасается крепкой верой и духом своих праведников.

Текст печатается по книге «Родная старина. Отечественная история в рассказах и картинах» в соответствии с грамматическими нормами современного русского языка. Составил В. Д. Сиповский (СПб., 1879)

- [Оглавление](#)
 -
 - [Княжение Василия I \(1389-1425\)](#)
 - [Усиление Москвы](#)
 - [Нашествие Тамерлана и Едигея](#)
 - [Литва](#)
 - [Литовцы и верования их](#)
 - [Литовцы и крестоносцы](#)
 - [Гедимин](#)
 - [Ольгерд и Кейстут](#)
 - [Ягайло и Витовт](#)

- Княжение Василия II (Темного) (1425–1462).
 - Усобицы между московскими князьями
 - Флорентийский собор
 - Падение Константинополя
- Княжение Иоанна III (1462–1505).
 - Падение Новгорода
 - София Палеолог
 - Конец татарского ига
 - Уничтожение уделов
 - Борьба с Литвою
 - Церковные смуты
 - Внутренние дела
- Княжение Василия III (1505–1533).
 - Отношение государя к боярам
 - Падение Пскова и других уделов
 - Войны с Литвою и татарами
 - Церковные дела
 - Семейные дела и смерть великого князя
- Московия XV–XVI столетий по рассказам иноземцев
 - Страна
 - Прием послов
 - Власть государя
 - Военное дело
 - Нравы и обычаи
 - Город Москва
 - Промышленность и торговля
- Грозный царь Царствование Иоанна IV (1533–1584).
 - Правление Елены и бояр
 - Детство Иоанна IV
 - Венчание на царство Иоанна IV и первые годы его царствования
 - Суд и управление
 - Стоглав

- [«Домострой»](#)
- [Покорение Казани и Астрахани](#)
- [Книгопечатание в Москве](#)
- [Войны со Швецией и Ливонией](#)
- [Удаление Сильвестра и Адашева](#)
- [Измена Курбского и переписка его о царем](#)
- [Послание Курбского](#)
- [Послание царя](#)
- [Александровская слобода и опричники](#)
- [Митрополит Филипп](#)
- [Разгром Новгорода и московские казни](#)
- [Войны с соседями](#)
- [Антоний Поссевин](#)
- [Покорение Сибири](#)
- [Последние годы царствования Грозного](#)

Оглавление



В. Д. Сиповский
Родная старина Книга 2
Отечественная история с XIV
по XVI столетие



Княжение Василия I (1389-1425)

Усиление Москвы

С начала XIV века Московская область все росла да росла. Как истые скопидомы, ничем не пренебрегая, ничего не упуская из виду, сколачивают себе мало-помалу достаток, так трудились и московские князья над собиранием Русской земли.

Казалось, они думали только о себе, старались всякими способами захватить новые города и земли, привлечь население и забрать одного за другим всех русских князей в свои руки. Быть может, московские государи сначала и помышляли о своих лишь выгодах, но тем не менее в их руках совершалось великое дело — собирание русских сил в одно целое. Дело это стало всенародным, потому так и шло успешно. В Московской области лучше, чем где-либо на Руси, жилось мирному промышленному люду, больше было тишины и порядка: в московских князьях народ привык видеть хороших, домовитых и расчетливых хозяев, которые себя не забывали, но и рабочих не теснили, и потому все, кому дорога была мирная, трудовая жизнь, кому ненавистны были вечные раздоры и усобицы мелких удельных князей, навлекшие столько беды на Русскую землю, словом, все более здоровые русские силы тянулись к Москве и охотно отдавались под сильную руку ее князей. Над собиранием русских сил трудились не только князья: им помогали и бояре, и духовенство; но более помог сам народ, сама земля Русская. И вот Москва, как сказочный богатырь, из этой земли и набралась силой могучею...



А. Васнецов Старая Москва

В конце XIV века Москва так окрепла, что Димитрий Донской попытался стряхнуть с русских плеч татарское иго. На Куликовом поле была проба соединенных русских сил. Оказалось, что уж можно брать верх над Ордою; но совсем покончить с нею было еще невмочь. Надо было еще подождать, еще понабраться сил.



***Великий князь Василий Дмитриевич Царский
титулярник***

В 1389 году начал княжить сын Донского — Василий Дмитриевич. Год спустя после того как ханский посол посадил его на великое княжение, он уже едет в Орду, чтобы «примыслить» новые области. Приняли его в Орде так радушно и с такою честью, какой еще никто из русских и не видывал, словно не данник, а приятель и союзник приехал к хану. Дело в том, что хану в ту пору нужен был сильный и надежный союзник. Василию это было на руку: он уладил свои дела в Орде, купил у хана ярлык на Нижегородское княжество, несмотря на то, что там был свой князь — Борис Константинович.

Борис, когда проведал, какая напасть готовится ему, созвал своих бояр, напоминал им о крестном целовании, умолял их верою и правдою постоять за него.

— Не печалься, господин князь, — все мы тебе верны, готовы за тебя головы свои сложить и кровь пролить! — утешал Бориса старший из его бояр — Василий Румянец, утешал, а сам уже вел тайные переговоры с Василием Дмитриевичем о выдаче ему своего князя: сильна была московская корысть — тянула к себе отовсюду служилых людей и бояр!

Возвращаясь из Орды, Василий отправил вперед, в Нижний, ханского посла со своими боярами. Борис хотел затворить пред ними городские ворота и не впускать их в город.

— Господин князь, — стал его уговаривать Румянец, — посол ханский и московские бояре едут сюда, чтобы скрепить с тобою мир и любовь, а ты ищешь вражды. Впусти их в город. Что они тебе сделают? — мы все с тобою.

Въехали бояре московские в город и тотчас приказали ударить в колокола. Собрался народ. Ему громогласно было объявлено, что с этой поры Нижний принадлежит московскому великому князю.

Озадаченный Борис поспешно сзывает своих бояр.

— Господа мои и братья, милая дружина, — умоляет он, — вспомните крестное целование ваше, не выдавайте меня врагам!

Напрасны были мольбы...

— Не надейся на нас, — сказал изменник Румянец, — мы уже не твои и не с тобою, а на тебя!

Нашлось и кроме Румянца много доброхотов Москвы. Бориса схватили. Народ тоже, как видно, не прочь был подчиниться великому князю. Скоро он сам прибыл в Нижний и посадил здесь своего наместника, а князя Бориса, жену его, детей и сторонников его велел разослать по разным городам и держать под стражей.

Так примыслил себе Василий Дмитриевич Нижний Новгород; по тому же ярлыку приобрел он Городец, Муром, Мещеру и Тарусу.

Дело не обошлось, впрочем, без борьбы: племянники Бориса и сыновья его добивались своей отчины, вербовали себе шайки бродячих татар и нападали на московские владения. Это была уже не война, а разбойничьи внезапные набеги.

Хищники татары беспощадно пустошили русские земли, творили всюду страшные зверства. Например, рассказывают о таком случае: в 1411 году татары и дружина Даниила Борисовича подкрались к городу Владимиру в ту пору, когда все жители спали, захватили городское стадо, взяли посады и сожгли их, множество людей избили. В соборной церкви заперся священник; он собрал, сколько мог, драгоценных церковных вещей, спрятал все это в церкви, скрыл здесь и несколько человек, а сам стал со слезами молиться пред образом Богородицы. Татары прискакали к церкви и стали кричать, чтобы ее отперли. Священник стоял неподвижно и молился... Татары разбили дверь, ворвались в собор, содрали ризы с икон, ограбили всю церковь, а священника стали пытаться, добываясь, где у него спрятаны казна и люди: ставили его на раскаленную сковороду, втыкали щепы под ногти, кожу сдирали — священник не вымолвил ни слова! Тогда привязали его за ноги к лошадиному хвосту, и несчастный погиб мученической смертью. Весь город после этого был пожжен и разграблен; жителей толпами погнали в плен. Всего награбленного татары взять не могли; чего не смогли унести, складывали в кучи и жгли; деньги делили между собою мерками. Колокола от пожара растопились. Город и окрестности наполнились трупами.



Великий князь Василий Дмитриевич
1389—1495.

***В. П. Верещагин Великий князь Василий
Димитриевич***

От таких внезапных разбойничьих набегов татар обороняться было очень трудно, и долго еще Русская земля страдала от них.

Попытался было Василий Димитриевич завладеть двинскими землями, принадлежавшими Новгороду, но это не удалось ему. Зато Псков он прибрал к рукам: псковитяне стали с этой поры принимать к себе князей по указанию великого князя московского. В Тверской области в это время начались смуты и усобицы между родичами, мелкими удельными князьями. Василий Димитриевич не преминул бы, конечно, воспользоваться этим и подчинить себе Тверь; но в ту пору ему было не до того.

Нашествие Тамерлана и Едигея

В то время, когда Кипчакская орда, к радости русских, слабела и разлагалась, страшная гроза чуть не обрушилась снова на Русскую землю. В Средней Азии явился новый могучий завоеватель, подобный Чингисхану, страшный своею силою и жестокостью. Это был Тимур, или Тамерлан. Этот новый «владыка мира», как называли его, сплотив в одно целое разрозненные орды татар, привел в трепет всю Азию. Все земли от Аральского моря до Персидского залива, от Кавказских гор до пустынной Аравии подпали скоро власти Тимура.



***Чудотворный образ Владимирской Божьей Матери
Хромолитография Ф. Солнцева***

— Друзья и сподвижники! — говорил он своим эмирам, собираясь напасть на Индию, — счастье, благоприятствуя мне, призывает нас к новым победам. Мое имя привело в ужас вселенную; движением перста потрясаю землю. Царства Индии для нас открыты. Сокрошу все, что дерзнет мне противиться!

Страшная сила Тимуровой орды давила все, что встречалось на пути. Могучий турецкий султан Баязет попробовал было сдержать завоевательное стремление этого «владыки мира» и был раздавлен его силою на Ангорских полях. На местах побоищ Тимур приказывал складывать горы из черепов истребленных им людей. Лучшего памятника его страшным делам и не выдумать!

С этим-то ужасным «истребителем людей», держащим, по его словам, судьбу в своих руках, отважился бороться хан Кипчакской орды — Тохтамыш и в 1395 году на берегах Терека был разбит и должен был бежать. Тимур перешел Волгу и вступил в наши юго-восточные пределы... Весть об этом поразила ужасом всю Русскую землю. Молва о несметных полчищах Тимура, о его свирепости и погромах широко и быстро разносилась в народе и ужасала всех.

Великий князь, однако, не потерялся: он немедленно велел собираться войску и во главе многочисленной рати стал на берегу Оки, на границе своих владений, готовый встретить врага. Это ободрило народ. Для того чтобы поднять дух испуганных москвичей, великий князь приказал перенести из Владимира чудотворную икону Богоматери, привезенную туда Андреем Боголюбским. В то самое время, когда митрополит, духовенство, наместник великого князя в Москве князь Владимир Андреевич Храбрый и толпа народа встречали икону, Тимур дошел до города Ельца и, разорив его, двинулся со своим полчищем обратно в Азию. Наступала уже осень с ее непогодами, да притом Тимура не могли особенно привлекать бедные северные края... Вздохнул свободно русский народ; спасение от страшного погрома он видел в небесной помощи. Церковь наша установила праздник Сретения Богоматери, 26 августа. С этого времени образ этот остался в Москве, в Успенском соборе.

Золотая Орда после погрома казалась совсем не опасной великому князю. Он по совету молодых бояр стал действовать решительнее. Несколько ханов сменилось в Орде, а Василий и не думал ехать туда на поклон, даже и посольства не посылал. Когда требовали от него дани, он отговаривался тем, что земля его так оскудела людьми, что и дань не с кого брать; а между тем она собиралась, но шла в казну великокняжескую.

Над послами ханскими и гостями ордынскими стали уже посмеиваться в Москве.

В то время в Орде заведовал всеми делами князь Едигей. Терпел он долго пренебрежение Москвы, наконец решился напомнить московскому князю о себе; но уже смелости напасть явно на Москву у татар не хватало. Едигей дал знать в 1408 году Василию, что хан со всей Ордой хочет ударить на Литву, а сам внезапно, к ужасу москвичей, устремился с огромными силами к Москве. Застигнутый врасплох Василий не успел изготавиться к отпору. Он оставил своего дядю, Владимира Андреевича Храброго, и братьев защищать столицу, а сам удалился в Кострому, надеясь, что Москва, с ее крепкими стенами и пушками, продержится долго, а тем временем ему удастся собрать войско. Владимир Андреевич сжег посады вокруг Кремля, чтобы не дать прикрытия татарам, и изготавился к бою. Татары в конце ноября осадили Кремль; но приступы делать опасались. Между тем татарские шайки рассыпались по областям великокняжеским; начались обычные ужасы опустошения: города и села татары выжигали, церкви и монастыри грабили, попавшихся в плен убивали или угоняли толпами в неволю. Но Москвы взять не удалось Едигею. Он окружил ее и думал заморить защитников голодом. К счастью русских, в Орде в это время случилась беда: какой-то татарский царевич напал на хана, и он звал к себе Едигея как можно скорее на помощь. Три недели уже Москва была в осаде; хлебные

запасы стали истощаться, и защитникам грозил голод; как вдруг Едигей предложил снять осаду, если ему дадут откуп. Осажденные с радостью уплатили три тысячи рублей, и татарские полчища отступили от Москвы. Вся Русская земля после набега Едигея от Дона до Белоозера была страшно разорена; целые области запустели. Кто избавился от смерти сам, тому пришлось оплакивать смерть близких людей и гибель своего имущества.



Л. Ильцен Оборона Московскою Кремля

Уходя из русских владений, Едигей отправил великому князю следующее письмо: «Великий хан послал меня к тебе с войском, узнав, что дети Тохтамышевы (враги хана) нашли убежище в твоей земле. Ведаем, что происходит в областях московских: вы ругаетесь не только над купцами нашими, не только всячески тесните их, но и самих послов ханских поднимаете на смех. Так ли водилось прежде? Спроси у старцев. Русская земля была нашим верным улусом: держала страх, платила дань, чтит послов и гостей ордынских. Ты не хочешь знать этого — и что же делаешь? Когда Тимур (Кутлук) сел на царство, ты не видел его в глаза, не прислал к нему ни князя, ни боярина. Минуло царство Тимурово; Шадибек 8 лет властвовал; ты не был у него! Ныне царствует Булат уже третий год; ты, старейший князь в русском улусе, не являешься в орду! Все дела твои недобрые. Были у вас нравы и дела добрые, когда жил боярин Феодор Кошка и напоминал тебе о ханских благотворениях. Ныне недостойный его сын Иван — казначей и друг тебе; что скажет, тому и веришь, а думы старцев земских не слушаешь. Что же вышло? — разорение твоему улусу. Хочешь ли княжить мирно? Призови в совет старейших добрых бояр, пришли к нам одного из них с древними оброками, какие вы платили царю Чанибеку, чтобы не погибла вконец твоя держава. Все писанное тобою к ханам о бедности русского народа — ложь: мы ныне сами видели твой улус и узнали, что ты собираешь в нем по рублю с двух сох. Куда же идет серебро? Земля Русская осталась бы цела и невредима, когда бы ты исправно платил ханскую дань; а ныне бегаешь как раб! Размысли и научись!».



А. Васнецов Гонцы. Утро в Кремле

Из укоров и жалоб этого письма видно, как сильно уже изменились отношения московского князя к Орде.

Много еще беды русским могли причинить татары; но уже ясно было видно, что владычеству их над укрепшей Русской землей приходит конец. Внезапные нападения их начинали походить все больше и больше на разбойничьи набеги, а дань княжеская обращалась в подачку хищникам, чтобы откупиться от их разорительных набегов.

Опаснее татар для Москвы становился западный сосед ее — Литва. В то время как московские князья собирают разрозненную северо-восточную Русь в одно целое, такое же стремление обнаруживают литовские князья, захватывая юго-западные русские земли в свои

руки. Столкновение Москвы с Литвой должно было произойти рано или поздно. Василию Дмитриевичу уже пришлось три раза выводить свои войска против тестя своего литовского князя Витовта, но до войны дело не дошло.

Литва

Литовцы и верования их

Небольшое литовское племя, как известно, издавна занимало долину реки Неман, распространяясь отсюда по Балтийскому поморью на юг до нижнего течения Вислы, к северу — далее Западной Двины. В X-XI веках это племя распадалось на несколько народцев: летгола (латыши), жемгала, корсь, жмудь, литва (это имя сделалось потом общим для всего племени), пруссы и ятвяги.

Разделившись небольшими поселками в бедной местности среди дремучих лесов да топких болот и мелких озер, эти народцы мало сносились с другими племенами и долго хранили свои старозаветные нравы и обычаи, сроднившись с мрачными и заповедными своими рощами.

До XIII века даже вовсе и не упоминается о городах литовских. Говоря о походе Болеслава III на пруссов, 1110 года, одна хроника говорит: «Болеслав вошел в их землю зимою по льду замерзших озер и болот, представлявших единственный путь в их страну; но, переправившись через озера и болота и достигнув населенной страны, он не мог остановиться на одном месте, не мог занять ни замков, ни городов, которых там вовсе нет, ибо страна защищена только естественным местоположением своим, составляя острова среди озер и болот».

Другой хроникер, говоря о походе на ятвягов (1192 год), так отзывается о них: «Народ жестокий и более свирепый, чем дикие звери; страна их недоступна по причине обширных пущ, непроходимых лесных дебрей и вязких болот». Поляки, ворвавшись в страну эту, «предавали пламени храмы, мызы, села, возвышавшиеся здания и житницы, наполненные хлебом. Городов же у

них нет; они, подобно диким зверям, незнакомы с городскими стенами».



Литовский бог Перкунас

До XIII века не было у литовского племени и сколько-нибудь определенного государственного строя. Упоминаются вожди, которые были, вероятно, не более как старшинами отдельных волостей. Волости эти не были связаны между собой общей государственной властью; каждая из них и каждый вождь действовали по своей воле.

Общие нравы, обычаи, язык и особенно верования — вот что поддерживало племенную связь между разрозненными поселками народцев литовского племени.

Литовцы, как и славяне, верили в верховное божество, подобное славянскому Сварогу, богу неба, отцу богов. Оно, по понятию литовцев, жило на небе, в

великолепных чертогах, откуда созерцало весь мир и направляло его жизнь, но больше всего наслаждалось божественным покоем. Особенного общественного богослужения в честь этого верховного бога у литовцев не было.

Кроме этого божества, литовцы признавали множество богов и богинь. Наиболее выделялись из них следующие: Перкунас (славянский Перун) — могучий громовержец, Поклус — бог ада (пекла) и Атримпос — бог воды.

Главное место богослужения, так называемое Ромново (что значит место покоя и благочестия), устраивалось в роще у большого дерева. Под ветвями векового дуба стоял здесь идол Перкуна, изображавший мощного мужа с кремнем в руке; с одной стороны его ставили Поклуса в виде безобразного старца, держащего черепа человеческий и животных, а с другой — Атримпоса, представлявшего юношу с чашей воды, прикрытой снопом; в чаше находилась змея. Змеи (ужи) хранились также в пне священного дуба.

Пред идолом Перкуна помещался алтарь, на котором пылал неугасимый священный огонь — Знич. По сторонам расположены были жилища жрецов. Все священное место окружалось стеною; над воротами, у главного входа в Ромново, высилась башня, где жил главный жрец. Меньшие священные места были по разным областям, и там, а равно и в домах, чествовались меньшие боги, которых, по верованию литовцев, было великое множество.

Литовцы верили в загробную жизнь, где надеялись наслаждаться всевозможными благами и владеть всем, что им было дорого на земле. При погребении умерших с ними сжигали все, что было у них лучшего, — утварь, дорогие украшения, оружие, коня, а нередко и любимого слугу...



Литовцы из окрестностей Вилкомира

Главный верховный жрец назывался криве-кривейто, то есть жрец жрецов. Он избирался из среды других жрецов — кривейтов. Редко кому из простых смертных доводилось его видеть. Жил он в таинственном уединении в упомянутой башне, наблюдал за движением звезд и других небесных светил, определял времена года, считая по лунным месяцам, старался прочесть на небе волю богов и выразить ее в судебных приговорах и при особенно торжественных жертвоприношениях. Одежанием своим верховный жрец отличался от других жрецов — высоким остроконечным колпаком и белым поясом, опоясанным семь раз семь (то есть 49 раз). Как верховный, так и все второстепенные жрецы должны были вести безбрачную жизнь. Ниже кривейтов стояли вайделоты, самый многочисленный класс жрецов. Они поучали народ, возвещали ему волю криве-кривейто. Они оказывали сильное влияние на народ, могли возбудить его и направить на то или другое дело: войны, на которые они поднимали народ по воле верховного жреца, отличались необычайной жестокостью. Как

среди литовских божеств были женские, так и между жрецами были жрицы-вайделотки. Это были девы, обязанные отказаться навсегда от замужества: они должны были поддерживать на алтаре неугасимый огонь — Знич. Если же он погасал по недосмотру вайделотки, то виновная сжигалась, а огонь вновь добывался из кремня, который был в руке Перкуна.

Литовцы и крестоносцы

Разрозненные литовские волости, связанные между собою лишь племенной связью да властью могущественного криве-кривейто, вероятно, долго еще не составили бы сильного государства, если бы исторические обстоятельства не помогли этому. Пока соседями литовцев были славяне, то есть русские и поляки, то столкновения с ними, взаимные нападения не обращались в постоянную истребительную войну: походы русских и польских князей на Литву ограничивались временным разорением пограничных поселков да собиранием дани, а вторжения литовцев в русские или польские пределы были мелкими набегами ради грабежа и добычи... Но с начала XIII века дело изменилось. На границах литовской земли появился новый грозный сосед — немцы.

В 1201 году, как известно, немцы стали твердой ногой при устье Западной Двины, основали тут город Ригу и орден меченосцев начал свою работу — завоевания и порабощения туземцев под видом просвещения их христианством; а лет тридцать спустя явилась новая община монашествующих рыцарей — Тевтонский орден. Один из польских князей, Конрад Мазовецкий, призвал их на помощь против пруссов, доведенный до отчаяния частыми опустошительными набегами последних. Тевтонский орден получил свое окончательное утверждение в 1192 году, во время последних отчаянных попыток христиан удержаться в Палестине. Рыцари этого ордена носили черную тунику и белый плащ с черным крестом на левом плече. Они, кроме обычных монашеских обязанностей, давали обет биться беспощадно с врагами веры Христовой и ухаживать за больными; только немцы благородного

дворянского происхождения принимались в эту общину. Хотя эти бойцы прославились своими подвигами на Востоке, но они ясно видели, что им не удержаться там, и потому предложение Конрада Мазовецкого пришлось им по душе: пред ними открывалось широкое поприще для подвигов, притом поближе к родине. Послы Конрада в 1225 году предложили магистру ордена во владение область Хелмскую, или Кульмскую, с тем чтобы он обязался за это защищать польские владения от язычников-пруссов. Император Фридрих II согласился предоставить тевтонам сверх того и все земли, какие они отнимут от пруссов, но в зависимости от него, императора. В 1230 году дело было окончательно сложено, и орден с магистром Германом Балком во главе начал свою деятельность.

В 1231 году появились на Висле впервые суда этих новых воителей — крестоносцев. Они высадились на правом берегу, как раз там, где раскинул ветви священный дуб пруссов, и воздвигли здесь крепость Торн. Напрасно язычники напрягали все силы, чтобы изгнать дерзкого нарушителя святыни, — крепость устояла. Шаг за шагом подвигались немцы в землю пруссов; городки прусских старшин падали один за другим под мечами рыцарей, а взамен вырастали грозные немецкие замки... Пробовали пруссы в чистом поле отчаянным боем (на берегах реки Сиргуны) сломить рыцарей. Напрасно! Воинское искусство было на стороне последних, и пруссы, превосходившие тевтонов почти вдвое, были разбиты.

Рыцари, занимая страну, не только строили крепости или замки, но привлекали разными льготами немецких колонистов; воины, приходявшие из разных стран помогать ордену в священной войне, получали от него земельные участки, на которых сооружали новые замки; туземцы (пруссы), уцелевшие от истребления, или бежали в Литву, или принуждались креститься и

подчиниться власти новых господ. У них отбирали детей и посылали их учиться в Германию с тем, чтобы потом, возвратившись на родину молодыми людьми, воспитанными в духе христианства, они помогали распространять его среди своих соплеменников. Словом, немцы действовали тут, как всегда, с присущей им настойчивостью и последовательностью. Как ни злобились пруссы, как отчаянно ни противились тевтонам, но, раздробленные, не имевшие общего вождя, не могли устоять... Зато далее на востоке орден встретил сильный отпор от Литвы, во главе которой теперь стоял князь, способный бороться, где можно — силою, где надо — хитростью, понимавший, что для борьбы с немцами — сильным врагом всех литовских племен — необходимо их сплотить в одно целое. Это был Миндовг, по словам современников, «хищный, как волк, и хитрый, как лисица». Ему пришлось вести войну и на севере с Ливонским орденом, от которого он хотел оборонить жителей Курляндии и подчинить их своей власти, и на юге — с Даниилом Романовичем Галицким, да вдобавок надо было еще бороться с родичами. Справиться со всеми врагами внешними и внутренними было Миндовгу не под силу. Тогда он, чтобы склонить в свою пользу ливонского магистра, выразил желание принять христианство и действительно крестился. Обрадованный папа прислал в 1252 году королевскую корону Миндовгу, который выставлял себя покорным сыном его, святейшего отца, а пред рыцарями ревностным христианином, даже завещал ордену всю свою Литву в случае бездетной смерти. Но все это было только ловкой игрой, чтобы провести врагов: он оставался в душе закоренелым суеверным язычником. «Крещение его было льстиво, — говорит летопись, — втайне он не переставал приносить жертвы своим прежним богам, сожигал мертвецов; а если заяц перебежит дорогу, когда он выезжал в поле, то уже ни

за что не войдет в лес, не посмеет и ветки сломить там». Обманувши ливонцев своим притворством, Миндовг собрался с силами и с большим полчищем литовцев вторгся в 1259 году в Курляндию и разгромил там рыцарские владения. Отряд тевтонских рыцарей прибыл, чтоб отразить литовцев, но был разбит наголову. Блестящую победу эту литовцы торжественно отпраздновали по-своему — сожжением пленных рыцарей в жертву своим богам...



Сцена из рыцарских времен

Эта победа была знаком к общему восстанию. Оно вспыхнуло повсюду в 1260 году в заранее назначенный день. Горе было христианам, не успевшим укрыться в замках и лесах! Их беспощадно избивали или забирали в неволю, жилища их обращали в пепел. Миндовг теперь решился действовать открыто: отрекся от христианства

и королевского титула, вторгся в Пруссию и нещадно опустошил ее. Два раза рыцари, получивши подкрепление из Германии, вступали в кровавый бой с восставшими и оба раза терпели решительное поражение. Только незначительную часть Пруссии удалось рыцарям удержать за собой, да и ту приходилось с трудом отстаивать от непрерывных набегов язычников.

Казалось, дело тевтонских рыцарей было окончательно проиграно; но вышло не так. Орден постоянно пополнялся новыми крестоносцами; отряд за отрядом являлись они с юга и запада, особенно когда усиливались военные действия, и потому во время войны силы рыцарей не слабели, а росли; силы же язычников значительно убывали. Притом, по смерти Миндовга, начались в Литве непрерывные смуты и усобицы; а рыцари по-прежнему неуклонно и неутомимо добивались своей заветной цели — завоевания Пруссии, и в 1253 году она была покорена после полувековой упорной борьбы.

Покончив с Пруссией, тевтонские рыцари принялись снова за Литву. Конец XIII века и первые годы XIV века прошли в опустошительных набегах литовцев на владения ордена и рыцарей на Литву. Последние сильно добивались того, чтобы утвердиться на берегу Немана; но походы рыцарей, и сухопутные, и речные, были для них неудачны, а порой и губительны.

С каким упорством и отчаянием боролись литовцы против немецкого владычества, ясно показывает такой случай.



Вооружение немецкого рыцаря в начале XV века

В 1336 году большие силы явились на помощь ордену. Великий магистр воспользовался этим, двинулся в Литву и осадил Пунэ (Поланген), острожек, куда укрывались на время опасности литовцы, делавшие набеги на владения ордена. На этот раз около четырех тысяч народу из окрестностей искало здесь спасения. Скоро оказалось, что самая отчаянная оборона не спасет осажденных. Немцы были гораздо сильнее литовцев числом, таранами разбили часть стены, которая во многих местах грозила рухнуть от подкопов; множество

из осажденных было убито и погибло во время вылазок; почти все способные к бою литовцы были переранены. Вдобавок немцам удалось зажечь стену. Сдача крепости стала неизбежной. Но смерть литовцам была милее немецкой неволи. Они сами перебили своих жен и детей, сложили их трупы на огромный костер среди крепости, зажгли его, а затем стали убивать друг друга. Начальник крепости Маргер умертвил собственноручно большую часть товарищей, поклявшись, что после истребления их лишит и себя жизни; ему помогла в этом деле одна старуха, которая отрубила топором головы сотне воинов, а затем покончила и с собою — ввиду ворвавшихся в крепость врагов. Маргер сдержал свою клятву; с горстью отчаянных храбрецов, не успевших еще пасть от его руки, он бился до последней крайности с ненавистным врагом, и когда все товарищи его пали, кинулся в подземелье, где скрыл свою жену, убил ее, а затем и самого себя. Мертвым молчанием встретил городок своего торжествующего врага, и груды тел литовских бойцов, предпочитавших смерть немецкому плену, красноречиво говорили, с какой свирепой злобой смотрели суровые литовцы на своих закованных в железо поработителей.

Постоянная и упорная борьба с немцами закалила еще сильнее и без того суровый нрав литовцев, заставила их более сплотиться и развила в них воинственность. Подаваясь под напором сильных западных и северных соседей, рыцарских орденов, литовцы направили свои силы на русский восток. Западные русские области, обессиленные удельной рознью, а затем татарским погромом, представляли для воинственных литовцев легкую добычу, тем более что многим русским могло казаться легче подчиняться соседнему и родственному племени, чем сносить иго алчных татар.



Ф. Солнцев Шлемы литовские и ливонские

В XIII веке упоминаются в летописях нападения литовских вождей на соседние русские области (Полоцк, Туров, Пинск и другие) с целью овладеть землей, а Миндовг уже утверждает свою власть на Русской земле в Новогородке и стремится завладеть другими соседними уделами и основать обширное Литовско-Русское государство. Из летописи видно, что уже в половине XIII

века к Новгородскому княжению принадлежали города: Волковыск, Слоним, Здитов и Гродно (так называемая Черная Русь); что пинские князья признавали над собой верховную власть Миндовга. Еще раньше племянники его, при содействии его, утвердились в Полоцке, Витебске и в земле Смоленской. Борьба Миндовга с Даниилом, который, конечно, не мог смотреть равнодушно на захваты русских земель, кончилась для Литвы благополучно. Сын Миндовга Войшелг помирил отца с Даниилом, выдал сестру свою замуж за Шварна, сына Даниила; а другому его сыну, Роману, отдана была в управление вся Черная Русь, но в зависимости от Миндовга.

В 1263 году не стало Миндовга: составилась заговор нескольких князей, и он был убит. Беспощадным мстителем явился Войшелг. Он еще при жизни отца постригся в монахи; но теперь, пылая чувством мести к убийцам отца, он снял с себя монашеские ризы и насытил свое чувство свирепой местью: избил всех участников заговора (одному из них, знаменитому Довмонту, удалось спастись в Пскове и послужить этому городу верой и правдой). Расправившись с врагами, Войшелг опять удалился в монастырь, отдав Литву Шварну, после которого (1267 год) опять идут в Литве споры и раздоры около трех лет. Наконец выбирают в великие князья Тройдена, а после него княжит Витен. Обоим этим князьям приходится вести борьбу с галицким князем Львом за обладание Литвой.

В 1316 году становится великим князем литовским брат Витена Гедимин, истинный основатель могущества Литвы.

Гедимин

Гедимин был таким же собирателем юго-западной Руси, каким был Иван Калита относительно северо-восточной. Сверх нескольких русских областей, попавших раньше под власть литовского князя, мы видим, что князья минские, туровские и пинские сначала делаются подручниками Гедимина, а потом уделы их были просто присоединены к Литве. Независимо существовать мелкие русские области, соседние с Литвой, конечно, не могли: Киев, Владимир-Волынский, Полоцк уже не могли больше служить опорой, и потому естественно приходилось искать защиты у сильного литовского князя. Гедимин, как искусный и дальновидный политик, действовал очень умно: он выказывал постоянно большое расположение к русским, не оскорблял их народного чувства, проявлял склонность к православной вере. Русских князей, переходивших в его подручники, он обыкновенно высоко чтил, предоставлял им управление их прежними областями. Оставаясь язычником, Гедимин был два раза женат на русских и православных женах. Своим детям он не только охотно разрешал вступать в браки с христианами, но даже позволял креститься. Благодаря этому было заключено несколько браков, весьма выгодных для Литвы. Сына своего Ольгерда Гедимин женил на дочери витебского князя, не имевшего сыновей (после его смерти в 1320 году Ольгерду достался Витебский удел), другого сына, Любарта, женил на дочери последнего волынского князя, после смерти которого Волынь досталась Любарту в 1325 году. Затем одну свою дочь Гедимин выдал за великого князя московского Симеона, другую за тверского князя, третью за сына польского короля, четвертую за

мазовецкого князя и в лице двух последних зятей приобрел себе надежных союзников в борьбе против общего врага — немецких крестоносцев. Литовские и польские ополчения нанесли несколько очень чувствительных ударов Тевтонскому ордену. Ливонский орден в это время враждовал с городом Ригой и рижским архиепископом. Уже предшественник Гедимины Витен вступил в союз с Ригой и поддерживал ее в борьбе с орденом. Той же политики держался и Гедимин. Его веротерпимость и доброе отношение к рижскому архиепископу, с которым он вел переписку через католических монахов (в это время в литовской столице, Вильне, было уже два католических монастыря), подали повод думать, что он не прочь принять крещение. До сведения папы было доведено, будто бы Гедимин даже изъявлял готовность креститься, в подтверждение чего посылалось и его послание к папе. Папа обрадовался и дал приказ Ливонскому ордену прекратить войну с Литвою, а в следующем 1324 году явились папские легаты в Ригу, и отсюда было отправлено посольство к Гедимину, чтобы условиться насчет введения христианства в Литве. Гедимин очень удивился, потребовал, чтобы ему было прочтено его послание к папе, которое по его поручению писал монах Бертольд, и заявил:

— «Я не приказывал этого писать. Если же брат Бертольд написал, то пусть ответственность падет на его голову... Если когда-либо имел я намерение креститься, то пусть меня сам дьявол крестит! Я действительно говорил, как написано в грамоте, что буду почитать папу как отца; но я это сказал потому, что он старше меня: всех стариков, и папу, и рижского архиепископа, и других я почитаю как отцов; сверстников своих люблю как братьев, а

кто моложе меня, тех готов я любить как сыновей. Я говорил действительно, что позволю христианам молиться по обычаю их веры, русинам по их обычаю и полякам по своему; сами же мы будем молиться Богу по нашему обычаю. Ведь мы почитаем одного Бога».



Великий князь литовский Гедимин

Эти слова показывают нам и веротерпимость Гедимина, и вместе с тем осторожность настоящего политика; он резко и решительно отрекается от

приписанного ему намерения креститься. Понятно почему: литовцы были еще вполне преданы своей языческой вере; жрецы имели большую силу в народе, и прояви Гедимин склонность переменить веру — он, конечно, утратил бы и доверие, и преданность своих литовцев.

Гедимин заботился о заселении своей страны и водворении в ней европейской промышленности: он призывал переселенцев с Запада, давал им всякие льготы. По западной и северной границам Литвы и Жмуди построены были крепкие замки. Явилось немало новых поселков в стране, возникли два новых и значительных города: Троки и Вильно, основание которых приписывают Гедимину. В этих двух городах он и жил попеременно, наконец столицей великого княжества Литовского стала Вильно. Здесь было главное святилище литовцев — Ромново, и понятно, что Гедимин, желавший пользоваться содействием всесильного криве-кривейто, устроил себе столицу как бы нераздельно с важнейшей литовской святыней; но веротерпимость Гедимина и тут ясно сказала: при нем был воздвигнут в Вильне православный храм Святого Николая и водворились два католических монастыря: францисканский и доминиканский. Конечно, умный князь должен был ясно сознавать превосходство христианства над язычеством; но принять христианство от католиков значило вооружить против себя и язычников-литовцев, и русских подданных, а обратиться к православию — значило опять-таки отворотить от себя язычников и вместе с тем нажить крайнюю вражду от немцев-католиков. Гедимин предпочел, оставаясь, по-видимому, ревностным язычником-литвином, в то же время оказывать покровительство христианам без различия вероисповедания, причем католики, страстно желавшие его обратить в свою религию, все еще могли не терять надежды, что это со временем им удастся.

Родственные связи, конечно, должны были его склонять в пользу православия, тем более что большинство его подданных были русские.

Русские земли, входившие в состав его владений, по крайней мере вдвое превосходили пространством собственно литовские; в дружине великого князя было очень много русских, да и новая столица Гедимины, Вильно, является в значительной степени русским городом.



Древний герб города Вильно

Все это давало Гедимину право называться великим князем литовским и русским.

Этот великий собиратель Литовско-Русского государства погиб в борьбе со злейшими врагами Литвы — тевтонскими рыцарями. При осаде одного немецкого замка он был убит. Тело его было отвезено в Вильно и здесь, подле города, на громадном костре было сожжено по древнелитовскому обычаю: в торжественной одежде и полном вооружении вместе с

любимым слугою и конем, с тремя пленниками-немцами
и с частью военной добычи.

Ольгерд и Кейстут

Внезапно погибший Гедимин не успел, вероятно, назначить себе преемника. При жизни он раздавал земли своим сыновьям на правах удельных князей; осталось после него семь сыновей, и неизвестно, почему младший его сын Явнут является обладателем Вильно и нескольких других больших городов. Пользоваться правами великого князя в глазах своих старших братьев он, без сомнения, не мог, и потому можно было опасаться распада Литовского княжества на несколько мелких уделов и усобиц их между собой. Это было бы, конечно, очень кстати для врагов Литвы: польского короля, который хотел завладеть Волынью, и особенно для двух немецких орденов.

К счастью для Литвы, неопределенное и смутное время длилось всего около пяти лет. Двое наиболее даровитых и предприимчивых из сыновей Гедимины — Ольгерд и Кейстут, сыновья одной матери и притом очень дружные между собой, спасли Литву от беды.



Великий князь литовский Ольгерд

Зимой 1345 года получены были тревожные вести о приготовлении тевтонских рыцарей к большому походу на Литву и о том, что к ним на подмогу идут из Западной Европы сильные отряды рыцарей. Медлить нельзя было; разрозненная Литва могла легко пасть под ударами их. Тогда Ольгерд и Кейстут условились внезапным нападением овладеть Вильно. Это удалось. В назначенный день Кейстут из Троков быстро двинулся на Вильно и ночью на рассвете завладел обоими замками, защищавшими город. Явнут был захвачен в плен. Скоро после этого подошедший к городу Ольгерд был торжественно возведен на великокняжеский престол (1345 год). Явнуту дали небольшой удел. Остальные

братья должны были подчиниться обстоятельствам. Совершив переворот, Ольгерд и Кейстут успели собрать достаточные силы для обороны от врагов. Когда немцы вторглись в Литву, братья в свою очередь напали на Ливонию и заставили неприятеля позаботиться о защите своих собственных владений. Поход рыцарей, грозивший сначала большой опасностью, кончился ничем. После этого крестоносцы редко затевают большие военные предприятия, а по большей части производят частные мелкие наезды (так называемые у немецких летописцев рейзы), то есть неожиданно врываются в пограничные земли, жгут села, избивают жителей, а других угоняют в плен вместе с захваченным скотом... Подобные разбойничьи набеги, ничем не отличавшиеся от набегов мелких татарских шаек, от которых страдала Восточная Русь, нередко совершались отрядами рыцарей даже без ведома орденового начальства; при этом часто не обращалось внимания на перемирие... В своей борьбе с немцами литовцы следовали их примеру: предпринимали тоже вторжения в соседние орденовые владения.

Главным героем этой непрестанной борьбы с немцами, борьбы, длившейся более тридцати лет, является Кейстут. Этот князь отличался открытым нравом и необычайной отвагой. Оставаясь ревностным язычником и литвином, он был очень любим народом. На его долю и достались пограничные с немцами области, Жмудь и часть Литвы, которые ему постоянно приходилось отстаивать с мечом в руках от немцев. Жизнь Кейстута была полна опасностей и военных приключений: два раза он попадал в руки врагов, но оба раза успевал ускользнуть из плена.

Другой брат, Ольгерд, на долю которого достались восточные части отцовского владения, преимущественно русские области, отличался свойствами, противоположными Кейстуту: это был

умный, в высшей степени осторожный и скрытый политик и в то же время необычайно деятельный. Все его планы и намерения оставались до самого своего исполнения никому не известными; когда он с войском шел в поход, никто из его сподвижников, даже самых близких людей, не знал, куда и с какой целью направляются военные силы... В противоположность брату своему, истому литвину, он, женатый на русской, усвоил себе русские народные черты, исповедовал тайно православие.

В то время как Кейстут на западе и севере стоял на страже литовской земли и народности против немцев, Ольгерд работал на юге и востоке над собиранием русских земель. Еще при жизни отца Ольгерд владел частью Литвы и Витебским уделом, доставшимся ему после смерти его тестя; затем, после смерти двоюродного брата, он присоединил к своим владениям целую Полоцкую область, таким образом, в его руках соединилась большая часть так называемой Кривской Руси.



Герб Литовскою княжества

При Гедимине и Иване Калите, собиравших русские земли, владения их разделялись целой полосой независимых областей, Чернигово-Северских, Смоленских и Тверских, и потому до столкновения Москвы с Литвою дело не дошло. Не то было при Ольгерде. Теперь соперничество должно было ясно обнаружиться. Прежде всего, дал повод к нему Новгород Великий, искавший у Литвы защиты от властолюбивых притязаний московских князей. Симеон Гордый заставляет новгородцев смириться (в 1345 году); но зато Ольгерд идет под пустым предлогом на Новгород: здесь, конечно, снова усиливается литовская партия... Замышлял Ольгерд подчинить себе и Смоленскую область: смоленские князья, очутившиеся между двумя сильными соседями, стремившимися к

захватам, должны были искать союза то одной стороны, то другой. Юрий Данилович отнимает Можайск у смоленского князя — он ищет союза Литвы, и Гедимин его поддерживает; оказывает ему помощь и Ольгерд, является его защитником от захватов Москвы; но услуги эти, конечно, не бескорыстные: сам он захватывает Ржев на Волге, смоленский пригород на границе с Тверской областью и московскими владениями-(1355 год); тогда смоленский князь пытается освободиться от литовской опеки, ищет союза Москвы и так далее. Смоленск все-таки на время еще сохранил свою самобытность; но Чернигово-Северская область была поглощена Литвою. Во время татарского ига Чернигово-Северская земля распалась на мелкие уделы; постоянные споры и ожесточенные убоицы и хищные татарские орды вконец обессиливают эту землю, и она становится легкой добычей Ольгерда: он сначала завладевает, пользуясь смутами, более сильной Брянской волостью, а затем и другими уделами (Чернигов, Трубчевск, Новгород-Северский) и раздает их своим сыновьям. Наконец, пользуясь неурядицами в Золотой Орде, неугомонный Ольгерд присоединяет к своим владениям Киевское княжество; затем ведет долгую и упорную борьбу с Польшей за Галицко-Волынское княжество и добивается в 1377 году того, что Волынь отошла к Литве.



Великий князь литовский Ягайло

Теперь, с присоединением этих русских областей к Литве, она составляет лишь незначительную часть Литовско-Русского княжества, и вернее было бы его называть Западно-Русским государством. Русские нравы, обычаи и язык все более и более распространяются в самой Литве; православие тоже, хотя медленно, мало-помалу, но все же усиливается среди литовцев. Уже в семье Гедимина были русские члены, а семейство Ольгерда почти все православное: и первая, и вторая его супруги (Мария Витебская и Юлиания Тверская) были православные, имели при себе православных

священников и воздвигали здесь церкви, детей своих воспитывали в православии. Сам Ольгерд, говорят, был окрещен в ранней молодости. Осторожный и скрытный, он старался из политических расчетов утаить это от народа, особенно от влиятельных жрецов; в одном случае уступил их настояниям и выдал им духовных лиц, ревнителей православной веры, склонявших язычников к принятию крещения. Несмотря на угрозы и мучения, они остались верны своему призванию и обратили еще нескольких язычников в православие; тогда рассвирепевшие жрецы предали их вместе с третьим ревнителем Христовой веры мученической смерти; но, кроме этого случая, не видно, чтобы в Литве воздвигались гонения на православие, и оно продолжало постепенно распространяться в верхних слоях литовского народа, то есть в княжеской семье и дружине. Наряду с русским православием, как известно, водворилось в Литве и римское католичество; но оно под названием немецкой веры было ненавистно народу, как и немцы, пытавшиеся мечом и огнем заставить население принять эту веру...

Женатый на тверской княжне, Ольгерд, естественно, втягивался в борьбу Твери с Москвой. Три раза приводил он свои полки к Москве; но здесь был достойный ему соперник — Димитрий Донской, который в свою очередь по уходе Ольгерда опустошал Тверскую область и вымещал на ней убытки, понесенные Московской областью от Литвы. Митрополит Алексей, воодушевленный любовью к родной земле, побуждал, как видно, и князя, и бояр на борьбу с Литвой и потому был ненавистен Ольгерду.

«Доныне не бывало такого митрополита, каков сей: благословляет москвитян на пролитие крови, — жаловался Ольгерд в послании к византийскому патриарху в 1371 году, — и ни к нам не приходит, ни в Киев. А кто целовал крест ко мне и убежит к нему,

митрополит снимает с него крестное целование. Бывало ли такое дело на свете, чтобы снимать крестное целование?..».

Ввиду этого Ольгерд просит патриарха назначить особого митрополита для русских областей, подвластных Литве...

Ягайло и Витовт

В 1377 году скончался Ольгерд, приняв, говорят, перед смертью схиму. После него осталась огромная семья: двенадцать сыновей и пять дочерей и, сверх того, много племянников и внуков. Преемником великокняжеского достоинства, помимо старших братьев, стал Ягелло, или Ягайло, старший сын Ольгерда от брака на княжне тверской. Начались смуты и кровопролитные усобицы. Кейстут, проведая о тайных сношениях Ягайло с Тевтонским орденом, непримиримым врагом Литвы, взял Вильно и завладел великокняжеским престолом, а племяннику дал в удел княжество Кривское и Витебское. Ягайло, конечно, не мог удовольствоваться этим; ему удалось заманить дядю на свидание как бы для переговоров и захватить его. Престарелый герой Литвы был закован и посажен в темницу, где по приказу вероломного Ягайло он был задавлен (1382 год), на радость немцам. В народе был пущен слух, будто Кейстут сам лишил себя жизни.

Сын Кейстута, Витовт, содержался под стражей в замке и, вероятно, испытал бы ту же участь, как и отец; но жена, посещавшая его в заключении, помогла ему обмануть стражу и бежать в одежде служанки из замка. Витовт нашел поддержку у немцев, злейших врагов отца, теперь готовых помогать сыну в борьбе с Ягайло, прежним их союзником, усиления которого в Литве они боялись.

Военные действия, начатые Витовтом в союзе с немцами, сначала были удачны... Ягайло, видя, что двоюродный его брат враг опасный, тем более что сторону его приняла большая часть Литвы и Жмуди, завел с ним тайные переговоры, обещал ему вернуть отцовские владения, если он отстанет от союза с

немцами. Витовт согласился: ему самому был не по душе союз с постоянными врагами литовской народности. Хотя Ягайло и не вполне сдержал свое обещание, не дал Витовту всего обещанного, но последний не выразил ему недовольства и усердно начал помогать ему в борьбе с орденом.



Великий князь литовский Витовт

Породнившись с русскими князьями, литовские князья стали все больше и больше склоняться к христианству; многие из потомков Гедимина уже были христианами. Как сказано выше, Ольгерд втайне исповедовал православие, сын его Ягайло был воспитан своею русской матерью в православной вере. Не только

вера, но и русские нравы и язык, как известно, стали сильно распространяться в Литве. Если бы дело так шло и дальше, то сменилось бы два-три поколения — и литовское племя совершенно обрусело бы и слилось бы вполне в один народ с русскими. Уже на князей литовских, православных, говоривших по-русски, породнившихся с домом святого Владимира, начинали смотреть и в других русских областях как на русских князей. Новгород, Псков, Тверь и другие русские земли, вступая в союз с литовскими князьями или признавая их власть над собой, вовсе не думали, что они изменяют русскому делу и подчиняются иноземной силе. На борьбу литовских князей с московскими можно смотреть как на спор потомков Гедимина с потомками Калиты за владычество над всей Русской землей. Те или другие взяли бы верх — все-таки обе части Русской земли, западная и восточная, соединились бы в одно целое; но случилось обстоятельство, которое надолго помешало этому соединению: великий князь литовский Ягайло, сын Ольгерда, вступил на польский престол, и Литва на время соединяется с Польшей.

Польское государство возникло почти в то же время, как и русское. Поляки по своему славянскому происхождению — родные братья русским: и по нравам, и по языку своему мало отличались от них; но во второй половине X века поляки принимают христианство от западных латинских проповедников, и с XI века мало-помалу растет рознь. Латинское духовенство и глава его, римский папа, не довольствовались церковной властью, как православное духовенство, а старались забрать в свои руки и мирские дела. Папы сильно враждовали с византийскими патриархами, стоявшими во главе восточной православной церкви, и старались подчинить ее себе. Вражда к православным от католического духовенства переходит и к мирянам.



Королева Польши Ядвига

Страдала Польша, подобно Руси, от удельных усобиц и смут; но, кроме того, здесь, по примеру соседних стран, образовалось сильное боярское сословие. Польские магнаты (бояре), владея большими поместьями, хотели в своих имениях господствовать независимо и, наконец, присвоили себе право выбирать на польский престол королей. Духовенство старалось

забрать себе побольше власти в руки; магнаты добивались того же; король не имел ни большой власти, ни такой силы, как литовские князья. Торговля и промышленность попали в руки немцев, поселившихся в Польше, а потом торговля перешла к евреям: те и другие больше всего заботились о своих выгодах; до пользы народа и государства, чужого для них, им не было дела. Понятно отсюда, почему в Польше все шло врозь. В то же время папа старался через свое духовенство заправлять ее делами, а германский император — подчинить ее своей власти...

В половине XIV столетия, со смертью Казимира III, прекратился дом Пястов, из которых обыкновенно выбирались польские короли. Магнаты предложили престол племяннику Казимира, венгерскому королю Людовику, с тем чтобы он законом утвердил все права, какими они пользовались по обычаю. Людовик согласился и вступил на польский престол; но когда он увидел, какой страшный раздор в Польше между сословиями и как трудно управлять ею, он вернулся в Венгрию, причем отнял от Польши Галицию и присоединил к своим владениям. Польские магнаты объявили своей королевой меньшую дочь Людовика, Ядвигу, и стали подыскивать ей жениха. Самым выгодным казался им Ягайло, литовский князь, который охотно посватался за нее. Сватовство это пришлось по душе и правителям-вельможам, и духовенству: первые рассчитывали, что вследствие этого брака Польша, слившись с Литвою, избавится от ее вражды и очень усилится, а духовенство надеялось распространить в Литве власть римской церкви: крестить язычников-литовцев и обратить в католичество православных. Не радовалась предложению Ягайло только Ядвига: у нее был уже другой жених. Она долго противилась браку с литовским князем, как ни настаивали вельможи. Говорят, что только епископы убедили ее: они

указывали ей на то, что она, согласившись на этот брак, послужит великому делу просвещения литовцев христианским учением и спасет, таким образом, тысячи душ, коснеющих в язычестве.

В 1386 году прибыл Ягайло в столицу Польши — Краков, крестился здесь по римскому обряду, вступил в брак с королевой и короновался. Пред этим он дал присягу соблюдать польские законы, ввести в Литве католическую веру и соединить Литовское княжество и Польшу в одно государство.



Герб княжества Польского

Крещение литовцев совершилось легко: христиан между литовскими вельможами было уже немало; язычество сильно держалось только в простом народе. Сам король со своей супругой и духовенством приехал в Вильно, огонь Перкунов велел погасить, священных змей

избить, заповедные рощи, где совершались важнейшие языческие обряды, вырубить. Язычники сначала в ужасе смотрели на истребление своей святыни и напрасно ждали, что вот-вот грянет Перкунов гром и уничтожит губителя святыни... А между тем принимавшим крещение давали белые хорошие кафтаны и красивую обувь, а королева щедрою рукой раздавала деньги. Приманка была велика для бедных литовцев: подарки соблазняли их, и они скрепя сердце принимали к себе латинских священников... До тех пор мало-помалу вместе с просвещением распространялась среди литовцев православная христианская вера, и в конце концов вся Литва обрусела бы и стала православной; теперь же, с появлением здесь католического духовенства, дело совершенно изменилось. В Литовско-Русском государстве являются две христианские религии: православная и католическая. Католическое властолюбивое духовенство очень враждебно относится к православию, старается православных обратить в католичество, вытеснить вовсе из Литвы православие. От духовенства вражда переходит и к мирянам. Таким образом, вносится в Литовско-Русское государство рознь.



Королева Польши Ядвига и литовский князь Ягайло

Союз Литвы с Польшей оказался тоже непрочным. Все православные смотрели с негодованием на преданность Ягайло полякам, а когда он потребовал было по совету польского духовенства, чтобы и русские подданные его присоединились к латинской церкви, то поднялся сильный ропот. В то же время многие литовские вельможи были очень недовольны и тем, что

их сила и значение с присоединением Литвы к Польше утрачивались. Этим воспользовался двоюродный брат Ягайло — Витовт (или Витольд). Ему помогли тевтонские рыцари, которые постоянно враждовали с Польшей. Ягайло сначала боролся с Витовтом, но наконец должен был уступить. Витовт был провозглашен великим князем в Литве, и она отделилась от Польши (1392 год). С этой поры польское правительство всеми силами старается снова присоединить Литовско-Русское княжество к Польше и наконец добивается своего. Это надолго помешало соединению обеих частей Русской земли в одно целое. А католическое духовенство, водворившись в литовско-русских владениях, продолжает всеми способами теснить православную веру. Много смуты и беды от этого возникло в юго-западной Руси!



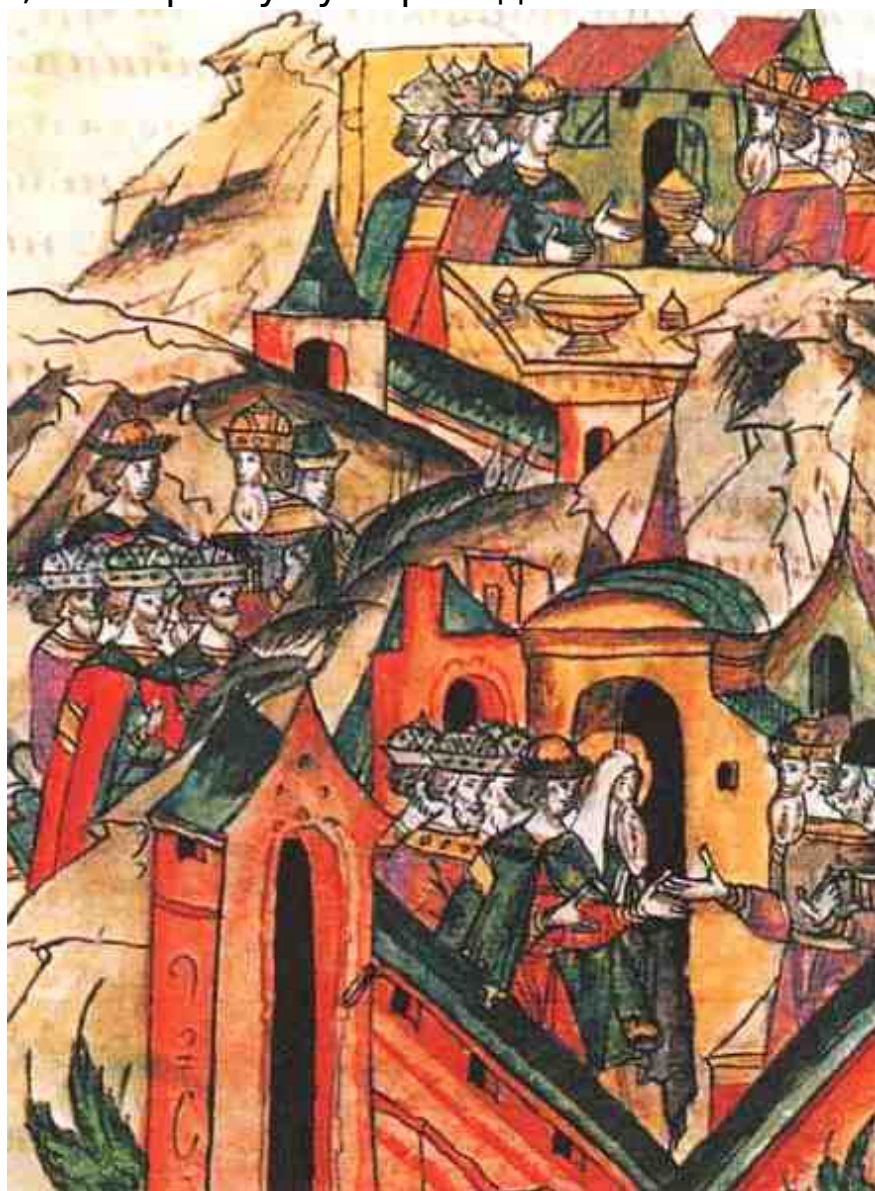
Бракосочетание Ядвиги и Ягайло

Витовт, князь очень решительный и вовсе неразборчивый в средствах, задумал увеличить свое княжество, усилиться так, чтобы ни от кого не зависеть, даже помышлял о королевской короне. Он беспрестанно был в походах: то отбивался от сильных соседей, то старался овладеть новыми землями. Дочь Витовт, София,

была замужем за Василием Димитриевичем; но это не мешало Витовту стремиться к захвату русских областей.

В Смоленске в это время шли усобицы: старший князь старался забрать в свои руки мелких удельных князей. Витовт явился под Смоленском и предложил всем князьям ехать к нему, причем давал охранные грамоты, чтобы они не опасались ничего.

— Слышал я, что между вами нет единства и большая вражда, — послал он сказать им. — Если будет между вами какой спор, то вы сошлитесь на меня, как на третьего; я вас рассужу справедливо!



***Великий князь Василий Димитриевич в гостях у
великого князя литовского Витовта. 1430
Миниатюра летописного свода***

Смоленские князья обрадовались третейскому суду сильного Витовта — думали, что он рассудит их справедливо. С большими дарами все они отправились к нему; он дары-то от них взял, а их всех велел схватить и отправить в Литву, а в Смоленске посадил своих наместников (1395 год). Потом пришлось, правда, ему вести борьбу с одним из смоленских князей, оставшимся на свободе; но все же Смоленск достался Литве очень легко.

Василий Димитриевич на этот раз не помешал своему тестю поживиться на счет русских областей; но Витовту Смоленска было еще мало: хотелось ему и в Новгороде утвердиться да и самую Москву прибрать к рукам. В это время под его покровительство отдался Тохтамыш, просил помочь ему снова воцариться в Золотой Орде и за это обязывался помочь литовскому князю добыть Москву.

Витовт долго готовился к борьбе с татарами, собрал громадное войско: тут были отряды литовские, русские, польские, было несколько сот немецких рыцарей, были и татарские отряды Тохтамыша. До пятидесяти русских и литовских князей начальствовали над войском, во главе которого был сам Витовт. Войско было бодро и хорошо вооружено. Все, казалось, предвещало блестящий успех. Выступая в поход, Витовт послал сказать хану Золотой Орды, Тимур-Кутлуку: — Бог готовит мне владычество над всеми твоими землями. Будь моим данником или будешь рабом!

Юный Тимур готов был, как говорят летописцы, подчиниться Витовту, признать его старейшим и даже дань платить. Но когда прибыл в татарский стан мурза

Едигей, старый опытный вождь, дело пошло иначе. Он съехался для переговоров с Витовтом на берегу Ворсклы.

— Царь наш, — сказал насмешливо Едигей Витовту, — справедливо мог признать тебя отцом: ты старше его летами, но моложе меня. Покорись мне, плати дань и на литовских деньгах изображай печать мою!

Насмешка эта привела в ярость Витовта. Он дал приказ начинать сражение. Один из воевод литовских, видя громадные полчища татар, советовал лучше попытаться помириться на выгодных условиях, но более юные и рьяные литовские воеводы смеялись над этой осторожностью. «Сокрушим неверных!» — кричали они.

Полчища татар были многочисленнее литовского войска; Витовт надеялся на свои пушки и пищали. Но в те времена не умели не только метко стрелять из пушек, но и с трудом поворачивали их, медленно заряжали, да и орудия были еще плохие, так что от них было больше грома, чем беды для неприятеля. Притом татары в открытом поле нападали врассыпную, небольшими отрядами: пушки им не могли нанести большого вреда. Сначала, впрочем, литовцы расстроили было полчища Едигея; но когда татары зашли в тыл литовскому войску и внезапно и стремительно ударили на него, то литовские полки были смяты. Побоище длилось до самой поздней ночи. Татары беспощадно резали, топтали, забирали толпами усталых и оторопевших неприятелей. Одних князей убитых летописец насчитывал до двадцати. Едва третья часть литовского войска спаслась. Татары гнались за бегущим Витовтом верст пятьсот до самого Киева, предавая все страшному разорению (1399 год). Но опустошением части Литовского княжества дело и кончилось: татары, видно, уже были не в силах поработить всю Литву, обложить ее

тяжелою данью, как некогда поступил Батый с нашим отечеством.

Одержав Витовт победу над татарами на Ворскле, подобную Куликовской, он вошел бы в такую силу, что и Москва не устояла бы против него.

Удачнее шли его дела на западе: здесь он сообща с польским королем нанес страшное поражение тевтонским рыцарям (при Танненберге, 1410 год).

В этой битве участвовали полки всех западнорусских княжеств; особенно отличился Смоленский полк. После погрома на Ворскле Витовт притих было, оставил в покое Новгород; но Смоленск, где пытался утвердиться прежний князь Юрий, Витовт удержал в своих руках.



Тип литовской девушки

Через несколько лет, отдохнув от поражения, он стал снова добиваться русских земель, напал на Псковскую область; псковичи и новгородцы стали искать обороны в Москве. Когда увидел Василий Димитриевич, что тесть его не довольствуется Смоленском, а добирается до других русских областей, то объявил ему войну. Три раза сходились Василий и Витовт со своими

войсками, готовые к бою, но до битвы дело не доходило: оба князя были очень осторожны. Витовт наконец оставил в покое русские области. Границей между литовскими и московскими владениями назначена река Угра. Здесь в последний раз в княжение Василия Дмитриевича встретились русские и литовские войска.

Княжение Василия II (Темного) (1425-1462)

Усобицы между московскими князьями

Умер Василий Дмитриевич в 1425 году. В своем завещании он оставлял сына под опекой матери, благословлял его великим княжением и отказывал ему все родительское наследство и свой собственный «примысл» (Нижний Новгород и Муром).

Никто из посторонних удельных князей теперь и не думал оспаривать великокняжеской власти у малолетнего Василия, как некогда оспаривали ее у маленького Дмитрия Донского; но в числе самых близких родичей нашелся соперник Василию: то был родной его дядя — Юрий Дмитриевич, князь звенигородский. Он ссылался не только на старое право родового старшинства дяди над племянником, но и на духовное завещание отца. По завещанию этому выходило, что по смерти Василия Дмитриевича мог наследовать следующий за ним брат его, то есть Юрий Дмитриевич. Завязался спор. Стали готовиться с той и с другой стороны к войне; митрополит старался унять вражду; наконец решено было отдать спорное дело на решение хана; но через некоторое время Юрий успокоился и так.



***Великий князь Василий Васильевич Царский
титулярник***

Тяжелое время было тогда на Руси. Свирепствовала страшная моровая язва, которая опустошала Русскую землю еще в последние годы княжения Василия Дмитриевича. Летописец говорит, что в это время являлись страшные знамения: от небывалой засухи (1430 год) иссякли воды; травы и леса выгорали; люди задыхались в густых облаках дыма и не могли видеть друг друга; звери, птицы и рыбы издыхали в огромном количестве; повсюду свирепствовали голод и повальные болезни. Витовт, пользуясь малолетством своего внука, начал теснить псковские владения и брать откупы с Пскова и Новгорода. Шайки татар делали разбойничьи набеги на русские земли. Наконец Юрий Дмитриевич,

который, казалось, уже успокоился, объявил войну Василию.

Василий Васильевич предложил дяде исполнить прежнее решение — отдать дело на суд хана. Дядя и племянник с боярами своими отправились в Орду. Хан Махмет нарядил суд, чтобы разобрать этот спор. Юрий ссылался на старые родовые обычаи, на завещание Димитрия Донского; но один из бояр московских, Иван Дмитриевич Всеволожский, очень ловко повернул дело в пользу своего юного князя.

— Царь верховный! — обратился он к Махмету. — Умоляю тебя, дозвожь мне, смиренному холопу, говорить за моего юного князя. Юрий ищет великого княжения по древним правам, а князь наш — по твоей милости: он знает, что княжество это — твой улус и ты можешь отдать его, кому захочешь. Ты дал свой улус его отцу, Василию Дмитриевичу, и тот, основываясь на твоей милости, передал его сыну своему. Шесть лет уже Василий Васильевич на престоле, и ты не свергнул его; значит, он княжит по твоей же милости.

Эта льстивая речь очень понравилась хану; притом ловкий боярин еще раньше успел заручиться содействием нескольких мурз, ханских сановников, которые тоже хлопотали у хана за московского великого князя. Дело решено было в пользу Василия Васильевича: хан дал ярлык на великое княжение ему и даже велел было Юрию вести коня под ним, что означало, по азиатским понятиям, полную покорность; но Василий уклонился от этого обряда: он не хотел унижать своего дядю. С Василием в Москву отправился ханский посол и торжественно посадил его на великокняжеский престол.

Но спор дяди с племянником этим не кончился; Юрий ждал только случая начать распрю.

Василий в Орде обещал Всеволожскому жениться на его дочери; а по приезде в Москву по настоянию своей матери обручился с княжной Боровской. Всеволожский

был этим жестоко оскорблен, — отъехал от московского князя к Юрию на службу и стал подбивать его к войне с Василием, которому прежде сам так усердно служил. Повод к войне скоро нашелся.



В. П. Верещагин Великий князь Василий Васильевич

На свадебном пиру у великого князя в числе гостей были оба сына Юрия: Василий Косой и Димитрий Шемяка. На первом был богатый пояс, усыпанный драгоценными камнями. Один из старых бояр рассказал Софии Витовтовне историю этого пояса: оказалось, что

он был дан Димитрию Донскому в приданое за женою, но во время свадьбы был украден и подменен другим, затем переходил из рук в руки и достался Василию Юрьевичу в приданое за женою. Софья Витовтовна, недолго думая, тут же на пиру приказала силою снять с Василия Косого пояс, который должен был по наследству достаться ее сыну. Василий Юрьевич с братом своим поклялись жестоко отмстить за это оскорбление. Оно и послужило предлогом к войне.

Василий Васильевич не успел и приготовиться к отпору, как Юрий с большой ратью напал на московские владения. Небольшая и нестройная толпа людей, наскоро набранных, с которою Василий выступил против дяди, была разбита на Клязьме, в 20 верстах от Москвы. Василий думал было бегством спастись, но был захвачен в плен. Юрий занял Москву и объявил себя великим князем. Избавиться от своего соперника насилем он не решился; напротив, по совету любимого своего боярина Морозова, он помирился с Василием Васильевичем, отдал ему во владение Коломну. Но скоро Юрию пришлось сильно пожалеть об этом. Только что Василий Васильевич водворился в Коломне, как бояре московские и служилые люди стали толпами переходить к нему; вся дорога от Москвы до Коломны обратилась словно в улицу многолюдного города; пешие и конные обгоняли друг друга — спешили к тому, кого считали законным своим государем. У бояр московских не могло быть большой охоты служить Юрию: у него были свои любимцы — бояре, которым пришлось бы уступить первое место. Увидел Юрий, как оплошал, послушавшись своего любимца Морозова, а Василий и Димитрий пришли в ярость.

— Ты, злодей, — кричали они Морозову, — ты ввел отца нашего в беду, ты нам издавна крамольник и лиходей!

В порыве ярости они убили Морозова и бежали от гнева отца. Понял оставленный всеми Юрий, что ему не удержаться в Москве, и скрепя сердце возвратил ее Василию, обязался даже не принимать к себе своих сыновей.

Но скоро он изменил договору; началась новая борьба. Василию Васильевичу опять не посчастливилось; он уже думал бежать в Орду, но в это время скоропостижно умер Юрий, а Москву занял Василий Косой, который уж ровно никаких прав не имел на московский престол и не мог долго удержаться на нем; даже родные братья не поддержали его. Он попал в плен к великому князю, и тот в порыве вражды поступил с ним бесчеловечно — велел его ослепить. На время усобица притихла.

Шемяка заключил с великим князем договор, в котором изъявлял ему свою покорность, и вернулся в свой удел; но в сердце он затаил глубокую вражду к Василию Васильевичу и только выжидал удобного случая, чтобы начать борьбу с ним.



П. Чистяков Великая княгиня Софья Витовтовна на свадьбе великого князя Василия Тёмного в 1433 году срывает с князя Василия Косого пояс, принадлежащий некогда Димитрию Донскому

В 1437 году хан Улу-Махмет, изгнанный братом из Золотой Орды, искал убежища с отрядом своим на русской границе и засел в Белеве; но Василий послал против него сильное войско. Хан просил у Василия мира, давал сына своего и нескольких мурз в заложники, обязывался стеречь Русскую землю и не требовать никаких выходов; но русские воеводы не шли на эти условия. Тогда Махмет хитростью одолел русских, прошел за Волгу и засел в запустелом городке Казани. Здесь он поставил себе деревянный город на новом месте. В несколько месяцев Казань наполнилась

населением; сюда шли поселенцы из окрестных мест: болгары, черемисы; шли даже из самой Золотой Орды, из Астрахани, из Азова и из других мест. Таким образом, Улу-Махмет положил начало Казанскому царству по соседству с Москвой. С этих пор начинаются набеги казанских татар на русские земли.



В. П. Верещагин Василий Темный и его сын

Первый их набег удалось отразить. В 1445 году опять шайки Махмета показались в русских пределах. Великий князь выступил против них с небольшим отрядом, но подле Суздаля был разбит и захвачен в плен. Обрадовался Шемяка, стал упрашивать хана, чтобы он не отпускал пленника на княжение; но Василию удалось освободиться из плена: он обещал

заплатить хану огромный выкуп за себя. Пришлось для этого собирать большие подати с народа. Поднялось неудовольствие. Ропот усилился, когда Василий стал принимать к себе на службу татарских мурз, раздавать им русские области в управление. Стали ходить слухи, будто Василий Васильевич тайно условился с ханом занять Тверское княжество, а всю московскую землю отдать ему. Димитрий Шемяка спешил воспользоваться этими слухами: не мог он ждать себе добра от Василия Васильевича, знавшего о сильной его вражде к себе. Слухам о беде, грозящей всей Русской земле, поверили тверской князь Борис Александрович и князь можайский Иван Андреевич и стали сноситься с Шемякой и некоторыми недовольными московскими людьми. Решено было свести Василия Васильевича с московского престола.

Раз, когда великий князь отправился из Москвы на богомолье в Троицкий монастырь, Шемяка вместе с князем можайским напал ночью врасплох на Москву. Заговорщики схватили жену и мать великого князя, разграбили его казну, перехватывали верных бояр. В ту же ночь князь можайский с отрядом своих, Шемякиных, воинов поспешил к Троицкому монастырю. Утром на другой день, во время обедни, великий князь получил весть, что на него идут Шемяка и Можайский. Он не поверил.

— Может ли быть, — говорил он, — чтобы братья пошли на меня, когда я с ними в крестном целовании?

Однако на всякий случай послали разведчиков; но Можайский повел дело очень ловко: приказал собрать множество саней, положить в них по два воина, покрыть рогожами, а за каждым санями идти по одному человеку. Разведчики Василия подумали, что это идет простой обоз с товаром. Подъехал этот обоз к ним поближе; тогда ратники выскочили из возов и перехватили оторопевших людей Василия. Никто из них

не убежал, да и бежать было бы трудно: в ту пору на дороге лежал глубокий снег.

Увидел врагов великий князь, когда они были очень уж близко. Бросился он в конюшню — там не оказалось ни одной оседланной лошади. Все люди его растерялись от страха и не знали, что делать. Тогда Василий кинулся в Троицкую церковь и стал молиться. Монастырский двор наполнился ратниками. Раздавались крики: «Где великий князь?».

Василий, услышав из церкви голос князя Можайского, закричал:

— Братья, пощадите меня! Дозвольте мне здесь остаться, смотреть на образ Господень; здесь я постригусь, здесь я и умру!

Затем он взял икону с гроба святого Сергия, вышел с нею из церкви к князю Можайскому.

— Брат, — сказал он, — здесь, в этой самой церкви, у гроба преподобного Сергия целовали мы животворящий крест и вот эту самую икону, клялись не мыслить друг на друга никакого лиха, а теперь и не ведаю, что надо мною творится!

Князь Можайский успокаивал его, говорил, что они не замышляют ему зла, а хотят только избавить Русскую землю от тяжкого платежа татарам выкупа. Василий поставил на место икону, упал пред гробом святого Сергия и стал громко молиться. Слезы его и рыдания тронули даже и врагов; некоторые из них прослезились. Князю Можайскому трудно было смотреть на это: он наскоро перекрестился, вышел из церкви и сказал одному из Шемякиных бояр: «Возьми его!»



***Ослепление великого князя московского Василия II
Васильевича Миниатюра летописного свода***

— Где же брат, князь Иван? — спросил Василий, помолившись.

— Взят ты великим князем Димитрием Юрьевичем! — ответил боярин, схватив его грубо за плечи.

— Да будет воля Божия! — проговорил несчастный пленник.

Взят он был 13 февраля 1446 года, привезен в Москву, а 16 февраля по приказу Шемяки его ослепили. При этом велено было ему сказать: «Зачем татар привел ты на Русскую землю и города с волостями отдал им в кормление? Зачем татар без меры любишь, а христиан без милости томишь? Зачем золото, серебро и всякое имение отдаешь татарам? Зачем ослепил князя Василия Юрьевича?».

Так старался Шемяка оправдать свое злодейство, придать ему вид наказания за проступки.

Ослепленный князь с женой был сослан в Углич.

Затем захвачены были и все дети Василия и отправлены также в Углич, в заточение. Шемяка, забрав в свои руки великокняжескую власть, занял Москву; но трудно ему было здесь усидеть. Хотя были у него доброхоты из московских бояр, но все же сторонников Василия было больше. Некоторые из них бежали из Москвы в Литву; другие составили заговор освободить Василия из Углича. Увидел Шемяка, что ему не княжить спокойно, пока ослепленный им князь будет в заточении. Притом и митрополит Иона чуть не каждый день твердил ему:

— Сделал ты неправду! Выпусти Василия и детей его, сними грех с души своей! Что тебе может сделать слепец да малые дети?



Ф. Солнцев Настольное Евангелие конца XIV века

Шемяка решился освободить Василия, помириться с ним, дать ему власть. Он поехал в Углич, взял с собою епископов и игуменов. Приехав туда, он каялся перед Василием, умолял его о прощении. Василий в свою очередь, казалось, искренне сознавал и свои неправды.

— Заслуживал я и смертной казни, — кротко говорил он, — но ты, государь, явил милосердие свое ко мне, не погубил меня с моими грехами и беззакониями, дал мне время покаяться!

При этом слезы обильно текли из слепых глаз Василия. Казалось, враги помирились и всякая злоба и вражда улеглись в их сердцах. На радостях Шемяка даже задал большой пир; Василий дал ему клятвенные грамоты не искать великого княжения; а Шемяка щедро одарил Василия и дал ему во владение Вологду.

Шемяку в Москве не любили. Захватив неправдою власть, он постоянно опасался измены; своих бояр и сторонников щедро награждал и всячески мирволил им, а тех, которые не выказывали ему особенной преданности, теснил. Его доброхоты могли творить всякие неправды и насилия, а управы и защиты от них на суде у него найти нельзя было. Несправедливость его вошла даже в поговорку: всякий корыстный и неправедный суд народ стал звать «Шемякиным судом».

Как только Василий получил свободу и водворился в Вологде, приверженцы его толпами бросились к нему. Сначала он, казалось, затруднялся нарушить обещание; но игумен Кирилло-Белозерского монастыря разрешил ему клятву: клятва, данная в Угличе, по словам игумена, была незаконна, потому что дана в неволе и страхе. К Василию спешили на помощь не только его московские доброхоты, но и те, которые бежали в Литву. Приходили они с людьми своими, с вооруженными отрядами. У Василия скоро собралась порядочная сила. Можно было попытаться добывать Москву. Шемяка с князем Можайским приготовились к борьбе. Небольшой отряд Василия осторожно пробрался к Москве, ночью врасплох ворвался в открытые ворота и завладел Кремлем. Бояре Шемяки и Можайского были схвачены и закованы, а москвичи приведены к присяге великому князю Василию Васильевичу. Когда Шемяка и Можайский узнали об

этом, когда они увидели, как люди бегут от них толпами, а рать Василия с каждым днем все растет да растет, то поняли, что им остается только искать спасения. Запросили они мира у Василия Васильевича, каялись в своих проступках, давали обеты верности, обязывались возвратить все захваченное в Москве: казну, драгоценные кресты, иконы, древние грамоты; просили только, чтобы Василий позволил им остаться в их наследственных уделах.

Василий помирился скоро с князем можайским; наконец, по просьбе родичей заключил мир и с Шемякой, но взял с него так называемую «проклятую грамоту». Она заключалась такими словами: «Если преступлю обеты свои, да лишусь милости Божией и молитвы святых угодников земли нашей: митрополитов Петра и Алексия, Леонтия Ростовского, Сергия, Кирилла и других; да не будет на мне благословения епископов русских и прочих».

Но и клятвы не помогли; Шемяка не унялся: везде заводил крамолу — между удельными князьями, в самой Москве, в Новгороде; старался всюду зажечь вражду к Василию, винил его в поблажке татарам, а сам в то же время вел тайные переговоры с казанским ханом; захваченных в Москве грамот и ярлыков не возвращал, — словом, и не думал исполнять своих обещаний. Наконец, были перехвачены его грамоты, из которых ясно было видно, что он старался поднять мятеж в Москве против великого князя. Тогда Василий Васильевич отдал дело на суд духовенства. Этот суд во имя Бога, казалось, один мог обуздать Шемяку, не знавшего человеческой справедливости. Ему было отправлено грозное послание от лица всего русского духовенства за подписью пяти владык и двух архимандритов. Духовенство всегда стояло за единовластие, всегда старалось противоборствовать

усобицам и смутам; в этом послании оно высказывалось в пользу престолонаследия от отца к сыну.



Ф. Солнцев Старинный кинжал

«Ты ведаешь, — говорится в грамоте, — сколько трудился твой отец, чтобы присвоить себе великое княжение вопреки воле Божией и законам человеческим, лил русскую кровь, сел на престоле и должен был оставить его; уехал из Москвы только с пятью слугами и сам звал Василия на престол; затем снова похитил его. И долго ли пожил? Едва достиг желаемого, и вот уже в могиле, осужденный Богом и людьми! А брат твой? В гордости и высокоумии резал он христиан, иноков, священников, а благоденствует ли ныне? Вспомни и собственные дела свои. Когда безбожный царь Махмет стоял у Москвы, ты не хотел помочь государю и был виною христианской гибели. Сколько истреблено людей, сожжено храмов, поругано

святыни? Ты, ты будешь ответственовать Всевышнему! Напали варвары, великий князь много раз посылал к тебе, молил идти с ним на врага, — но тщетно! Пали верные воины в крепкой битве: им вечная память, а на тебе кровь их! Господь избавил Василия от неволи: ослепленный властолюбием и, презирая святость крестных обетов, ты, второй Каин и Святополк в братоубийстве, разбоем схватил, злодейски истерзал его, — на добро ли себе и людям? Долго ли господствовал и в тишине ли? Не беспрестанно ли волнуемый, мучимый страхом, спешил ты с места на место, томимый днем заботами, ночью сновидениями? Хотел большого, но погубил свое меньшее. Великий князь снова на престоле и в новой славе: данного Богом человек не отнимет. Одно милосердие Василия спасло тебя. Государь еще поверил клятве твоей и опять видит измену... Пленяемый честью великокняжеского имени, суетной, если она не Богом дарована, или побуждаемый златолюбием, ты дерзаешь быть вероломным, не исполняя клятвенных условий мира: именуешь себя великим князем и требуешь войска от новгородцев будто бы для изгнания татар, призванных Василием и до сих пор не отсылаемых. Но ты виною сего: татары немедленно будут высланы из Русской земли, когда истинно докажешь свое миролюбие государю. Он знает все твои происки. По твоему совету казанский царевич оковал цепями московского посла. Уже миновало шесть месяцев за срок, а ты не возвратил ни святых крестов, ни икон, ни сокровищ великокняжеских. И так мы, служители алтарей, по долгу своему молим тебя, господин князь Димитрий, очистить совесть, удовлетворить всем праведным требованиям великого князя, готового простить и жаловать тебя из уважения к нашему ходатайству, если обратишься к раскаянию. Когда же в безумной гордости посмеешься над клятвами, то не мы, но сам ты возложишь на себя

тягость духовную: будешь чужд Богу, церкви, вере и проклят навеки со всеми своими единомышленниками».

Не помогло и это послание. После еще нескольких попыток мирно уладить дело пришлось взяться за оружие. Под городом Галичем Шемяка был разбит московскими полками после упорной и продолжительной схватки (1450 год). Галич сдался великому князю, и он посадил здесь своих наместников. Шемяка едва мог спастись бегством. Бежал он в Новгород. Немало бед и хлопот Василию Васильевичу он наделал бы еще; но в 1453 году его не стало: он был отравлен. Подьячий, который привез в Москву весть о смерти его, был пожалован в дьяки.

Со смертью Шемяки кончились усобицы за великокняжескую власть. Борьба Василия Васильевича сначала с дядей, а потом с двоюродными братьями была единственной в потомстве Калиты.

Этой усобицей только на время был задержан рост Москвы. К счастью, никто из соседей не мог воспользоваться ее бедой и погубить дело собирателей Русской земли. Прежние соперники их, князья рязанский и тверской, были уже так слабы, что им и на мысль не приходило господство над Русской землей; им оставалось только выбирать, кому подчиниться: московскому или литовскому князю?

Литва, главный враг Москвы, в это время была неопасна: после смерти Витовта в 1430 году в Литве начались тоже смуты и долго шли кровавые усобицы. Свидригайло, брат Ягайло, вел борьбу с Сигизмундом, братом Витовта, за обладание Литвой. Кончилась эта усобица с избранием в литовские князья второго сына Ягайло — Казимира. При нем в 1447 году Литва снова соединилась с Польшей.

Исконный враг Русской земли, Кипчакская орда, во время смут в московском княжении совсем ослабела. От нее отделились два больших ханства: Казанское и

Крымское. Улу-Махмет, как сказано уже, положил начало Казанскому царству, а один из потомков Тохтамыша, Азы-Гирей, — Крымскому. Долго еще пришлось страдать Русской земле от внезапных нападений татарских шаек; много еще разорения, беды и горя причиняли они своими разбойничьими набегами; но все же о прежнем владычестве татар уже не могло быть и речи.



А. Васнецов Старорусский город

На юге, по Украине, где вечно грозила беда от набегов татар и приходилось постоянно отбиваться от них, тревожная военная жизнь стала все больше и больше входить в нравы жителей. Из ратных людей, пограничной стражи и людей вольных, которым по душе были степной простор и боевая жизнь, стало складываться мало-помалу казачество.



***Митрополит Алексий с житием Дионисий Икона. XV
век***

Василий Темный, как прозвали его, княжил после смерти своего врага Шемяки почти десять лет. Кроме владений последнего, Василий примыслил и еще земли: он завладел уделом князя можайского, другого противника своего, который бежал в Литву; потом великий князь за какую-то вину велел заключить в Москве князя серпуховского Василия Ярославича, брата своей жены, а владения его присоединил к Москве. Оставался в Московском княжестве только один удел — Верецкий. Но здешний князь Михаил Андреевич княжил так спокойно, так повиновался во всем великому князю, что и повода не было отнимать у него волость. И так Василий Темный, князь слабый, вероломный, среди смут и несчастий все же продолжал дело московских князей, «собирателей земли Русской», удержал не только дедовские и отцовские владения и примыслы, но и уничтожил почти все уделы в Московском княжестве. Не мог бы он, конечно, не только этого сделать, но и усидеть на престоле, если бы у него не было надежных пособников. Сильное московское боярство и духовенство поддерживали его. Собрание Русской земли под одной властью и престолонаследие от отца к сыну становились уже крепким обычаем.

Не упускали из виду Василий и его советники-бояре и других русских областей. Когда Литва ослабела от усобиц, то рязанский князь Иван Федорович подчинился Москве. Перед смертью он отдал под опеку великому князю своего малютку сына. Василий перевез его в Москву и, за малолетством его, послал в Рязань и другие города Рязанского княжества своих наместников.

Новгород Великий, пользуясь смутами в Московском княжестве, думал сделаться совсем независимым. Вече стало без согласия великого князя вступать в договоры, выдавать грамоты, сноситься с Литвой. Наконец, новгородцы принимали к себе с почетом и помогали врагу великого князя — Шемяке. В 1456 году великий

князь принял решительные меры, чтобы смирить Новгород. Лучшие московские воеводы, Стрига-Оболенский и Федор Басенок, повели войска против Новгорода. Новгородская рать была разбита, и новгородцы принуждены были уплатить откуп (8 500 рублей), обязались снова плавить черный бор (подать) и не давать без согласия князя вечевых грамот. В половине XIV века Псков, бывший прежде пригородом Новгорода, добился независимости от него, начал называться его «младшим братом». Псковитяне стали сходиться, подобно новгородцам, на веча, выбирать себе посадников и прочих, но не особенно ладили с Новгородом, а между тем Псковскую землю теснили ливонские немцы, и нужна была сильная защита. Вот почему Псков искал покровительства Москвы и принимал к себе из рук великого князя наместников. Зависимость Пскова от Москвы становилась с XV века все сильнее и сильнее.

Итак, несмотря на внутренние смуты и усобицы, значение Москвы не поколебалось. Власть московского великого князя высилась и крепла на русском северо-востоке. Если и удержались еще некоторые удельные князья, то с условием — повиноваться московскому великому князю, держать, как говорилось тогда, имя его «честно и грозно».

Флорентийский собор

В первой половине XV столетия и в русской церкви были смуты и неурядицы. Начались они еще при Димитрии Донском и митрополите Алексии. Литовский князь Ольгерд не мог потерпеть, чтобы его православные подданные подчинялись московскому митрополиту, тогда как Литва была в постоянной вражде с Москвой, и наконец добился того, что для юго-западной Руси, подвластной ему, константинопольский патриарх поставил отдельного от Москвы митрополита Киприана. Так православная русская церковь поделилась на две митрополии: Киевскую и Московскую. Они то соединялись, то вновь разделялись. Митрополиты присылались из Византии и родом были обыкновенно греки. Последним московским митрополитом из греков был Исидор.

Византия тогда доживала свои последние дни; почти все владения ее попали уже в руки турок; только столица с небольшой областью оставалась еще во власти императора. Дни Византии были сочтены; одна только надежда поддерживала императора — надежда на Западную Европу. Было время (XI-XIII столетия), она высылала сотнями тысяч своих воинов на борьбу с Востоком. Шли ее отважные бойцы под знаменем креста биться не на жизнь, а на смерть с беспощадными врагами христианства — мусульманами, биться за поруганную святыню, за угнетенных христиан, за освобождение Святой земли. И не напрасно проливали свою кровь крестоносцы. Им удалось вырвать из рук мусульман Святую землю; но прошло время горячего воодушевления, охладели к своему делу народы Западной Европы!..

Турки мало-помалу отняли у них ту Святую землю, которую предки их полили своею кровью и усеяли своими костями. Полудикая орда турок в XIII веке выдвинулась из Средней Азии и стала теснить восточные византийские владения. Слабые, изнеженные византийцы не в силах были бороться с воинственными соседями; одна за другой византийские области попадали в руки турок; сила их становилась все грознее и грознее... Война с иноверцами, грабеж и истребление были не только любимым, но даже и священным делом для турок: они были магометане, а Магомет заповедал своим последователям силой водворять всюду магометанство и истреблять огнем и мечом всех иноверцев. В половине XIV столетия турецкие знамена развевались уже на европейском берегу, а в 1361 году Адрианополь обратился в столицу турецкого султана Мурада I. В 1389 году, девять лет спустя после знаменитой Куликовской битвы, где русские мечом добыли себе надежду на освобождение от татарского ига, происходило другое страшное побоище на Коссовом поле. Здесь южные славяне — сербы и болгары — отчаянно бились с закаленными в бою полчищами Мурада за свою свободу; здесь они надолго похоронили ее!..



Святой Киприан, митрополит Московский

Турки завладели почти всем Балканским полуостровом. Очередь была за Константинополем... Но императору думалось, что еще не все потеряно; что может еще явиться помощь. Откуда же было ждать ее, как не от христианского Запада, который уже раньше испытал в борьбе с мусульманским Востоком свои силы, и испытал с успехом? Да и как было не рассчитывать

императору на помощь Запада? Ведь, казалось бы, и для западных государей неудобно было впустить в Европу, в близкое соседство к себе, сильную полудикую орду, для которой не было завета выше истребления или порабощения христиан. Но вот беда: четыре века уже длилась вражда между восточной церковью и западной. Рознь и вражда явились больше всего потому, что римский патриарх, или папа, владыка западной церкви, считая себя главным наместником Христа на земле, хотел, чтобы его признали все христиане единым верховным пастырем всей христианской церкви, которому дана власть самим Богом «связывать и разрешать». Велика была власть пап — могучие государи Запада преклонялись перед этими гордыми преемниками смиренного Христа; но не преклонились византийские патриархи, а за ними и другие восточные патриархи... С XI века (споры и несогласия были уже и раньше) начался этот церковный раскол, и зародилась вражда сначала между папой и восточными патриархами, потом перешла она к прочему духовенству, наконец и к мирянам. Вот в чем была помеха для союза западноевропейских государей с Византией. Понимал император, что помочь ему в борьбе с турками может только покровительство Рима. Хотя папы в это время уже не были так могучи, как прежде, но все же голос их имел силу у западных государей. Папою в Риме был тогда Евгений IV. Он обещал императору Иоанну поднять всю Европу на турок, но лишь в том случае, если восточная церковь соединится в одно целое с западной, и предлагал собрать собор высших духовных лиц западной и восточной церкви, чтобы общими силами разобрать и уладить все несогласия греческой церкви с римской. Император советовался с патриархами, как быть. Некоторым вовсе не по душе был этот собор, но все понимали, какую

услугу может оказать папа погибающей Византии, и потому согласились.

Решено было съехаться на собор в Италии. Сначала собор собрался в городе Ферраре, но затем перешел во Флоренцию. Кроме императора и папы, на соборе были многие митрополиты и епископы восточные и западные. Сюда отправился и Московский митрополит Исидор. Это был человек очень ученый и красноречивый; он был родом грек и от всей души желал соединения церквей: оно казалось ему единственным способом спасти свое отечество. Но трудно было ждать чего-либо доброго от собора. Уже при открытии его начались споры о месте: император хотел, подобно царю Константину на Никейском соборе, занимать первое место, но папа не уступал, настаивая на том, что ему, как главе церкви, подобает первенство. Наконец решили спор на том, чтобы посредине церкви, против алтаря, лежало Евангелие; чтобы на правой стороне папа занимал первое место между католиками, а ниже его стоял трон для отсутствующего германского императора; чтобы византийский император сидел на левой стороне также на троне, но далее папы от алтаря. Затем, для прений со стороны западного и восточного духовенства, выбрали более ученых и красноречивых лиц. Греки выбрали трех святителей: Марка Ефесского, митрополита русского Исидора и Виссариона Никейского.



В. Суриков Флоренция

Главный спор шел об исхождении Святого Духа. Наши единоверцы греки держались учения, что Дух Святой исходит от Отца, а римляне прибавляли: и Сына. При этом они ссылались на некоторые древние рукописи, а греки утверждали, что они подложные. Пятнадцать раз сходилась собор для прений об этом вопросе. Споры становились резкими. Марк Ефесский особенно горячо ратовал против латинской ереси. Император и папа старались всеми мерами сдержать раздор; говорят, были пущены в дело даже угрозы и подкупы. Наконец греки уступили — согласились признавать учение западной церкви об исхождении

Святого Духа от Отца и Сына, а также и о том, что, кроме ада и рая, есть еще чистилище, где очищаются души от грехов для перехода в рай. Признали также, что опресноки и квасный хлеб одинаково могут употребляться при священнодействии, а главное, чего добивался папа, признали, что он — наместник Христа и глава всей христианской церкви и византийский патриарх должен подчиняться ему.



Сошествие Святого Духа Икона. Середина XVI века

6 июля 1439 года папа в главном Флорентийском соборе необыкновенно торжественно служил обедню. При огромном стечении народа папа благословлял императора, епископов, сановников. Слезы радости блеснули в его глазах, когда по его приказу громогласно с амвона читалась хартия (грамота) соединения.

«Да возрадуются небо и земля! — говорилось в ней. — Рушилась преграда между восточной и западной церковью. Мир возвратился на краеугольный камень Христа: два народа уже составляют единый; мрачное облако скорби и раздора исчезло; тихий свет согласия сияет снова!..

Да ликует мать наша церковь, видя чад своих, после долговременной разлуки соединенных снова любовью; да благодарит Всемогущего, который осушил ее горькие слезы о них!» и прочее.

Дальше идут упомянутые статьи, принятые восточной церковью после прений на соборе.

Как было не радоваться папе?! Великое дело совершилось бы, если б восстановлено было единство христианской церкви; но не шло на уступки западное духовенство; слишком заботился о своей власти и земном величии папа, и только скрепя сердце, не по убеждению, а по нужде, подписывали хартию соединения (унии) император и восточные епископы (а Марк Ефесский даже отказался и подписывать ее), — вот почему все дело оказалось непрочным, да и выгод оно никому не принесло. В Константинополе, когда узнали, на каких условиях состоялось соединение церквей, поднялось сильное волнение: народ видел в этом соединении измену православию, предательство...

Возвращался в свою митрополию и русский митрополит Исидор, сильно ратовавший на соборе за унию. Еще с дороги он разослал по русским землям окружное послание об унии, призывая христиан, католиков и православных посещать безразлично

православные и католические храмы, приобщаться одинаково в тех и других. Наконец прибыл он в Москву. Духовенство и огромная толпа народа ждали его в Успенском соборе. Явился Исидор. Пред ним несли латинский крест. Всех удивил этот небывалый на Руси обычай. Началось торжественное богослужение. Еще больше все поражены: митрополит поминает вместо вселенских патриархов папу! По окончании службы дьякон громогласно читает грамоту Флорентийского собора. Духовенство и миряне не знают, как и быть: вводятся небывалые новшества, ясно видно отступление от старины; но все это сделано собором, который именуется вселенским, упоминается, что грамота подписана византийским императором, который всегда считался главной опорой православия; упоминаются подписи многих православных епископов... Не знают, что и подумать, что сказать. Но великий князь тут же, в церкви, обозвал Исидора латинским прелестником и приказал посадить его под стражу. Созван был в 1441 году собор русских епископов, чтобы разобрать это дело. Здесь Исидор был осужден, как отступник от православия. Ему, впрочем, удалось бежать из-под стражи в Рим. Так неудачно кончилась попытка соединить восточную православную церковь с римско-католической.

После свержения Исидора великий князь послал в Грецию послов с просьбой о поставлении нового митрополита; но когда узнал, что в самом деле император и патриарх приняли унию, то вернул свое посольство назад. В 1448 году Иона был поставлен в митрополиты собором русских пастырей. Исидор был последним митрополитом из греков. После него в московские митрополиты избирались только русские.

Падение Константинополя

Не помогла церковная уния и Византии... Прошли те времена, когда папы своим словом приводили в движение народы и царей! В это время в западной церкви были страшные неурядицы: открывались всякие злоупотребления духовенства; в папы избирались лица слабые, недостойные этого высокого сана. Соборы, которые собирались, чтобы положить конец беспорядкам, часто порождали только новую смуту. Мудрено ли, что и голос папы потерял прежнюю свою силу. Папа сам рассчитывал усилить свое значение и власть соединением церквей. Но какую цену имела хартия соединения, когда в Византии ни духовенство, ни народ и слышать о ней не хотели, несмотря на все старания императора и некоторых епископов, сторонников унии? Правда, папе удалось побудить польского короля Владислава III к борьбе с турками. Отважный король, незадолго перед тем одержавший несколько побед над турками, надеясь на обещанную помощь итальянского флота, смело и быстро двинулся с небольшим венгерско-польским войском на турок. Но помощь не явилась, и в 1444 году, 9 ноября, в отчаянной битве под Варной христианское войско было разбито. Сам король погиб в этой битве.



Иона — митрополит Московский Икона. Конец XVII века

Еще около десяти лет томилась Византия между жизнью и смертью. Турки все более и более теснили этот роскошный, но слабый город; даже в окрестностях Константинополя не стало житья от притеснений и насилий турок; на просьбы и жалобы императора султан не обращал никакого внимания. Наконец турки стали

строить свои укрепления на берегу Босфора, почти у самой столицы. Дольше терпеть нельзя было, и император Константин XI увидел, что ему остается только погибнуть с честью на развалинах своего города. В душе его, конечно, еще не совсем угасла надежда, что не допустит Европа, чтобы Византия досталась туркам, и хоть в последнюю минуту, но помощь явится... Он послал просить ее у папы, а сам поспешно стал готовиться к обороне. Положение города на высоком месте, крепкие каменные стены, грозные башни, широкие и глубокие рвы — все это подавало надежду на долгую и успешную оборону: не раз уже Царьград отбивал сильных врагов от своих стен. Но расчет на помощь Запада оказался плох. Папа Николай V сильно злобился на византийцев за то, что они противились соединению церквей. Никто из западных государей и не подумал спасти погибающую Византию; только Генуя и Венеция решились ей помочь: эти города вели большую торговлю с восточными странами и в Черном море, и для них было очень невыгодно, чтобы Константинополь и проливы, соединяющие Средиземное море с Черным, попали в руки турок. Но скорой и большой помощи и отсюда нельзя было ждать. Пришлось Византии своими силами бороться — из городского населения набирать защитников. Но что это был за народ?! Когда разнеслась по городу весть о близкой опасности, многие жители, особенно богатые, стали немедленно выселяться из Византии: имущество и жизнь для них были дороже родины. Составлен был по приказу императора список добровольцев, пожелавших оборонять город. И пяти тысяч не набралось их, а населения в городе было до двухсот тысяч!.. Все это не предвещало ничего доброго...



Старинный вид Константинополя

К этой горсти людей присоединилось еще около двух тысяч иноземных наемников. Но воодушевление этой горсти героев было так велико, они принялись так усердно готовиться к бою и решимость их погибнуть под стенами города, но не сдать его, была так сильна, что у многих воскресла надежда, что свершится чудо, и эти доблестные бойцы отобьют полчища врагов.

6 апреля 1453 года началась достопамятная осада Константинополя. До трехсот тысяч закаленных в бою турок расположились вокруг его стен. Около четырехсот кораблей должны были действовать с моря. Еще полудикое, грубое турецкое племя во многом стояло ниже европейцев, но только не в военном деле. У турок

были и пушки, и стенобитные машины (тараны), и метательные: постоянно они вели войну, понятно, что должны были позаботиться о всех военных принадлежностях. На войну с христианами они смотрели как на святое дело; по верованиям их, воины, павшие в битве, занимали первое место в раю, где наслаждались всеми радостями, всеми благами, какие только могло создать пылкое воображение. При этом они твердо верили, что ни один смертный не избежит своей судьбы. Понятно, каких воинов могла дать свежая и сильная турецкая орда своему властителю-султану, по одному знаку которого всякий турок шел на верную смерть...

А в Константинополе изнеженный, малодушный народ, как только началась осада и раздался грохот орудий, совсем упал духом. Поднялся мятеж. В разъяренной толпе раздавались проклятия и папе, и императору: в нападении турок видели Божью кару за желание соединить церкви. Монахи и отшельники суровыми предсказаниями и обличениями еще больше увеличивали смуту. В ужасе растерянный народ толпился в храмах, плакал, молил Бога о пощаде, от страха переходил к надежде, от надежды к отчаянию. То передавалось из уст в уста предсказание, что скоро свершится чудо: явится ангел с огненным мечом и поразит всех врагов; то какое-нибудь зловещее предзнаменование приводило в страх и уныние суеверную толпу.

Тяжело было положение императора! Ему приходилось не только защищать город, но ободрять малодушных жителей, сдерживать волнение, остерегаться измены. Зато сподвижники его, казалось, не знали усталости, — днем с оружием в руках отражали неприятеля, ночью исправляли пробоины и проломы в стенах. Когда же турки пытались приступом овладеть стенами города, греки пускали в них стрелы, стреляли из пищалей, валили на них камни, скатывали

мельничные жернова, зажигали греческим огнем осадные турецкие башни... Несколько приступов было отбито. Но силы защитников день ото дня убывали: подкрепления не было!.. Наступило 29 мая. Магомет велел своим войскам готовиться к решительному приступу. Отчаянно бились сподвижники Константина. Сам он, в страшной сумятице битвы, при оглушающем грохоте выстрелов, криках нападающих, дикой музыке турок, не терял бодрости, являлся впереди своих воинов. Рвы у стен города наполнялись убитыми. Турки шли по трупам, рвались в город сквозь проломы в стенах; наконец сломили защитников и ворвались...



План укрепления Константинополя

— Нет ли здесь, — воскликнул в отчаянии Константин, — христианина, который лишил бы меня жизни, избавил бы меня от позорного плена или гибели от руки неверного?

Никто не отозвался. Тогда он ринулся в толпу врагов, изрубил нескольких из них и сам под их ударами пал на груды тел...

Ворвались турки, и началась зверская бойня беззащитного люда. Несчастный, обезумевший от ужаса народ метался по улицам, прятался в церквах. Огромная толпа сбилась в Софийский собор. Ждали чудесного спасения от ангела... Говорят, около сорока тысяч жителей было истреблено турками. Кровь ручьями струилась по улицам... Тысячами уводили византийцев в рабство.

Два дня позволил султан своим воинам грабить и опустошать город. Все, кроме стен храмов и зданий, было отдано в добычу им. В эти два злосчастных дня было истреблено, разграблено или повреждено то, что создавали в течение целых веков: наука, искусство и роскошь. Наконец Магомет II торжественно вступил в свою новую столицу. Великолепный Софийский собор обращен был по воле султана в главную мечеть, и на куполе храма вместо креста заблестал магометанский полумесяц!..



Константинополь вскоре после завоевания турками

Константинополь имел важное значение для русских: здесь великая княгиня Ольга, по преданию, приняла святое крещение; тут, в Софийском храме, послы святого Владимира, пораженные величием и блеском церковной службы, признали греческое богослужение выше всех других; отсюда пришли в Русскую землю и Христово учение, и церковное устройство, и книжная мудрость; отсюда же шло к нам долгое время и высшее духовенство.

Константинопольский патриарх в глазах русских был главным представителем православной веры, император — главным защитником ее, а роскошная тысячелетняя столица, с ее чудным местоположением и поразительным величием, считалась не только

главным городом православного мира, но и лучшим городом в мире, — недаром звали его Царьградом. И вот эта столица православия, эта краса городов христианских, этот царственный город разорен, поруган, в руках мусульман, заклятых врагов христиан; император погиб; патриарх — пленник султана!

Понятно, как сильно отразилось это событие на Руси. Москве теперь было уже некстати считаться ниже поработанного Царьграда, а государи московские стали мало-помалу смотреть на себя как на преемников византийских императоров, как на главных хранителей православия и древнего благочестия.



В. Зальзенберг Реконструкция собора Святой Софии в Константинополе Литография. XIX век

Скорбно повествует наш летописец о падении Константинополя и так рассуждает о причинах события: «Как конь без узды, так царство без сильной и грозной власти. Вельможи (в Царь-граде) теснили народ, богатели от слез и крови христианской; не было правды на судах, а в сердцах — мужества; воины щеголяли,

красовались одеждой своей, да в бою некрепко стояли. Господь казнил недостойных, наслал на них Магомета. И не осталось теперь ни единого православного царства, кроме русского. Сбылось предсказание святого Мефодия Патарского и Льва Мудрого, что измаильтяне овладеют Византией; сбудется, быть может, и другое, что русские одолеют измаильтян и на семи холмах ее воцарятся...».

Так смотрел простодушный летописец на событие; так, конечно, смотрели и такие же надежды питали на Руси и другие книжные люди. Царьград был в их глазах дорогим и священным городом, а турки являлись оскорбителями этой святыни, заклятыми врагами христианства.

Княжение Иоанна III (1462-1505)

Падение Новгорода

Василий Темный еще при жизни своей объявил старшего сына своего Ивана великим князем и своим наследником. Таким образом, укреплялся новый порядок престолонаследия — от отца к старшему сыну. Хотя Василий завещал волости и остальным четырем своим сыновьям (Юрию, Андрею Большому, Борису и Андрею Меньшому), но старший получил городов гораздо больше, чем все остальные братья вместе, и являлся, таким образом, настоящим великим князем, государем, а братья сравнительно с ним были только большими помещиками.

В 1462 году, 5 марта, скончался Василий II, и стал княжить Иван III.

Это был настоящий потомок Калиты. Всеми свойствами, какими отличались лучшие московские князья-скопидомы — собиратели Русской земли, обладал он: холодный, скрытный, осторожный, расчетливый, он обдумывал каждый свой шаг, каждое слово; принимался за дело только тогда, когда знал, что можно действовать наверняка, без промаха; во всяком деле он, казалось, держался пословицы: «Семь раз смерть, а раз отрежь!». Но когда все было обдумано, взвешено да смеряно, и дело было надежным и выгодным, тогда вершил его смело, не глядя уж ни на что...

С детских лет он видел вокруг себя злобу, вероломство, обман и зверство; одним своим видом слепой отец мог постоянно ему напоминать о них. Мудрено ли, что он с юных лет уже очерствел сердцем, затаился в самом себе?.. Смолodu же он мог возненавидеть и удельные порядки, принесшие столько бед и горя его отцу. Уничтожение уделов стало заветной задачей его княжения.

Новгород и Тверь были наиболее сильными из них.

Богат был Новгород; бойко шла торговля его; на вече новгородцы свободно могли толковать о своих нуждах и делах; излюбленные выборные люди творили суд и расправу. Казалось бы, тут ли не быть правде и благополучию! На деле выходило, однако, не то. В торговом городе немало было людей, которые сызмала привыкли ставить свою выгоду выше всего, вовсе не ценить благополучия других. Много жило в Новгороде богатых людей, но гораздо более было бедняков и лихих людей, способных за деньги на все. Нередко здесь богатые люди нанимали себе из них крикунов-вечников, готовых на вече за какое угодно дело кричать. Бывало, богатые люди наберут из лихих людей шайки головорезов и нападают на своих соперников и врагов, творят всякие насилия, грабежи и убийства. Иногда целые улицы, целые части города (концы) враждовали между собою, отстаивая того или другого старшину. Победит какая-нибудь сторона, вожак ее становится посадником или тысяцким и мстит, чем только может, противникам, а своим доброхотам всячески потакает и мирволит. Грубы и невежественны были даже и лучшие, то есть именитые люди тогда в Новгороде: жили изо дня в день, следуя только своим грубым страстям и порывам, не думали о том, что во всем нужны строгий порядок и законность; что неправды, насилия и всякие неурядицы рано или поздно обрушатся пагубою, если не на них самих, то на их детей.

Сила и корысть брали верх над правдой — вот в чем была главная беда Новгорода!

«Не стало в Новгороде, — сокрушается летописец, — ни правды, ни суда. В городе, по селам и волостям — грабеж, неумеренные поборы с народа, вопль, рыдания, проклятия на старейших и на весь Новгород, и стали новгородцы предметом поругания для соседей».



***Великий князь Иоанн Васильевич Царский
титулярник***

Митрополит Иона пишет в своем послании к новгородскому владыке: «Слышал я, некое богоненавистное, богомерзкое и злое дело сотворяется в вашем православном христианстве, не токмо от простых людей, но и от знатных, великих людей, от наших духовных детей: за всякую большую и малую вещь зачинаются и гнев, и ярость, и свары, и прекословия, и многонародное сбирание с обеих сторон. Мало этого, нанимают на то злое и богоненавистное дело сбродней пьянчивых и кровопролитных человек и бои замышляют, и кровопролитие, и души христианские губят».

Пока Русская земля дробилась на уделы и князья постоянно враждовали между собой, Новгород мог без

труда удерживать свою независимость; но дело изменилось, когда Северо-Восточные русские области стали объединяться около Москвы, а Юго-Западные земли слились с Литвой. Чем больше крепло Московское государство, тем сильнее сказывалась охота у московских князей прибрать к своим рукам Новгород. Поводов к вражде было довольно: московские люди и новгородцы часто сталкивались и враждовали в Двинской области, где у тех и у других были владения, притом чересполосные. Московским князьям давно уже хотелось оттянуть от Новгорода эту землю, богатую пушным товаром. Кроме того, новгородская вольница, ушкуйники, часто разбойничали по рекам и вредили московской торговле. Наконец, новгородцы не выполняли, как следует, своих договоров с великим князем, не чтили его наместников, не держали имени его «честно и грозно». Новгородские вечевые порядки, при которых воля великого князя ставилась часто ни во что, были совсем не по душе сильным московским князьям, а властолюбие их, в свою очередь, очень не нравилось новгородцам-вечникам.

Уже Василий Темный, как сказано раньше, заставил Новгород больше чтить великокняжескую власть; а Ивану III пришлось совсем покончить с новгородской вольностью. Понимали новгородцы, что им грозит беда со стороны Москвы, а бороться с нею им было не под силу. Где же было искать помощи? У северных русских князей, подручников московского великого князя, нечего было и пытаться.



И. Горюшкин-Сорокопудов Упавший колокол

Оставался литовский князь. Он назывался также и русским: в его руках были все земли юго-западной Руси; к нему обыкновенно обращались за помощью или и вовсе отъезжали князья северо-восточной Руси, которым приходилось слишком жутко от властных московских князей; к нему же задумали обратиться и те новгородцы, которым дорог был старый вечевой склад и

быт «Господина Великого Новгорода». Литовские князья и раньше были очень не прочь оказать богатому Новгороду свое покровительство и даже предлагали его. Но прежде новгородцы не слишком-то поддавались на эти предложения: особенной нужды в посторонней помощи тогда еще не было. Теперь не то. Сильная гроза надвигалась на Новгород со стороны Москвы. И вот нашлись в Новгороде люди, большей частью именитые и богатые, сердцу которых очень была дорога новгородская старина. Решили они, что лучше поддаться Литве, да сохранить свой старый вечевой быт. Во главе этих людей стояли два сына умершего посадника Исаака Борецкого; мать их — Марфа, женщина весьма твердого нрава, умная, властолюбивая, — орудовала всем. Но сторонникам Литвы нелегко было склонить новгородцев на свою сторону.

Великий князь литовский, он же и король польский, был католик; латинство господствовало в Литве и теснило православие; поддаться Литве в глазах народа в Новгороде значило изменить православию, отступить от древнего благочестия, вот почему большинство новгородцев держались Москвы; но все же богачи Борецкие и их сторонники имели большую силу во всех новгородских делах и тянули к Литве. Начали в Новгороде утаивать великокняжеские пошлины и ни во что ставить московских наместников.

Иван Васильевич зорко следил за всем, что творилось здесь. Новгородцы целовали крест великому князю Василию Темному и старшему его сыну-соправителю, и потому отпадение их от Москвы было бы нарушением присяги, изменою. Хорошо понимал великий князь, в чем его сила в Новгороде, и послал новгородскому владыке напомнить, что киевский митрополит не тверд в православии и что он, новгородский владыка, должен свято блюсти веру, внушать своей пастве, чтобы она не поддавалась

киевскому митрополиту, и держаться крепко своего обета — подчиняться Ионе, митрополиту московскому, и всем его преемникам.

Великий князь послал без гнева, кротко напомнить и всему Великому Новгороду о его обязанностях:

— Люди новгородские, исправьтесь; не забывайте, что Новгород — отчина великого князя. Не творите лиха, живите по старине.

Но враги Москвы в Новгороде не унимались: оскорбляли послов московских, кричали на вече:

— Новгород не отчина великого князя! Новгород сам себе господин!

И после этого великий князь не показал гнева; снова послал напомнить: — Отчина моя, великий Новгород, люди новгородские! Исправьтесь, держите имя мое честно и грозно, посылайте ко мне бить челом, и я хочу жаловать свою отчину и держать по старине.

Бояре дивились терпению великого князя, что он сносит так долго новгородскую дерзость.

— Волны бьют о камни, — спокойно сказал им Иван, — и ничего камням не сделают, а сами разбиваются в пену и исчезают. Так будет и с новгородцами.

Но сторонники Литвы действовали в Новгороде все смелее и смелее. По просьбе их прибыл в Новгород один из литовских князей, Михаил Олелькович. Это, впрочем, не было новостью: и раньше русские и литовские князья и именитые люди приезжали, чтобы послужить Великому Новгороду, и получали в управление города и области. В это же время скончался новгородский владыка Иона, сторонник Москвы. Стали выбирать по старому обычаю, по жребию, нового владыку из трех лиц, избранных на вече. Избран был Феофил. Надо было ему ехать в Москву — посвящаться у митрополита в архиепископы. Послали просить у великого князя для

Феофила соизволения и опасной (охранной) грамоты для проезда. Получен был такой ответ:

— Отчина моя, Великий Новгород, прислал ко мне бить челом, и я его жалую, нареченному владыке Феофилу велю быть у себя и у митрополита для поставления без всяких зацепок, по старому обычаю, как было при отце моем, деде и прадедах.

Но в это время с этим милостивым ответом пришла в Новгород и весть, что великий князь напоминал псковичам об их обязанности идти вместе с Москвой на Новгород — в случае его непокорности.

Эта весть дала сторонникам Литвы предлог к восстанию. На вече они подняли крики:

— Не хотим за великого князя московского, не хотим зваться его отчиною. Мы люди вольные. Не хотим терпеть обиды от Москвы. Хотим за короля Казимира! Московский князь присылает опасную грамоту владыке, а в то же время подымает псковичей на нас и сам хочет идти!

— Хотим по старине к Москве, — кричали в ответ сторонники Москвы, — не хотим отдаться за короля и поставить у себя владыку от митрополита, латинца.



Древний вид Новгорода Великого

Раздоры на вече кончились, как это нередко бывало, схваткой. На беду для московской стороны, богатство было на стороне литовских приверженцев. Стали они нанимать худых мужиков-вечников, которые не жалели ни горла, ни рук, когда надо было постоять за щедрых плательщиков. Эти наемные крикуны принялись поднимать повсюду смуту и кричать: «Хотим за короля!» На вече своими криками они заглушали противную сторону, стали даже камни бросать в доброхотов Москвы. Наконец литовская сторона осилила. Снарядили посла к королю с челобитьем и поминками — заключили договор, по которому Новгород поступал под верховную власть короля; а он обязывался ни в чем не нарушать новгородских порядков, ни его бытовых, ни церковных обычаев, и оборонять от Москвы.

Иван Васильевич, узнав обо всем этом, не изменил своему хладнокровию, отправил опять посла в Новгород с увещанием, чтобы отчина его — новгородцы от православия не отступали, лихую мысль из сердца выкинули и ему по старине челом били и прочее.

Московский митрополит послал в Новгород и от себя увещательную грамоту. Напирая в ней особенно на измену православию, он, между прочим, говорит: «...и о том, дети, подумайте: царствующий град Константинополь до тех пор непоколебимо стоял, пока соблюдал православие; а когда оставил истину (то есть подчинился требованиям папы), то и впал в руки поганых. Сколько лет ваши прадеды неотступно держались своей старины; а вы при конце последнего времени, когда человеку нужно душу свою спасти в православии, вы теперь, оставя старину, хотите за латинского господаря закладываться!». В то время, по расчетам книжников, ожидали скорого светопреставления; на это и указывает митрополит в своем увещании.

Но все эти убеждения великого князя и митрополита не подействовали на новгородцев.

— Мы не отчина великого князя, — кричали они на вече. — Великий Новгород — вольная земля! Великий Новгород сам себе государь!

Послов великокняжеских отослали с бесчестьем.

Но терпению Ивана Васильевича, казалось, не было меры. Он еще раз послал посла с кратким увещанием. Успеха, конечно, не было. Великий князь, несомненно, и предвидел это, но хотел, видно, показать, что он очень долго сносил новгородскую дерзость, употреблял все меры кроткого напоминания и увещания и за оружие взялся только тогда, когда уж совсем не осталось других способов уладить дело.

Новгородцы уже чуяли беду. Недобрые знамения пугали суеверный народ. Ходила молва, что

преподобный Зосима, соловецкий отшельник, на пиру у Марфы Борецкой видел видение: четыре боярина, главные противники Москвы, сидели пред ним за столом, а голов на них не было... Буря сломила крест на Святой Софии.

В Хутынском монастыре колокола сами собой стали перезванивать. На иконе Богородицы в другом монастыре из очей полились слезы. Говорили и о других зловещих предзнаменованиях...

В мае 1471 года великий князь послал в Новгород разметные грамоты (объявление войны), в Тверь просьбу о помощи, в Псков и Вятку приказ идти ратью на новгородские владения. Иван Васильевич придавал войне священное значение: он шел в Новгород, прежде всего, чтобы спасти православие, которому грозила беда, а затем уже, чтобы принудить новгородцев не отпадать от старины, не изменять присяге. В день отъезда из Москвы государь посетил один за другим кремлевские соборы, усердно помолился пред образом Владимирской Богородицы в Успенском соборе, в Архангельском соборе припадал к гробам своих предков, начиная от Ивана Калиты до отца своего Василия. Все эти князья вели борьбу с Новгородом; Иван Васильевич теперь готовился довершить их дело.



Герб Новгорода

— О прародители мои, — взывал он, — помогите мне молитвами вашими на отступников православия державы вашей!..

Он даже взял с собою в поход одного дьяканчетчика, который знал хорошо летописи и мог напомнить ему в случае надобности обо всех старых договорах новгородцев с князьями, обо всех изменах новгородских. Раньше государь являлся как бы любящим отцом, который напоминает и увещевает; теперь же шел он на Новгород как грозный судья, творить суд и расправу над изменниками и клятвопреступниками. Немедля двинул он войска на запад несколькими отрядами. Воеводам было велено без милости пустошить новгородскую землю и не давать пощады никому. На Двинскую область также была послана рать. Началась

война со всеми ужасами, какие были тогда в обычае. На беду новгородцев, лето в тот год стояло жаркое; дождей не выпадало; болота, которыми изобиловала новгородская земля, высохли, и московская рать могла без особой помехи совершать поход. Воеводы московские нещадно разоряли все на пути, попадавшихся в плен с оружием или убивали, или уродовали — резали им носы и губы и отпускали этих несчастных, чтобы они своим видом наводили ужас на всех изменников.

Сам великий князь двинулся с главными силами в конце июня. К нему с разных сторон шли на помощь отряды. Новгороду же не было ниоткуда помощи. Казимир и не тронулся, а князь Михаил Олелькович уехал еще раньше из Новгорода. Пришлось ему своими силами обороняться. Псков, «меньший брат Новгорода», тоже шел на него ратью по приказу князя. Новгородцы спешили собрать как можно больше войска. Но что это были за воины?! Погнали в поход силою плотников, гончаров и других ремесленников и чернорабочих; тут было много таких, что никогда раньше на лошадь не садились, отроду оружия в руки не брали. Кто не хотел идти, тех грабили, били, бросали в Волхов; собрали таким образом тысяч сорок войска, и степенный посадник Димитрий Борецкий повел его навстречу псковской рати. Но это нестройное полчище встретил на берегу реки Шелони московский воевода Даниил Холмский. У него было всего четыре тысячи воинов, но он смело ударил на новгородцев и разбил их наголову. Двенадцать тысяч их легло на поле, более полуторы тысячи забрано в плен; попались в руки победителя и посадник Борецкий, и другие воеводы. Новгородский летописец говорит, что сначала новгородцы одержали было верх над московской ратью и стали теснить ее; но конный отряд татар внезапно ударил на них, и они в ужасе обратили тыл.



А. Васнецов Вече

Иван Васильевич велел отрубить голову Димитрию Борецкому, сыну Марфы, и еще трем боярам, а других пленников разослать по разным городам и держать в темницах. Народ в Новгороде заволновался. Сторонники Москвы стали действовать смелее; но все же противная сторона еще была сильнее; стали готовить город к защите, пожгли около него все посады. Князь с главными силами был уже недалеко. Хлеб в Новгороде сильно поднялся в цене, рожь исчезла на торгу. Бедному люду трудно стало жить. Народ завопил... Сторонники Москвы взяли в вече верх. Владыка с послами был послан к великому князю просить от имени Новгорода пощады.

Владыка был допущен в шатер к великому князю и умолял его не губить вконец своей отчины.

Братья великого князя и бояре, щедро одаренные новгородскими послами, кланялись своему государю и тоже просили за Новгород. Незадолго пред этим пришла из Москвы к великому князю грамота от митрополита. Он также молил о пощаде виновных. Просьба братьев, бояр и митрополита, казалось, смягчила сердце грозного судьи — он сменил гнев на милость.



Неизвестный художник Портрет новгородской посадницы Марфы Борецкой

— Отдаю нелюбие свое, — сказал он, — унимаю меч и грозу в земле новгородской и отпускаю полон без откупа.

Заключен был договор. Новгород отрекался от всякого союза с литовским князем, уступал Москве часть двинской земли (там московская рать тоже одолела новгородцев) и обязался выплатить «копейное» (военная контрибуция) — пятнадцать с половиною тысяч. Все остальное оставалось в Новгороде «по старине».

У Новгорода не отнимали ни веча, ни посадника; не нарушалась ни в чем новгородская старина. Не в нраве Ивана Васильевича было сразу кончать дело; мешкотна, но зато прочна была его работа в его руках. Покончи он сразу с вольностью Новгорода — оправдались бы слова врагов Москвы, что он искал только случая погубить Новгород, — и вражда новгородцев к Москве окрепла бы, число приверженцев сильно поубавилось бы, а там и ведайся с постоянными заговорами да мятежами. Теперь же, не нарушив ни в чем новгородской старины, но грозно наказав изменников, он являлся в глазах новгородцев только праведным судьей. Число сторонников его должно было увеличиться, ему оставалось понемногу, исподволь приручать новгородцев, усыплять вражду к себе, а затем, когда привыкнут держать его имя «честно и грозно», тогда и совсем прибрать к рукам.

В Новгороде было все-таки еще немало сильных противников Москвы. Одному из них, Василию Ананьину, удалось попасть в посадники. Он и его соумышленники питали, конечно, вражду к сторонникам Москвы, винили их в измене и подняли в Новгороде снова смуту. Начались снова ссоры и драки. Дело дошло до того, что

сторонники Литвы сделали набег на улицы, где жили их противники, избили некоторых из них и ограбили их имущество. Где было искать сторонникам Москвы суда и управы на обидчиков своих, как не в Москве? Великий князь был очень рад, когда явились к нему жалобщики.



П. Сергеев Великий князь всея Руси Иоанн III

В 1475 году он отправился со своими боярами в Новгород. На пути его встречали новые жалобщики,

просили у него суда и защиты. Ему устраивали торжественные встречи, подносили, по обычаю, разные подарки. Приехав в Новгород, великий князь начал творить суд, не нарушая старого обычая — в присутствии владыки и старых посадников. Он внимательно выслушивал, подробно расспрашивал и ответчиков, и истцов, порешил, что жалобы были справедливы, и присудил виновных уплатить пострадавшим за разорение полторы тысячи рублей. Но этим дело не кончилось: главных зачинщиков смуты — Василия Ананьиного, Федора Борецкого и других — он приказал сковать и отправить в Москву. Не помогли никакие просьбы.

— Что ни есть лиха в нашей отчине, — сказал он, между прочим, владыке в ответ на его просьбы, — все от них чинится. Как же мне их за то лихо миловать?!

Простил Иван Васильевич только нескольких менее виновных. Принимал он и другие жалобы на бояр новгородских, судил по справедливости, защищал бедных против богатых, слабых против сильных.

Уладивши все дела, великий князь несколько времени пожил в Новгороде. Богатые новгородцы, по обычаю, задавали ему роскошные пиры, подносили ему при этом богатые подарки: золотые монеты — по двадцати и по тридцати, сукна, рыбы зубы (моржовые клыки), золотые ковши, кубки, меха, бочки заморского вина. Иван Васильевич был большой скопидом и любил собирать всякие ценные вещи. В свою очередь и он отдаривал своих гостей. Бояре, бывшие с Иваном, также щедро были одарены. Затем Иван Васильевич простился дружелюбно с новгородцами и отправился в Москву.

Многим новгородцам суд великого князя полюбился. Стали они ездить к нему в Москву судиться. Это было уже прямым нарушением новгородской старины: новгородца, вольного человека, по старому обычаю, можно было судить только в Новгороде; но обычай этот

нарушал не великий князь — сами новгородцы по своей воле ехали к нему на суды: знали, что он не мирволит богатым и знатным людям, а действует по правде. Те, которые приезжали в Москву искать управы, должны были давать присягу великому князю как своему государю, «задавались за государя», как тогда говорили. Таким образом, новгородцы сами мало-помалу отдавались в полную власть великого князя. Наконец Иван Васильевич увидел, что настала пора закрепить такой порядок — совсем покончить со старыми новгородскими порядками. Нужен был ему только предлог. За ним дело не стало.

В 1477 году, 27 февраля, прибыли в Москву два посла из Новгорода.

Обращаясь к великому князю, новгородцы обыкновенно называли его господином, а эти послы называли его государем. Этим словом означался полный властитель. Было ли это случайной обмолвкой или сделано нарочно сторонниками Москвы — неизвестно; но Иван Васильевич ухватился за этот случай. Посланы были немедленно в Новгород московские послы. Они явились на вече и сказали:

— Великий князь приказал спросить новгородцев: какого хотят они государства? Хотят ли, чтобы в Новгороде был один государев суд, чтобы тиуны государя сидели по всем улицам? Хотят ли очистить для великого князя Ярославов двор?

Эти вопросы озадачили новгородцев. Вече зашумело:

— Никакого государства не хотим, — раздавались крики, — хотим быть по старине!

Многим новгородцам старый вечевой порядок был еще очень дорог; поняли они, что ему приходит конец, и пришли в ярость.

— Как смели ходить в Москву судиться, — кричали они, — как смели присягать великому князю как государю?!

Плохо пришлось некоторым сторонникам Москвы, ездившим туда на суд: одного побили камнями, другого изрубили топорами в куски; несколько человек было убито; но московских послов не оскорбляли; продержали их шесть недель. Наконец новгородцы дали ответ, что не желают ничего нового, хотят, чтобы старина их ни в чем не была нарушена. Когда дошел этот ответ до Ивана Васильевича, он выразил негодование.



К. Горбатов Новгород Великий

— Я не хотел у них государства, — говорил он, — сами прислали, а теперь отговариваются, выставляют меня лжецом!

Объявлен был поход на Новгород. Осенью 1477 года московская рать, поделившись на отряды, опять вступила в Новгородскую область. На пути к Ивану Васильевичу являлись многие новгородцы, били челом, чтобы он принял их в службу. Псковичам приказано было также идти на Новгород. В тридцати верстах от него явился к великому князю Феофил, новгородский владыка, с посадниками и стал бить челом и умолять:

— Господин великий князь всея Руси, Иван Васильевич, — говорил он, — я, богомолец твой, и архимандриты, и игумены, и все священники семи новгородских соборов бьем тебе челом. Твой меч и огонь ходят по новгородской земле, христианская кровь льется. Смилуйся над отчиной твоей: уйми меч, угаси огонь!

Умоляли великого князя о том же люди всех сословий Новгорода, бывшие с владыкою в посольстве, предлагали ему уплачивать дань, лишь бы только не рушилась вконец новгородская вольность. Все было напрасно: на этот раз Иван Васильевич не шел ни на какие сделки.

— Захочет великий Новгород бить челом, то он знает, как ему бить челом, — твердил он.

Между тем московская рать со всех сторон охватила Новгород. Монастыри, села вокруг города были захвачены. Из сел народ бежал в Новгород. Скоро он переполнился народом. 3 декабря город был замкнут со всех сторон. Начались волнения: одни хотели покориться великому князю, другие — защищаться до последней капли крови. Через два дня явились новгородские послы в стан к великому князю с повинной головой.

— Хотим такого же государства в Новгороде, — сказал им великий, — какое в Москве.

Послы просили князя отпустить их в город подумать; попробовали они еще раз выговорить кое-какие льготы

своему городу. Все было напрасно!

— Сказано вам, — твердил великий князь, — что хотим государства в великом Новгороде такого же, как у нас в низовой земле, в Москве!



***К. Лебедев Марфа Посадница. Уничтожение
новгородского веча***

Послы ответили, что низовых обычаев новгородцы не знают, не ведают, как великий князь держит там свое государство.

— Государство наше таково, — отвечал Иван Васильевич, — вечевому колоколу в Новгороде не быть, а государство все держать нам; волостями, селами нам владеть, вывода не бойтесь, а суду быть по старине!

Шесть дней думали новгородцы об этом ответе великого князя. Наконец владыка с посадниками явились с согласием новгородцев. Послы думали, что по-прежнему великий князь заключит с Новгородом

договор и скрепит его своим крестным целованием. Они просили великого князя об этом.

— Не быть моему целованию! — отвечал он.

Просили, чтобы бояре целовали крест, — последовал отказ. Просили, чтобы присягнул, по крайней мере, будущий наместник, — отказано и в этом. Просили, наконец, позволения великого князя вернуться в город — не позволил...

А между тем Новгороду день ото дня становилось тяжелее. Стены и укрепления города были хороши, и взять его силою было бы нелегко. Великий князь, не любивший делать ничего на авось, порешил истомить осажденных голодом. Пути были все переняты московскими отрядами: новгородцам входу, ни выходу не было; запасы у них истощились; настал голод; затем начались поварьные болезни, мор. Неурядица поднялась страшная.

— Идем биться! Умрем за Святую Софию! — кричали одни.

— Остается нам только покориться великому князю! — кричали другие.

Чернь восстала на бояр, а бояре на чернь. Крики, вопли раздавались по улицам. Многие умирали с голоду. Ссоры, драки и убийства шли, по словам летописца, беспрерывно. Наконец новгородцам дольше терпеть осаду стало невмочь. В 1478 году, 13 января, владыка пришел со многими новгородскими боярами и купцами к великому князю и принес присяжную запись. На ней была подпись самого владыки, печать его и печати всех пяти концов Новгорода. На этой записи и целовали крест новгородские послы. Своей присягой они теперь не договор с великим князем скрепляли, как бывало в прежние времена, а отдавались ему в полную власть, как своему повелителю и самовластному государю.

Иван Васильевич поставил в Новгороде своих наместников, велел схватить нескольких лиц,

враждебных Москве, в том числе Марфу Борецкую с внуком, и отвезти их в Москву. Имение их было отписано на великого князя.

После присяги новгородцев москвичи явились на Ярославово дворище и сняли вечевой колокол. Сильно плакали новгородцы, говорит летописец, но сказать не смели ничего. Иван Васильевич отправился в Москву, за ним повезли туда и вечевой колокол. Подняли его на колокольню на Кремлевской площади.

Но этим дело не кончилось. Трудно народу отвыкать от тех порядков и обычаев, с которыми он сжился, тяжело ему менять тот склад жизни, какой был у отцов, дедов и прадедов. Немало было в Новгороде людей, которые дорожили еще новгородской стариной, а московские порядки были им совсем не по душе. И вот, когда Москве стала грозить опасность от татар, с которыми заодно была и Литва, заговорили в Новгороде о возвращении к старому вечевому строю, стали пересылаться с литовским князем. Иван Васильевич вовремя проведал об этом. С небольшим отрядом немедленно отправился он к Новгороду — хотел застать новгородцев врасплох и распустил слух, будто идет на немцев. Но новгородцы затворились в городе, восстановили у себя вече и порешили не пускать великого князя к себе.

Когда подошли подкрепления к великому князю, он осадил Новгород и стал громить его пушками. Здесь поднялась снова большая смута. Многие из приставших раньше к мятежу теперь толпами передавались великому князю. Скоро пришлось покориться силе. Послали осажденные просить у великого князя опасной (охранной) грамоты своим послам, хотели вести с ним переговоры... Но прошли для Новгорода времена переговоров с великим князем. Он смотрел на них как на простых мятежников и требовал, чтобы они отдались без

всяких условий на милость ему как самовластному государю.

— Я сам опас (охрана) невинным! — сказал он. — Я ваш государь: отворяйте ворота. Войду — никого невинного не обижу!

Наконец ворота отворились. Владыка, посадник, тысяцкий (новгородцы восстановили было эти должности), старосты, бояре и множество народа вышли из города. Владыка и духовенство с крестами выступили вперед. Все пали ниц и с плачем молили великого князя о пощаде и прощении.



А. Кившенко Присоединение Великого Новгорода — высылка в Москву знатных и именитых новгородцев

— Я, государь ваш, — сказал Иван Васильевич, — даю мир всем невинным, не бойтесь ничего!

В тот же день 50 человек главных врагов Москвы были схвачены и пытаны. Под пыткой многие признались в своей вине и назвали своих сообщников. Оказалось, что и Феофил, новгородский владыка, двоил совестью. Великий князь велел его отправить в заточение в московский Чудов монастырь. Сто главных заговорщиков было казнено. Много семейств боярских и купеческих было выслано из Новгорода и водворено в разных московских городах. Не раз еще после этого по доносам производил Иван Васильевич высылку из Новгорода подозрительных и влиятельных людей. В 1488 году, когда здесь был открыт заговор против великокняжеского наместника, по приказу Ивана Васильевича было выселено снова по разным московским городам более семи тысяч людей; а на место их были водворены в Новгороде поселенцы из московской земли. Когда не стало в Новгороде старинных родов, богатых и сильных людей, хранивших старые предания, не стало и вожаков, заводивших смуты против Москвы, — новгородцы начали легко осваиваться с московскими порядками, а новые поселенцы из Московской области других порядков и не знали. В это же время, вследствие столкновения с городом Ревелем, по приказу великого князя были отобраны товары у ганзейских купцов, бывших в России, а сами они заключены в тюрьмы. Этим был нанесен сильный удар заграничной торговле Новгорода, она после этого почти прекратилась.

Вятка, новгородская колония, пыталась было сохранить свою независимость. Вятчане позволяли себе иногда не слушаться великого князя, надеялись на то, что Москва далеко и идти походом на них нелегко. Но в 1489 году Иван Васильевич послал на них большое войско под начальством Даниила Щени. Вятка покорилась, и главные виновники, подбивавшие народ к неповиновению, были выданы и повешены. Отсюда так

же, как из Новгорода, более опасные люди были высланы.

Только один Псков сохранил еще на время свою старину: псковичи выказывали постоянную покорность великому князю, угождали ему, держали имя его «честно и грозно».

София Палеолог

Иван Васильевич в 1467 году овдовел. Два года спустя явилось в Москву посольство из Рима. Кардинал Виссарион, поборник Флорентийского единения церквей, в письме предлагал Ивану Васильевичу руку Софии, племянницы последнего византийского императора, дочери его брата Фомы, князя Морейского, который после падения Константинополя нашел со своим семейством убежище в Риме.



***Ф. Солнцев Трон из слоновой кости великою князя
Иоанна III***

Папа Павел II чрез своего кардинала задумал устроить брак Софии с великим князем, чтобы завязать

сношения с Москвою и попытаться утвердить свою власть над русской церковью.

Это предложение порадовало самолюбивого Ивана; но он, по своему осторожному нраву, не сразу дал свое согласие. Он советовался и с матерью, и с митрополитом, и с ближайшими боярами. Все находили, как и сам государь, этот брак желательным. Иван Васильевич отправил в Рим послом Ивана Фрязина, своего денежника (чеканившего монету). Тот вернулся оттуда с грамотами от папы и портретом Софии и снова был послан в Рим представлять жениха при обручении. Папа думал восстановить Флорентийское соединение и надеялся найти в русском государе сильного союзника против турок. Фрязин хотя и принял в Москве православие, но особенно не дорожил им, и потому готов был обещать папе все, чего тому хотелось, лишь бы как-нибудь скорее уладить дело.

Летом 1472 года София уже ехала в Москву. Ее сопровождал кардинал Антоний; кроме того, с нею было много греков. На пути устраивались ей торжественные встречи. Когда она подъезжала к Пскову, к ней навстречу вышли посадники и духовенство с крестами и хоругвями. София пошла в Троицкий собор, здесь усердно молилась и прикладывалась к образам. Это понравилось народу; но римский кардинал, бывший с нею, смущал православных. Он был одет, говорит летописец, не по нашему обычаю, — весь в красное, на руках были перчатки, которых он никогда не снимал и благословлял в них. Пред ним несли серебряное литое распятие на длинном древке (латинский крыж). Он не крестился и к образам не прикладывался; приложился только к иконе Богородицы — и то по требованию царевны. Сильно не нравилось все это православным. Из церкви София пошла на княжеский двор. Здесь посадники и бояре угощали ее и приближенных ее разными яствами, медом и вином; наконец, поднесли ей

подарки. Бояре и купцы дарили ее кто чем мог. От всего Пскова поднесли ей в дар 50 рублей. Так же торжественно приняли ее и в Новгороде.



М. П. Клодт Терем царевен

Когда София подъезжала уже к Москве, великий князь совещался с матерью, братьями и боярами, как быть: проведаль он, что всюду, куда входила София, шел впереди папский кардинал, а пред ним несли латинский крыж. Одни советовали не запрещать этого, чтобы не обидеть папу; а другие говорили, что никогда еще не бывало на Руси, чтобы такая почестъ воздавалась латинской вере; попробовал было сделать это Исидор, да за то и погиб. Послал великий князь спросить у митрополита, как он думает об этом, и получил такой

ответ: — Папскому послу не только входить в город с крестом, но даже и подъехать близко не подобает. Буде ты почтишь его, то он — в одни ворота в город, а я, отец твой, другими воротами вон из города! Не только видеть, но и слышать нам о том неприлично. Кто чужую веру чтит, тот над своей ругается!

Такая нетерпимость митрополита к латинству уже вперед показывала, что папскому послу не удастся ничего добиться. Великий князь послал боярина взять у него крест и спрятать в сани. Сначала легат не хотел было уступить; особенно противился Иван Фрязин, которому хотелось, чтобы папский посол был принят в Москве с такою же честью, как принимали его, Фрязина, в Риме; но боярин настоял, и приказ великого князя был исполнен.



Герб княжества Московского

12 ноября 1472 года въехала София в Москву. В тот же день совершено бракосочетание; а на другой день был принят папский посол. Он поднес великому князю дары от папы.

Почти три месяца пробыло римское посольство в Москве. Здесь его угощали, держали в большой чести, великий князь щедро одарил кардинала. Попытался было тот заговорить о соединении церквей, но из этого ничего не вышло, как и следовало ожидать. Великий князь отдал это церковное дело на решение митрополита, а тот нашел какого-то книжника Никиту Поповича для состязания с легатом. Этот Никита, по словам летописца, переспорил кардинала, так что тот не знал, что и отвечать, — отговаривался только тем, что с ним нет книг, нужных для спора. Попытка папы соединить церкви кончилась и на этот раз полной неудачей.

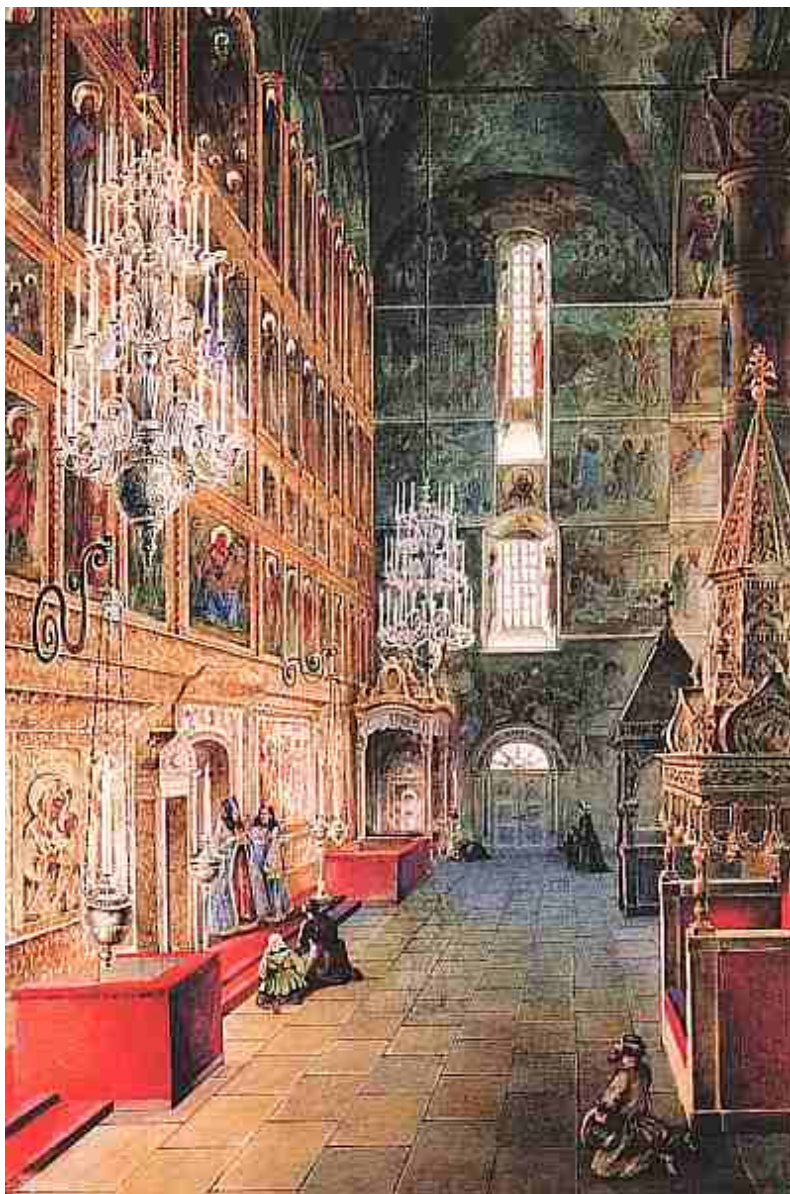
Брак московского государя с греческой царевной имел важные последствия. Бывали и раньше случаи, что русские князья женились на греческих царевнах; но эти браки не имели такого значения, как женитьба Ивана на Софии. Византия была теперь поработана турками. Византийский император раньше считался главным защитником всего восточного христианства; теперь таким защитником становился московский государь: с рукой Софии он как бы наследует и права Палеологов, даже усваивает герб Восточной Римской империи — двуглавого орла; на печатях, которые привешивались к грамотам, стали с одной стороны изображать двуглавого орла, а с другой — прежний московский герб, Георгия Победоносца, поражающего дракона.

Византийские порядки стали все сильнее и сильнее проникать в Москву. Хотя последние византийские

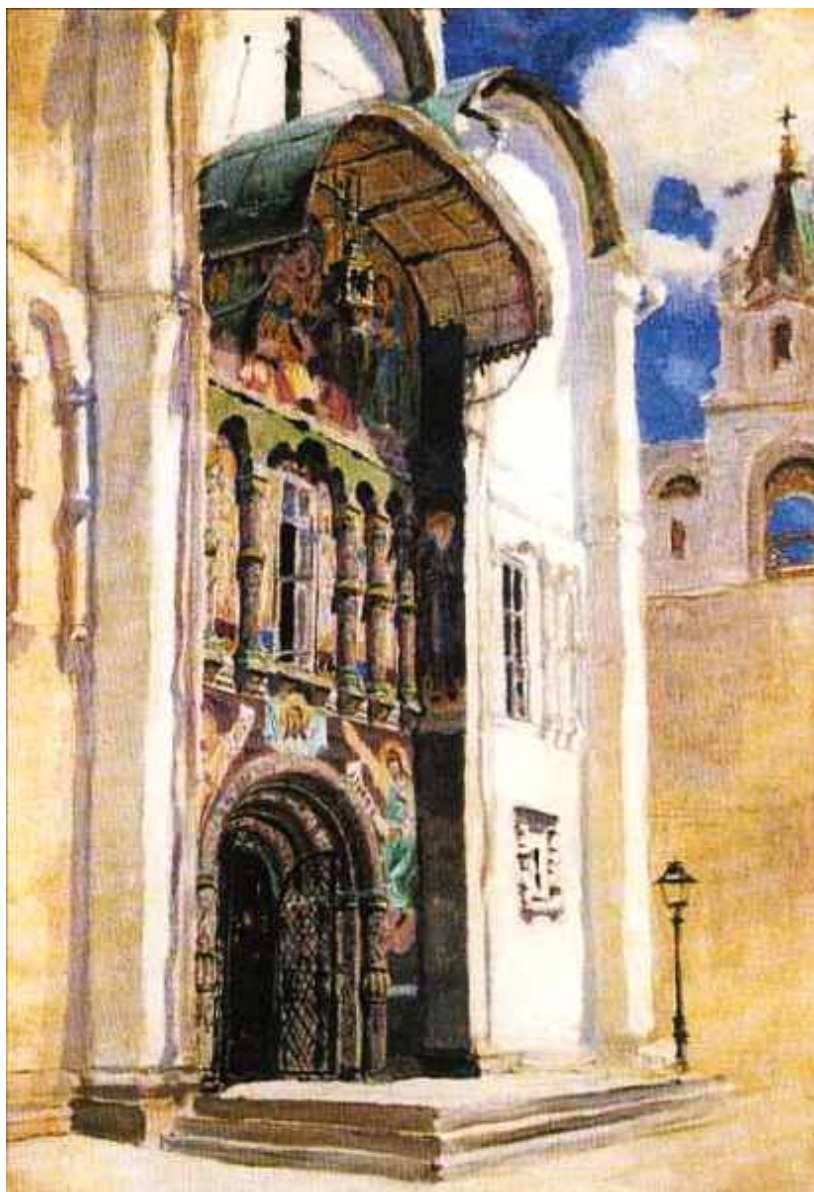
императоры вовсе не были могущественны, но держали себя в глазах всех окружающих их очень высоко. Доступ к ним был очень труден; множество разных придворных чинов наполняло великолепный дворец. Пышность дворцовых обычаев, роскошная царская одежда, блистающая золотом и драгоценными камнями, необычайно богатое убранство царского дворца — все это в глазах народа очень возвышало особу царя. Пред ним все преклонялось как пред земным божеством.

Не то было в Москве. Великий князь был уже могучим государем, а жил немного пошире и побогаче, чем бояре. Они обходились с ним почтительно, но просто: некоторые из них были из удельных князей и свое происхождение вели так же, как и великий князь, от Рюрика. Незатейливая жизнь государя и простое обращение с ним бояр не могли нравиться Софье, знавшей о царском величии византийских самодержцев и видевшей придворную жизнь пап в Риме. От жены и особенно от людей, приехавших с нею, Иван Васильевич мог многое слышать о придворном обиходе византийских царей. Ему, хотевшему быть настоящим самодержцем, многие придворные византийские порядки должны были очень понравиться. И вот мало-помалу стали являться в Москве новые обычаи: Иван Васильевич стал держать себя величаво, в сношениях с иностранцами титуловался «царем», послов стал принимать с пышной торжественностью, установил обряд целования царской руки в знак особенной милости. Затем являются придворные чины (ясельничий, конюший, постельничий). Великий князь стал жаловать в бояре за заслуги. Кроме сана боярина, в это время является другой низший чин — окольничего. Бояре, бывшие раньше советниками, думцами княжими, с которыми великий князь, по обычаю, совещался о всяком важном деле как с товарищами, теперь обращаются в покорных слуг его. Милость государя может возвысить

их, гнев — уничтожить. Под конец своего княжения Иван Васильевич стал настоящим самодержцем. Не по душе многим боярам были эти перемены; но никто не смел высказать этого: Иван Васильевич был очень суров и наказывал жестоко.



А. Алексеев Внутренний вид Успенского собора



В. Поленов Успенский собор. Южные врата

Со времени приезда Софии в Москву завязываются сношения с Западом, особенно с Италией. Москва того времени была очень неприглядна. Деревянные небольшие постройки, поставленные как попало, кривые, немощеные улицы, грязные площади — все это делало Москву похожей на большую деревню или, вернее, на собрание множества деревенских усадеб.

Каждый боярин или зажиточный купец устраивал себе двор особняком, огораживал тыном и внутри этой ограды ставил жилые избы и разные службы. Очень непривлекательна была Москва для Софии после великолепного Рима, неприглядна была она и для иностранцев, приезжавших с Запада. Ивану Васильевичу, конечно, не раз приходилось слышать рассказы о великолепии и красоте больших европейских городов, — разохотился и он к большим каменным постройкам.

Успенский собор, построенный при Калите, пришел уже в такую ветхость, что грозил падением. Задумали построить новый и отовсюду сзывали русских строителей. Заложили церковь с торжественными обрядами, с колокольным звоном; но, когда стали складывать стену и довели ее до сводов, она рухнула с ужасным треском. Великий князь послал тогда в Псков нанять лучших каменщиков, учившихся у немцев, а своему послу, которого отправлял в Италию, поручил приискать, чего бы это ни стоило, опытного зодчего.

Один из лучших итальянских строителей того времени Аристотель Фиораванти согласился ехать в Москву за десять рублей жалованья в месяц (деньги по тогдашней ценности порядочные). Он в четыре года соорудил великолепный по тогдашнему времени храм — Успенский собор, освященный в 1479 году. Это здание сохранилось до сих пор в Московском Кремле.

Затем стали строить и другие каменные церкви: в 1489 году был построен Благовещенский собор, имевший значение домово́й церкви великого князя; а незадолго до смерти Ивана Васильевича был вновь построен Архангельский собор вместо прежней обветшавшей церкви. Задумал великий князь построить себе и каменную палату для торжественных собраний и приемов иноземных послов. Эта постройка, сооруженная итальянскими зодчими, известная под названием

Грановитой палаты, сохранилась до нашего времени. Кремль был обведен вновь каменной стеной и украшен красивыми воротами и башнями. Для себя Иван Васильевич приказал выстроить новый каменный дворец. Вслед за великим князем стал и митрополит сооружать себе кирпичные палаты. Трое бояр тоже построили себе такие же дома в Кремле. Таким образом, Москва стала мало-помалу обстраиваться каменными зданиями; но эти постройки долго и после этого не входили в обычай. Русские были убеждены, что жить в деревянных домах здоровее, чем в каменных. Сам Иван Васильевич и его преемники были того же мнения, и хотя строили каменные дворцы себе для торжественных приемов и пиров, но жить предпочитали в деревянных.



**Ф. Солнцев Иконостас Успенскою собора в
Московском Кремле**

Иван Васильевич старался вербовать на Западе разных мастеров и знающих людей себе на службу. Отправляя к императору посла, он ему наказывал: «Добывать мастеров: рудника, который умеет находить руду золотую и серебряную, да другого мастера, который умеет золото и серебро отделять от земли. Рядить этих мастеров, чтобы ехали к великому князю внаем. Добывать также хитрого мастера, который бы умел к городам приступать, да другого мастера, который бы умел из пушек стрелять, да каменщика добывать хитрого, который бы умел палаты ставить, да серебряного мастера хитрого, который бы умел большие сосуды делать и кубки да чеканить бы умел и писать на сосудах». Хотелось великому князю добыть и «лекаря доброго, который бы умел лечить внутренние болезни и раны». Великокняжеские послы в 1490 году привезли в Москву лекаря, мастеров стенных, палатных, пушечных, серебряных и даже органного играца.

Иноземные рудокопы нашли в Печорском крае серебряную и медную руду; государь был очень доволен, когда в Москве стали чеканить мелкую монету из русского серебра. При дворе несколько иностранных мастеров — греков, итальянцев и немцев — работали над разными золотыми и серебряными изделиями, до которых Иван Васильевич был большой охотник. Для него были очень дороги такие люди, как Аристотель Фиораванти, который был не только хороший зодчий, но умел лить пушки, колокола и чеканить монету.

Но положение этих «хитрых мастеров» и «добрых лекарей» в Москве было не особенно завидно.



Г. Лебедев Кремль. Благовещенский собор

Нравы здесь были очень грубы, и заезжие иноземцы вместо наживы, которая влекла их сюда, легко могли поплатиться головою. Лекарь Леон, родом немец, взялся вылечить великокняжеского сына Ивана, причем ручался головой за успех; но больной умер, и великий князь, когда прошло сорок дней, велел отрубить голову лекарю. Еще раньше другой врач, Антон, тоже немец

родом, лечил в Москве одного татарского князя, но тот умер. Великий князь отдал лекаря в руки родичей умершего, и татары свели несчастного Антона на Москву-реку под мост и зарезали. Фиораванти, видя печальную участь иноземцев в Москве, стал проситься на родину; великий князь сильно разгневался на него за это, велел его схватить, отобрать имущество, а самого посадить в заключение. Подобные поступки, конечно, должны были сильно отбивать охоту у иностранцев наниматься на службу к великому князю; но все же с этого времени русские начинают все более и более ценить знающих иноземных мастеров и полезные знания.



Завершение строительства Грановитой палаты



Интерьер Грановитой палаты

С той же поры начинаются сношения Москвы с западными дворами по разным государственным делам. Иван Васильевич сносился с германским императором, с королем венгерским, с Данией, с Венецией и другими.

Таким образом, завязались частые сношения Москвы с Европой, а это повело мало-помалу к большему сближению России с Западом — вот что было особенно важным следствием женитьбы Иоанна III на Софии.

Конец татарского ига

Зависимость Москвы от хана подходила к концу. Золотая Орда была уже совсем не та, что прежде: незадолго пред тем от нее отпало два ханства — Казанское и Крымское. Хотя великий князь и давал большие дары ордынским послам, но давал, сколько хотел; стало быть, этого нельзя назвать настоящей данью; однако хан все еще считал великого князя московским своим данником и требовал от него знаков покорности. Есть известие, что ордынские послы явились в Москву с ханскими грамотами и басмою (изображение хана); великий князь должен был преклоняться пред басмою и, стоя на коленях, слушать чтение ханской грамоты. Иван Васильевич обыкновенно уклонялся от этого унижительного обряда — сказывался больным. Но раз, когда хан Ахмат особенно настойчиво потребовал дани, Иван Васильевич не вытерпел, изломал басму, разорвал грамоту, стал в гневе топтать ее ногами, а послов велел умертвить; только одного оставил в живых и сказал ему:

— Иди, объяви хану, что, если он не оставит меня в покое, с ним будет то же, что случилось с басмою!



А. Головин Грановитая палата

Трудно и поверить, чтобы хан мог требовать от такого сильного государя, как Иван Васильевич, поклонения пред своей басмой. Поводов к вражде и без того было довольно. Крайне расчетливый, даже скупой, Иван Васильевич едва ли мог ублажать хана особенно щедрыми дарами; гордая София Фоминишна, без сомнения, желала, чтобы и помину не было о покорности татарам: она добилась того, что ханским послам не позволили жить в прежнем почете в Кремле. Притом и литовский великий князь подстрекал хана к войне с Москвою. Еще в 1472 году Ахмат напал было на московские владения; удалось ему сжечь один только город, а затем он ушел назад. Но в 1480 году, когда у Ивана Васильевича возникли сильные распри с братьями, хан условился с Казимиром Литовским общими силами ударить на Москву. Иван Васильевич

вовремя принял все меры к защите: помирился с братьями, пообещал им прибавку к их уделам; послал большой отряд войска с воеводой Ноздреватым и крымским царевичем Нордоулатом на судах вниз по Волге, чтобы врасплох напасть на беззащитную столицу Ахмата — Сарай. Крымский хан Менгли-Гирей, верный союзник Ивана, обязался помогать ему. Со всех концов московской земли стала собираться и русская рать. Сила собралась громадная. В числе воевод был знаменитый Даниил Холмский; при войске был и сын великого князя Иван Иванович... Главное начальство над всем ополчением взял на себя великий князь. Дело, видимо, предстояло большое. Народ был в сильной тревоге. Стали ходить слухи о разных дурных приметах, о зловещих знамениях: в той стране, куда шли татары, звезды падали на землю, словно дождь; в Москве колокола сами собою звонили; в одной церкви обрушился верх. Все это сильно пугало суеверный люд. Москва стала готовиться к защите на случай осады. София Фоминишна выехала из Москвы в более безопасное место, на Белоозеро; с нею Иван Васильевич отправил и свою казну; но мать великого князя, инокиня Марфа, пожелала остаться в столице и разделить с населением грозившие ему опасности. За это ее очень хвалили в народе — видели в ней настоящую русскую женщину.



А. Васнецов В Московском Кремле

Иван Васильевич отправился к войску, которое уже стояло отрядами по Оке и Угре. Нападение Ахмата с громадной ордой напоминало нашествие Мамая. Ждали все битвы, подобной Куликовской. Духовенство ревностно побуждало воинов и благословляло их на бой с погаными, чтобы не допустить их разорять Русскую землю. Но война была совсем не по душе осторожному и расчетливому Ивану Васильевичу: победа зависит нередко от простой случайности, от счастья, а он смело действовал только там, где можно было рассчитывать наверняка. Велика была у него рать, но и ханская орда была не меньше. На беду, нашлись еще и между

советниками великого князя малодушные люди, «богатые сребролюбцы, ожиревшие предатели», как называет их летописец, которые усиливали его нерешительность: они напоминали ему о том, как Дмитрию Донскому пришлось искать спасения от Тохтамыша, Василию Дмитриевичу — от Едигея; напоминали ему о плене его отца. И вот, в то время как в Москве все ждали с нетерпением отрадных вестей из войска, неожиданно приезжает сюда сам Иван Васильевич, главный вождь, приказывает сжечь вокруг столицы посады, посылает звать к себе из войска и сына своего, и князя Холмского. Все это показывало, что он не надеется устоять в бою с татарами, что опасается их набега на Москву. Народ пришел в ужас. Поднялся ропот: — Князь покидает войско, робеет, — говорили недовольные, — сам разгневал хана — не платил ему выхода (дани), а теперь выдает нас.

В Кремле встретили великого князя митрополит и ростовский владыка Вассиан. Вассиан сильно корил великого князя, назвал его даже бегуном и говорил ему:

— Вся кровь христианская падет на твою голову за то, что ты выдаешь христианство, бежишь без бою с татарами. Чего боишься? Смерти? Не бессмертный ты человек, а смертный; а без року смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю. Дай мне, старику, войско. Посмотришь, уклоню ли я лицо свое пред татарами!

Недовольство в Москве было так велико, что Иван Васильевич не остановился даже в Кремле, а жил в Красном Сельце под Москвою. Ни Холмский, ни сын к нему не ехали, несмотря на его приказы.

— Умру здесь, а к отцу не пойду, — говорил молодой князь.

Убедился Иван Васильевич, что надо покориться общему желанию, и, сделав некоторые распоряжения на случай осады Москвы, снова отправился к войску.

Благословляя великого князя, митрополит ободрял его и, между прочим, сказал:

— Мужайся и крепись, сын духовный, не как наемник, но как пастырь добрый, полагающий душу свою за овцы, постарайся избавить врученное тебе словесное стадо Христовых овец от грядущего ныне волка. Господь Бог укрепит тебя, поможет тебе и всему твоему христолюбивому воинству.



В. Васнецов Московский Кремль при Иване III

Иван Васильевич прибыл в стан; но все-таки природная его нерешительность и робкие советники опять взяли верх: он пытался покончить дело миром. Завязались переговоры. Отправлен был посол к хану с дарами и челобитьем, чтобы он «пожаловал свой улус,

не велел бы его воевать». Хан обрадовался: он побаивался и сам вступать в решительный бой с сильною московскою ратью, а литовская помощь не приходила.

— Жалую Ивана, — приказал хан сказать в ответ, — пусть он сам приедет бить челом, как делали предки его.

Иван Васильевич, конечно, не поехал. Тогда хан умерил несколько свои требования и послал сказать: — Сам не хочешь ехать, так сына или брата пришли!

Это требование также не было исполнено. Подождав напрасно ответа, Ахмат послал в третий раз сказать: — Если сына и брата не хочешь прислать, то пришли для переговоров Никифора Басенкова.

Этого боярина татары очень любили: он был уже раз в Орде и щедро их одаривал.

Неизвестно, как бы поступил Иван Васильевич; но в то время пришло к нему послание Вассиана — оно прервало переговоры.



Именная печать Иоанна III

В своем длинном и красноречивом послании Вассиан писал, между прочим, следующее: «Ныне слышим, что бусурманин Ахмат уже приближается и губит христиан, а ты пред ним смиряешься, о мире молишь, а он гневом пышет, твоего моления не слушает, вконец хочет разорить христианство. Дошел до нас слух, что прежние лживые советники советуют тебе не противиться врагам, отступить и оставить словесное стадо Христовых овец на расхищение волкам. Молюсь твоей державе, не слушай их! Что советуют тебе эти льстецы лжеименитые, которые думают, будто они христиане? Советуют бросить щиты и без борьбы с окаянными сыроядцами предать христианство, свое отечество и подобно беглецам скитаться по чужим странам. Помысли, великомудрый государь, от какой славы в какое бесчестие сведут они твое величество, когда погибнет народ тьмами, а церкви Божьи будут разорены и поруганы. Кто каменносердечный не восплачется об этой гибели? Убойся же и ты, пастырь! Не от твоих ли рук взыщет Бог эту кровь? Не внимай, государь, людям, хотящим честь твою преложить в бесчестие, хотящим, чтобы ты стал беглецом, назывался предателем христианским; выйди навстречу безбожным агарянам, поревнуй прародителям твоим, великим князьям, которые не только обороняли Русскую землю от поганых, но и чужие страны покоряли — говорю об Игоре, Святославе, Владимире Мономахе, который бился с окаянными половцами за Русскую землю, и о многих других, о которых ты лучше моего знаешь. А достохвальный великий князь Димитрий, твой прародитель, какое мужество и храбрость показал над теми же окаянными сыроядцами. Сам впереди бился, не щадил жизни своей для избавления христиан, не побоялся множества татар, не сказал сам себе: „У меня жена и дети и много богатства. Если и землю мою возьмут, то поселюсь в другом месте“. Но, не колеблясь,

воспрянул на подвиг, наперед выехал и стал лицом к лицу против окаянного воина Мамая, желая исхитить из уст его словесное стадо Христовых овец. За то и Бог послал ему на помощь ангелов и святых мучеников; за то и до сих пор Димитрий славится не только людьми, но и Богом. Так и ты поревнуй своему прародителю, и Бог защитит тебя; если же ты с воинами до смерти постраждете за православную веру и святые церкви, то блаженны будете в вечном наследии... Но, быть может, ты опять скажешь, что мы находимся под клятвою прародительской — не поднимать на хана рук, то знай, что клятву, данную поневоле, нам велено разрешать, и мы прощаем, разрешаем, благословляем тебя идти на Ахмата не как на царя, а как на разбойника, хищника, богоборца: лучше, обманувши его, спасти жизнь, чем, соблюдая клятву, погубить все, то есть пустить татар в землю на разорение и истребление всему христианству, на запустение и осквернение святых церквей и уподобиться окаянному Ироду, который погиб, не желая преступить клятвы. Какой пророк, какой апостол или святитель научил тебя, великого христианского царя, повиноваться этому безбожному, оскверненному, самозваному царю? Бог не столько за грехи, сколько за недостаток упования на Него напустил на прародителей твоих и на всю землю нашу окаянного Батыя, который разбойнически завладел нашей землей, поработил нас и воцарился над нами, не будучи царем и не от царского рода.

Тогда мы прогневали Бога, и Он разгневался на нас как чадолюбивый отец, а теперь, государь, если ты надеешься от всего сердца и прибегаешь под крепкую Его руку, то помилует нас милосердный Господь...».



Великий князь Иоанн III Васильевич

Но как ни было убедительно и красноречиво послание Вассиана, Иван Васильевич все-таки не решился вступить в бой с татарами.

Когда река Угра, разделявшая русских от врагов, стала и татары легко могли перейти ее по льду, великий князь дал приказ своим полкам немедленно отступить. Ужас обуял тогда ратных людей: они могли подумать,

что татары уже перешли реку и окружают их. Отступление русских было так поспешно, что походило на бегство. Но Ахмат и не думал их преследовать; татарам было не до того: они были босы и ободраны, по словам современников, а в то время наступали морозы. Помощи от Литвы хану не было. Могли дойти до него и недобрые вести из Орды. Отряд русских воинов, под начальством Ноздреватого, в это время напал на беззащитный Сарай и разграбил его. Так было дело или иначе, но хан с ордой своей 11 ноября поспешно пошел назад и, проходя по литовским владениям, разорял и грабил их, злобясь на Казимира за то, что тот вовремя не помог ему.

Великий князь торжественно вернулся в Москву. Все радовались, что дело обошлось так легко. «Не человек нас оборонил, — говорили в народе, — а Бог и Пречистая Богородица».

1480 год считается последним годом владычества татар над Русской землей.

Скоро в Москву пришла радостная весть, что Ахмат погиб в борьбе с враждебной ему Ордой (6 января 1481 года). А двадцать лет спустя Кипчацкое царство (Золотую Орду) разгромил крымский хан Менгли-Гирей, союзник Москвы.

Менгли-Гирей постоянно враждовал с Золотой Ордой и потому дорожил союзом московского великого князя, чтобы заодно действовать против общего врага. В 1475 году турки покорили Крым, и крымский хан стал подручником султана, который мог сменить его, когда вздумается. А в случае такой беды Иван Васильевич мог дать у себя убежище своему старому союзнику. Стало быть, у Менгли-Гирея были причины дружить с Москвою, и Крымская Орда до поры до времени была неопасна для нее.



Н. Шустов Иван III разрывает ханскую грамоту

Скоро и Казань утратила свою независимость. Когда здесь начались усобицы, Иван Васильевич вмешался в казанские дела. В 1487 году русское войско осадило Казань, и казанцы должны были принять хана из рук Ивана Васильевича. Ханом был посажен Магмет-Аминь, как подручник великого князя московского. Около этого же времени были покорены земли на северо-востоке — Пермская область и Приуральские земли.

Уничтожение уделов

Чем удачнее шли внешние дела, чем могучее становился Иван Васильевич, тем смелее стремился он упрочить и внутри государства свое единовластие; ни на какие права удельных князей он уже не смотрел. Еще в 1463 году, вскоре после смерти отца, Иван Васильевич завладел Ярославской областью. Она была разделена между множеством мелких князей (Курбские, Прозоровские, Львовы, Сицкие, Шаховские и другие). Один из них считался великим князем всей ярославской земли, именно Александр Федорович; силы сопротивляться у него вовсе не было, и князя ярославской земли обратились в простых вотчинников — бояр московских.

Неподалеку от Москвы был город Верея. Здесь княжил внук Дмитрия Донского, престарелый Михаил Андреевич. Старик князь старался во всем угождать великому князю, исполнял все его требования, никогда ни в чем не перечил ему. Казалось, никакого повода не было к уничтожению Верейского удела, но Иван Васильевич нашел предлог. Ему вздумалось подарить какое-то драгоценное жемчужное украшение своей невестке: оказалось, что Софья Фоминишна подарила его, без ведома мужа, своей племяннице, которая вышла замуж за Василия Михайловича, сына верейского князя. Иван Васильевич пришел в ярость, послал забрать у него все приданое его жены, пригрозил, что посадит его вместе с женою в тюрьму. Василий Михайлович бежал с женою в Литву. Это было признано изменою. Иван Васильевич отобрал было у Михаила Андреевича Верею за бегство сына его. Умилостивил старик великого князя только тем, что отрекся от сына, обязался не сноситься с ним, всяких посланцев его выдавать в Москву и в

завещании все свои владения отказать великому князю. Скоро после этого Михаил Андреевич умер, и Верея была присоединена к Москве.



И. Горюшкин-Сорокопудов Базарный день

Более самостоятельным князем, чем верейский, был тверской князь Михаил Борисович, но он должен был в договоре смиренно называться «младшим братом» сына Ивана Васильевича и обязывался не сноситься с Литвою. Но недолго продержалась и Тверь. Мелкие князья, имевшие владения в Тверской области, подручники тверского князя, стали один за другим переходить к Москве, а за ними и многие тверские бояре. Это и понятно. Тверским боярам повсюду, где земли их были смежны с московскими владениями,

терпеть стало невмочь; московские землевладельцы причиняли тверским всякие насилия и обиды, а управы и защиты нигде нельзя было найти: у Ивана Васильевича всегда свой был прав, а если московского помещика в чем-либо обижали, то великий князь вступался за него, немедленно посылал к тверскому князю с угрозами требовать удовлетворения.

Нашелся у Ивана Васильевича, наконец, предлог и совсем покончить с Тверью: перехватили тверского гонца с грамотами в Литву. Напрасно Михаил Борисович пробовал оправдываться. Московское войско в 1485 году, 8 сентября, подступило к Твери, а 10-го тверские бояре покинули своего князя и стали являться к Ивану Васильевичу с просьбой принять их к себе на службу. Что оставалось делать всеми покинутому Михаилу Борисовичу? Он бежал в Литву. 12 сентября наместник его с родичами своими и другими боярами, с земскими людьми и с владыкою прибыли к Ивану Васильевичу. Они били челом ему, молили его пощадить их и принять под свою руку. Московский государь торжественно, как победитель, вступил в Тверь; она была присоединена к Москве (1485 год). Тверской князь искал в Литве помощи, но ничего не добился.



Древний вид Твери

С родными своими братьями Иван Васильевич сначала ладил; но в 1472 году, когда умер Юрий, следующий за ним брат, он удел умершего присоединил целиком к Москве и не подумал поделить наследство с остальными братьями: те обиделись, потребовали и себе земель. Впрочем, на этот раз распря скоро кончилась: Иван Васильевич уступил братьям кой-какие волости. Несколько лет спустя возник снова разлад. Бояре, подобно прежним дружинникам, считали себя вправе переходить свободно на службу от одного князя к другому, и князь Оболенский-Лыко, служивший у великого князя, отъехал от него на службу к брату его Борису Васильевичу, князю Волоцкому. По приказу великого князя Оболенский был схвачен, закован и привезен в Москву.

Это сильно оскорбило князя Бориса. Прежде князья даже договоры между собой заключали, чтобы боярам и

вольным людям никакой помехи не было служить тому князю, какому они захотят. Такие договоры были даже особенно выгодны для богатых московских князей: к ним охотно шли на службу из других областей бояре и служилые люди. Теперь же выходило, что великий князь, принимая к себе на службу бояр, отъезжавших из других областей, считал изменником боярина, пожелавшего отойти от него на службу к его брату. Оскорбленный Борис Волоцкий с братом Андреем, князем Углицким, решили защищать свои права. Собрали они, сколько могли, рати и двинулись к литовским границам, рассчитывая на помощь Казимира.

Не время было Ивану враждовать с братьями; для него наступала тогда тяжелая пора: Ахмат готовился ударить на Русскую землю со своей ордой. Литва собиралась тоже начать войну, а тут еще и братья задумали поднять усобицу. Скрепя сердце Иван Васильевич поспешил помириться с ними — все требования их исполнил.

Десять лет спустя оба брата получили великокняжеский приказ послать своих воевод с воинскими отрядами на помощь крымскому хану Менгли-Гирею против сыновей Ахмата. Борис исполнил приказание великого князя, но Андрей ослушался. По приглашению великого князя, немного времени спустя, он приехал в Москву. Иван Васильевич принял брата, казалось, ласково, беседовал с ним долго и дружески; на другой день пригласили его с боярами к великому князю на обед. Когда Андрей явился во дворец, бояр его отвели в столовую гридню, а самого попросили в комнату, которая называлась «западнею». Сюда пришел великий князь, приветливо поздоровался с братом, а затем вышел. Тогда вошел боярин князь Ряполовский и со слезами на глазах сказал:

— Государь-князь, Андрей Васильевич, пойман ты еси Господом Богом и государем великим князем Иваном

Васильевичем всея Руси, твоим старшим братом.

— Волен Бог да государь; Бог нас рассудит, а я не повинен! — отвечал Андрей.

Его заковали в оковы и посадили в тюрьму (1491 год). Удел его был присоединен к Москве. Сыновья его были тоже схвачены и заключены. Как отец, так и они уже не видали больше свободы — в темнице и умерли.

Другой брат великого князя — Борис Васильевич — не имел такой печальной участи, но был постоянно в страхе; во всем беспрекословно повиновался он великому князю, как любой из бояр-помещиков, и повода лишать его волости не было.

Рязанская область тоже только по имени была княжеством: князь рязанский, родной племянник великого князя, был в полной его власти.

Неуклонно шел Иван Васильевич по тому пути, который был намечен еще первыми московскими князьями, уничтожал остатки уделов, сколачивал все разрозненные части Русской земли в одно целое и крепкое государство. Самовластно распоряжался он с близкими родичами своими; еще меньше стеснялся с мелкими князьями: одни из них добровольно, другие поневоле отказывались от самостоятельности, подчинялись московскому государю, обращались в бояр-вотчинников; некоторые, умирая, по духовному завещанию отказывали свои земли московскому государю. Таким образом, завершалось великое дело собирания Русской земли в одно целое, и Иван III заслуживает еще больше, чем все его предшественники, название «собирателя Русской земли». Только Псков и часть Рязанской области до поры до времени считались отдельными владениями — и то только потому, что воля великого князя исполнялась здесь беспрекословно.

Борьба с Литвою

Собирая Русскую землю, мог ли Иван Васильевич забыть, что западные и юго-западные русские волости были в руках литовских князей, постоянных врагов Москвы? Мог ли он забыть, что Казимир Литовский поддерживал восстание в Новгороде и подбивал Ахмата напасть на Москву? Лишь только миновала татарская гроза, Иван Васильевич задумал силою добывать от Литвы русские земли. Дальновидный и осторожный, он стал готовиться исподволь к борьбе, искал себе союзников между соседями Литвы: породнился с молдавским господарем Стефаном — на его дочери женил своего сына; вступил в дружбу с венгерским королем; искал союза и с германским императором; скрепил дружбу с Менгли-Гиреем договорами; обещал помощь против кипчацких ханов ему только в том случае, если он будет постоянно беспокоить своими набегами Казимира. Наконец, и в самой Литве Иван Васильевич нашел союзников. В западной Руси никогда не умирала мысль о родстве с восточной Русью: язык да одна и та же православная вера поддерживали связь между ними. Притом Иван Васильевич постоянно выставлял себя защитником православия не только в своих владениях, но и в литовских. Когда рушилось ненавистное татарское иго над Москвой и она окрепла в могучее государство, многие в западной Руси стали смотреть на Ивана Васильевича, о тонком уме которого и дальновидности шла повсюду слава, как на природного государя всей Русской земли.

Мелкие пограничные князья (по большей части потомки черниговских), из которых одни были в подданстве у Литвы, а другие служили Москве, ссорились между собою, вели старые родовые усобицы.

Некоторые из этих князей, зависевших от Литвы, недовольные литовским правительством, у которого нельзя было часто найти ни суда, ни управы, переходили из литовского подданства в московское. Так перешел на службу к Ивану Васильевичу князь Белевский, затем князья Одоевские, Воротынские и другие. С переходом этих князей и вотчины их отделялись от Литвы и попадали под ведение московского государства. Напрасно литовское правительство доказывало, что многие земли этих князей, как пожалованные литовскими князьями за верную службу предкам отъезжавших князей, должны остаться в руках литовского правительства: Иван Васильевич ни на что не обращал внимания.



Н. Овечкин Иван III

Мало того. Князья, новые подданные московского великого князя, нападали на земли своих родичей, оставшихся в подданстве у Казимира, захватывали их волости и присоединяли к своим. Эта мелкая пограничная война шла непрерывно. Поводов к большой войне было всегда вдоволь. На границе литовских и московских владений с той и с другой

стороны развелось много разбойничьих шаек, — купцам тут и проезду не было. Житье здесь было совсем плохое. От московских подданных шли бесконечные жалобы на литовских разбойников, а литовские подданные жаловались на московских. Казимир сильно злобился на Ивана за то, что он принимал к себе изменников литовских, щедро жаловал их и вотчины их присоединял к Москве; но до самой смерти Казимира войны с Москвою не было.

Умер он в 1492 году, Польша и Литва разделились между его сыновьями: Яну Альбрехту досталась Польша, Александру — Литва.

Иван Васильевич немедленно послал своих воевод на Литву; Менгли-Гирей должен был ударить на нее со своей ордой. Трудно было Литве отбиваться от двух врагов. Литовское правительство добивалось мира; предложено было Ивану Васильевичу выдать за литовского князя его дочь — думали таким образом склонить его к уступкам и вечному миру; но он и слышать не хотел об этом браке и о мире, пока Литва не уступит ему все завоеванные им земли. С каждым днем эти завоевания увеличивались: московская рать подвигалась вперед, забирала один литовский город за другим; служилые князья не переставали переходить из литовского подданства в московское, — пришлось поспешить исполнить требования Ивана Васильевича.



***Ф. Солнцев Кресло или трон из слоновой кости
Иоанна III***

В Москву явилось литовское посольство; старший посол от имени Александра сказал Ивану Васильевичу на торжественном приеме:

— Дал Бог, что мы приняли с тобой любовь, братство и dokonчание (договор), как отцы наши имели его; но мы хотим еще лучших отношений с тобою. Если то Богу угодно, дал бы ты за нас свою дочь, чтобы мы были с тобою в вечной дружбе и родственной связи теперь и навеки.

— Слышали мы ваши речи, — отвечал великий князь, — и с Божьею помощью хотим такого сближения с вашим государем. Как Бог захочет, так и дело будет.

Прежде свадьбы Иван Васильевич уладил государственные дела. Город Вязьма, князя Одоевские,

Воротынские, Новосильские и Белевские отошли к Москве со своими вотчинами. В грамоте титул государя был так написан: «Божьей милостью, государь всея Руси и великий князь владимирский, московский, новгородский, псковский, тверской, югорский, пермский, болгарский и иных». Иван Васильевич первый стал писать при сношениях с Литвою в своем титуле слова: «всея Руси». Это очень не нравилось литовскому князю, под властью которого было много русских земель; но делать было нечего — пришлось уступить и заключить мир на всей воле московского государя.

В 1495 году совершилось бракосочетание Александра и Елены, дочери Ивана Васильевича. Литовский великий князь дал тестю обещание не понуждать жены к католичеству. Отпуская дочь в Литву, Иван Васильевич строго-настрого наказывал: «К латинской божнице ей не ходить, а ходить ей к своей церкви». Литовский князь не добился браком с Еленой «вечной дружбы» тестя, но тот своих выгод не упустил. Начал он с того, что постоянно жаловался, будто бы дочь его в Литве нудят к перемене веры. Никакие доводы, ни даже письма дочери не могли разуверить его в этом. Затем он стал жаловаться на притеснения в Литве вообще православных русских.

«Дошел до нас слух, — писал он дочери, — что муж твой нудит тебя и иных людей отступить от закона греческого. Ты в этом мужа не слушай, до крови и до смерти в этом деле пострадай, к римскому закону не приступай, чтобы от Бога душою не погибнуть, а от нас и от всего православного христианства не быть в проклятии, и сраму от иных вер православию не делай. Ответь нам обо всем этом, правда ли то, и мы тогда к мужу твоему пошлем, зачем он делает против своего слова и обещания».

Не дожидаясь ответа, Иван Васильевич начал враждебные действия против Литвы; завел опять

переговоры с крымским ханом о нападении на нее. В это время князья Василий Шемячич (внук Шемяки) и Семен Можайский переходили от Литвы в подданство Москвы. Они отдавали под верховную власть московского государя все земли, пожалованные им дедом и отцом (Стародуб, Чернигов, Любеч, Новгород-Северский и другие). Перешли на сторону Ивана и еще несколько мелких князей и бояр (князья Масальские, бояре Мценские, Серпейские и другие). Причиной перехода выступали притеснения православия в Литве. (Католическому духовенству здесь позволялось обращать православных в католичество.) Принимая этих отъездчиков к себе на службу, великий князь московский нарушал мирный договор с Литвою. Но могли отказаться он от таких крупных «примыслов» к Русской земле? Он больше не медлил и послал разметную грамоту (объявление войны) своему зятю. Вслед за грамотой была послана и большая военная сила.



***Ф. Солнцев Кресло или трон из слоновой кости
Иоанна III***

Война шла очень удачно для Москвы. Московская большая рать под начальством князя Даниила Щени встретила литовское войско на речке Ведроше, у Дорогобужа, 14 июля 1500 года и нанесла литовцам решительное поражение благодаря ловко устроенной засаде. Сам гетман, князь Острожский, и другие литовские воеводы попались в плен. Затем под Мстиславлем русские снова победили литовцев. Два с лишком года еще продолжалась война. В нее вмешались ливонские рыцари. Магистр их Вальтер фон Плеттенберг одержал, благодаря своим пушкам, две победы над русскими, но все же большой пользы своим союзникам не принес; наконец, несмотря на все свое мужество, должен был отступить. Александр запросил мира. Литовские послы прибыли в Москву 4 марта 1503 года для заключения мира. Они привезли, между прочим, письма от Елены к отцу, матери и братьям.



Иван III

Житъе Елены было незавидно в Литве: она не могла удержать своего отца от войны с мужем, между тем этого от нее требовали; ее даже подозревали в том, что она сносится с отцом во вред Литве.

В своем любопытном письме к отцу Елена писала между прочим: «Дочь твоя челом бьет. Государь, мой муж послал к тебе великих послов о тех обидных делах,

которые от твоих людей, с Божьего попущения, начались. Вся вселенная вопиет, и ни на кого, как только на меня, что будто я к тебе, государю, пишу, приводя тебя на то дело, и говорят, какой отец бывает враг детям своим. Господин, государь-батюшка! Вспомни, что я служебница твоя и ты отдал меня за такого же брата своего, как и ты сам. Ведаешь и сам, что ты дал ему за мною и что я ему потом принесла; однако, государь, и муж мой, король и великий князь Александр, взял меня с доброю волею и держал меня в чести и жалованье и в той любви, какая прилична мужу к своей подруге; и теперь держит в той же мере, нисколько не нарушая первой ласки и жалованья, позволяет мне сохранять греческую веру, ходить по своим церквам, держать на своем дворе священников, дьяконов и певцов для совершения литургии и другой службы Божией, как в литовской земле, так и в Польше, и в Кракове, и по всем городам. Мой государь, муж не только в этом, да и в других делах, ни в чем перед тобою не отступил от своего договора и крестного целования... Король, его мать, братья, зятья, сестры, паны, рада — вся земля — все надеялись, что со мною из Москвы в Литву пришло все доброе, вечный мир, кровная любовь, дружба и помощь на поганство; но теперь видят, что со мною пришло всевозможное зло: война, рать, осада, сожжение городов и волостей; проливается христианская кровь; жены остаются вдовами, дети сиротами, плен, плач, крик, вопль. Вот каково жалованье, какова любовь твоя ко мне... Вся вселенная, государь, ни на что, а только на меня вопиет, что это кровопролитие случилось от моего прихода в Литву, будто я государю моему пишу и тебя на это привожу; если б, говорят, она хотела, никогда того лиха не было бы! Мило отцу дитя; какой отец враг детям своим? И сама разумею и вижу по миру, что всякий печалуетса детками своими, только одну меня по моим грехам Бог забыл. Слуги наши чрез силу свою,

трудно поверить какую, казну дают за дочерьми своими, и не только дают, но потом каждый месяц навещают, и посылают, и дарят, и тешат, и не одни паны, все простые люди деток своих утешают; только на одну меня Господь Бог разгневался, что пришло такое нежалование. Я, господин государь, служебница твоя, ничем тебе не согрубила, ничем перед тобою не согрешила и из слова своего не выступила. А если кто иное скажет — пошли, господин, послов своих, кому веришь: пусть обо всем испытно доведаются и тебе скажут... За напрасную нелюбовь твою нельзя мне и лица своего показать перед родными государя моего мужа, и потому с плачем тебе, государю моему, челом бью: смилуйся над убогою девкою своею; не дай недругам моим радоваться о беде моей и веселиться о плаче моем. Когда увидят твое жалованье ко мне, то я всем буду и грозна, и честна, а не будет твоей ласки — сам, государь-отец, можешь разуметь, что все родные и подданные государя моего покинут меня... Служебница и девка твоя, королева польская и великая княгиня литовская, Олена, со слезами тебе, государю-отцу своему, низко челом бьет».

Почти то же писала Елена и матери своей и братьям. Иван Васильевич отвечал на письмо дочери так: «Что ты, дочка, к нам писала, то тебе непригоже было писать... Нам гораздо ведомо, что муж твой посылал к тебе отступника греческого закона, владыку смоленского и бискупа виленского и чернецов-бернардинов, чтобы ты приступила к римскому закону; да не к тебе одной посылал, а ко всей Руси посылал, которая держит греческий закон, чтобы приступали к римскому закону. А ты бы, дочка, помнила Бога и наше родство, и наш наказ и держала бы греческий закон крепко, и к римскому закону не приступала бы, и римской церкви и папе не была бы послушна ни в чем, и не ходила бы к римской церкви, и не норовила бы никому душой, и мне, и себе, и

всему роду нашему не чинила бы бесчестия. Хотя бы тебе, дочка, пришлось за это и до крови пострадать — пострадай!.. Бей челом нашему зятю, а своему мужу, чтобы тебе церковь греческого закону поставил да чтобы и панов, и паней дал бы тебе греческого закона, а панов и паней римского закона от тебя отвел. А если ты приступишь к римскому закону волей или неволей, погибнет душа твоя от Бога и быть тебе от нас в неблагословении, и я тебя не благословлю, и мать тебя не благословит, а зятю своему мы того не спустим; будет у нас с ним непрерывная рать».

Венгерский король и папа со своей стороны просили также Ивана Васильевича о примирении с Литвою. Польские послы добивались того, чтобы заключить «вечный» мир и чтобы московский великий князь отдал обратно Литве завоеванные земли. Иван Васильевич не согласился. Было заключено лишь перемирие. За Москвою оставались земли князей, перешедших к Ивану Васильевичу; притом он открыто заявил, что будет добывать от Литвы древние русские земли, захваченные ею.

— Отчина королевская, — говорил он, — земля польская и литовская, а Русская земля — наша отчина. Киев, Смоленск и многие другие города — давнее наше достояние. Мы их будем добывать. Хотите вечного мира, — сказал он в заключение литовским послам, — отдайте Смоленск и Киев.

Перемирие было заключено по воле Ивана Васильевича на шесть лет (с 1503 по 1509 год).



***Ф. Солнцев Серебряная братина великою князя
Иоанна III***

Церковные смуты

Много смуты было на Руси и в церковных делах в это время. Русский народ был очень набожен. Иностранцев, заезжавших в русские земли, всегда поражало обилие церквей. Строились они беспрестанно. Постигала какая-либо беда город с его областью: бездождие, голод, мор, — жители спешили молитвою отворотить беду, ставили по обету «обетные» церкви, воздвигали их иногда в один день, даже в одно утро, и в тот же день освящали. Жители города или селения сговаривались на сходе соорудить такую «обыденную» церковь, шли в лес, рубили бревна, свозили их, а иногда из усердия на плечах сносили их на место и всем миром строили церковь во имя дневного святого. Если беда не прекращалась, строили новую обыденную церковь другому святому и так далее. Во всех городах было так много церквей, что иногда нечем было их содержать, недоставало на все церкви причта, и приходилось отыскивать свободных священников, которых и призывали по временам служить в тех церквях. По главным храмам часто называли и города. Так, Новгород назывался городом Святой Софии; Псков — Святой Троицы; Московская область звалась землею Богородицы (по Успенскому собору в Москве). Река Угра на границе с Литвой называлась поэтому поясом Богородицы и тому подобное. Сильно заботились предки наши также об украшении храмов. Красивые колокольни, «доброгласные и многошумные» колокола, богатые, блистающие золотом и драгоценными камнями оклады на иконах очень занимали благочестивых русских людей.



М. Я. Вилье Праздничный трезвон

Сильна была вера в чудотворную силу некоторых святых икон и мощей святых угодников. В разных городах были свои местные святыни. Москва, собирая около себя всю Русскую землю, стала собирать к себе, начиная с перенесения Владимирской иконы, и русские местные святыни с разных концов и, таким образом, становилась дорогим священным городом для всей

Русской земли. В честь новоявленных святых и святых икон устанавливались новые праздники. Постоянно совершались молебствия и крестные ходы; пред большими праздниками толпы богомольцев двигались по пути к разным монастырям, к разным местам, где была какая-либо святыня. Из северных монастырей после Троице-Сергиевской лавры обыкновенно высоко чтился Кирилло-Белозерский монастырь (возник в XIV столетии). Строго соблюдались посты, подолгу выстаивали благочестивые люди в храмах на долгих праздничных богослужениях, усердно произносили молитвы, свято соблюдали всякие благочестивые обряды.

Набожны, богомольны были русские люди того времени, но многим ли из них понятен был внутренний смысл учения Христова? Многие ли соблюдали главные заповеди Христовы? Жалобы современников на насилия, лихоимство, алчность и разные пороки, в которых погрязли люди того времени, показывают, что нет. Далеко не всегда понимали они, в чем заключается свет и правда христианства, хоть и называли себя православными христианами и гнушались всех неправославных. И винить их за это нельзя было — учить их было некому.

Татарский погром, народная нищета, поборы тяжелой дани два с половиной века не давали очнуться русскому народу. С благодатного юга орды татар оттеснили русскую жизнь на бедный северо-восток; сношения с Византией затруднились, а латинского Запада русские всегда чуждались; с ним были сношения только торговые чрез Новгород.

Где нужда да беда, там тесно и науке. После принятия христианства книжное дело пошло было на Руси бойко. Церковные книги переписывались, переводились с греческого поучительные сочинения, составлялись сборники, жития святых; не только

духовные лица заботились о книжном деле, но и между князьями и боярами были «книголюбцы», которые скупали рукописи, не жалея денег, нанимали писцов списывать книги, изучали греческий язык; пробовали сами писать сочинения. Но настала тяжкая пора татарщины — и просвещение начало глохнуть на Руси; глохло оно и там, где без него никак уж обойтись нельзя было — в церкви. В XIV веке школ на Руси совсем не было. Кто хотел, мог перенять грамоту кое-как от духовных лиц да церковных причетников. Эти «мастера», как их звали, сами были не сильны в книжном деле, немногому могли научить своих учеников, и нередко приходилось ставить в священники почти безграмотных людей. Новгородский владыка Геннадий в своем послании митрополиту горько жалуется на это.



***Г. Лебедев Кирилло-Белозерский монастырь. Белая
ночь***

«Приводят ко мне, — пишет он, — мужика в попы ставить. Я велю ему читать Апостол, а он и ступить не

умеет; приказываю ему дать Псалтырь, а он и по той едва бредет. Откажу я ему, — и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можем добыть, кто бы умел грамоте... Бьет мне челом, господине, вели учить. Приказываю учить ектению, а он и к слову пристать не может; ты говоришь ему то, а он говорит иное. Я велю им учить азбуку, а они поучатся мало азбуке да просятся прочь и не хотят ее учить...».

Даже и высшие духовные лица были часто люди некнижные, своих поучений говорить не могли; понадобилось составить для них сборник готовых поучений на воскресные и праздничные дни. Но с чужим знанием и умением далеко не уйдешь. У греков наряду с хорошими книгами было немало дурных сочинений, где вкривь и вкось объяснялось Священное Писание, а нередко вносились и заведомо ложные толкования. Эти книги справедливо осуждались ученым византийским духовенством, их запрещали, называли ложными, отреченными книгами (апокрифы). Наше же духовенство по своему невежеству пользовалось и этими книгами и усваивало различные ложные толкования. Если и высшее, избранное духовенство, епископы, — и те не сильны были просвещением, то нечего и говорить о низшем духовенстве, о священниках, которым и простая грамотность с трудом давалась. Где было им толковать Священное Писание, учить мирян, когда сами они по большей части не разумели его. Таким приходилось даже запрещать поучать народ, чтобы не сбивали его с толку. Мудрено ли, что при таком упадке духовного просвещения и миряне не понимали истинного смысла учения Христова, — соблюдали церковные обряды, строго держались постов, долго и усердно молились — и думали, будто все, что требовалось от христианина, ими сделано. Даже молитвы и обряды в полной чистоте сохраниться не могли; с ними смешивались разные языческие суеверия и обычаи.

Темна и мелка была мирская жизнь в те времена, а нравы были страшно грубы. Человеку с большим умом и чутким сердцем часто невмочь становилось жить в «миру». Лучшие люди того времени, подвижники, чуждались мирян, презирали мирскую жизнь, полную греха и соблазна, бежали от нее. Человеческому уму не было тогда где развернуться, не было для него настоящего дела: никаких наук тогда и в помине не было; общественного дела, где приходится пораскинуть умом, потрудиться на общую пользу, тоже не было; притом тогда даже думным боярам не позволялось «высокоумничать». Человеку оставалось заниматься только своими мелкими житейскими делами — ум его мельчал, обращался в хитрость, в сметливость, в житейскую ловкость, в умение обдeldывать свои делишки... Более чуткие люди, конечно, понимали, что такой мелкий ум большой цены не имеет. А в делах веры ум человеческий еще меньше ценится: здесь требовалось всем сердцем верить тому, что дано высшим, божественным разумом. Что надо было истолковать, то истолковано апостолами и святыми отцами церкви. Объяснять что-либо по-своему значило впадать в ересь, в суемудрие, в гордость. Как своеволие в мирских делах считалось преступным, так и своемыслие в делах веры считалось греховным. Таким образом, ум мог считаться источником греха. Отсюда нетрудно было прийти к презрению ума. Были на Руси особенные подвижники — «юродивые», они отрекались не только от всех благ и радостей мирских, но и от разума, этого высшего человеческого дара. Юродивые старались уподобиться «детям несмысленным», прикидывались безумными, творили всякие чудачества, чтобы вызвать насмешки, брань, даже побои. Чем больше удавалось им потерпеть от легкомысленных людей, тем больше достигалась цель их подвижничества, «юродства ради Христа». Часто между

юродивыми были очень дальновидные, чуткие люди. Нередко они смело высказывали горькую правду сильным людям; своим детским незлобием, чистотою сердца и самоотвержением они служили живым укором своекорыстным и жестоким людям. Но людей с просвещенным умом — людей, могущих объяснять мирянам, как надо жить не только на пользу себе, но и другим, в чем состоит истинное христианское благочестие, — таких людей, на беду, не было, а в них-то и была особенная нужда.



Н. Соломин Приезд Ивана III на богомолье

Всею душою хотел русский человек чтить Бога, Бог был в его сердце, но темен был его ум, не понимал, как надо чтить Бога, как угодить Ему; научить же уму-разуму было некому!

Когда нет истинных наставников, часто за дело берутся разные лжеучители. Еще в конце XIV века стало распространяться ложное учение (ересь) в Пскове и Новгороде. Был тогда обычай брать со вновь поставленных священников так называемую ставленую

пошлину. На этот обычай многие роптали: бедным, хотя бы и достойным лицам, очень трудно было попасть в священники. Один дьякон по имени Никита и некто Карп-стригольник (одни объясняют, что он был расстрига-дьякон, другие — что он был по ремеслу стригольник) стали убеждать народ, что те пастыри церкви, которые поставлены на мзде, незаконны. Далее они стали укорять все духовенство тем, что оно берет поборы с живых и мертвых; что оно дурно живет; что все священнодействия и таинства, совершаемые такими недостойными лицами, не имеют никакой силы. В своих отрицаниях еретики (лжеучители) шли все дальше и дальше: они начали учить, что от недостойных священников не надо принимать ни крещения, ни отпущения грехов, ни причащения и прочего; затем стали устранять всякое священнодействие; право учить вере, по их словам, должно принадлежать всем мирянам. Каяться, говорили еретики, можно без священника, припадая к земле; таинство причащения надо понимать в духовном смысле; другие таинства и обряды совсем не нужны. Некоторые из еретиков шли еще дальше, стали отвергать воскресение мертвых и так далее. Говорили эти лжеучители горячо и красноречиво, притом жизнь вели строгую, посты соблюдали. Понятно, что они увлекли многих, и стала распространяться эта ересь даже среди людей грамотных, которые и раньше задумывались над вопросами веры и видели церковное настроение.

Из Пскова ересь перешла в Новгород. Никита и Карп явились и сюда; но владыка новгородский отлучил их от церкви, а народ схватил их и кинул в Волхов (1375 год). Однако сторонники их продолжали распространять ересь. Несколько раз патриархи византийские присылали послания против нее. В Пскове, наконец, многих еретиков посадили в тюрьмы, других казнили; но

ересь все-таки держалась и распространялась втайне; называлась она ересью стригольников.

В конце XV и в начале XVI века стала распространяться здесь новая ересь — ересь жидовствующих. В Новгород занес ее киевский ученый еврей Схария. Он отрицал учение о Троице, о божественности Иисуса Христа, Ветхий Завет ставил выше Нового, отвергал учения отцов церкви, почитание святых мощей и икон, церковные таинства, обряды, монашество. Ересь эта представляла смесь иудейства и христианства. В Новгороде Схария нашел много сторонников: между ними были духовные лица и самые образованные новгородцы. Главные еретики отличались благочестивой жизнью, большой ученостью; говорили они убедительно, спорить с ними было не под силу малообразованным священникам, и лжеучители легко могли сбивать с толку людей, вовлекать их в ересь, и она расходилась все шире и шире.

В 1480 году был в Новгороде великий князь. Тут ему понравились два священника — Дионисий и Алексей. Он взял их с собою в Москву, назначил их протопопами, одного — в Архангельский, а другого — в Успенский собор. Оба они были заражены ересью и стали тайно распространять ее в Москве. Тут нашлось много последователей, даже между духовными лицами: к ереси пристал архимандрит Симонова монастыря Зосима, любимый государев дьяк Федор Курицын и невестка князя Елена.

Еретики вели себя очень осторожно: перед людьми твердыми в православной вере они старались казаться строгими ревнителями православия, но людей слабых мало-помалу опутывали и склоняли в ересь. Особенно хлопотали они о том, чтобы на священнические места проводить своих соумышленников, и это им часто удавалось. Таким образом, ересь втайне разливалась все шире и шире.

Первый открыл ее новгородский владыка Геннадий.

Напал он на явный след ее в 1487 году случайно: некоторые еретики в пьяном виде сами проговорились. Геннадий велел произвести розыски. Дознались, что еретики хулят Сына Божьего, Богородицу, ругаются над святыми иконами. Добыты были и некоторые их книги и тетради. Геннадий дал знать о ереси в Москву великому князю и митрополиту.

Митрополит Геронтий, человек слабый, не ладил с Геннадием и был не в милости у великого князя. Решительных мер против ереси не принималось; у еретиков были сильные заступники при дворе.

Когда умер Геронтий, то по проискам еретиков князь пожелал, чтобы в митрополиты был избран Зосима, симоновский архимандрит. Еретики торжествовали: новый митрополит, зараженный ересью, был для них свой человек. Он стал донимать Геннадия разными придирками.

Но Геннадий, решительный, настойчивый и строгий ревнитель православия, не оставил начатого дела: он писал послания не только великому князю, митрополиту, но и другим архиереям — убеждал их требовать немедленно собора, розыска еретиков и самого строгого суда над ними. В послании к князю Геннадий указывал ему на пример Фердинанда, испанского короля, который лютыми казнями и кострами искоренял ересь в своих землях. Своим товарищам владыкам он советовал ни под каким видом не допускать прений о вере с еретиками.

«Люди у нас просты, — писал он, — не умеют говорить, лучше о вере не плодить никаких речей, а для того только собор учинить, чтобы еретиков казнить, жечь и вешать... Надобно их пытать накрепко, чтобы дознаться, кого они прельстили, чтобы искоренить их совсем и отрасли их не оставить».



***Преподобные Зосима и Савватий Хромолитография
Е. Фесенко***

В XIII веке епископ владимирский Серапион сильно восставал против людей, вздумавших убивать волхвов как еретиков, а теперь ревнитель православия требовал лютой казни еретикам; другого средства бороться с ними не было; невежественным духовным лицам пускаться в споры с еретиками было даже опасно.

Невежество, таким образом, вело к жестокости, противной христианскому духу...

Благодаря посланиям Геннадия дело получило такую огласку, что уже нельзя было его замять, как хотелось митрополиту. По настоянию архиереев он принужден был в 1490 году созвать собор. Здесь еретики были преданы проклятию... Некоторые из них, кого нельзя было укрыть, сосланы были в ссылку. Еретиков, бежавших из Новгорода, отправили к Геннадию.



И. Горюшкин-Сорокопудов Божий суд

Невиданное еще до тех пор зрелище пришлось увидеть новгородцам. По городу возили еретиков, посаженных верхом на кляч лицом к хвосту; на еретиках была надета одежда наизуоборот; на головах у них были соломенные венцы, остроконечные берестовые колпаки с мочальными кистями и с надписью: «Се есть сатанино воинство». Нашлись такие, что плевали еретикам в глаза

и кричали: «Вот враги Божии, хулители Христа!». После поругания еретиков на головах у них зажгли берестовые колпаки.

Но позором и казнью ересь не была ослаблена. Наиболее сильные еретики уцелели. А тут еще случилось обстоятельство, которое на время придало новую силу ереси. Еще в древние христианские времена на Востоке составилось суеверное убеждение, будто бы мир будет существовать только 7000 лет. В 1492 году как раз истекала седьмая тысяча лет (от сотворения мира до Р. Х. считалось 5508 лет). Наступал конец мира и Страшный суд... Ужас обуял суеверных. Раньше и духовенство держалось мысли, что через 7000 лет от сотворения наступит кончина мира. Но роковой 1492 год прошел, и еретики стали смеяться над православными, ругались над их книгами, над воскресением мертвых, над Страшным судом.

Геннадий продолжал всеми силами бороться с ересью.

Нашелся ему сильный помощник — Иосиф Волоцкий.

С юных лет Иван Санин (мирское имя Иосифа) полюбил строгую иноческую жизнь.

Страшно сурова была жизнь в Боровском монастыре, где постригся юный подвижник, но он был из тех могучих духом людей, которых не пугают тяжкие труды и лишения, не останавливают никакие препятствия. Как ни сурова была жизнь в Боровском монастыре, но Иосифу казалась она недостаточно строгой. Он основал свой собственный монастырь в лесах Волоколамских с самым строгим уставом. Вот этот суровый подвижник с несокрушимой волей выступил борцом против ереси, которая видимо крепла, находя опору в митрополите.

«С того времени, — писал Иосиф суздальскому епископу, — как воссияло в земле нашей солнце православия, у нас никогда не бывало такой ереси: в домах, на дорогах, на рынке — все иноки и миряне с

сомнением рассуждают о вере, опираются они не на учении пророков апостолов и святых отцов, а на словах еретиков, отступников христианства; с ними дружатся, учатся от них жидовству, а от митрополита еретики не выходят из дому, даже спят у него».

Иосиф в своих посланиях к русским епископам, к великому князю смело изобличал в ереси самого митрополита, требовал, чтобы владыки, верные православию, отказались от всякого общения с Зосимой, не принимали бы от него благословения. Наконец он добился своего: Зосима был отставлен (1494 год) от митрополии «за пьянство и нерадение о церкви».



Преподобный Иосиф Волоцкий Икона. Первая половина XVI века

Иосиф уговаривал великого князя казнить еретиков; но тот долго медлил.

В это время большую силу при дворе имела Елена, невестка великого князя, зараженная ересью, да и сам великий князь одно время склонялся к ней: по крайней мере, он впоследствии сам каялся, что знал о ереси.

Понятно, как трудно было ревнителям православия бороться с нею. Притом не все духовные лица, подобно разгоряченному борьбой Геннадию и суровому Иосифу, стояли за лютые казни.

В то время как Иосиф требовал, чтобы огнем беспощадно выжечь язву ереси из русского народа, слышался голос другого великого русского подвижника — кроткого Нила Сорского и его последователей, старцев Кирилло-Белозерского монастыря. Они напоминали о христианской кротости, о христианском прощении.



А, Герасимов Иосифа-Волоцкий монастырь

Но Иосиф настойчиво добивался у князя расправы с еретиками. Наконец великий князь после долгих

колебаний созвал собор (1504 год), чтобы окончательно решить дело о ереси. Иосиф требовал, чтобы без пощады казнить главных еретиков, не обращая внимания на их раскаяние. Собор обвинил и предал проклятию нескольких уличенных лжеучителей. Великому князю неудобно было дольше отстаивать их — и 28 декабря главные еретики были сожжены в железных клетках. В Новгороде также сожгли нескольких. Остальных, менее виновных, одних заключили в тюрьмы, а других разослали по монастырям. Иосифу это было не по душе.

«Этим ты, государь, — говорил он великому князю, — творишь мирянам пользу, а инокам гибель».

Ересь не была совершенно истреблена. Она еще существовала втайне и лет через 50 снова сказалась.

Борьба с жидовствующими показала, как необходимо просвещение, подняла вопрос и о церковном настроении. Геннадий жалуется, как сказано выше, что приводят к нему почти безграмотных людей ставиться в священники, и прямо заявляет о необходимости училищ.

«Челом бью государю, — пишет он митрополиту, — чтобы велел училища учинити, да его разумом и грозою, а твоим благочестием то дело исправится; а ты бы, господин, отец наш, государям нашим, а своим детям, великим князьям, печаловался, чтобы велели училища учинити; а мой совет учить в училищах азбуке с толкованием да псалтырь с объяснениями, а потом могут читать всякие книги. А то мужики-невежды учат ребят, только речь им портят. Выучат прежде всего вечерне, за это мастеру (то есть учителю) надо принести каши да гривну денег; за заутреню также, даже больше того, за часы особо, да сверх того еще подарки, как рядится. А кто отойдет от такого мастера, то ничего не умеет — только по книге бредет, а церковного устава совсем не знает».

Неизвестно, насколько эти советы принесли пользы делу.

Понадобились и книги. Еретики ссылались на Библию, а полной Библии не было на Руси; не было также ни одного вполне исправного списка Псалтыри. Геннадий озаботился составить полный список Библии; недостающие книги ее были переведены с латинского языка.



М. Нестеров Пустынник

Борьба с ересью вызвала и новые сочинения. Иосиф написал несколько посланий. Они вошли частью в замечательную его книгу «Просветитель». Здесь заключаются история ереси жидовствующих, обличения ее; тут же приводятся все главные основания православного вероисповедания.

Борьба с ересью заставила обратить внимание и на церковные неурядицы. Еретики постоянно корили православных, что у них священники ставятся на мзде. На соборе 1504 года было постановлено отменить пошлыны при постановлении на священнослужительские места, чтобы не вводить людей в соблазн. С этих пор строго стали смотреть, чтобы это постановление не нарушалось. Даже сам Геннадий должен был отказаться от своего сана и поселиться в монастыре, когда его враги, которых у него было очень много, стали жаловаться, будто он по-прежнему брал «мзду» со священников.

Поднят был на соборе и другой весьма важный вопрос — вопрос о том, следует ли монастырям владеть селами. Монастыри, эти «тихие пристанища», куда удалялись люди, чтобы вдали от мирских забот проводить жизнь в покаянии, слезах и молитве, казались благочестивым и набожным людям лучшим местом для спасения души, а монашеское житие образцом праведной жизни. Оно представлялось им «лучше царской державы»; о нем говорили: «Свет инокам — ангелы, свет же мирянам — иноки». И в самом деле, подвижники, подобные святому Феодосию и святому Сергию, были таким светом для мирян: они своей жизнью напоминали, что, кроме мирских забот, есть заботы высшие, духовные, воочию показывали примеры христианского милосердия и кротости. Толпы богомольцев наполняли монастыри, прославленные подвигами святых угодников, несли сюда свои жертвования. Князья, бояре и богатые люди

жертвовали часто земли, деревни, села и разные угодья: кто делал вклад, чтобы молились о здравии и долголетию его, вкладчика, и его родичей; кто жертвовал «на вечный помин души». Особенно много делалось вкладов и завещаний в пользу монастырей во второй половине XV столетия, когда ожидалась скорая кончина мира.



М. Нестеров Умиление

Чем больше богатели монастыри, тем сильнее монахи втягивались в мирские дела: приходилось

управлять имениями, собирать доходы, а иногда даже и тяжбы вести. Кстати ли было всем этим заниматься инокам, посвятившим свою жизнь Богу, отрекшимся от грешного мира и корыстей его? Не повреждалось ли этим монашество в самом корне своем? Этими вопросами еретики кололи глаза православным. Этими вопросами смущались и сами благочестивые люди. На соборе восстал против права монастырей владеть селами Нил Сорский (из рода бояр Майковых, родился в 1433, умер в 1508 году).

Это был один из самых замечательных русских подвижников. Постригся он в Кирилло-Белозерском монастыре; затем ходил странствовать на восток, по монастырям, побывал и в афонских обителях. Особенно полюбилась ему строгая жизнь отшельников, и он ревностно изучал сочинения отцов-пустынников. На востоке было три вида иноческой жизни: общежитие, скитское житие и совершенное одиночество. Общежитие, которое господствовало в русских монастырях, было не по душе Нилу: оно требовало большого хозяйства, управления, власти и могло легко вести к тем злоупотреблениям, какие сказывались в то время в русских монастырях. Совершенное одиночество тоже не нравилось Нилу. «Уединение, — говорил он, — требует ангельского жития, а неискусных убивает». Человек в уединении дичает, озлобляется, да и Христову заповедь о любви к ближнему он не может исполнять. Полюбился Нилу третий вид иноческой жизни — скит. Скит — это две-три особые келии; два-три инок составляют всю братию.

В 15 верстах от Кириллова монастыря, в дремучем лесу, в самом глухом месте, на речке Соре, устроил он скит. Так возникла Сорская пустынь.

Чтение молитв и богослужение, по мнению Нила, не ведут к спасению без «внутреннего делания». Настоящее подвижничество, по учению его, есть борьба

с дурными помыслами, очищение души от них. Вот эту борьбу и называет он «внутренним, или умным, деланием». Победа над помыслами дает душе блаженное спокойствие, приближает ее к блаженству. Инок, по словам Нила, должен умереть для всякого земного попечения. Церковь в ските отнюдь не должна была иметь никаких богатств и украшений. Серебро и золото из церкви строго изгонялось: «Лучше бедным помогать, чем церкви украшать», — говорит Нил. Только в крайней нужде, в случае немощи или болезни, позволялось инокам, жившим в ските, принимать подаяние, и то самое маленькое. Все необходимое для жизни иноки должны были добывать своими руками. «Если кто не хочет работать, пусть и не ест!» — говорит Нил. Понятно, что при таком взгляде на монастырскую жизнь он должен был восстать против обычая монастырей — приобретать имения. На соборе 1504 года он предложил, «чтобы сел у монастырей не было и чтобы монахи кормились трудами рук своих».



М. Нестеров Скитник

Многим не по душе были эти речи Нила; но сильнее всех противником был Иосиф Волоцкий. Он доказывал, что имения дают возможность монастырю приносить бедным людям большую пользу; что монастыри принимают приношения богатых, чтобы помогать бедным (во время голода в его монастыре кормилось постоянно 400–500 человек). Находил Иосиф и другую пользу в монастырских имениях.

«Если у монастырей не будет сел, — говорил он, — то как честному (знатному) и благородному человеку постричься в монахи; если же не будет честных старцев

в монастырях, то откуда взять на митрополию или архиепископа, или епископа и на всякие честные (почетные) власти? А не будет честных старцев и благородных, то и вере будет поколебание».

Это было и справедливо. Монастыри в то время были единственным приютом грамотности; здесь только и встречались «книжные» люди.

Мнение Иосифа на соборе взяло верх; но у Нила тоже были сторонники, и вопрос о том, подобает ли монахам, отказавшимся от всех мирских забот, владеть селами, был скоро снова поднят.

Внутренние дела

Собирая русские земли в одно государство, приходилось подумать и о том, чтобы завести одни и те же порядки управления и судопроизводства.

Иван Васильевич не любил менять старых русских обычаев и порядков, а старался лишь придать им больше правильности. В удельные времена князя в своих областях, где могли, сами правили и следили за всеми делами, а где не могли, там ставили своих «мужей», то есть дружинников, бояр и поручали им творить суд и расправу. Эти княжьи наместники жалования не брали, а «кормились» разными поборами с местных жителей и судебными пошлинами. Наместники и волостели сами себе подбирали помощников, давали им разные должности, и они кормились таким же образом, как их начальники. Такой же порядок остался и при Иване Васильевиче. Понятно, сколько насилий и зла могли творить корыстные и нечестные волостели. Могли они и сильно наживаться на счет жителей, получая от них «корм» — деньгами и натурой по несколько раз в год (обыкновенно пред большими праздниками), собирая пошлины на судах с истцов и ответчиков. «Корм» и различные поборы легко обращались в «посулы», или взятки. В небольшом уделе разные наместники и правители были все-таки на виду у князя; но в обширном Московском государстве великому князю мудрено было усмотреть за ними — злоупотреблений могло твориться здесь гораздо больше.

Легче всего несправедливость сказывается при судопроизводстве. На судебное дело Иван Васильевич и обратил особенное внимание.

Он приказал дьяку Владимиру Гусеву составить свод судебных законов из разных судных уставов и грамот

прежних князей.

В 1497 году Судебник был издан.

В Судебнике прежде всего указывается, кто должен судить: «Судить суд боярам, окольников и быть при них дьякам». Наиболее трудные и важные дела, которые «управить будет нельзя», представлять великому князю. Тут же в самом начале Судебника сказывается забота оградить людей от произвола и лихоимства судей: «Посулов боярам и окольников, и дьякам от суда и от печалования (просьб) не имать, а судом не мстити, не дружити никому». Далее точно указывается, какие следует брать судебные пошлины. На суде должны были присутствовать великокняжеский чиновник (дворский), местный староста и выборные «лучшие» люди. Таким образом, Судебник старается оградить от обиды и неправды подсудимых.

Самосуд и самоуправство, какие допускались в Русской Правде, в Судебнике Ивана III уже не встречаются. Правительство теперь вошло в большую силу и потому брало в свои руки и суд, и расправу. Зато суровость и грубость нравов сказывается в Судебнике гораздо сильнее, чем в Русской Правде. В Судебнике полагаются пытки, телесные наказания, смертная казнь, чего нет в Русской Правде. Татарское владычество немало содействовало грубости и жестокости нравов.

Пытать (то есть различными мучениями вынуждать обвиняемого признаться в своей вине) полагалось в том случае, если подсудимый возбуждал сильное подозрение.

Вора, попавшегося на первой краже, определено «бить кнутом». Эта казнь называлась «торговою» (потому что происходила на торгу, то есть на площади). Смертная казнь назначена за «лихие дела» (то есть уголовные преступления): разбой, душегубство, святотатство, зажигательство, двукратное воровство, ябедничество и прочее.

В тяжбах, когда трудно было удовлетворить тяжущихся, позволялось им решать дело «полю», то есть судебным поединком. Бойцы должны были в доспехах биться — обыкновенно палицами — в присутствии судей. Недельщики (судебные пристава) смотрели, чтобы бой шел правильно и не доходил до убийства. Победитель считался выигравшим тяжбу. В иных случаях подсудимым (женщине, увечному, больному, старику и прочим) позволялось выставлять вместо себя наемных бойцов.



С. Иванов В приказе московских времен

Иван Васильевич старался установить больше порядка и в сборе податей. Земля делилась на участки (сохи). Где земля была хорошая, там на соху шло ее 800

четвертей, а где похуже, там 1000 и 1200 (четверть заключала в себе теперешние полторы десятины). С каждой сохи брались известные подати. В городах и посадах, где жители занимались разными промыслами, подать рассчитывалась по дворам; соразмерно доходам брались и подати. Для того чтобы это точно соблюдалось, посылали особых писцов, которые составляли росписи доходов жителей (писцовые книги). Кроме податей, было много различных пошлин: при проезде из города в город купец должен был платить таможенные пошлины, при купле и продаже товара — за право заниматься разными промыслами, за судопроизводство, — за все приходилось уплачивать пошлины. Много их установлено было еще в то время, когда дань шла в Орду; теперь же сборы шли частью на содержание разных наместников и волостелей, частью в казну великого князя. Богатство его с каждым годом росло.

Особенно важной мерой Ивана Васильевича было «испомещение» боярских детей (обедневшие потомки бояр). Им раздавали земли, или поместья, в пожизненное пользование, а они обязывались за это нести военную службу, по призыву великого князя являться в назначенное место «конно, людно и оружно». И раньше был обычай наделять служилых людей землею; но Иван Васильевич, завладев новыми областями, раздавал поместья служилым людям или, как говорилось тогда, «испомещал их» целыми тысячами. Понятно, какую могучую силу приобретал он в служилых людях, от которых всегда, когда хотел, мог отобрать поместья, мог за верную службу их наградить и новыми землями. Эти «помещики» были вполне в его руках: они должны были верой и правдой служить государю, от гнева и милости которого зависела вся их участь.



И. Горюшкин-Сорокопудов Старая Русь

Чем могучее и богаче становился государь, тем более росло и значение его в глазах бояр. В былые времена князь считался как бы старшим товарищем среди дружины: без совета с ней он ничего не предпринимал, добычей и данью с ней делился; он нуждался в дружине — без нее он был бессилен; а между тем каждый дружинник был человек вольный, мог уйти от князя, когда хотел и куда хотел. Понятно, что князь должен был жить в ладу с дружиной, задабривать ее. Теперь не то. Великому князю московскому заискивать в боярах было нечего: он был богат и могуч; по его слову служилые люди, «испомещенные» им, немедленно должны были поднять

в защиту его вооруженную силу в сотни тысяч людей, а земли и казны было в его руках столько, что он мог наградить за верную службу, как никто. Теперь уж бояре ищут службы у государя московского как милости, покоряются его воле, преклоняются пред ним, как пред властелином. Прежде, когда было несколько удельных князей, почти равных по силе, боярам можно было по своему нраву выбирать, кому служить; а теперь все попало под сильную руку московского великого князя. Приходится ему служить, и служить усердно — уйти от него на Руси уже некуда. Если уж очень тяжело становилось — оставалось только в Литву уйти; но она уже примкнула к Польше, и завелись там польские порядки, православие стало колебаться. На уход в Литву начинают смотреть теперь все русские люди как на измену. Все это побуждает бояр служить верой и правдой московскому государю, искать его милости и жалования. Не одни бояре, потомки прежних дружинников, но и мелкие князья, потомки Рюрика и Гедимины, ищут государевой милости и службы: им самим уже неведомо было справляться с разбойничьими шайками татар и разных гулящих людей. Многие из этих мелких князей добровольно обращались в бояр московского князя: они как бы отдавали великому князю свои княжества, то есть волости, а он им давал их земли назад уже как вотчины. Князья-вотчинники должны были служить великому князю наравне с прочими боярами, а великий князь защищал этих князей как своих людей.

Много набралось бояр у Ивана Васильевича. Каждый из них думал Дольше всего о своей выгоде и пользе близких родичей своих, угождал всячески великому князю, старался стать как можно ближе к нему, выше других бояр, а выше становился тот, кто был более верным, надежным его слугою.

Византийские придворные обычаи, роскошь, величие и блеск, водворившиеся с приездом Софии, должны были еще больше возвысить великого князя в глазах всех окружающих. Полюбились и ему самому пышные обряды, торжественные приемы иноземных посольств, когда во всем блеске своего величия приходилось ему сидеть на престоле в богатом царском облачении. Установился обычай целовать руку государю, кланяться ему в землю, «бить челом»; бояре в просьбах и обращениях к великому князю стали называть себя его рабами, холопами и уменьшительными именами (Иванец, Федорец, Васюк вместо Иван, Федор и Василий). Многим боярам, помнившим старые обычаи, были не по душе все эти «новины»; особенно не нравилось им то, что не придавалось уж прежнего значения и Боярской думе; но открыто высказывать своего недовольствия никто не смел. Великий князь никому поблажки не давал и наказывал жестоко...



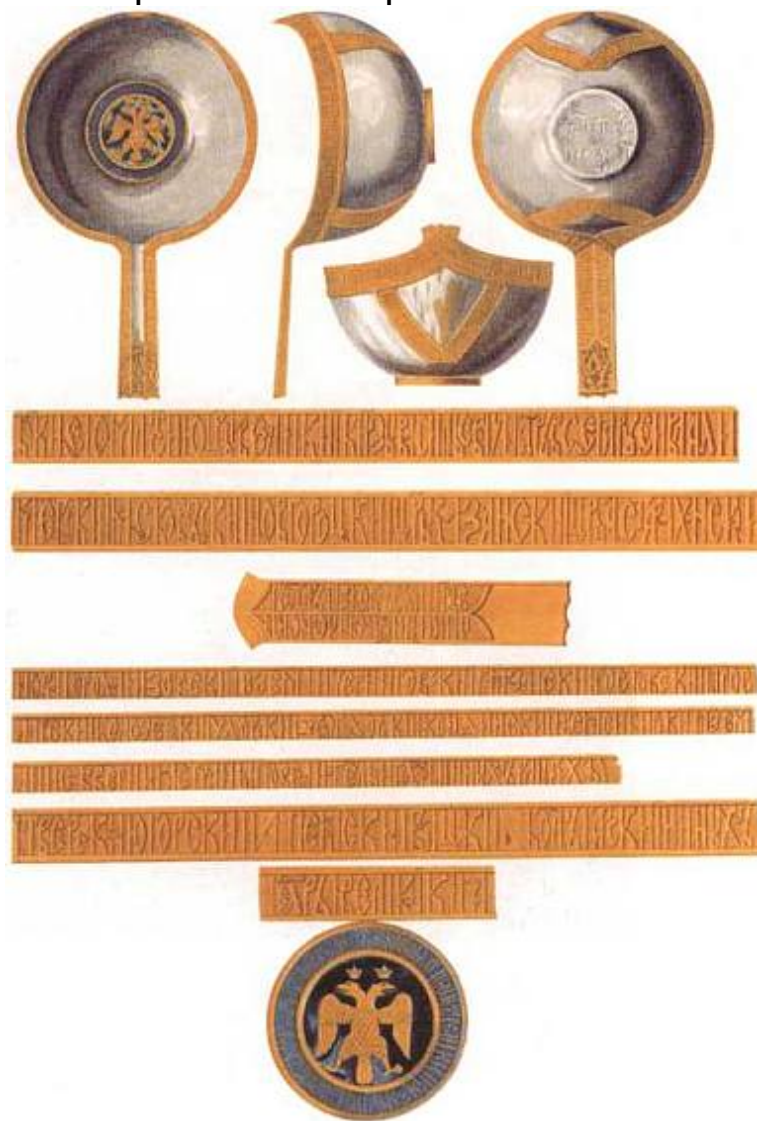
Н. Неврев Боярин на крыльце

Ослушаться в чем-либо грозного самодержца было страшно: по одному его знаку головы крамольных бояр лежали на плахе. Самые знатные сановники и даже духовные лица, кроме смертной казни, могли подвергнуться и позорной торговой казни. Недаром звали Ивана Васильевича «Грозным».

Высокий ростом, красивый, он имел повелительный вид. Есть известие, что робкие женщины не выносили его гневного взгляда, падали в обморок, а сановники трепетали пред ним. Случалось, что на пирах во дворце они иногда просиживали за столом по несколько часов, не смея шевельнуться или проронить слово, в то время как Иван Васильевич, утомленный беседой, дремал. Сидели они в глубоком молчании — ждали, когда проснется повелитель и прикажет им снова веселить его и самим веселиться.

Именитые бояре недолюбливали Софию: она держала себя гордо; притом ее считали главной виновницей новых порядков. В 1490 году умер старший сын великого князя от первого брака — Иван. Возник вопрос, кому быть наследником: второму сыну государя — Василию или внуку Димитрию, сыну умершего князя? Знатным сановникам очень не хотелось, чтобы престол достался Василию, сыну Софии. Покойный Иван Иванович титуловался великим князем, был как бы равным отцу, и потому сын его даже по старым родовым счетам имел право на старшинство. Зато Василий, со стороны матери, происходил от знаменитого царского корня. Придворные разделились: одни стояли за Димитрия, другие — за Василия. Против Софии и ее сына действовали князь Иван Юрьевич Патрикеев и зять его Семен Иванович Ряполовский. Это были лица, очень близкие к государю, и все важнейшие дела шли через их руки. Они и вдова умершего великого князя, Елена, пустили в ход все меры, чтобы склонить государя на сторону внука и охладить к Софии. Пущены были слухи, что Ивана Ивановича извела София. Государь, видимо, стал склоняться на сторону внука. Тогда сторонники Софии и Василия, по большей части люди незнатные — боярские дети и дьяки, составили заговор в пользу Василия. Заговор этот был открыт в декабре 1497 года. В то же время до Ивана Васильевича дошло, что какие-

то лихие бабы с зельем приходили к Софии. Он пришел в ярость, жены и видеть не хотел, а сына Василия велел держать под стражей. Главных заговорщиков казнили мучительной смертью: сперва отрубили руки и ноги, а потом головы. Баб, приходивших к Софье, утопили в реке; многих побросали в тюрьмы.



***Ф. Солнцев Ковш великою князя Иоанна
Васильевича III***

Желание бояр исполнилось: 4 января 1498 года Иван Васильевич короновал своего внука с небывалым торжеством, как будто в досаду Софии. В Успенском соборе среди церкви было устроено возвышенное место. Здесь поставлено было три стула: великому князю, внуку его и митрополиту. На налое лежала Мономахова шапка и бармы. Митрополит с пятью епископами и многими архимандритами отслужил молебен. Великий князь и митрополит заняли свои места на возвышении. Князь Дмитрий стоял пред ними.

«Отче митрополит, — громко сказал Иван Васильевич, — издревле предки наши давали великое княжение первым своим сыновьям, так и я первого своего сына Ивана при себе благословил великим княжением. Волею Божьей он умер. Благословляю ныне старшего сына его, внука моего Дмитрия, при себе и после себя великим княжеством владимирским, московским, новгородским. И ты, отче, дай ему свое благословение».

После этих слов митрополит пригласил Дмитрия стать на предназначенное ему место, положил ему на преклоненную голову свою руку и громко молился: да сподобит Всевышний его Своей милостью, да живет в сердце его добродетель, вера чистая и правосудие и так далее. Два архимандрита подали митрополиту сначала бармы, потом Мономахову шапку, тот передавал великому князю, а он уже возлагал их на внука. Вслед за этим последовала ектения, молитва Богородице и многолетие; после чего духовенство поздравляло обоих великих князей. «Божьей милостью радуйся и здравствуй, — провозгласил митрополит, — радуйся, православный царь Иван, великий князь всея Руси, самодержец, и с внуком своим великим князем Дмитрием Ивановичем, всея Руси, на многая лета!»



Ф. Солнцев Кубок-петух великого князя Иоанна Васильевича III

Затем митрополит приветствовал Димитрия и произнес ему краткое поучение, чтобы он в сердце имел страх Божий, любил правду, милость и суд праведный и так далее. Подобное же наставление повторил внуку и князь. Этим обряд коронации и кончился.

После обедни Димитрий из церкви вышел в бармах и венце. В дверях его осыпали золотыми и серебряными деньгами. Это осыпание повторялось у входа в Архангельский и Благовещенский соборы, куда ходил

нововенчанный великий князь помолиться. В этот день был устроен у государя богатый пир.

Но недолго радовались бояре своему торжеству. И году не прошло, как страшная опала постигла главных противников Софии и Василия — князей Патрикеевых и Ряполовских. Семену Ряполовскому отрубили голову на Москве-реке. По просьбе духовенства Патрикеевым была оказана пощада. Отца постригли в монахи в Троицко-Сергиевском монастыре, старшего сына в Кирилло-Белозерском, а младшего стали держать под стражей в Москве. Ясных указаний, за что государева опала постигла этих сильных бояр, нет. При одном случае только Иван Васильевич выразился о Ряполовском, что он с Патрикеевым «высокоумничал». Бояре эти, видно, позволяли себе своими советами и соображениями надоедать великому князю. Несомненно также, что открылись какие-нибудь их козни против Софии и Василия. В то же время опала постигла Елену и Дмитрия; вероятно, участие ее в жидовской ереси тоже повредило ей. София и сын ее опять заняли прежнее свое положение. С этой поры начал государь, по словам летописцев, «не радеть о внуке», а сына Василия объявил великим князем Новгорода и Пскова. Псковичи, не зная еще, что Дмитрий с матерью попали в немилость, прислали просить государя и Дмитрия, чтобы они держали свою отчину по старине, не назначали бы отдельного князя в Псков, чтобы тот великий князь, который будет на Москве, был бы и в Пскове.

Эта просьба рассердила Ивана Васильевича.

«Разве я не волен в своем внуке и в своих детях, — сказал он в гневе, — кому хочу, тому и дам княжество!»

Двоих из послов он велел даже посадить в тюрьму. В 1502 году было приказано Дмитрия и Елену держать под стражей, на ектениях в церкви не поминать их и не величать Дмитрия великим князем.

Отправляя послов в Литву, Иван наказывал им так говорить, если дочь или кто иной спросит о Василии: «Пожаловал государь наш сына своего, учинил государем: как сам он государь на государствах своих, так и сын его с ним на всех тех государствах государь».

Посол, поехавший в Крым, должен был говорить о переменах при московском дворе так: «Внука своего государь наш было пожаловал, а он стал государю нашему грубить; но ведь жалует всякий того, кто служит и норовит, а который грубит, того за что жаловать».

В 1503 году скончалась София. Великий князь, чувствуя уже слабость здоровья, приготовил завещание. Василию между тем пришла пора жениться. Попытка женить его на дочери датского короля не удалась; тогда по совету одного придворного, грека, Иван Васильевич последовал примеру византийских императоров. Ко двору велено было собрать на смотрины красивейших девиц, дочерей бояр и боярских детей. Собрано было их полторы тысячи. Василий избрал Соломонию, дочь дворянина Сабурова.

Этот способ женитьбы вошел потом у русских царей в обычай. Мало в нем было хорошего: при выборе невесты ценили здоровье да красоту, на нрав и ум не обращали большого внимания. Притом женщина, случайно попавшая на престол, часто из незнатного состояния, не могла держать себя, как следует настоящей царице: в муже она видела своего владыку и милостивца, была для него не подругою, а рабою. Равною с царем она никак себя не могла признать, и сидеть на престоле рядом с ним ей казалось некстати; но вместе с тем ей, как царице, не было ровни между окружающими. Одинокая в блестящих царских покоях, в драгоценных украшениях, она была словно заключенная; а царь, повелитель ее, был тоже одиноким на престоле. Нравы и порядки двора отзывались и на

жизни бояр; и у них отдельность женщин от мужчин, даже затворничество, еще больше усилилась.

В тот же год, как совершен был брак Василия, скончался Иван Васильевич в 1505 году, 27 октября, 67 лет от роду.



***Великий князь Иван III Роспись Грановитой палаты
Московского Кремля***

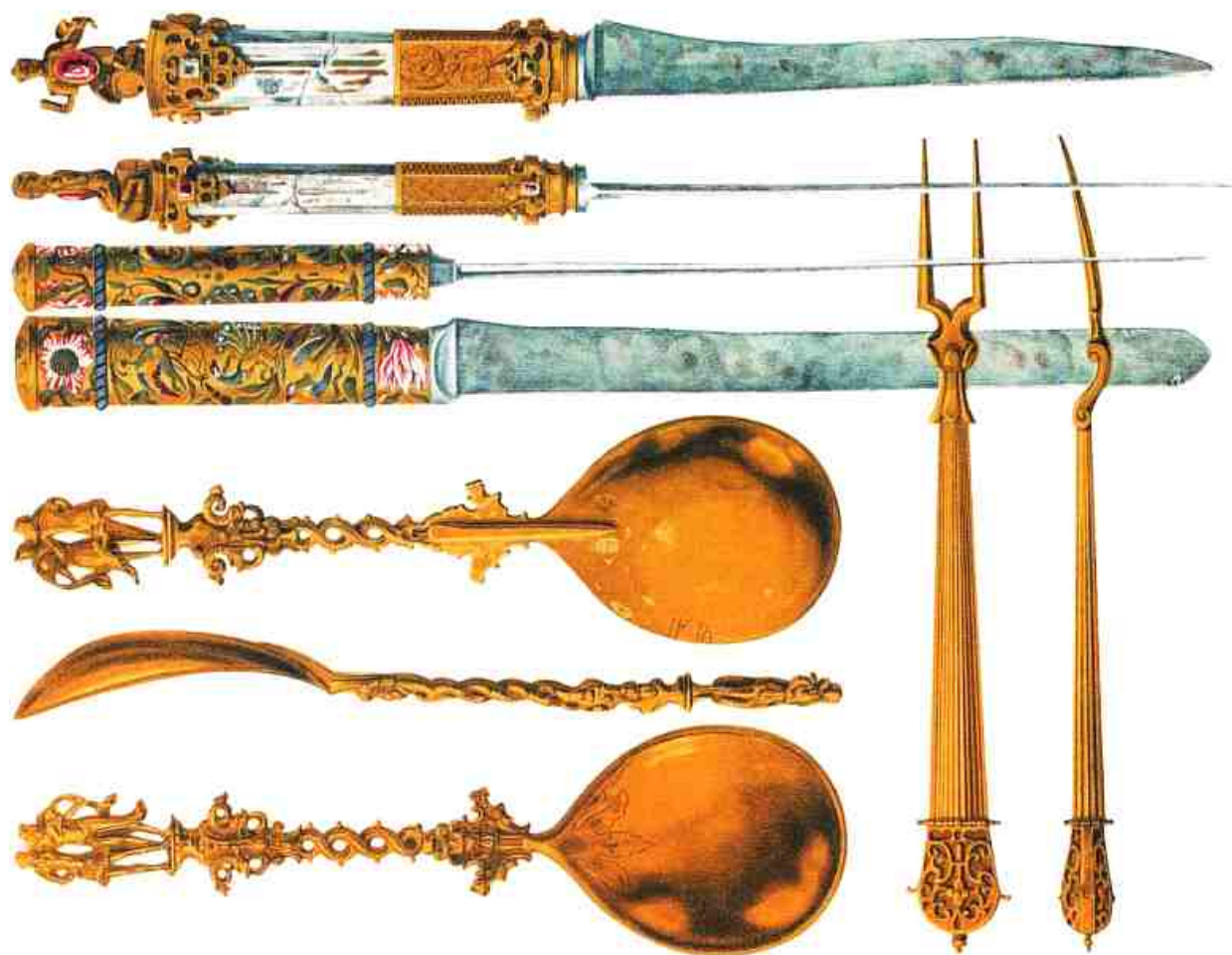
По завещанию все его пять сыновей: Василий, Юрий, Димитрий, Симеон и Андрей получали наделы; но старшему назначено 66 городов, самых богатых, а остальные четверо все вместе получили 30 городов; притом у них отнято было право в уделах судить уголовные дела и чеканить монету.

Стало быть, младшие братья уж никак не могли называться государями; они обязывались даже присягой держать великого князя господином «честно и грозно, без обиды». В случае смерти старшего брата младшие должны были подчиняться сыну умершего как своему господину. Таким образом, устанавливался новый порядок престолонаследия от отца к сыну. Еще при жизни своей Иван Васильевич приказал Василию заключить подобный договор с Юрием, вторым сыном своим; притом в завещании говорилось: «Если кто из сыновей моих умрет и не оставит по себе ни сына, ни внука, то удел его весь идет сыну моему Василию, а меньшие братья не вступаются в этот удел».

Все свое движимое имущество, или «казну», как тогда говорилось (драгоценные камни, золотые и серебряные вещи, меха, платья и прочее), Иван завещал Василию.



***Ф. Солнцев Костяная братина, украшенная
финифтью***



Ф. Солнцев Царские ложки, ножи и вилки

Княжение Василия III (1505-1533)

Отношение государя к боярам

Иван Васильевич, этот великий собиратель Русской земли, почти довершил то дело, над которым раньше так упорно трудились московские князья. Московское государство выросло и окрепло уже настолько, что покончило с татарским владычеством, явилось могучим врагом Литвы и потребовало от нее возврата русских земель. Выросла и окрепла также и власть московского государя. Бьют челом ему, как верные слуги, не только потомки прежних дружинников — «вольных людей», но и потомки Рюрика и Гедимины, потомки своевольных удельных князей, в былые времена ни во что не ставивших великого князя; бьют челом, ищут службы и милости его и татарские царевичи, потомки тех, пред кем некогда трепетали русские великие князья. Теперь в глазах всех московский великий князь — государь-самодержец: он милостиво жалует того, кто умеет «служить и норовить» ему, казнит без пощады того, кто вздумает «своевольничать» и «высокоумничать».



***Великий князь Василий Иванович Царский
титулярник***

Василий Иванович во всем следовал отцу; самодержавие теперь еще более усилилось: отец все-таки, бывало, советовался с боярами, допускал иногда и противоречие, а сын уже не терпел против себя, как говорили тогда, «встречи» (то есть противоречия) и к боярам был немилостив. Это и понятно. Бояре сильно недолюбливали его мать Софию за новые придворные порядки, радели в пользу Дмитрия Ивановича, — Василий видел в них своих врагов. Доверялся он более людям незнатным — дьякам, которых привязывал к себе разными милостями; он только для виду давал на обсуждение Боярской думы дела, а решал их по-своему, советуясь с дворецким своим Шигоней Поджогиным да еще с двумя-тремя доверенными людьми из дьяков. Не

угодить князю или в чем-нибудь перечить ему было очень опасно: в большой был силе и чести сначала князь Василий Холмский, да стал «высокоумничать» и попал за то в тюрьму; другой боярин — Берсень — осмелился жаловаться на то, что великий князь решает все дела «запершись сам-третей», и поплатился за то головою; у третьего — дьяка Федора Жареного за «неподобные и лживые слова» отрезали язык. Митрополит Варлаам чем-то не угодил государю и был свергнут. Словом, государева опала висела над головой каждого сановника: волей-неволей приходилось верно служить и норовить ему. Впрочем, Василий Иванович не был жесток: смертных казней при нем было не особенно много; но он считал нужным держать бояр в страхе. С именитых бояр он брал записи, что они не уйдут от него со службы; если же кто пытался бежать — с того он брал в наказание большую денежную пеню, отдавал виновного на поруки другим боярам, которые должны были платить большие деньги в случае его бегства. Василий Иванович к своим братьям относился ласково и милостиво, но при них были люди, которые доносили ему о каждом их шаге; но он не знал милости там, где видел себе помеху или опасность: племянник его и соперник, Димитрий Иванович, содержался в строгом заключении и, по словам летописца, умер «в нужде и тюрьме» в 1509 году.



Ф. Солнцев Одежда бояр XVI-XVII столетий

Подобно отцу, Василий Иванович заботился о великолепии двора и об украшении Москвы красивыми постройками. Он увеличил число придворных сановников. Во время торжественных приемов возле него стояли рынды (телохранители), избранные из самых красивых знатных юношей. Одетые в белое атласное платье, они очень нравились народу и иноземцам. Подобно отцу, Василий старался привлекать к себе на службу знающих иноземцев: лекарей, зодчих, литейщиков и прочих. В некоторых городах (Нижнем Новгороде, Коломне, Туле и других) были построены

каменные крепости; в Москве сооружено несколько новых красивых церквей. Архангельский собор был окончательно достроен, а Успенский — украшен, по словам летописца, такую чудною живописью, что великий князь, святители и бояре, вошедши в храм, воскликнули: «Мы видим небеса!».



И. Бродский Боярская эпоха

Падение Пскова и других уделов

Самым важным делом Василия Ивановича было уничтожение последних уделов.

Очередь была за Псковом. Уже Иван Васильевич приучил Псков к повиновению, забрал его в руки; но все же там держались еще вечевые порядки. Василий Иванович назначил туда наместником князя Репню Оболенского. Новый наместник был совсем не по душе псковичам: не обращал он никакого внимания на вече и обычаи псковские, притом, по словам летописца, «лют был до людей». Осенью 1509 года великий князь прибыл в Новгород. Псковичи послали к нему своих бояр и посадников с жалобой на наместника, что он и люди его обижают народ.

— Хочу жаловать и оборонять свою отчину, как делали отец и деды наши, — сказал им великий князь, — если придет много жалоб на моего наместника, я его обвиню.

Посадники были отпущены. Жаловался великому князю также и наместник, что и псковичи не воздают ему должной чести. Посланы были окольный и дьяк в Псков — выслушать порознь жалобы Оболенского и псковичей и попробовать помирить их. Посланные ничего не могли поделать. Тогда Василий Иванович приказал явиться к себе в Новгород наместнику и всем жалобщикам на него.

Псковичи обрадовались, думали, что теперь найдут управу у великого князя против «лютого» наместника. Чем больше будет на него жалоб, тем лучше, думали они, тем вернее можно будет выиграть дело. Посадники и бояре псковские, враги наместника, оповестили по всей псковской земле, чтобы собирались все, кому есть за что жаловаться на наместника и его людей.

Множество псковичей наехало в Новгород. С каждым днем сюда прибывало их все больше да больше. Были тут и такие, которые ничего не имели против наместника, а надеялись великокняжеским судом покончить разные тяжёбые дела между собой.

— Копитесь, копитесь, жалобные люди (то есть жалобщики), — говорили бояре великого князя от его имени всем приезжавшим псковичам, — вот придет Крещение Господне, тогда великий князь даст вам всем управу!

В самый праздник Крещения, после водосвятия, было объявлено псковичам:

— Посадники псковские, бояре и жалобщики! Государь велел вам всем собираться на Владычный двор. Государь хочет дать вам всем управу!

Псковичи собрались, как было приказано.

— Все ли сполна собрались? — спросили великокняжеские бояре, когда наполнился двор.

— Все сполна! — отвечали псковичи.

Лучших людей, то есть посадников, бояр и именитых купцов, пригласили в палату, а младшие остались на дворе. Тогда им было громогласно объявлено:

— Поимани есте Богом и государем, великим князем Василием Ивановичем всея Руси.

Двор заперли и переписали всех псковичей поименно, а затем развели их по разным домам и приказали домохозяевам стеречь их. Лучшим людям, собранным в палаты, бояре и дьяки от имени великого князя объявили, что в то время как они, посадники и бояре псковские, жалуются на наместника, многие псковичи жалуются на них и ищут у великого князя управы и защиты от их насилий; а потому следовало бы на них наложить великую опалу и казнь, но государь желает им оказать милость — простит их, если они исполнят волю государеву, а воля его: колокол вечевой снять, вечу в Пскове не быть, а суд править государевым

наместникам как в Пскове, так и во всех пригородах его. «Если же государева жалованья не признаете и волю его не исполните, — сказано было в заключение, — то государь будет делать свое дело, как ему поможет Бог, а кровь христианская взыщется на тех, кто воли государевой не исполняет».

Как ни горько было на душе у псковичей, оставалось им только благодарить за эту милость — могло быть и хуже.

— На государево жалованье мы здесь челом бьем, но пусть государь и в Псков пошлет с теми же речами! — отвечали великокняжеским боярам псковские посадники и именитые люди. Они целовали крест верою и правдою служить Василию, детям его и наследникам до конца мира.

Скоро весть обо всем этом достигла Пскова. Один псковский купец ехал в Новгород с товаром. На пути он услышал «злую весть» о том, что случилось с его земляками в Новгороде, бросил товар на дороге и поскакал обратно в Псков, чтобы оповестить своих земляков о беде.



***Вид развалин и каменной городской стены в Пскове
Литография И. Селезнева***

Страшная весть: «Великий князь наших переловил в Новгороде!» — быстро разнеслась по городу. Напал страх и трепет на псковичей. Поднялась тревога. От ужаса и тоски, по словам летописца, у псковитян «горло пересохло, и уста слепились»: много Псков видел бед и невзгод, но такой скорби еще не было! Ударили в вечевой колокол. Собралось вече.

— Запремте город, будем обороняться от государя! — кричали некоторые.

Но более благоразумные удерживали слишком рьяных и непокорных.

— Ведь наши посадники и бояре, наши лучшие люди в руках государя! — говорили они; помянули и крестное целование государю.

В это время пришло в Псков от лучших людей, задержанных в Новгороде, увещание не противиться государевой воле, не доводить дела до крови. Благоразумные и умеренные взяли верх на вече и послали гонца с челобитной великому князю, «чтобы он, государь, жаловал свою отчину старинную». Заключалась челобитная такими словами: «...а мы, сироты твои, прежде были и теперь неотступны от тебя, государя, и не противимся тебе. Бог волен да ты в своей отчине и в нас, твоих людишках».

Объявить государеву волю Пскову во всей полноте и точности поручено было дьяку Третьяку Далматову. 1510 года, 12 января, прибыл он в Псков. Зазвонили на вече. Дьяк взошел на возвышенное место, с которого говорили на вече, и провозгласил от имени князя:

— Если отчина моя, Псков, хочет прожить по старине, то должна исполнить две мои воли: чтобы у вас веча не было и колокол вечевой был бы снят; быть у вас двум наместникам, а по пригородам наместникам не быть. Если же этих двух волей не исполните, то, как государю Бог на сердце положит: много у него силы готовой, и кровопролитие взыщется на тех, кто

государевой воли не сотворит. Государь наш хочет побывать на поклон к Святой Троице во Пскове.

Сказавши это, дьяк в ожидании сел на ступени.

Псковичи «ударил челом в землю» и долго не могли ничего сказать в ответ ему от слез и сердечной печали. Все проливали горькие слезы; разве только грудные младенцы не плакали, говорит псковский летописец. Собравшись с духом, псковичи просили государева посла подождать ответа до завтра. Чего было ждать? Старому порядку пришел конец... Но как с дорогим покойником жаль бывает расстаться родичам, и не торопятся они его хоронить, хочется хоть поплакать над ним, так и псковичи медлили с ответом, жалея расстаться со своей стариной. По словам летописца, день прошел у них в плаче и рыданиях — бросались друг к другу на шею и обливались слезами.

На рассвете следующего дня в последний раз загудел вечерной колокол. Сошлись псковичи, явился и Далматов.

— В летописях наших, — сказали ему псковичи, — так написано: с прадедами, дедами и с отцом великого князя крестное целование положено, что нам, псковичам, от государя своего, великого князя, кто бы он ни был на Москве, не отойти ни в Литву, ни к немцам, а жить нам по старине в доброволье. Отойдем в Литву или к немцам или отложимся от государя и станем жить сами по себе, то на нас гнев Божий, голод, огонь, потоп и нашествие поганых. А на государе великом князе тот же обет, как и на нас, если не станет нас держать в старине. А теперь Бог волен да государь в своей отчине — городе Пскове, и в нас, и в колоколе нашем, а мы прежней присяге своей не хотим изменять и на себя кровопролитие принимать. А что государь хочет Святой Троице помолиться, в своей отчине Пскове побывать, то мы рады всем сердцем своему государю, что не вконец погубил нас.



Древний герб Пскова

Дьяк ничего не ответил на эту речь, велел спустить вечевой колокол и в ту же ночь повез его в Новгород к государю. Псковичи горько оплакивали свои старые порядки.

Скоро и сам великий князь прибыл в Псков с вооруженным отрядом. Здесь на торговой площади встретило его духовенство. Великий князь сошел с коня и пошел к церкви Святой Троицы. Отслужили молебен, пропели многолетие государю. Благословляя его, владыка сказал: — Бог благословляет тебя, государь, — взял ты Псков без брани.

При этих словах псковичи, бывшие в церкви, горько заплакали. Великий князь созвал к себе «лучших людей псковских». Бояре объявили им всем от имени государя, что он их жалует, не вступается в их имущество, но так

как были ему жалобы на их неправды и обиды, то им жить в Пскове непригоже, и потому надо ехать немедленно в московскую землю со своими семьями. Простому народу было объявлено, что управлять им будут с этой поры великокняжеские наместники.

Около трехсот семейств было немедленно выслано из Пскова в Москву. Высланы были также и семейства тех псковичей, которых раньше задержали в Новгороде. Взамен их в Псков было переселено столько же семейств из московской земли.

Псковский летописец горько оплакивает падение родного города: «Отнята слава псковская, — говорит он, — и было пленение не от иноверных людей, но от своих единоверцев! И кто же не заплачет, кто не зарыдает? О, славнейший город Псков, великий из городов, чего ты сетуешь, о чем плачешь? И отвечает прекрасный город Псков: „Как мне не сетовать, как мне не плакать и не скорбеть о своем опустошении! Прилетел на меня многокрылый орел, с крыльями, полными львиных когтей, и взял у меня три кедра ливанские: красоту мою, богатство мое и детей моих исхитил; по воле Божьей, за грехи наши, землю опустошил, город наш разорил, людей моих пленил, торжища мои раскопал, отцов и братьев наших развел туда, где не бывали отцы и деды наши“».



П. П. Верещагин Псков

Многие тогда, прибавляет летописец, мужи и жены постриглись в монастырях, лишь бы не уходить из родного города.

В беде, постигшей Псков, летописец видит наказание за грехи, за «злые поклепы, лихие дела, за ссоры и неразумное кричанье на вечеах, когда голова не ведала, что язык говорил; своего дома управить не умеем, — замечает он, — а городом владеть хотим. От самоволия и несогласия друг с другом и были на нас все эти беды».

Великий князь прислал в Псков своих наместников и дьяков управлять и творить суд. Тяжело было псковичам привыкать к новым порядкам, к «московской правде». Немилостивы и несправедливы, видно, были эти первые московские правители в Пскове. «Правда их и крестное целование, — горько жалуется псковский летописец, — взлетела на небо, а кривда стала между них ходить!».

Прежде в Пскове была торговля свободная, за право торговли с купцов ничего не брали, теперь были

введены пошлины. Удаление из Пскова многих богатых купеческих семейств и пошлины повредили сильно торговле его.



В. Стожаров Псков. Кремль

Несколько лет спустя Василий Иванович завладел Рязанью. Он и раньше тут распоряжался, как в своей земле, и здешний князь на деле был только московским наместником. Молодому рязанскому князю Ивану Ивановичу хотелось полной независимости; завел он сношения с крымским ханом — думал с его помощью отделаться от Москвы. Об этом вовремя проведал Василий Иванович. Он подкупил самых близких людей и советников рязанского князя, зазвал его к себе в Москву, посадил его под стражу, а его мать заключил в

монастырь. Рязанская область была присоединена к Москве (1517 год). Рязанскому князю удалось, впрочем, убежать из Москвы в Литву, но область его осталась за Москвою; а жителей так же, как раньше новгородцев, а потом псковичей, целыми толпами выселяли по разным городам московским, чтобы не было никаких движений в пользу старых порядков; управлять рязанскими городами стали московские наместники.

В Северной земле в это время княжил внук Димитрия Шемяки — Василий. Он верно служил великому князю, отличался воинской доблестью, и Василий Иванович оказывал ему свои милости, но не особенно долюбивал его за беспокойный, смелый нрав и зорко следил за ним. На него донесли в Москву, будто он завел сношения с Литвой. Он проведал о доносе и, зная свою правоту, сам просил у великого князя суда:

— Повели, государь, мне, холопу твоему, быть в Москве — дай мне оправдаться изустно; пусть навеки умолкнет клеветник мой... Исследуй дело. Если я виноват, то голова моя пред Богом и тобой.

Он приехал в Москву и вполне доказал свою правоту. В 1523 году пришлось ему опять ехать в Москву оправдываться от новых обвинений. На этот раз дело кончилось иначе: великий князь принял его сначала ласково, но через несколько дней велел заковать и засадить в темницу, как будто уличенного в тайных сношениях с Литвой.

Троцкий игумен Порфирий стал было ходатайствовать за него, когда Василий Иванович приехал в монастырь на храмовый праздник.

— Если ты прибыл сюда, — сказал игумен, — в храм Безначальной Троицы, просить милости за грехи свои, то сам будь милосерд над теми, кого без вины гонишь!..

За эту смелую речь Василий Иванович приказал выгнать Порфирия из монастыря, велел его даже

заклучить. Хотя потом и дана была ему свобода, но игуменство не было возвращено.

Митрополит Даниил поступил совсем не так: он раньше дал Шемячичу слово, что ему не причинят вреда в Москве, а между тем одобрял поступок великого князя! «Бог, — говорил он, — избавил великого князя от „запазушного“ врага!».

Не только митрополит так смотрел, и в народе были люди, которые понимали, сколько беды происходило от уделов, и сочувствовали уничтожению их. Говорят, когда Шемячич попал в заключение, какой-то юродивый ходил по улицам с метлою и кричал:

— Пора очистить Московское государство от последнего сора! (То есть избавить от последнего удельного князя.).

С присоединением Северского княжества (1523 год) не стало больше уделов в восточной Русской земле: всю ее забрали под свою сильную руку московские государи.

Теперь оставалось им добывать «свое достояние» от Литвы.



Древний герб Рязани

Войны с Литвою и татарами

Литовский князь Александр, в свою очередь, только и думал о том, как бы снова вернуть земли, захваченные от Литвы Иваном III. Александр и ливонский магистр при вступлении Василия Ивановича на престол держали уже и войска наготове и со дня на день ждали, что вот-вот в Москве вспыхнут мятеж и усобица, думали, что Василию Ивановичу не устоять в борьбе с боярами, сторонниками Димитрия; но надежда обманула их: в Москве все было тихо.

В 1506 году умер Александр Литовский; детей от него не осталось. Тогда Василий Иванович задумал воспользоваться случаем. Он послал просить сестру, чтобы она порадела в его пользу, уговорила бы литовцев избрать его своим государем; но эта смелая попытка, которая разом могла бы покончить вековые счеты Москвы с Литвой, не удалась. Елена известила брата, что великим князем литовским, а также и королем польским уже признан брат Александра, Сигизмунд.

Тотчас по избрании его начались обычные пререкания Литвы с Москвою о разных пограничных «обидных» делах. Литовский князь даже потребовал у Василия Ивановича возврата земель, захваченных его отцом. Эти пререкания кончились войной.

Близким человеком покойному Александру был князь Михаил Глинский. Это был человек очень образованный по тому времени, побывавший за границей, знавший хорошо военное дело и притом очень честолюбивый. Александр был очень к нему привязан и держал его в большом почете. Понятно, что врагов и завистников у Глинского было довольно. Умер Александр, и положение любимца его сразу изменилось: новый государь невзлюбил честолюбивого и слишком самовластного

вельможу; враги его подняли голову, стали распускать слухи, будто он хочет сделаться независимым киевским князем; один из них называл его даже громко изменником.

Глинский потребовал у короля суда, чтобы очистить себя от клеветы и наказать оскорбителя.

Сигизмунд, несмотря на усиленные просьбы Глинского и на ходатайство своего брата, уклонялся от этого. Оскорбленный вельможа не вытерпел и сказал королю:

— Ты заставляешь меня покуситься на такое дело, о котором мы оба после горько будем жалеть.

Глинский удалился в свои владения и завел тайные сношения с великим князем московским — извещал его, что в Литве войска не в сборе, а из других стран помощи ждать неоткуда, и советовал Василию Ивановичу немедленно начать войну с Литвой, обещал сам поднять восстание в юго-западной Руси. Василий Иванович рад был содействию Глинского и обещал немедленно послать войско на Литву.



Н. Самокиш Великий князь Василий III на охоте

Глинский начал с того, что жестоко отомстил своим врагам. Собрал он из своих людей большую рать, старался взволновать Русь и присоединился с отрядом своим к московскому войску, лишь только оно перешло литовскую границу (1507 год). Плохо пришлось Сигизмунду: он не приготовился к войне, рассчитывать на успех не мог и поспешил заключить мир, причем обязывался уступить Москве в «вечное» владение все земли, отнятые у Литвы Иваном III (раньше он требовал возврата их). Вечный мир, или «докончание», как говорилось тогда, заключен был в конце 1508 года.

Мир этот был совсем не по душе Глинскому. Своей изменой он лишил себя родины, богатых владений,

высокого положения. Ему ли, гордому самовластному магнату, довольствоваться саном московского боярина, «покорного слуги» великого князя? Весь ум, все силы свои напрягал Глинский, чтобы поднять снова войну, уговаривал Василия Ивановича, сносился с иноземными дворами. Сигизмунд между тем, узнав об этом, потребовал у московского князя выдачи Глинского и казни его сообщников. Василий Иванович не обращал внимания на требования короля. На границе по-прежнему шли споры и неурядицы. В 1512 году, к радости Глинского, Василий Иванович придрался к тому, будто в Литве притесняют его сестру Елену. Нашелся и еще предлог: до ведома его дошло, что крымцы делали набеги на южные области Московского государства по договору с Сигизмундом. Этого было довольно великому князю, чтобы послать королю «складную» грамоту (объявление войны) (1512 год).

Василию Ивановичу очень хотелось взять Смоленск. Два раза он подступал к этому городу; наконец в 1514 году, 30 июля, город сдался.

По рассказам летописца, многочисленная московская рать имела при себе «наряд» (артиллерию) и воинов, вооруженных «пищальями». 29 июля русское войско приступило к Смоленску. Опытный пушкарь-иноземец распоряжался «нарядом». Меткими выстрелами ему удалось сбить на городской стене пушку и нанести большой вред защитникам; особенно много народу побил он, стреляя мелкими ядрами (картечью). Увидели защитники Смоленска, что им на этот раз не устоять, и, чтобы не погибнуть понапрасну, запросили мира. Смоленский владыка вышел из города и челом бил великому князю — просил его повременить до следующего дня, прекратить пальбу и дать смолянам подумать о сдаче; но Василий Иванович не дал им сроку, приказал, напротив, бить по городу из всех пушек.

Владыка в слезах вернулся в город, облачился в ризы, взял крест и со всем причтом и с наместником города, Сологубом, вышел к великому князю.

— Государь, великий князь, — говорили смоляне, — много крови христианской уже пролито; земля, твоя отчина, запустела; не погуби вконец города, но возьми его с тихостью.

Сильно рад был Василий Иванович взятию Смоленска. 1 августа с большим торжеством вступил он в город и был встречен народом. После молебна и многолетия в соборе владыка сказал ему:

— Божьей милостью радуйся и здравствуй, православный царь Василий, великий князь, всея Руси самодержец, на своей отчине, в городе Смоленске, на многая лета!

Василий Иванович велел предложить всем смолянам, чтобы они, если хотят, служили бы ему, а если не хотят, то им воля — идти к королю. Многие остались на московской службе. Наместником в Смоленске назначен был князь Василий Васильевич Шуйский.



Герб княжества Смоленского

Глинский страшно этим обиделся. Говорят, он тайными переговорами с жителями Смоленска больше всего и побудил их к сдаче: рассчитывал он, что город будет отдан ему, притом не как простому наместнику, а как удельному князю, но оказалось, что он остался ни с чем. Самолюбие его страшно страдало. Досада и огорчение побудили его ко второй измене: он завел сношения с Сигизмундом, обещал ему верно служить, если тот ему простит и даст прежние владения. Король был очень рад этому: он знал военные способности Глинского и опасался от него больших бед Литве и Польше. Но об измене Глинского проведали русские воеводы и успели вовремя захватить его уже на пути в Литву; при нем найдены были королевские грамоты, которые служили явной уликой его измены. Великий

князь приказал заковать его и отослать в Москву в заключение.

Недолго пришлось радоваться и Василию Ивановичу своей победе: через месяц с небольшим, после взятия Смоленска, русское войско потерпело страшное поражение под Оршей (8 сентября 1514 года). Здесь князь Константин Острожский, начальник литовского войска, отплатил москвичам за ведрошское поражение: до тридцати тысяч человек из русской рати пало в битве под Оршей; погибло много воевод и бояр; еще больше было взято в плен. Это поражение могло иметь плачевные последствия. Прежде город за городом спешил сдаваться московскому великому князю; теперь они торопились загладить свою вину пред королем и также немедленно сдавались ему. Дело Василия Ивановича казалось вконец проигранным; даже в Смоленске, где остались только те, кто по доброй воле своей согласился служить московскому великому князю, нашлись люди, которые задумали новой изменой поправить свои дела. Владыка смоленский Варсонофий с несколькими знатными смолянами послали известить Сигизмунда, что Смоленск ему легко сдастся.



Е. Корнеев Крымские татары

Но были в Смоленске и люди, хотевшие верно служить Москве: от них московский наместник, князь Шуйский, узнал о замышляемой измене; он велел схватить всех злоумышленников, в том числе и Варсонофия...

Между тем Острожский, рассчитывая, что сами смоляне помогут ему взять город, спешил к Смоленску с

небольшим войском. Надежда на изменников не сбылась. Когда войско приблизилось к Смоленску, то увидело страшное зрелище: на городской стене было множество повешенных, один висел в богатой шубе, другой — с серебряным ковшом на шее, третий — с кубком и так далее. Оказалось, что все изменники, кроме владыки, были по приказу Шуйского повешены с теми подарками, какие дал им Василий Иванович за их готовность верно служить ему.

Война с Литвой длилась еще лет семь без особенного успеха для той и другой стороны. Москва искала союзников, и по этому поводу завязались сношения с Германией: не раз император Максимилиан присылал послов в Москву; ездили и русские послы к нему. В 1522 году наконец заключено было перемирие, причем Москва удерживала Смоленск до заключения «вечного мира».

Но вечного мира пришлось долго ждать!

Крымские татары уже не были с Москвою в той дружбе, как при Иоанне III. Менгли-Гирей уже устарел и одряхлел, всеми делами в Крыму орудовали его сыновья да родичи. Это были хищники, готовые за щедрые подарки служить и изменять кому угодно. Они даже нагло вымогали у послов эти подарки. Случалось, брали их сразу и от москвитян, и от литовцев, а при удобном случае опустошали земли и тех, и других. Приходилось задаривать грабителей, чтобы откупиться хоть на время от их разбойничьих набегов.

С Казанью тоже шла постоянная вражда. Уже в начале княжения Василия пришлось силою смирять здесь мятеж и измену; но московское войско потерпело сначала неудачу. Василий Иванович желал тут пристроить ханом своего подручника Шиг-Алея; но он не полюбился казанцам, а водворился брат Магмет-Гирей, крымского хана. В то же время крымский хан вторгся с ордой своей в московские владения, и началось

жестокое опустошение. Великий князь уехал из Москвы собирать войско. Хан, впрочем, не мог долго оставаться под Москвою — он ушел с ордою своею и с громадным числом пленных (1521 год).

Есть известие, что хан принудил московских воевод выдать ему грамоту, по которой они обязывались государевым именем платить ему ежегодную дань. Но счастливый случай избавил Москву от этой беды: на обратном пути Магмет-Гирей захотел овладеть городом Переяславлем-Рязанским; чтобы убедить здешнего воеводу Хабара сдаться, татары ему стали показывать московскую грамоту, а он, захватив ее, велел открыть по неприятелю пальбу из пушек, и множество татар было побито... Хан отступил от города, а позорная грамота осталась в руках Хабара. Его наградили за это саном боярина; имя его приказано было записать в государственную летопись.

Василию Ивановичу все-таки, в конце концов, удалось добиться того, что Гирей были изгнаны из Казани, а ханом посажен Еналей, брат Шиг-Алея.



Ф. Солнцев Старинные латы

Церковные дела

В княжение Василия Ивановича споры о монастырских вотчинах и казни еретиков продолжались. Иосифляне (сторонники Иосифа Волоцкого) стояли за мнения своего наставника, а противники их — белозерские старцы, последователи Нила Сорского, — в своих сочинениях сильно нападали на Иосифа и его сторонников. Спорили горячо, дело доходило даже до колкостей. Суровый Иосиф, требуя беспощадной казни еретиков, ссылается, например, на апостола, по молитве которого Симона-волхва постигла смерть.

Белозерские старцы в своем послании в ответ Иосифу насмешливо напоминают о разнице между ним и апостолами, которые не требовали, чтобы люди казнили еретиков, а молитвою поражали их и прибавляют: «И ты, господине Иосифе, сотвори молитву, чтобы земля пожрала еретиков...». Думают, что это послание написано учеником Нила, Вассианом Косым (бывший боярин, князь Патрикеев). Он был самым сильным противником Иосифа и написал несколько посланий, где резко изобразил все язвы и пороки в монашестве, происходившие потому, что монастыри были богаты, владели поместьями. Он сильно нападает на роскошь в монастырях, на корыстолюбие монахов, на тяжбы их, попрошайство, угодничество сильным и богатым, обременение своих крестьян тяжелыми оброками, лихоимство и прочее.

Борьба иосифлян и белозерских старцев была во всем разгаре, когда является новый сильный борец против иосифлян — Максим Грек. Это был афонский монах, весьма образованный, начитанный и умный человек. Он побывал и в Париже, и во Флоренции, слушал знаменитых ученых богословов. Особенно сильно

подействовал на него Иероним Савонарола, который в то время увлекал народ во Флоренции своим пламенным красноречием и беспощадно громил в смелых проповедях роскошь и безнравственность, царившие тогда в Италии. Максим Грек приехал в Москву в 1518 году. У великого князя было огромное собрание разных греческих рукописей; надо было разобрать их, привести в порядок, а на Руси тогда нельзя было найти человека, который смог бы это сделать, — вот зачем понадобился ученый грек великому князю. Кроме того, надо было перевести некоторые сочинения на русский язык (Толковую псалтырь, Толкования деяний апостольских, Беседы Златоуста и другие). Дел было очень много. Максим сначала и занялся тем, для чего его призвали, но мало-помалу невольно втянулся в церковные дела и споры, которые тогда волновали всех мыслящих русских людей. К нему, как к ученому, обращались часто за разрешением различных вопросов и споров, да и сам он был не такой человек, чтобы сторониться от жизни. Приглядевшись к русской жизни да освоившись с русским языком, немедля принял он участие в разных церковных вопросах.



Максим Грек Рисунок из рукописи. XVI век

Написал Максим Грек очень много сочинений: писал против магометан (от частых сношений с татарами могли заходить к русским некоторые особенности магометанства), против латинян, потому что в это время папа снова пытался склонить русских к церковной унии. Сильно обличает он различные суеверия, которые в то время господствовали на Руси (гадание по звездам, верования в различные приметы, волшебство и так далее). Как верное средство освободиться от грубых суеверий, затемняющих ум человеческий, мешающих разумной жизни, он указывает на просвещение, на

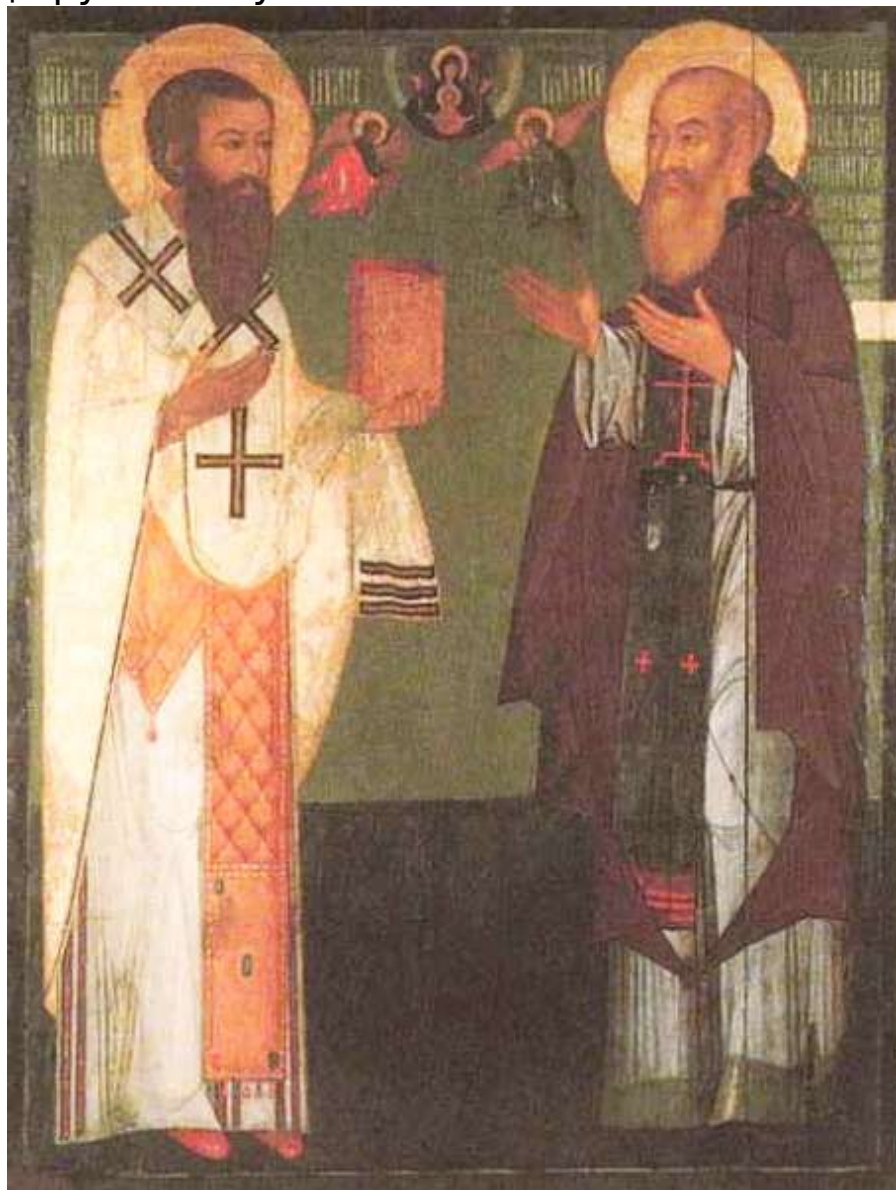
сближение с западными, более образованными народами.

Максиму, как человеку умному и притом свежнему, еще не успевшему сжиться с русскими порядками, должно было, конечно, броситься в глаза, что набожные русские люди, строго исполняя все обряды, соблюдая все посты, в то же время жили совсем не по-христиански, творили спокойно всякие неправды и тяжкие грехи. Плохая нравственность, прикрытая внешнею набожностью, возмущала Максима. В своих посланиях он обличает тех, которые не ели мяса по понедельникам, но готовы были целый день пить вино, соблюдали все посты, а терзали бедных подручников. В одном сочинении Максима Господь говорит людям, что они только гnevят Его, предлагая Ему dobroгласное пение, звон колоколов, драгоценные украшения икон, а не милуя нищих и сирот, не отставая от неправды, лихвы и прочего. «Вы книгу Моих словес (Евангелие) и внутри, и извне обильно украшаете серебром и златом, силу же писанных в ней Моих велений не приемлете и не исполняете».

С самого же начала своей деятельности Максим стал на сторону белозерских старцев и Вассиана и постоянно, подобно им, утверждал, что инок должен быть «странен, незнаем, бездомен и безымянен». В нескольких сочинениях сильно корит он монастыри за то, что они владеют поместьями, а в одном из своих трудов — «Повести страшной о совершенном иноческом жителъстве» — доходит даже до проклятий монахам-вотчинникам.

Эти резкие обличения и смелые нападки, конечно, не прошли Максиму даром: у него явилось множество врагов, и притом — врагов сильных. Большая часть высших духовных лиц были иосифляне. Сам митрополит был последователем Иосифа. Не только в среде духовенства, но и между сильными мирянами нашлось

немало недругов смелому обличителю. Он в своих сочинениях между прочим беспощадно обличал и мирские власти, говорил, что такого неправосудия, как у православных русских, нет даже у латинян ляхов. Эти резкие выходки оскорбляли не только отдельных лиц, но и вообще русское чувство.



Святой Василий Великий и великий князь московский Василий III, в иночестве Варлаам, в молении Икона. 1560-е

Невзлюбил Максима и сам великий князь. Василий Иванович не имел детей, приходилось ему признать наследником брата своего Юрия Ивановича; но великий князь недружно жил с ним, считал его и следующего брата Андрея неспособными управлять государством и очень хотел иметь сына-наследника, задумал даже развестись с бездетной своей супругой и жениться на другой. Митрополит дал церковное разрешение на развод, но Вассиан Косой и Максим Грек сильно осуждали намерение государя. Он, конечно, не посмотрел на них — женился на Елене Глинской, но в сердце его закралось недоброе чувство к противникам его воле...

После этого враги Максима стали действовать смелее: его несколько раз привлекали к следственным делам за сношения с крамольными боярами, за речи, оскорбительные для великого князя, и так далее. Наконец, велено было духовному собору судить Максима. Его обвиняли в порче книг. При переводе их было сделано несколько ошибок: не владея сначала ни славянским, ни русским языком, Максим переводил книги на латинский язык, а с латинского уже переводил русский переводчик; при этом, понятно, могли легко вкратиться ошибки, которых Максим и исправить не мог. Хотя он не признал себя виновным, но его все-таки сослали в Волоколамскую обитель, однако он не унялся, продолжал писать обличительные сочинения и послания; тогда раздраженные враги его в 1531 году назначили новый соборный суд, чтобы наказать неукротимого обличителя.



А. Васнецов Медведчики

Тут было пущено в дело все, чтобы погубить Максима. В чем только не винили его! Между прочим обвиняли в волшебстве, доносили, будто он хвалился, что все знает и что грехов на нем ни единого нет; доносили, что он писал что-то на своих ладонях водкою и, протягивая руки, волхвовал против великого князя и других лиц. Всевозможные придирки были пущены в ход: бывший у Максима писец доносил, что тот приказывал ему вычеркивать некоторые строки в священных книгах, которые он переписывал, и что при этом «на него дрожь великая нападала»...

Несмотря на то что Максим признавал свою правоту, на этот раз он упал духом, унижался, умолял своих судей о пощаде, падал пред ними три раза на колени. Унижение не помогло: его в оковах отправили в заточение в Тверской Отроч монастырь. Несмотря на то, что Максим не раз еще умолял, чтобы его отпустили на родину, все было напрасно — он умер, не увидав ее более.

Семейные дела и смерть великого князя

Сильно скорбел Василий Иванович, что у него не было детей. Говорят, что раз он даже заплакал, когда увидел на дереве птичье гнездо с птенцами...

— Кому царствовать после меня в Русской земле? — скорбно спрашивал он у своих ближних. — Братьям моим? Но они и со своими делами управиться не могут!..

По совету приближенных он развелся с первой своей супругой, Соломонией Сабуровой, которая была пострижена, как говорят, против ее желания, и, как сказано выше, женился на племяннице известного Михаила Глинского.

Новая супруга великого князя не походила на тогдашних русских женщин: отец ее и особенно дядя, живший в Италии и Германии, были люди образованные, и она также усвоила иноземные понятия и обычаи. Василий Иванович, женившись на ней, как будто стал склоняться к сближению с Западной Европой. В угоду жене он даже сбрил себе бороду. Это, по тогдашним понятиям русских, считалось не только делом непристойным, но даже тяжким грехом: православные считали бороду необходимой принадлежностью благочестивого человека. На иконах, представлявших Страшный суд, по правой стороне Спасителя изображались праведники с бородами, а на левой — басурманы и еретики, бритые, с одними только усами, «аки коты и псы», с омерзением говорили набожные люди.



Великий князь Василий III Роспись Грановитой палаты Московского Кремля

Несмотря на такой взгляд, в Москве являлись тогда юные щеголи, которые старались уподобиться женщинам и даже выщипывали у себя волосы на лице, рядились в роскошные одежды, нацепляли на свои кафтаны блестящие пуговицы, надевали ожерелья, множество перстней, натирались разными

благовонными мазями, ходили особенной мелкой поступью. Сильно вооружались против этих щеголей благочестивые люди, да ничего поделать с ними не могли. Женившись на Елене Васильевне Глинской, стал щеголять и Василий Иванович...

Папа проведаль, что великий князь отступает от старых московских обычаев, и пытался было склонить его к унии — подавал Василию Ивановичу даже надежду получить после бездетного Сигизмунда Литву, намекал и на то, что и Константинополь, «отчину московского государя», можно будет прибрать к рукам. Василий Иванович изъявил желание быть в союзе с папою, но от переговоров о церковных делах уклонился.

Четыре года с лишком прошло после женитьбы на Елене, а детей у Василия Ивановича все не было. Он со своей супругой ездил на богомолье по монастырям, раздавал милостыню; во всех церквях русских молились о даровании государю наследника.

Наконец 25 августа 1530 года явился на свет наследник и наречен был при крещении Иоанном. Потом ходила молва, будто при появлении его на свет по всей Русской земле прокатился страшный гром, молния сверкнула, и земля содрогнулась...

Один юродивый предрек Елене, что у нее родится сын «Тит — широкий ум».

Через два года родился у великого князя второй сын — Юрий.

Недолго пришлось Василию Ивановичу тешиться своим семейным счастьем. В сентябре 1533 года он отправился со своей семьей в Троицкий монастырь, на праздник чудотворца Сергия, а отсюда поехал на охоту в Волок-Ламский и на пути занемог (на левой ноге у него явился подкожный нарыв). Василий Иванович, хотя чувствовал себя нехорошо, но перемогался. Прекрасная погода сманила его, и он, перемогая боль, отправился с братом и ловчими на псовую охоту, а после этого слег в

постель. Два великокняжеских иноземных врача стали лечить его, но болезнь усиливалась.

Он приказал себя везти в Москву, причем велел держать свою болезнь в тайне. В Москве, расположившись во дворце, он призвал доверенных бояр и дьяков для составления духовной грамоты. Когда это дело было кончено, больной стал думать с митрополитом и своим духовником о пострижении. Еще на Волоке он говорил своему духовнику:

— Смотрите, не положите меня в белом платье; хотя и выздоравливаю — нужды нет, мысль моя и сердечное желание обращены к иночеству!

Затем великий князь приобщился и соборовался. Болезнь все усиливалась, больной сильно страдал.

— Брат Николай! — обратился он к своему лекарю. — Ты видел великое мое жалованье к себе, не можешь ли сделать мазь или что иное, чтоб облегчить болезнь мою?

— Видел я, государь, — отвечая врач, — твое великое жалованье, тело свое готов раздробить, лишь помочь бы тебе, но не вижу другого средства, кроме помощи Божией.

Принесли к умирающему маленького Ивана. Василий Иванович благословил сына.

— Смотри, Аграфена, — сказал он няне, — от сына моего Ивана не отступай ни пяди!

Когда унесли ребенка, ввели великую княгиню, она горько рыдала. Умирающий стал ее утешать. Хотел он было поговорить с женой, но она так билась и плакала, что он не мог и слова выговорить. Ее увели.

Пред самой смертью Василий Иванович пожелал исполнить свое намерение отречься от мира — постричься пред смертью в монахи.

— Исповедал я тебе, — сказал он митрополиту, — что хочу монашества. Сподоби меня облечься в монашеский чин, постриги меня.

Брат великого князя, Андрей Иванович, и некоторые бояре противились, — думали, что больной еще может оправиться; но Василий Иванович уже умирал, язык его уже немел, он знаками просил пострижения — брал простыню и целовал ее. Правая рука его уже не могла подниматься, боярин, стоявший подле, поднимал ее, и умирающий не переставал креститься, смотря на образ Богородицы.

Митрополит велел принести монашеское одеяние и, помня слова великого князя: «Если не дадут меня постричь, то хоть на мертвого положите монашескую одежду — это давнее мое желанье!» — стал наскоро совершать обряд пострижения. Василий Иванович уже отходил. 3 декабря 1533 года, в полночь, скончался великий князь Василий, в монашестве Варлаам.

Утром на другой день большой кремлевский колокол возвестил всей Москве кончину великого князя.

В Архангельском соборе была приготовлена могила для Василия подле отца. Монахи троицкие и иосифовские вынесли из дворца на головах тело инок Варлаама с пением: «Святый Боже!». На площади вопль народный заглушал звон колоколов. Великую княгиню Елену вынесли в санях на себе дети боярские, подле нее шли самые именитые бояре и дядя ее князь Михаил Глинский.

Московия XV-XVI столетий по рассказам иностранцев

Страна

Со времен Ивана III все чаще и чаще заезжают в русские края иноземцы. Одни из них ехали сюда ради наживы, в расчете на хорошее жалованье, какое платили в Москве «хитрым», то есть знающим, умелым иностранным мастерам; другие являлись с торговыми целями; третьи знакомились с нашими краями проездом, пробираясь на восток, в богатые закаспийские страны.

Все чаще и чаще являются в Московии (так обыкновенно иноземцы называли Московское государство) и иностранные посольства.

Наше отечество в те времена так же мало было известно Западной Европе, как нам, например, Китай, и потому понятно, что более образованные иноземцы, бывшие в русских краях, с большим любопытством приглядывались и к стране, и к быту жителей, старательно заносили в свои записки все, что казалось им замечательным, чтобы познакомить и своих соотечественников с неведомым краем. В рассказах этих иностранцев мы находим драгоценные сведения о житье-бытье наших предков.

Несколько известий мы находим у итальянских путешественников Барбаро и Кантарини, которые проезжали через русские земли, — первый в начале, а второй в конце XV столетия, и еще у некоторых писателей, которые хотя сами и не были на Руси, но собирали сведения о ней у русских послов и у людей, побывавших в Московии. Особенно любопытны записки барона Герберштейна, германского посла. Он два раза при Василии Ивановиче побывал в Московском государстве; в первый раз пробыл около восьми месяцев, во второй — около полугода. Знакомый с двумя славянскими наречиями, он скоро освоился с русским

языком и мог говорить с русскими без переводчика. Любопытного и просвещенного Герберштейна очень занимало не только то, что он видел в Московском государстве, но также история его.



***Сигизмунд Герберштейн — австрийский дипломат,
барон, путешественник***

Западного европейца Московия поражала, прежде всего, своим видом, своей природой. Тут не было того

разнообразия, как в западной, особенно в гористой части Европы, где попадались на каждом шагу живописные виды, деревушки, красивые каменные города, грозные замки. Бесконечная равнина, поросшая громадными, сплошными лесами, изрезанная множеством рек и речонок, со множеством озер и болот — вот что представлялось западному путешественнику в нашем отечестве. Можно было целый день проехать, не встретив человеческого жилья. Попадавшиеся на пути деревушки были по большей части очень маленькие: три-четыре избы, столько же крестьянских семей — вот и деревня. Чаще попадались только что зачинающиеся поселки из одного жилья, «починки», как их звали, или «займища», то есть поселок, состоящий часто из одной крестьянской семьи, занявшей себе место под избу где-нибудь в лесной просеке. Можно было несколько дней проехать и не встретить не только города, но сколько-нибудь порядочного села, то есть деревни с церковью. Да и города русские тогда были совсем неказисты, на взгляд западного европейца: те же деревянные постройки, как и в деревнях, земляная и бревенчатая ограда, составляющая собственно город, — все это было очень незатейливо; только церкви, которыми изобиловали наши города, несколько скрашивали их, но и церкви встречались по большей части маленькие деревянные. Только в более значительных городах были каменные ограды, образующие кремли, или детинцы. В кремле обыкновенно были каменные, более изящные церкви, соборы; в кремле же устраивались хоромы княжеского наместника. В больших городах, где жили богатые бояре, и в посаде, части города, расположенной подле кремля, богатые посадские люди, купцы, строили иногда более затейливые и просторные жилища.



План Москвы в 1520-х годах С. Герберштейна

Весной, когда таяли снега, разливались реки, все низменные места заливались водой, на каждом шагу являлись болота, которые не высыхали даже и в жаркое лето, особенно в лесных трущобах, непроницаемых для солнечного луча. Сухим путем ехать весной или летом нельзя было. Если заставляла необходимость, то предпочитали ехать верхом, но и тут приходилось преодолевать огромные трудности — пробираться сквозь лесные заросли, переправляться через болота, через реки переходить вброд или вплавь; только у больших городов были мосты или плоты для переправы. Нетрудно было в те времена и заблудиться, пробираясь через лесные дебри. Притом леса были полны хищного

зверя, а болота порождали тучи мошек и комаров. Понятно, что предпринимать дальнейшее путешествие при всех указанных неудобствах значило решаться на тяжелый подвиг. Вот почему летом старались обыкновенно проезжать по Московии речными путями. Только зимою, когда мороз сковывал болота и реки и земля устилалась мягким снежным ковром, можно было с большим удобством ездить в разные концы Русской земли в санях с провожатыми на лыжах, которые разведывали пути. Но зато в зимнюю пору морозы бывали такие лютые, что птицы замерзали на лету, люди и лошади купеческих обозов замерзали на пути. Иноземцам, не привыкшим у себя к такому холоду, были такие морозы невыносимы.



А. Саврасов Просека в сосновом лесу

Понятно, что мало было охотников разъезжать по Московии и изучать ее; понятно, что и сведения о ней не могли быть точными. Особенно мало знали о Крайнем Севере и довольствовались разными сказками: рассказывали, например, что на дальнем севере живут люди, которые зимой умирают или засыпают, а весной оживают; рассказывали о необыкновенных северных

жителях, покрытых шерстью, с собачьими головами, о людях, которые не говорят, а щебечут по-птичьи, и прочее. Нетрудно догадаться, как складывались подобные сказки: неточные и случайные рассказы о некоторых обычаях жителей Крайнего Севера, например, обычае прятаться от лютых морозов на продолжительное время в своих юртах, заносимых снегом, носить одежду из звериной кожи мехом вверх, рассказы об особенностях языка и прочие порождали эти басни.

Западные послы ездили в Москву обыкновенно двумя путями: один, дальнейший, но более удобный, шел через Ливонию на Новгород, а отсюда в Москву, другой, кратчайший, — через Смоленск.

Прием послов

***Встреча на границе. Прием в Москве. Послы на
государевом обеде. На охоте.***

Иноземный посол, подъезжая к границам Московского государства, должен был дать знать о себе в ближайший московский город наместнику. Тот разузнавал, великий ли посол, или посланник, или просто гонец едет, велика ли у него свита, и прочее. Эти справки наводились с тем, чтоб устроить подобающий прием послу. Наместник высылал навстречу ему какого-либо «большого человека» из своих подчиненных со свитой, который встречал иноземного посла, стоя с приближенными своими среди дороги, и ни на шаг не сторонился, так что иностранцы должны были сворачивать с пути и объезжать их. Когда посол и высланный ему навстречу русский чиновник съезжались на дороге, то происходило объяснение. При этом требовалось, чтобы посол и русский «большой человек» сошли с коней и вышли из колымаг; последний зорко следил за тем, чтобы не сойти с коня прежде иноземного посла и тем не умалить чести своего государя, затем подходил к послу с открытой головой и оповещал его торжественно и многословно о себе, что он послан наместником великого государя проводить посла и спросить, подобру ли, поздорову ли он ехал; после чего протягивал иноземцу руку и расспрашивал его о пути уже от себя. Наконец, посол продолжал путь, объехавши русского чиновника, а тот издали следовал с людьми своими за ним и на пути выводывал у его слуг имена, звание и сан всех лиц посольства, а также кто какой язык понимает. Обо всем этом немедленно давалось знать в Москву великому князю. Русские

пристава, провожавшие иноземное посольство, зорко следили за тем, чтобы никто из иноземцев не отставал от посла, не входил в сношение с населением. Всякие припасы доставляли им эти же пристава. Подвигались вперед очень медленно: пристава употребляли всякие уловки, чтобы замедлить путешествие послов до получения из Москвы указа, как действовать.

Герберштейну пришлось на пути в 12 миль три раза ночевать, притом два раза на снегу под открытым небом. В больших городах наместники обыкновенно чествовали и угощали послов.

По московскому обычаю иноземное посольство, вступая в русские пределы, избавлялось от всяких расходов: не только съестные припасы доставлялись послу и его свите, но и самая перевозка производилась на счет государевой казны.

По главным дорогам были устроены так называемые «ямы» (станции); «ямщики» должны были выставять известное число лошадей и подвод. На пути встречали иностранных гостей посланные из именитых людей, которые и сопровождали посольство, заботясь обо всем нужном, а также и присматривая, чтоб иноземцы не входили в сношения с населением.

Близ Москвы посольство, в котором был Герберштейн, встретил старик дьяк, который объявил, что государь навстречу иноземцам высылает «великих» людей. При этом дьяк предупредил, что при свидании с государевыми людьми иностранным послам следует сойти с коней и стоя слушать государевы речи; он очень суетился, спешил, видимо, устал и весь был в поту. Герберштейн, познакомившийся с ним раньше, спросил его о причине усталости.

— Сигизмунд (имя Герберштейна), — отвечал старик, — у нашего государя иначе служат, чем у твоего!

Придворные, выехавшие навстречу послу, старались так устроить дело, чтоб он первый обнажил голову, первый вылез из колымаги или сошел с коня. Это значило заботиться о том, чтобы государевой чести ни в чем поруки не было.



С. Иванов Приезд иностранцев. XVII век

При самой встрече один из московских сановников сказал:

— Великий государь, Василий, Божьей милостью царь и государь всея Руси и прочее (говорился весь титул), узнал, что прибыли вы, послы его брата Карла, избранного императора римского и превысокого короля, и его брата Фердинанда. Государь послал нас, своих советников, спросить вас, как здоров его брат Карл, римский император.

Затем такое же обращение от имени государя с перечислением его титулов сделано было и к главному послу, и к его товарищам, — спрашивали каждого, «подобру ли, поздорову» он ехал. После этих приветствий, на которые послы отвечали тем же порядком, садились на коней.

Московские пристава старались скорее надеть шапки, скорее вскочить на лошадей, чем иноземные послы, чтобы им не показалось, что русские считают себя ниже их, а своего государя ниже их государя.

Затем совершался въезд в Москву. Обыкновенно огромные толпы собирались смотреть на такую диковину, как иноземные послы. Говорят, что по приказу государя собирали людей даже из окрестных селений в Москву для встречи послов: толпы народа в праздничном наряде должны были внушать иноземцам высокое мнение о силе и богатстве Московского государства. Случалось даже, что при въезде иноземного посольства запирали лавки, торговцев и покупателей гнали с рынка на те улицы, по которым оно проезжало.

Помещение посольству, в котором был Герберштейн, отвели в здании, почти совершенно пустом, даже без постелей. Съестные припасы доставлял дьяк, нарочно для этого назначенный. Пристава в своем обращении строго сообразовывались с саном и значением посла; так же строго определялось, сколько следует выдать ему и его людям ежедневно хлеба, мяса, соли, перцу, овса, сена и дров. Пристава старались всеми силами помешать иноземным гостям покупать что-либо самим и немного спустя по приезде их выводывали у посольской дворни, что намерен посол им подарить.



Б. Ольшанский Посольский двор

Отдохнув дня два, послы стали справляться, когда им будет назначен прием у великого князя. После долгих проволочек наконец назначен был день приема.

— Приготовляйся, потому что ты будешь позван перед лицо государя! — торжественно объявил пристав главному послу.

Несколько времени спустя снова объявлено было послам:

— Скоро придут за вами большие люди, и потому вам следует собраться в один покой!

При этом пристава убеждали иноземных послов, чтобы они оказали честь большим людям — вышли бы к ним навстречу.

Затем в сопровождении многих бояр послы отправились во дворец. Опять по улицам, где проходили они, толпился народ в праздничном платье, стояли рядами войска. Не доезжая до дворцового крыльца, послы должны были сойти с коней и идти пешком. К самому крыльцу мог подъезжать на лошади только сам князь.

На лестнице послов встретили бояре, государевы советники. Они вели иноземцев до верха лестницы; здесь передали их высшим сановникам, а сами шли позади. При входе в палаты встретили послов первостепенные бояре и повели их к государю. В главных палатах находились более именитые сановники, ближайšie к государю люди. Бояре красовались в самых богатых, блестящих одеждах своих. Все было необыкновенно торжественно. Наконец послы подошли к великому князю. Один из первостепенных сановников поклонился ему и громко провозгласил: — Великий государь, граф Леонард (главный посол) бьет тебе челом!

Подобный же привет возвещен был и от других лиц, бывших с послом.



С. Иванов Ожидание послов

Государь сидел с непокрытой головой на возвышенном и почетном месте (на троне), у стены, блиставшей позолотой и изображениями святых; справа на скамье лежала шапка, а слева скипетр; тут же стоял таз с двумя рукомойниками. (Говорят, что князь, протягивая послу римской веры руку, считает, что дает ее человеку нечистому, и, отпустив его, тотчас же моет ее.) Против князя, на низшем месте, была приготовлена скамья для послов. Сам князь после того, как ему была отдана честь, пригласил их знаком сесть на скамью.

— Брат наш Карл, избранный император римский и превысокий король, здоров ли? — спросил государь.

Тот же вопрос был предложен о Фердинанде, брате императора.

Толмач, при посредстве которого шла беседа, переводил эти слова посланнику. В то время как произносилось имя Карла и брата его Фердинанда, великий князь вставал и потом садился снова, получив ответ: «Здоров». Затем государь уже обращался к послу с дружелюбным вопросом:

— Подобру ли, поздорову ли ехал?

На это посол должен был отвечать так:

— Дай Бог, государь, чтобы ты был здоров на многая лета. Я же, по милосердию Божьему и по твоей милости, здоров.

После этого государь приказал послам снова садиться. Было обыкновение, чтобы послы тех государств, с которыми были более частые сношения (Литва, Ливония, Швеция), подносили подарки. Бояре напоминали о подарках и людям того посольства, в котором участвовал Герберштейн, но те отвечали, что у них такой обычая нет.

Когда послы немного посидели, государь пригласил их отобедать с ним.

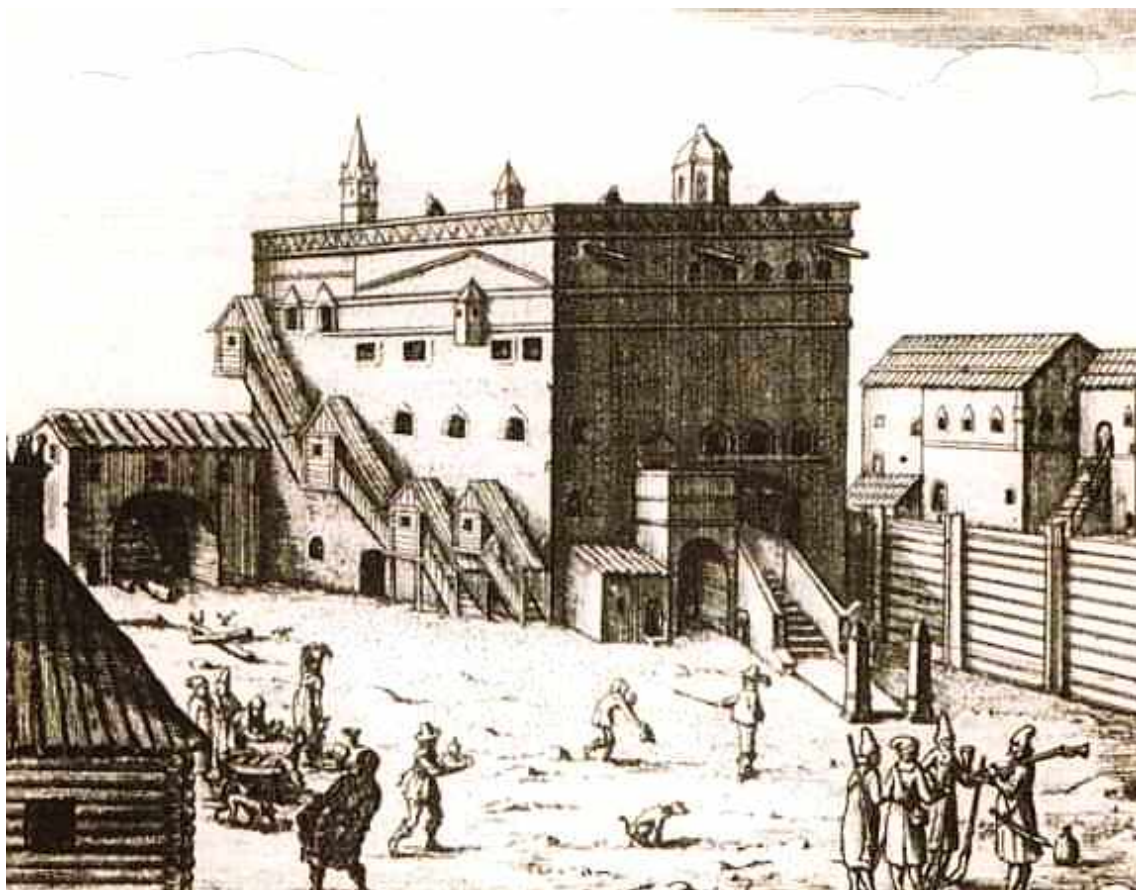
— Откушай нашего хлеба-соли вместе с нами, — сказал он каждому из них.

Затем пристава отвели послов в другой покой, где они излагали подробно свои поручения боярам и дьякам, которых назначил сам великий князь.

После этого иноземцев повели в столовую. Все бояре при входе послов вставали, отдавая им честь. Послы в свою очередь благодарили их поклонами на все стороны, затем заняли место, которое указал им рукою сам государь.

Столы в этом покое были поставлены кругом поставца, который стоял посредине, обременный множеством золотой и серебряной посуды. За тем столом, где сидел государь, с обеих сторон оставалось небольшое свободное пространство; с правой и левой стороны были места для братьев великого князя. Далее,

на некотором расстоянии от этих мест, сидели старейшие князья, бояре — по степени знатности и милости, какою пользовались они у государя. Напротив великого князя, за другим столом, сидели послы, а на небольшом от них расстоянии — их приближенные. На столах стояли маленькие сосуды с уксусом, перцем и солью.



Посольский двор

Вошли в столовую разносители кушаний в великолепных одеждах и стали против великого князя. Между тем он позвал одного из служителей и дал ему два куска хлеба и приказал передать послам. Служитель, взяв с собою толмача, поднес хлеб по очереди послам и сказал: — Великий государь, Василий,

Божьей милостью царь и государь всея Руси и великий князь, делает тебе милость и посылает тебе хлеб со своего стола.

Толмач громко переводил эти слова. Послы стоя слушали о милости государя. Встали и другие, кроме братьев великого князя, чтобы оказать честь иноземцам, а они благодарили государя поклоном, потом кланялись на все стороны и боярам.

Присылкою хлеба кому-либо из сидящих за столом великий князь выражал свою милость, а присылкою соли со своего стола — любовь. Это была высшая честь, какую мог оказать государь московский на своем пиру.

Обед начался с того, что подавали водку, которую всегда пили в начале обеда; потом принесли жареных журавлей, которых в мясоед подают как первое блюдо. Трех поставили пред великим князем. Он резал их ножом, пробуя таким способом, который лучше. Затем служители их унесли, чтобы разрезать на части, и скоро возвратились и разложили куски по маленьким блюдам. Государь дает кусочек попробовать служителю, потом уже сам ест. Иногда, если он хочет оказать почет боярину или послу, то посылает ему блюдо, с которого сам отведал; причем опять повторяется тот же обряд приветствия и поклонов, как и при посылке хлеба или соли.

Герберштейн жалуется, что «всякий немало устанет, сколько раз отдавая честь князю, поднимаясь, стоя благодаря и часто наклоняя голову на все стороны».

Русские ели журавлей, подливая уксусу и прибавляя соли и перцу. Уксус употреблялся вместо соуса или подливки. Кроме того, на стол ставилось кислое молоко, соленые огурцы, груши, приготовленные так же, как огурцы. За журавлями следовали другие кушанья. Подавали также различные напитки: малвазию, греческое вино и разные меды. Князь приказывал подавать себе свою чашу один или два раза, причем

угощал и послов, говоря: «Пей и выпивай, и ешь хорошенько, досыта, а потом отдыхай!».

Великокняжеский обед длился три или четыре часа, а иногда до ночи.



Н. Рерих Княжья охота. Утро

После обеда у государя сановники, провожавшие послов во дворец, отводили обратно в посольский дом, причем утверждали, что им, боярам, приказано остаться там и увеселять гостей. Приносились серебряные чаши и много сосудов с напитками, и бояре старались напоить послов допьяна. Бояре — большие мастера заставлять пить, говорит Герберштейн, и когда истощены, кажется, уже все поводы к попойке, они начинают пить за здоровье императора, его брата, великого князя, наконец за здоровье важнейших сановников. Они считают, что при этом неприлично отказываться от чаши. Пьют же следующим образом: тот, кто начинает, берет чашу, выступает на средину комнаты и, стоя с открытой головой, излагает в веселой речи свои пожелания тому, за чье здоровье пьет; затем, опорожнив чашу, опрокидывает ее над своей головой, чтобы все видели, что он выпил до дна и действительно желает здоровья тому лицу, за кого пьет. Потом велит наполнить кубки и требует, чтобы все пили за того, чье

имя он называет. Каждый, таким образом, должен выйти на середину комнаты и возвращаться на свое место лишь тогда, когда на виду у всех опорожнит свой кубок. Хорошим приемом и радушным угощением считается у русских только то, когда гости напоены допьяна. Чтобы избавиться от чрезмерного питья, по совету Герберштейна надо притвориться пьяным или спящим.

Желая оказать послам особенную милость, государь приглашал их участвовать в обычной тогдашней потехе — охоте.

Вот как описывает одну из таких охот Герберштейн.

Близ Москвы есть место, усеянное кустарником, весьма удобное для зайцев, где, словно в зверинце, разводится их великое множество; никто не смеет ловить их или рубить там кустарник под страхом величайшего наказания. Кроме того, князь держит множество их в звериных загонах и в других местах. Каждый раз, когда вздумается ему насладиться этой забавой, он приказывает привозить зайцев из разных мест, ибо, по его мнению, чем больше он затравит зайцев, тем больше ему и чести.



Р. Каркмеа Охота

Когда явились по призыву великого князя послы на охоту и исполнили все обряды в честь князя, началась охота. Государь сидел на богато украшенном коне, в роскошной одежде. На нем была шапка, называемая колпаком, имевшая с обеих сторон, спереди и сзади, козырьки, из которых торчали вверх, как перья, золотые пластинки и качались взад и вперед. Одежда на нем была вышита золотом. На поясе висели два

продолговатых ножа и такой же кинжал. Сзади, под поясом, у него был кистень (род нагайки, к концу ремня которой прикреплялся металлический шар). С правой стороны ехал бывший казанский царь Шиг-Алей; с левой же — два молодых князя, из которых один держал в правой руке секиру (топор) с рукоятью из слоновой кости, другой — булаву, или шестопер. У Шиг-Алея были привязаны два колчана: в одном у него были стрелы, в другом — лук. В поле было более трехсот всадников. Длинным рядом стояло около ста человек охотников. Половина их была одета в одежды черного цвета, а другая — желтого. Неподалеку от них стояли все другие охотники и наблюдали, чтобы зайцы не пробежали через это место и не ушли бы совсем. Сначала никому не было позволено спустить собак, кроме царя, Шиг-Алея и иноземных гостей.

Князь крикнул, чтоб начинали.

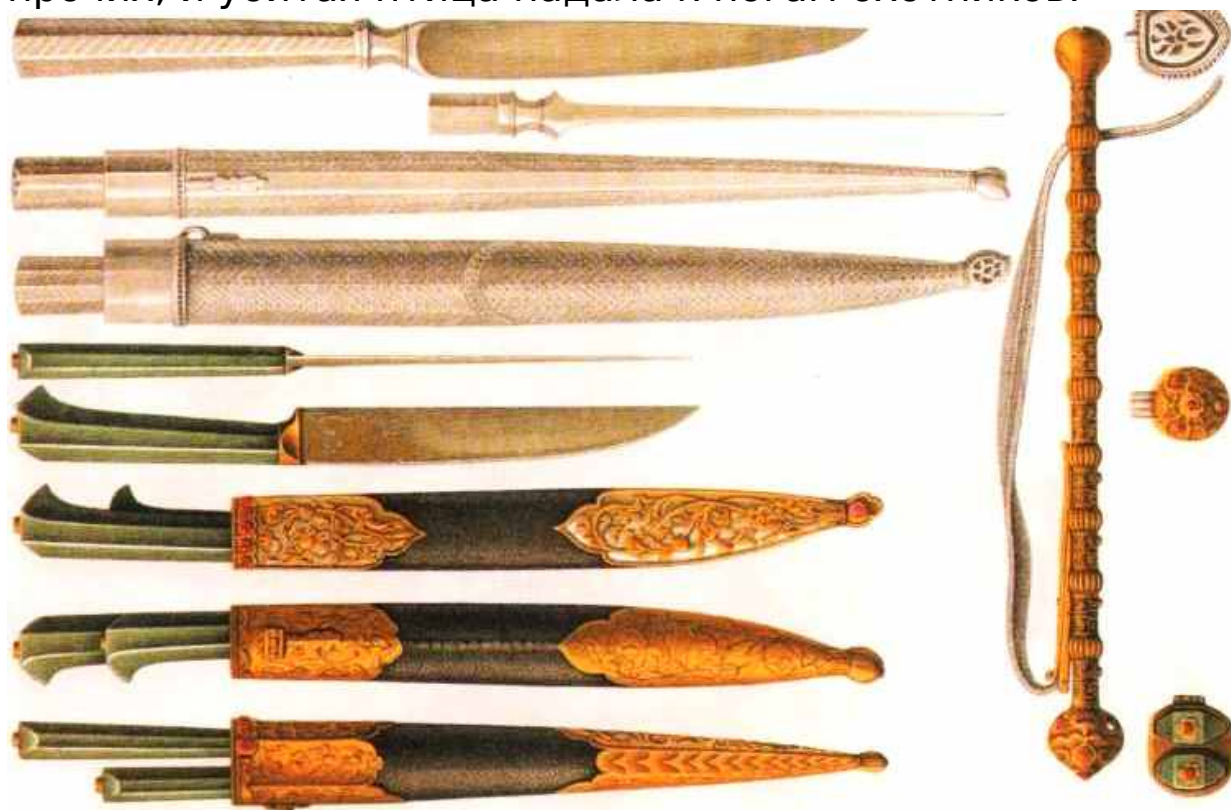
Тогда дана была весть всем охотникам. Все они вскрикивают в один голос и спускают больших собак.

Весело было слышать, говорит Герберштейн, громкий и разноголосый лай собак, а у великого князя их очень много, и притом отличных. Когда выбегает заяц, спускаются три, четыре, пять и более собак, которые отовсюду бросаются за ним, а когда они схватят его, поднимается радостный крик, рукоплескания, будто большой зверь пойман. Если зайцы слишком долго не выбегают, тогда выпускают по приказу великого князя припасенных заранее из мешков. Эти зайцы иногда, словно сонные, попадают в стаю собак, между которыми прыгают, как ягнята в стаде.

Чья собака затравила больше зайцев, того считают главным победителем. На этот раз, когда после охоты свалили зайцев в одно место, насчитано их было больше трехсот.

Князья и бояре любили тешиться, кроме псовых, и птичьими охотами. Приученные к охоте соколы и

кречеты с налету били лебедей, журавлей, диких гусей и прочих, и убитая птица падала к ногам охотников.



Ф. Солнцев Царские охотничьи ножи и плетки

Охота, в которой принимал участие Герберштейн, закончилась пиром. Неподалеку от Москвы было поставлено несколько шатров: первый из них, большой и просторный, для великого князя, другой — для Шиг-Алея, третий — для послов, остальные — для других особ. Князь, вошедши в свой шатер, переменял одежду и немедленно позвал послов к себе. Когда они вошли, он сидел в кресле из слоновой кости. Справа у него был царь Шиг-Алей, слева — младшие князья, которым великий князь особенно благоволил.



Ф. Солнцев Старинная конская серебряная цепь



Ф. Солнцев Налучье и колчан

Когда все расселись, то начали подавать сперва варенья из аниса, миндаля и прочего, потом орехи, миндаль и пирожное из сахара; подавались также напитки, и государь оказывал свою милость, угощая иноземных гостей.

У великого князя была и иная потеха, по словам Герберштейна. Откармливали медведей в обширном, нарочно для этого построенном доме. По приказу князя против них выступали люди низшего звания, с деревянными вилами (рогатинами) и начинали для потехи великого князя бой. Если разъяренные звери ранят их, они бегут к князю и кричат: «Государь, мы ранены!». Великий князь говорит им: «Ступайте, я окажу вам милость», — и приказывает лечить их и наделить одеждой и хлебом.



В. Васнецов Царская потеха. Бой человека с медведем

Власть государя

Наблюдательному Герберштейну приходилось нередко видеть и слышать, как обращался великий князь с боярами и другими близкими людьми и как они относились к нему. «Властью над своими подданными, — говорит Герберштейн, — московский государь превосходит едва ли не всех самодержцев в целом мире»; и личность подданных, и их имущество совершенно во власти его. Все должны беспрекословно исполнять его желания. Богатые люди обязаны были служить безвозмездно при дворе его, в посольстве или на войне; только беднейшим из своих приближенных он платит небольшое жалованье по своему усмотрению. Знатнейшим, которые отправляют посольства или другие важные должности по приказу государя, даются в управление области или села и земли; причем, однако, им приходится уплачивать ему ежегодную подать с этих земель, так что в пользу управляющих идут лишь судебные пошлины и другие доходы. Великий князь позволяет пользоваться такими владениями по большей части в продолжение полутора лет; если же хочет оказать кому-либо особенную милость и расположение, то прибавляет еще несколько месяцев. Но по прошествии этого времени всякое жалованье прекращается, и целых шесть лет такой человек должен служить даром.

При княжеском дворе, рассказывает Герберштейн, был дьяк Василий Третьяк Далматов. Он пользовался особенной милостью великого князя. Но вот был он раз назначен в посольство в Германию. Издержки предстояли немалые. Стал Далматов жаловаться, что у него нет денег на дорогу и другие расходы. За это по приказу Василия Ивановича он был схвачен и отвезен в

Белоозеро в заключение. Именье его движимое и недвижимое было отобрано в великокняжескую казну; братьям и наследникам не досталось и четвертой части.

Если послы, отправленные к иноземным государям, привозят какие-нибудь драгоценные подарки, то князь отбирает их в свою казну, говоря, что даст боярам за то другую награду. Так, когда послы, ездившие к императору германскому, привезли с собой золотые ожерелья, цепи, испанские дукаты, серебряные чаши и прочее, то почти все более ценное отобрано было в государеву казну. «Когда я спрашивал у русских послов, правда ли это, — говорит Герберштейн, — то один из них отрицал, боясь унижить своего князя в глазах иноземца; другой же говорил, что князь приказал принести к себе подарки, чтобы посмотреть их». Но придворные не отвергали того, что более ценные вещи отбираются у бояр великим князем.

— Так что же? — говорили они при этом. — Государь вознаградит их другою милостью.



***Простой русский воин XVI столетия в тегиляе Лист
из сочинения С. Герберштейна «Записки о
Московии»***

Он имеет власть как над светскими, так и над духовными особами и беспрепятственно, по своему желанию, распоряжается жизнью и имуществом всех. Из советников его никто не пользуется таким значением, чтобы осмелиться в чем-либо противоречить ему или быть другого мнения. Они открыто признают, что воля князя есть воля Бога и что князь делает, то делает по воле Божией. Они даже называют своего государя «Божьим ключником» и верят, что он является исполнителем воли Божией. Сам князь, когда его

умоляют о каком-нибудь заключенном, обыкновенно отвечает.

— Будет освобожден, когда Бог велит.

Если кто-либо спрашивает о неизвестном или сомнительном деле, то обыкновенно говорят:

— Про то ведает Бог да великий государь!

Личность Василия Ивановича сильно занимала Герберштейна; к своим запискам он приложил даже рисунок, изображающий великого князя в домашней одежде.

Военное дело

Большая военная сила Московии тоже обращала на себя внимание иноземцев. Московские послы с гордостью заявляли иноземцам, что по первому требованию русского государя за несколько дней может слететься, подобно пчелам, огромное войско в двести или триста тысяч всадников... Если это и преувеличено, то все же известно, что московская рать обыкновенно бывала очень многочисленна. По словам Герберштейна, у Василия был уже и постоянный, но небольшой пеший отряд воинов, состоящий из 1500 наемных литовцев и всяких иноземцев. Главные же военные силы состояли из конницы, которая являлась во всеоружии лишь во время войны.

Через год или через два великий князь приказывает делать набор и переписывать боярских детей, чтобы знать их число и сколько у каждого из них людей и лошадей. Военную службу отбывают все те, которые могут по своему состоянию. Редко они наслаждаются покоем: почти постоянно идет война то с литовцами, то со шведами, то с татарами. Даже если и нет никакой войны, то все-таки ежегодно выставляется на южной окраине, около Дона и Оки, тысяч двадцать войска для охраны от набегов и грабежей крымских татар. Эти отряды обыкновенно каждый год сменяются; но в военное время все, обязанные службою, должны служить там, где великий князь укажет, и столько времени, сколько понадобится.



С. Иванов На сторожевой границе Москвы

Русское войско в те времена было плохо устроено. Лошади у конницы были хотя крепкие и выносливые, но по большей части мелкие, некованные и с самой легкой уздой. Седла устраивались так, что можно было без труда оборачиваться во все стороны и пускать стрелы. Всадники сидели на лошадях, до того подогнув ноги, что ударом копья нетрудно было их выбить из седла. Немногие употребляют шпоры, а большая часть — плетку, которая всегда висит на мизинце правой руки, чтобы ее можно было употребить в дело тотчас, как представится надобность.

Обыкновенное оружие — лук, стрелы, топор и кистень. Саблю употребляют по большей части

богачейшие и благороднейшие. Длинные кинжалы, висящие наподобие ножей, бывают нередко так запряжаны в ножны, что их трудно вытащить; употребляли также копья и дротики или небольшие пики. Повод у узды обыкновенно длинный, на конце разрезанный; его надевают на палец левой руки, чтобы можно было свободно действовать луком. Хотя в одно и то же время всадник держит в руках узду, лук, саблю и плеть, однако довольно ловко управляется со всем этим.

Знатные и богатые люди употребляют на войне хорошее охранительное оружие: разного рода латы, кольчуги, поручи и прочее. Весьма немногие имеют шлем, заостренный сверху и с украшенной верхушкой.

Те, которые победнее, довольствуются часто одеждой, плотно подбитой хлопчатой бумагой или пенькой, так называемыми тегилями, и такими же колпаками. В толще тех и других вделывались куски железа, так что прорубить тегилям было очень трудно. Оружие русских воинов недалеко ушло вперед с XIV столетия.

С пушками и вообще с огнестрельным оружием русские еще плохо справлялись. Частые войны с татарами, причем надо было больше всего рассчитывать на быстроту движения и приходилось проезжать большие пространства по степи, повели к тому, что пешего войска, за исключением упомянутого небольшого отряда, не было. Быстрое, внезапное нападение на врага, преследование его или бегство от него — вот в чем главным образом, по понятиям русских, состояла война. Понятно, что пехота и пушки при таком способе войны были бы лишь бременем.



Н. Самокиш Пушкарь

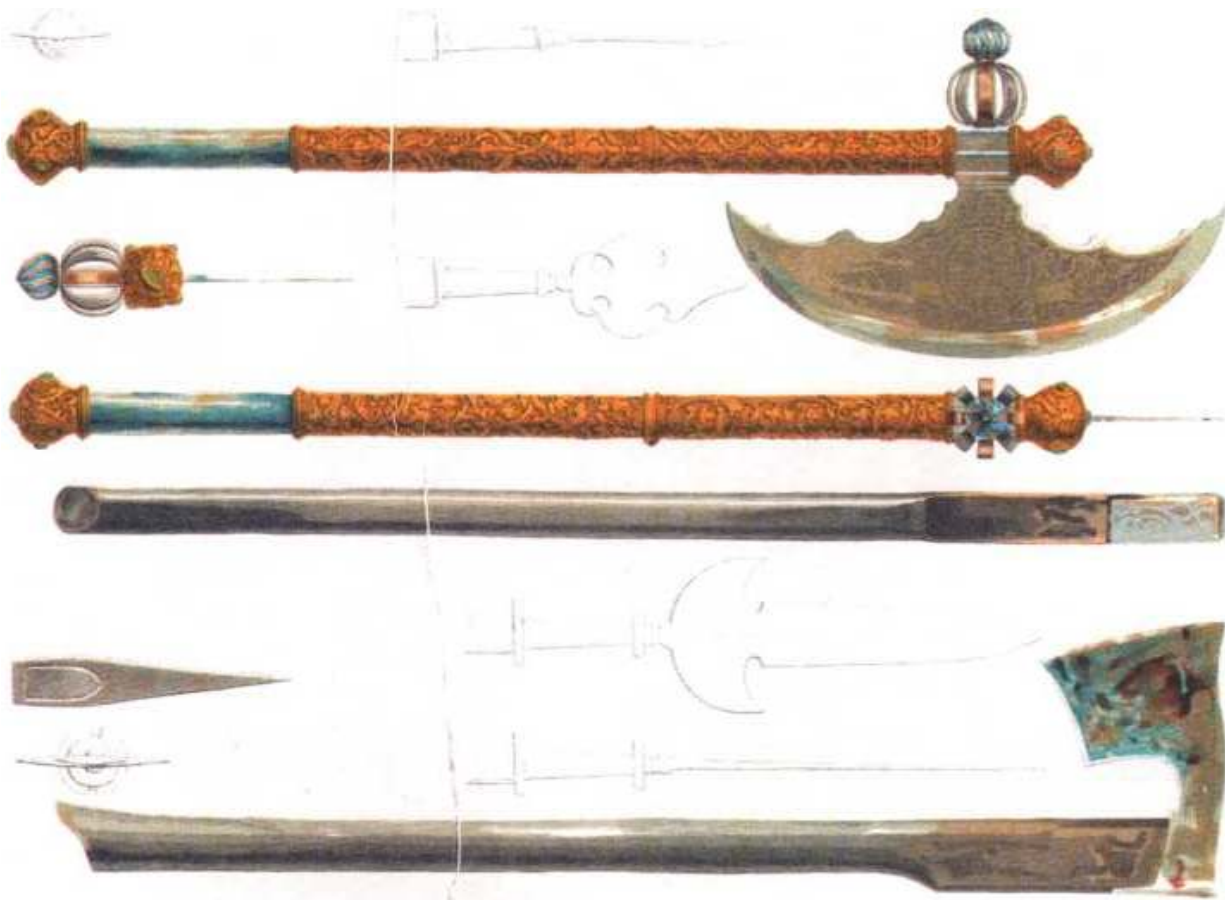
При Василии Ивановиче все же положено было начало пехоте, а также стали мало-помалу пускать в дело и пушки, особенно при осаде городов (осада Смоленска). Русские редко брали города с бою, приступом, — обыкновенно брали «измором», то есть принуждали жителей сдаться долгой осадой, голодом. У

Василия Ивановича были литейщики из немцев и итальянцев, лили они пушки, ядра и пули.

«У разных народов, — говорит Герберштейн, — большое различие в образе войны, как и в других делах», — и приводит такое сравнение между русским, татарин и турком: «Московит, как только ударится в бегство, уже не помышляет о другом средстве к спасению, кроме бегства. Когда враг догонит его или схватит, он уже не защищается и не просит пощады, а покорно предается своей судьбе. Татарин же, сброшенный с лошади, оставшись без всякого оружия, даже тяжело раненный, обыкновенно защищается до последнего издыхания — руками, ногами, зубами и чем только может. Турок, лишившись всякой надежды на помощь и спасение, бросает оружие, умоляет о помиловании, складывает руки, чтоб его вязали, протягивает их победителю, надеясь сохранить жизнь своим пленом».

Особенно удивляла иностранцев необыкновенная выносливость русского воина. Если есть у него, говорит Герберштейн, толченное просо в мешочке, длиною в две ладони, потом фунтов восемь или десять соленого свиного мяса и соль, смешанная, если он богат, с перцем, то он вполне доволен. Кроме того, всякий воин носит с собою топор, трут, кастрюлю, и если приходит куда-нибудь, где нет никаких плодов, ни чесноку, ни луку, ни дичины, то разводит огонь, наполняет горшок водою, в которую кладет полную ложку проса, прибавляет соли и варит, — и господин и холопы живут, довольствуясь этой пищей. Если господин слишком голоден, то съедает все, а холопы иногда постятся дня два-три. Если господин хочет отобедать получше, то к этому прибавляет кусочек свинины. Это говорится о людях посредственного состояния. Вожди же войска и другие начальники иногда приглашают к себе этих бедных людей, которые, хорошо пообедав, иногда в

течение двух-трех дней воздерживаются от пищи. Когда у воинов есть овощи, лук, чеснок да хлеб, то они легко могут обойтись без всего другого. В сражениях они полагаются на многочисленность своих сил более, нежели на мужество воинов и на хорошее устройство войска, стараются обойти неприятеля и напасть на него с тыла.



Ф. Солнцев Топоры и копья

Нравы и обычаи

Любопытны также некоторые, хотя и отрывочные, сведения у иноземных писателей о нравах и обычаях русских XV–XVI столетий. Более известный находим опять у Герберштейна.

Набожность наших предков и соблюдение ими внешних обрядов бросались в глаза иноземцам. Герберштейн сообщает, что русские ревностно соблюдали все посты; причем в великом посту некоторые воздерживаются не только от рыбы, но употребляют пищу лишь в воскресенье, вторник, четверг и субботу, а в остальные дни вовсе не едят или довольствуются куском хлеба и водой. На монахов же наложены посты еще более строгие: многие дни они должны довольствоваться одним квасом.

Проповедников, свидетельствует Герберштейн, нет у русских: они полагают, что достаточно присутствовать при богослужении и слышать Евангелие, послания и поучения других учителей (отцов церкви: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста). Русские думают этим избежать различных толков и ересей, которые большею частью рождаются от проповедей. В воскресенье объявляют праздники будущей недели и читают громогласно исповедь (исповедание веры). Они считают истинным и обязательным для всех то, во что верит или что думает сам князь. «Московиты, — говорит тот же писатель, — хвалятся, что они одни только — христиане, а нас (католиков) они осуждают как отступников от первобытной церкви и древних святых установлений». Русские монахи издавна стараются распространять Слово Божье у идолопоклонников, отправляются в разные страны, лежащие на севере и востоке, которые

достигают с великим трудом и опасностью. Они не ждут и не желают никакой выгоды, напротив, иногда даже погибают, запечатлевая учение Христово своею смертью, стараются единственно только о том, чтобы сделать угодное Богу, наставить на истинный путь души многих заблудшихся, привести их ко Христу. Эта ревность к вере сказывалась и в набожности русских. Герберштейна поражает «удивительное стечение племен и народов» в известные дни у Троице-Сергиевского монастыря, куда часто ездит сам князь, а народ стекается ежегодно в праздники и питается от щедрот монастыря. Знатные люди чтят праздники тем, что прежде всего отправляются к обедне; затем надевают пышную одежду и бражничают... Простой же народ — слуги и рабы — большей частью после обедни работают, говоря, что «праздновать и гулять — господское дело». Только в торжественные дни (праздники Рождества и Пасхи и некоторые другие) и черный люд «гуляет», предаваясь обыкновенно пьянству.



Ф. Солнцев Мисюрка и шишаки

Парни и ребята любили тешиться в праздничные дни кулачными боями. Бойцов сзывают свистом: они немедленно сходятся, и начинается рукопашный бой. Бойцы приходят в большую ярость, бьют друг друга кулаками и ногами без разбору в лицо, шею, грудь, живот или стараются друг друга повалить. Случается, что некоторых убивают до смерти. Кто побьет большее

число противников, дольше остается на месте и мужественнее выносит удары, того хвалят и считают победителем.

Грубость нравов сказывалась также в пытках и в телесных наказаниях, сказывалась и в отношениях помещиков к поселянам, господ к слугам. Поселяне, по свидетельству Герберштейна, работают на своего господина (то есть землевладельца, на земле которого они живут) шесть дней, седьмой же остается на их собственную работу. Они имеют участки полей и лугов, которые дает им господин и от которых они кормятся; но положение их крайне жалкое: их называют «черными людишками», могут часто безнаказанно обижать и грабить. Благородный, как бы он ни был беден, считает для себя позором и бесславием добывать хлеб своими руками. Простолюдины-работники, нанимаясь в работу, получают за труд в день полторы деньги, ремесленник получает две деньги. Несмотря на то что это были вольнонаемные люди, наниматель считает себя вправе побоями принуждать их усерднее работать: «Если их не бить хорошенько, — говорит Герберштейн, — они не будут прилежно работать». Кроме наемных слуг, у всех знатных были холопы и рабы, большей частью купленные или из пленных.



Б. Кустодиев Кулачный бой на Мосте-реке

«Рабство до такой степени вошло в обычай, — говорит тот же писатель, — что и в тех случаях, когда господа, умирая, отпускают на волю рабов, эти последние обыкновенно тотчас же сами продаются в рабство другим господам. Если отец продает в рабство сына, как это в обычае, и сын каким-либо образом станет свободным, то отец имеет право во второй раз продать его; только после четвертой продажи отец теряет свои права над сыном. Казнить смертью как рабов, так и свободных может только один князь».

Положение женщины было тоже печально: в простонародье она была «вековечною работницей» на

свою семью, работою мужа своего, да и в высшем кругу женщина была невольницею и в семье отца, и в семье мужа. Девушка не могла по своей воле выйти замуж: приискивал жениха ей отец, также и жених женился не по своей воле; брак был сделкою между отцом невесты и отцом жениха. Они сходятся вместе и толкуют о том, что отец даст дочери в приданое. Порешив дело о приданом, назначают день свадьбы до окончательного скрепления договора. Жениху не позволяют видаться с невестой. Если же он изъявляет настойчивое желание увидеть ее, родители обыкновенно говорят ему: — Узнай, какова она, от других, которые знают ее.

В приданое даются лошади, одежды, утварь, скот, рабы и тому подобное. Приглашенные на свадьбу посылают невесте также подарки. Жених тщательно замечает их, посылает к ценовщикам для оценки их и старается потом отблагодарить подаривших или деньгами, или подарками той же стоимости. Он это обязан сделать, и притом по верной оценке: иначе подарившие могут потребовать у него вознаграждения за свои подарки по своему усмотрению вдвое и более против настоящей их цены.



***И. Куликов Старинный обряд благословения
невесты в городе Муроме***

После смерти первой жены позволяется вступить во второй брак, но смотрят на это уже неодобрительно; жениться на третьей жене не позволяют без важной причины; брать четвертую жену не допускают никого и считают это дело совсем не христианским. Развод считался тяжким грехом. Супружеское счастье и хорошая семейная жизнь были довольно редкими явлениями. Это и понятно: женились не по своему выбору и сердечному влечению, а по приказу родителей и по расчету.

Жена знатного или благородного человека в доме мужа была затворницей. Женщина, которая не живет,

заклучившись в своем доме, не считается благоднравною, но зато высоко чтят ту, которой не видят посторонние и чужие люди. Заклученные дома женщины занимаются обыкновенно пряжей и разными рукодельями. Все домашние работы делаются руками рабов и рабынь; у бедных людей жены несут на себе все труды по дому.

Весьма редко пускают жен в церковь да к близким знакомым, в общество друзей; только старые женщины пользовались большею свободой.

Праздничным удовольствием для женщин были качели, которые устраивались в садах у всех зажиточных людей. Забавлялись женщины также пением песен, хороводами и прочим.

Русские на своих жен смотрели как на детей или как на рабынь и старались держать их в страхе и повиновении. Суровое, грубое обращение мужа с женой, даже побои до такой степени вошли в обычай, что считались чуть ли не знаком любви мужа к жене и заботливости его о семье.

Герберштейн рассказывает такой случай:

«В Московии жил один немец-кузнец, по имени Иордан, который женился на русской. Поживши несколько времени с мужем, она однажды ласково спросила его:

— Почему ты не любишь меня?

— Напротив того, я очень люблю тебя! — отвечал тот.

— Я еще не имею, — сказала она, — знаков твоей любви.

Муж стал ее расспрашивать, какие знаки любви разумеет она. Жена ему отвечала:

— Ты никогда меня не бил!

Немного спустя Иордан жестоко побил жену и признавался мне, — говорит Герберштейн, — что после этого она стала любить его гораздо больше, чем прежде.

Кончилось тем, что он побоями изуродовал свою жену...».

Город Москва

Почти все иноземцы, писавшие о Московии, сообщают и о столице ее некоторые сведения. Издали Москва с ее садами и многочисленными церквями представлялась очень красивою, но вблизи оказывалась иной. Почти весь город состоял из невзрачных деревянных построек (домов насчитывали более сорока тысяч); улицы были неправильные, грязные, так что необходимы были мостки; только на некоторых улицах были бревенчатые, очень неудобные мостовые. Почти при каждом доме был обширный сад и двор. По окраинам города тянулись жилища кузнецов и других ремесленников, которым приходилось при своих работах употреблять огонь. Между домами, особенно находившимися ближе к окраинам города, расстилались обширные поля и луга. К городу примыкало и несколько монастырей. Все это сливалось как бы в один город, и потому Москва издали казалась очень обширною. Среди города на возвышенном берегу реки Москвы находится крепость (Кремль). Она с одной стороны омывалась рекою Москвой, а с другой — Неглинной, которая, вытекая из болот, у крепости разливалась в виде пруда, и отсюда наполнялись водою рвы крепости. По берегу Неглинной стояли многочисленные мельницы. Крепость, построенная из кирпича, была очень велика: в ней, кроме каменных палат государя, были каменные (то есть кирпичные) дома братьев великого князя, митрополита и других знатных лиц. Улицы на ночь обыкновенно загораживались бревнами поперек, причем ставилась стража, как только смеркалось и зажигались огни в домах. Ночью никому не позволялось ходить после урочного часа; а если кто попадался, то его за непослушание обыкновенно сажали в тюрьму. Если же

шел какой-нибудь именитый и важный сановник, то сторожа провожали его до дому. Разбои ночью происходили нередко. Ставилась стража и с той стороны, где Москва была вполне открыта (с других сторон она была защищена реками Москвой и Яузой). На реке Москве было несколько мостов. Зимой, на льду ее, купцы ставили свои лавки, и торговля в самом городе тогда почти совсем прекращалась. В эту пору сюда свозились на продажу хлеб, сено, битая скотина (замороженные туши), дрова и прочее. Здесь же происходили конские ристания и другие потехи, с которых нередко иные удалыцы уходили искалеченные.



***А, Васнецов На рассвете у Воскресенского моста.
Конец XVII века***



А. Киселев Избы

Об устройстве жилищ и об одежде находим очень мало сведений у иностранных писателей XV и XVI столетий. Жилища, судя по другим источникам, были очень просты: крестьянская бревенчатая изба служила образцом. Рублей за двадцать, за тридцать можно было тогда построить порядочное жильё.

Конечно, кто был побогаче, тот и устраивался пошире: несколько изб соединяли вместе и таким образом сооружали себе более вместительное жильё. Покои числом три и не более четырех были небольшие и низкие; печи и лежанки занимали в них много места. Сени у жилищ были обыкновенно построены; двери низки, так что входящий должен был довольно низко наклониться; окна были маленькие; в простых жилищах они обтягивались бычьими пузырями; в более богатых домах в решетчатые оконные рамы вставлялись кусочки

слюды. Стекло ценилось тогда очень дорого, так как его привозили издалека, сначала из Царьграда, а потом стали его возить из других стран Европы.

Что касается домашней утвари, то она также была очень проста: лавки, столы да поставцы для посуды — все это было очень незатейливо. Скатерти и ковры на лавках у более зажиточных людей скрашивали жилье; но главною краскою его были образа: в каждом доме и в каждом покое, обыкновенно в восточном углу, ставились иконы, часто в дорогих серебряных и золотых окладах. Угол, где стояли образа, считался самым почетным (назывался красным углом). Всякий входящий в жилище прежде всего кланялся образам и крестился, а потом уже обращался с поклоном и к хозяевам. Этот обычай держится и до сих пор у наших набожных простолюдинов.

Что касается одежды, то сношения с Востоком повели к тому, что среди зажиточных людей стала все сильнее и сильнее распространяться азиатская роскошь: дорогие шелковые узорчатые и пестрые ткани, длинные златотканые одежды стали входить в обычай.

В сочинении Герберштейна находим любопытный рисунок, изображающий его самого в русской шубе, пожалованной ему великим князем, в русской меховой шапке и в сафьянных узорчатых сапогах.

Промышленность и торговля

На промышленность и торговлю Московии иноземные писатели обращали большое внимание. Главными произведениями страны считались хлеб, меха, лес, мед и воск. Сосны в московских лесах поражали иноземцев своей невероятной величиной; дубы и клены, по их отзывам, здесь лучше, чем в Западной Европе. Пчелы роились в лесах в огромном количестве и клали мед в дуплах старых деревьев без всякого ухода и присмотра, так что промысляющим продажей меда стоило только отыскивать в лесах в дуплах старых деревьев залежни меда и брать его. Одному иностранному писателю о России рассказывали такой забавный случай.

Раз крестьянин, нашедши в лесу дупло с медом, полез доставать его, но по неосторожности упал и увяз в меду по самое горло и вылезть никак не мог.

Тут ему пришлось бы и пропасть.

Два дня он питался медом, напрасно ожидая помощи. К счастью его, пришел медведь, чтобы полакомиться медом, и стал спускаться задними ногами в дупло. Крестьянин ухватился за медведя и так заорал, что испуганный зверь выскочил из дупла, выволок с собой мужика, а сам с перепугу скрылся...

Пушного зверя в русских лесах тогда было множество: соболя меха, лисьи (особенно чернобурых лисиц), бобровые и куны считались самыми ценными.

Беличьи меха и кошачьи (домашних кошек) были самые дешевые. Кроме того, добывались меха горностаевые, рысьи, волчьи и песцовые. В лесах водились также лоси, медведи, большие и черные волки, а в западной части государства — туры.



В. Максимов Крестьянская изба

Земля собственно Московского княжества была неплодородна: почва тут песчаная. Пни огромных деревьев показывали, что вся страна эта недавно была еще покрыта почти сплошными лесами, но области Нижегородская и Владимирская очень плодородны. Неистощенная тучная почва давала здесь в те времена обильные жатвы: одна посеянная мера хлеба доставляла часто 20, иногда даже 30 мер. Рязанская область превосходила плодородием все остальные: лошади едва могли проходить через ее густые нивы, древесные плоды здесь были гораздо лучше московских. Сверх того, Рязанская область изобиловала медом, рыбою и всякого рода дичью. Кроме хлебопашества,

звероловства, рыболовства и пчеловодства, иноземные писатели указывают на добывание соли в Старой Руссе, близ Переславля-Залесского и Нижнего; железо добывалось у Серпухова. Некоторые местности промышляли своими изделиями: так, Калуга славилась своей резной деревянной посудой, которая шла в продажу не только в Москву, но также в Литву и в другие соседние страны. Но, вообще говоря, обрабатывающая промышленность в Московии не процветала, и грубые туземные изделия служили только на потребу местных жителей, да кое-что отправлялось на Восток, а в Западную Европу шли лишь так называемые сырые произведения: лес, лучший лен, конопля, воловьей кожи, пушной товар; в Литву и Турцию вывозились кожи, меха и моржовые клыки (рыбий зуб), из которых обыкновенно выделялись рукоятки для оружия. К татарам шли в продажу и русские изделия: седла, узды, полотно, топоры и прочее.

Привозимые товары были, по большей части, следующие: серебро в слитках, сукна, шелк, шелковые ткани, парчи, драгоценные камни, жемчуг, вина, пряные коренья, перец, шафран и прочее.

Для торговли в больших размерах собирались в определенное время в известном месте, где и велись купля, продажа и обмен товаров, то есть происходили торги (ярмарки). Особенно славилась ярмарка в Холопьем городке, на реке Мологе. При Василии Ивановиче было положено начало знаменитой Макарьевской ярмарке: в 1524 году великий князь, в подрыв Казани, с которой он враждовал, запретил своим купцам ездить на торги, происходившие близ нее, а назначил место для них в Нижегородской области.



Русские купцы Фрагмент гравюры XVI века

В больших городах были ряды лавок и складов разных товаров, гостиные дворы, где шла постоянная оживленная торговля, напоминавшая ярмарки.

Сильно мешало торговле неудобство путей сообщения. Летом приходилось довольствоваться речными путями; но в сильные летние жары многие реки так мелели, что становились несудоходны; надо было улучать время весной или осенью, когда от дождей вода в реках поднималась. Торговцы старались пользоваться и зимним путем для перевозки товаров, особенно в те места, куда трудно было добраться речными путями. Зимой привозились в Москву в огромном количестве

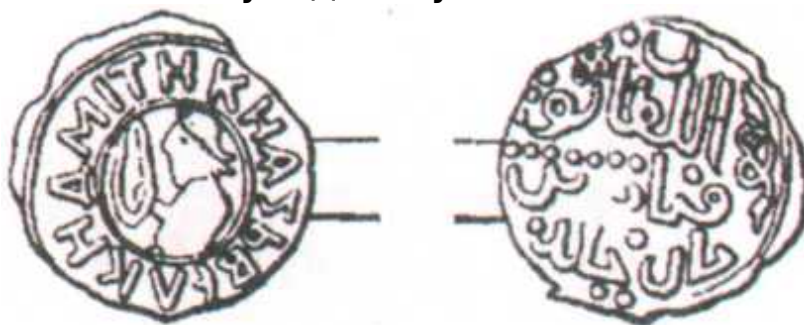
свинные и говяжьи туши, птица, дичь всякого рода и рыба; все это в замороженном виде хорошо сохранялось. Но и зимние дороги были небезопасны: иногда, как было уже сказано, во время лютых морозов замерзали целые обозы на пути. Торговое движение на юге тоже встречало большие помехи: ездить по безводной и безлесной степи было не менее трудно и опасно, как по лесам и болотам севера. Шайки бродячих татар промышляли в степях разбоем, и торговые караваны были для этих хищников очень соблазнительной приманкой. Притом путешествуя по степям приходилось переправляться через реки с большим трудом и опасностью: они часто за неимением лодок принуждены были сами делать наскоро плоты, на которые грузили свои пожитки, затем сгоняли лошадей в воду, привязывали эти плоты к хвостам их, и лошади, плывя через реку, тащили их за собой. Бойко торговля шла на юге лишь по Волге; но и тут она сильно терпела от разбоев.

Иноземцы жалуются на нечестность московских купцов. Они при продаже своих товаров запрашивали втрое, вчетверо против настоящей цены, божились и клялись, что товар им самим очень дорого стоит, старались всеми силами провести, обмануть покупателя. Видно, тогда торговцы держались того безнравственного правила, которому в наше время следуют лишь нечестные мелкие торгаши: «не обманешь, не продашь». При покупке товаров у иноземцев московские купцы оценивали товар меньше, чем вполовину его настоящей стоимости, и так долго торговались, понемногу набавляя, что просто томили продавцов, доводили их даже до отчаяния.

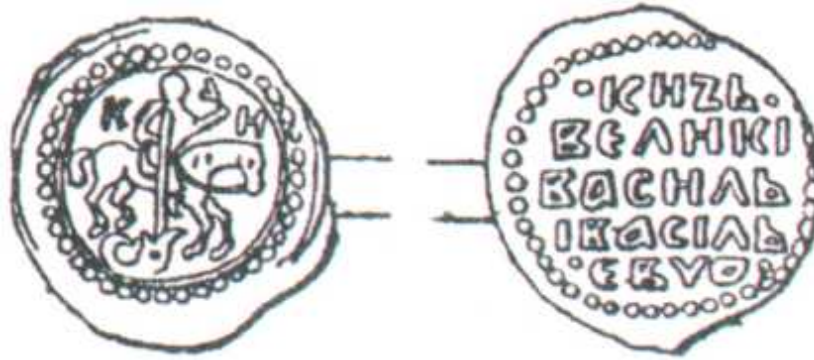
Отдача денег в рост была в большом ходу, причем брали огромные барыши: с пяти рублей — один рубль (то есть 20 процентов), хотя это и считалось тяжким грехом.

В первой половине XVI века в Московском государстве ходили серебряные деньги (монеты) четырех родов: московские, новгородские, тверские и псковские. Деньга (от татарского слова «тенга») была обыкновенной ходячей монетой; она была неправильной, круглой или овальной формы с разными изображениями; на новейших деньгах с одной стороны изображался человек на коне, а с другой была надпись. Две деньги составляли копейку; 6 денег московских составляли алтын, 20 — гривну, 100 — полтину, 200 — рубль. Во время Герберштейна чеканились и полуденьги; следовательно, в рубле их было 400. Новгородская деньга считалась вдвое больше московской.

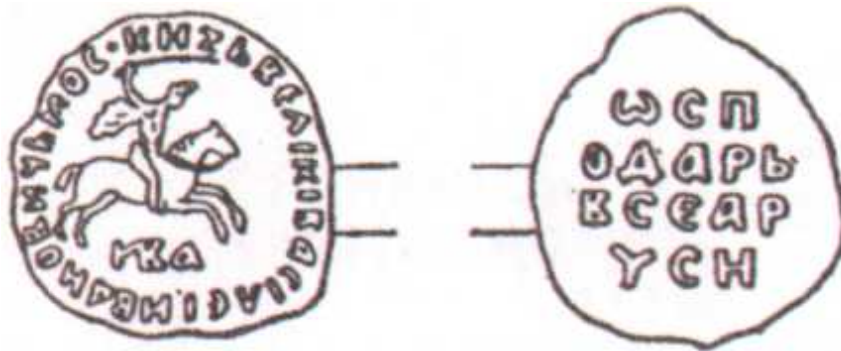
Кроме серебряной монеты, в Московии была медная монета, которая называлась пулой. Шестьдесят пул составляли московскую деньгу.



***Монета Дмитрия Донского с именем хана
Тохтамыш, написанным по-арабски. XIV век
Прорисовка***



Монета Василия II. XV век Прорисовка



Монеты Иоанна III. XV век Прорисовка

Золотой монеты своей у русских не было, а употреблялись венгерские червонцы, из которых каждый стоил сто денег; следовательно, два червонца стоили рубль. Впрочем, по словам Герберштейна, ценность венгерского червонца колебалась: когда иноземец, покупая что-либо, давал торговцу червонец, то ценность его уменьшалась; если же иноземец желал приобрести у русского купца золотые червонцы, то стоимость их возрастала. Хотя считали рублями, но монеты в рубль ценой в XVI веке не было. Прежде, как только стали ввозить серебро в Русскую землю, отливались безо всякого изображения и надписи продолговатые куски, которые рубились на части, — они

и назывались рублями. Из фунта серебра чеканилось денег на шесть рублей. Счет рублями вместо прежнего счета гривнами начался с половины XIV века.

Грозный царь Царствование Иоанна IV (1533-1584)



Правление Елены и бояр. — Детство Иоанна IV. — Венчание на царство Иоанна IV и первые годы его царствования. — Суд и управление. — Стоглав. — «Домострой». — Покорение Казани и Астрахани. — Книгопечатание в Москве. — Война со Швецией и Ливонией. — Удаление Сильвестра и Адашева. — Измена Курбского и переписка его с царем. — Послание Курбского. — Послание царя. — Александровская слобода и опричники. — Митрополит Филипп. — Разгром Новгорода и московские казни. — Войны с соседями. — Антоний Поссевин. — Покорение Сибири. — Последние годы царствования Грозного

Правление Елены и бояр

Великое дело было закончено. Из мелких, отдельных клочков Русской земли сковано было большое, могучее Московское государство. Нелегко было совершить это дело московским собирателям Русской земли: много творилось при этом неправды и насилия; но их было еще больше во время удельных смут и усобиц. Зато теперь Московскому государству были не страшны ни Литва, ни Орда; да и жить народу стало спокойнее, чем в удельное время.

Выросла до небывалой силы и высоты и власть московского государя-самодержца; но зато тяжелым бременем ложилось на него правление. Замолкли бурные веча в Новгороде и Пскове, стал народ и тут отвыкать от прежних порядков; разучивался сам радеть о своих нуждах и делах, а в других местах уже и раньше простолюдины называли себя «сиротами» и «людишками» и все надежды свои и упования полагали на государеву милость и защиту: сильно примят был народ во времена удельных сумятиц и татарских погромов и поборов — не о вольностях и правах думал он, а о хлебе насущном да о защите от насилий. Чем могучее становился самодержец, чем грознее он был для внешних врагов и бояр, творивших насилия народу, тем простому люду жилось легче. «Где царь, тут и правда, и страх, и гроза», — стал говорить народ; но сложилась у него и другая пословица: «Царь без слуг, как без рук!». Нужны были ему верные слуги-помощники. Прежних вольных дружинников, бояр, без совета с которыми не вершилось никакое дело, уже не было. Вместо них были бояре, которые больше старались «угодить» и «норовить» государю, чем говорить правду.

Много было у него угодливых прислужников, но мало верных слуг, советников и помощников.

Вот почему часто власть самодержца становилась для него самого тяжким бременем. Большая беда грозила и всему государству, когда умирал государь и не оставлял после себя совершеннолетнего наследника, могущего взять в свои руки все бремя правления. «Без царя земля — вдова», — говаривал народ.

Понимал это вполне Василий Иванович. Пред смертью он говорил боярам: — Приказываю вам княгиню и детей своих; послужите княгине моей и сыну моему, великому князю Ивану, и поберегите государство русское и все христианство (весь народ) от всех его недругов: от бесermenства и от латинства и от своих сильных людей...

Сильно опасался умирающий самодержец, что после смерти его начнутся усьобицы; что малолетнему наследнику его несдобровать, — и говорил своим братьям:

— Вы бы, братья мои, князь Юрий и князь Андрей, крепко стояли бы в своем слове, на чем крест целовали.

Боярам напоминает умирающий о своем происхождении, напоминает, что он и сын его — прирожденные государи. На случай крамол и усьобиц нужен человек надежный, умный, решительный — такой, выгоды которого были бы связаны с выгодами малолетнего государя. Такую опору Василий Иванович видит в дяде своей жены Михаиле Глинском.

— А ты бы, князь Михаил, — говорит ему умирающий государь, — за моего сына, великого князя Ивана, за мою великую княгиню Елену и за моего сына, князя Юрия, кровь свою пролил и тело свое на раздробление дал.



А. Рябушкин Боярская дума

Опека над ребенком-государем и управление великим княжеством должны были попасть в руки великой княгини Елены. Михаил Глинский становился самым близким и главным советником ее.

Опасения Василия оправдались: только что совершились похороны его, а Елене доносили уже, что некоторые бояре замышляют крамолу, — хотят посадить на престол Юрия Ивановича. По приказу великой княгини он был немедленно схвачен и заключен.

Недолго и Глинский господствовал при дворе. Кроме него было еще одно лицо, близкое великой княгине: это был любимец ее, князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский. Глинский и Оболенский никак не могли ужиться друг с другом. Елене пришлось одним из них пожертвовать — и Глинский, обвиненный в честолюбивых замыслах, был схвачен и посажен в ту же палату, где он сидел раньше. В заключении он и умер.

Господство Оболенского многим было совсем не по душе. Между боярами шло сильное волнение. Несколько их бежало в Литву. Другие за то, что содействовали им, попали в заключение. И второй дядя маленького Ивана, Андрей Иванович, князь Старицкий, попал в беду. На него доносили, что он собирается бежать в Литву. Он, чуя грозу, думал было силою обороняться, но поддался увещаниям князя Оболенского и обещаниям, что ему никакого зла не причинят, приехал в Москву, чтобы оправдаться от обвинений; здесь по приказу Елены он был заключен.

Московским смутам рад был польский король Сигизмунд — думал, пользуясь неурядицами на Руси, вернуть снова земли, отнятые у Литвы при Иоанне III и Василии III. В 1534 году началась война; шла она с переменным счастьем; но никакой выгоды Польше не принесла — Смоленск остался за Москвой. Долго польские послы торговались с русскими — надеялись хоть что-нибудь выгадать, но ничего не могли добиться; пришлось заключить перемирие в 1537 году на прежних условиях. В Москве рады были этому перемирию: в это время приходилось подумать о Казани. Здесь шла постоянно внутренняя борьба: составил заговор, и хан казанский Еналей, подручник московский, был убит. Ханом провозглашен Сафа-Гирей, крымский царевич. Он начал нападать на русские владения, его поддерживал и крымский хан.



К. Маковский Боярин

Надо было улаживать эти дела; но в апреле 1538 года неожиданно скончалась правительница. (Есть известие, что она была отравлена.) Великому князю было всего 8 лет. Началось боярское правление.

Из московских вельмож в это время сильнее других были два боярских рода: князья Шуйские (потомки Рюрика) и князья Вельские (потомки Гедимины). Сначала

власть попала в руки Шуйским; один из них, Василий Васильевич, отличившийся обороной Смоленска, особенно выделялся своими качествами: это был человек способный, решительный, но крайне жестокий. Он и стал во главе Боярской думы.

После смерти Елены Телепнев-Оболенский растерялся, не знал, что и делать, чуял беду над собой. Прошло семь дней, как не стало правительницы. Раз, когда Оболенский находился в комнате великого князя со своей сестрой, бывшей мамкою Ивана, пришли воины и именем старшего боярина и думы схватили Оболенского и его сестру. Маленький Иван горько плакал и умолял, чтобы не трогали его мамки и брата ее. На его просьбы не обратили никакого внимания; Оболенского и сестру его заключили в темницу, где он скоро и умер; говорят, его заморили голодом...

Скоро после того Василий Васильевич Шуйский умер, и власть попала в руки его брата Ивана. Он и родичи его распоряжались самовластно и нечестно, заключали в темницы и казнили без суда, по своему усмотрению, расхищали казну, сурово и даже дерзко обходились с маленьким государем. Понятно, что врагов у них было много. Сам митрополит помог взять верх над ними князю Ивану Вельскому, который и стал во главе правления. При нем стало легче; он старался, насколько мог, загладить то зло, какое натворили Шуйские: многие незаконные налоги уничтожил, без вины попавших в темницы выпустил. В это время грозила беда русским владениям от хищных крымских татар; Вельский успел вовремя собрать войско и помешать нападению. К сожалению, власть его продолжалась недолго.

Иван Шуйский, которого добродушный Вельский оставил на свободе, устроил тайный заговор против правителя. Собрали вооруженную шайку человек в 300. Ночью со 2 на 3 января 1542 года Иван Шуйский тайно прибыл в Москву из Владимира, куда он был послан

воеводою. В эту же ночь Вельский был схвачен на своем дворе и на другой день отвезен в заточение на Белоозеро; но этого было еще мало Шуйскому: несколько месяцев спустя Вельского умертвили в тюрьме. Главные советники и сторонники его были тоже схвачены. (Одного из них, князя Петра Щенятева, захватили в покоях у великого князя); в числе их пострадал и митрополит Иоасаф. Его разбудили заговорщики камнями, которые стали швырять к нему в келью. Он кинулся во дворец, заговорщики — за ним, ворвались с шумом даже в спальню великого князя... Митрополит уехал на Троицкое подворье. Злоумышленники настигли его здесь и с ругательствами кинулись на него... Только троцкий игумен именем святого Сергия с одним из бояр удержали их от убийства. Иоасафа послали в Кирилло-Белозерский монастырь. Митрополитом в Москве был поставлен новгородский владыка Макарий.



С. Иванов Боярская дума

После Ивана Шуйского властвовали его родичи. Главный из них Андрей Михайлович правил так же самовластно, как и он, творил все, что хотел. После смерти Вельского у Шуйских не было соперников. Подраставшего великого князя они ни во что не ставили. Был у него любимец Федор Семенович Воронцов. Шуйским он казался опасным, и они решили отделаться от него. 9 сентября 1543 года был совет в столовой избе у государя. Шуйские и их сторонники придрались за что-то к Воронцову, кинулись на него, били по щекам, оборвали на нем платье, хотели его убить; только мольбы великого князя да митрополита спасли княжеского любимца от смерти; но его все-таки сослали.



***П. Сергеев Царь и великий князь всея Руси Иоанн IV
Грозный***

Детство Иоанна IV

Брань, побои, грубое насилие, дикая расправа, убийство — вот что совершалось пред глазами ребенка — великого князя. Восьми лет остался он без нежного материнского призора. Была у него любимая няня — Аграфена Оболенская; ее заботы и ласки могли бы хоть сколько-нибудь заменить материнские, но ее вырывают из объятий ребенка, засылают в далекий монастырь. Привязался всей душой Иван к молодому Воронцову, и вот этот Воронцов на его глазах схвачен, оскорблен, избит, а затем сослан из Москвы. Ни слезы Ивана, ни мольбы его не действуют. Очевидно, вокруг него люди чужие, даже его враги: они всячески оскорбляют его. Чуткий, впечатлительный, он глубоко таил чувства мести и злобы, которые рано, вероятно, зашевелились в его сердце. Детские потехи его были уже недобрые, зловещие: любил он смотреть на мучения домашних животных, сам мучил их, кидал с высоты терема... Его не только не удерживали от этого, но потакали ему. Он пошел дальше. Пятнадцати лет от роду он с ватагой своих сверстников, верхом на коне, носился по улицам Москвы и потехи ради пускал своего коня на народ, забавляясь ужасом разбежавшихся во все стороны людей и стонами ушибленных...

Льстецы придворные не сдерживали юношу и от этих возмутительных потех, даже приговаривали: — Храбрый это будет царь и мужественный!

Еще в детские годы Иван мог задумываться над своим странным положением: те самые люди, которые во дворце не обращали на него никакого внимания, которые всячески оскорбляли его, во время посольских приемов, при разных торжествах, на глазах народа, величали его своим государем, низко преклонялись пред

ним, выказывая себя его покорными слугами. Он был государем — он это знал, об этом ему беспрестанно твердили, он это видел при разных торжественных случаях. Все, что ни делалось, — делалось его именем. И в то же время у себя во дворце он чувствовал себя беспомощным сиротою, которого жизнь — в руках чужих людей, даже врагов его. Пред собою ребенок видел своих недругов, похитителей власти, но бороться с ними не мог. Бессильная злоба, жажда мести гнездились в его сердце, но выказать их было ему страшно, и он таил их — таил до поры, до времени... Научившись читать, он с жадностью накинудся на книги, прочел все, что мог прочесть, изучил Священную историю, церковную, прочел римскую историю, русские летописи, творения святых отцов. Пытливый ум его особенно занимали те страницы, где говорилось о царях, их власти, о том, как государи относились к вельможам. (Впоследствии он умел кстати приводить эти места.) Доброго примера Иван в детстве вовсе не видел. Насилия могучих бояр связывали в его уме понятие о власти с понятием о грубой, дикой расправе; своекорыстные действия вельмож заставляли и его думать только о самом себе, о своих только выгодах. Научиться уважать человеческое достоинство и заботиться о других ему было не у кого. Такое воспитание не обещало ничего хорошего в будущем. Бояре и не предчувствовали, какая гроза на них собиралась в сердце Ивана.



И. Г. Машков Царь Иван Грозный на охоте

Ему было 13 лет, когда он впервые решился попытать свою силу на боярах, как пытал ее над бессловесными и над беспомощным народом. 29 декабря 1543 года Иван вдруг приказал за что-то схватить князя Андрея Шуйского, главу Боярской думы, и отдал своим псарям для наказания; псари замучили его, волоча в темницу. Проба была сделана. Молодой сокол расправлял свои крылья... Советники Шуйского были по приказу Ивана схвачены и разосланы из Москвы.

Бояре были ошеломлены. Такого решительного нападения со стороны тринадцатилетнего ребенка они не ждали. Понятно, что у него нашлись советники, которые стали направлять его волю; это были его дядья: Юрий и Михаил Васильевичи Глинские. Они могли внушить ему уверенность в его силе и решимость

действовать. Погубивши Шуйского, они теперь захватили правление в свои руки. Опалы следовали за опалами. Многие бояре поплатились за свое властолюбие, за неумение угодить Глинским: одних выслали в ссылку, других казнили, а одному отрезали язык за «невежливые слова».



М. Авилов Царевич Иван на прогулке

С годами у Ивана дикие наклонности все росли да росли. Никто его не сдерживал, никто не приучал к делу; он с толпою разгульных удальцов то тешился охотой, попойками, буйствовал, то ездил на богомолье по далеким монастырям (в Новгород, Тихвин, Псков и так далее) и на пути творил всякие бесчинства. Прихотливый нрав его искал развлечений, новых ощущений: то внезапно поражал он сановников своей опалой, то так же неожиданно миловал их. Он словно

тешился, словно играл своею властью; ему любо было чувствовать свою силу и в гневе, и в милости...

Венчание на царство Иоанна IV и первые годы его царствования

Когда исполнилось великому князю 17 лет, он призвал к себе митрополита и заявил ему, что хочет жениться, и притом на русской.

— Если я возьму себе жену, — сказал он, — из чужой земли и в нравах мы не сойдемся, то между нами дурное житье будет, потому хочу жениться в своем государстве, у кого Бог даст, по твоему благословению!

По словам летописца, митрополит и бояре даже заплакали от радости, видя, что государь так молод, а между тем так мудр, что ни с кем не советуется. Пожелал вместе с тем он торжественно венчаться на царство и принять царский титул. Венчание было совершено в Успенском соборе подобно тому, как происходило венчание Дмитрия, внука Иоанна III. Юного самодержца, очевидно, тешила мысль уподобиться и по власти, и по титулу царям Давиду, Соломону, Константину и другим, о которых он много читал.

Вскоре за венчанием на царство совершена была и царская свадьба. По всем областям к князьям и боярам была разослана следующая грамота:

— Когда к вам эта наша грамота придет, и у которых из вас будут дочери-девицы, то вы бы с ними сейчас же ехали в город к нашим наместникам на смотр, а дочерей-девиц у себя ни под каким видом не таили бы. Кто же из вас дочь-девицу утаит и к наместникам нашим не повезет, тому от меня быть в великой опале и казни. Грамоту пересылайте между собою сами, не задерживая ни часу.

Были собраны девицы со всего государства. Выбор царя пал на Анастасию, дочь умершего окольничего

Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. 3 февраля была отпразднована царская свадьба.

Женитьба не изменила царя. Он продолжал вести разгульную, беспорядочную жизнь. Глинские по-прежнему заправляли всеми делами. Наместники их творили всякие насилия и неправды. Управы на них искать было негде: юный царь не любил, чтобы его беспокоили просьбами или жалобами... Некоторые, впрочем, пытались жаловаться ему. Явились к нему 70 псковских людей с жалобой на своего наместника. Это не понравилось царю; он стал издеваться над жалобщиками, велел им поджигать волосы и бороды...



***С. Кириллов Василий Блаженный Третья часть
триптиха «Святая Русь»***

Это происходило в одном подмосковном сельце, где был на ту пору царь. В это время пришла к нему весть, что в Москве с одной колокольни сорвался большой колокол. Падение колокола считалось предвестием большой беды, и царь поспешил в Москву. Было и другое предзнаменование. Жил в это время в Москве юродивый

Василий Блаженный. Ходил он обнаженный, «как Адам первозданный», и в стужу, и в летний зной. Его чтил народ как угодника Божия. В полдень 20 июня прохожие видели его у церкви Воздвиженья на Арбате, — глядел он на церковь и горько плакал...

— Это не к добру, чует он беду! — говорили в народе.

Все были напуганы и в страхе ждали неведомого несчастья.

На другой день, 21 июня, в этой самой церкви вспыхнул пожар. В то время была такая буря, что выворачивало с корнем деревья, срывало крыши... Огонь ветром переносился с кровли на кровлю. Скоро запылала большая часть Москвы. Буря занесла пламя и в Кремль; загорелся верх соборной церкви, а потом занялись и царские палаты; погорели Оружейная палата с оружием, Постельная палата с казной. Митрополит Макарий, который молился в это время в соборе, чуть было не задохнулся от дыма и едва спасся через тайный подземный ход.

Сгорели в Кремле монастыри и много дворцовых зданий. Огонь добирался до пороховых погребов в кремлевских стенах; их разрывало с ужасным треском. Нередко бывали пожары в Москве; но такого еще не бывало!.. Большая часть города обратилась в пепел. В огне погибли, говорят, около 1700 взрослых людей и множество детей. Царь с семейством жил в это время в своем загородном доме, в селе Воробьеве. Отсюда, с Воробьевых гор, он мог видеть ужасный пожар.

Тысячи москвичей остались без крова и без хлеба. Многие не могли найти своих близких, пропавших без вести. Особенно плохо пришлось, конечно, бедному, простому народу. Пошли ходить слухи, что лихие люди напустили колдовством беду на Москву — и начались волнения. Народ особенно не любил Глинских, которые всячески теснили его. Было много врагов у них и среди

бояр. Когда царь приказал произвести розыск, какие чародеи причинили беду, и бояре стали спрашивать народ, кто зажигал Москву, то в толпе закричали: — Княгиня Анна Глинская волхвовала с детьми своими и людьми: вынимала человечесьи сердца, клала в воду да тою водою по Москве кропила: от этого Москва и выгорела!

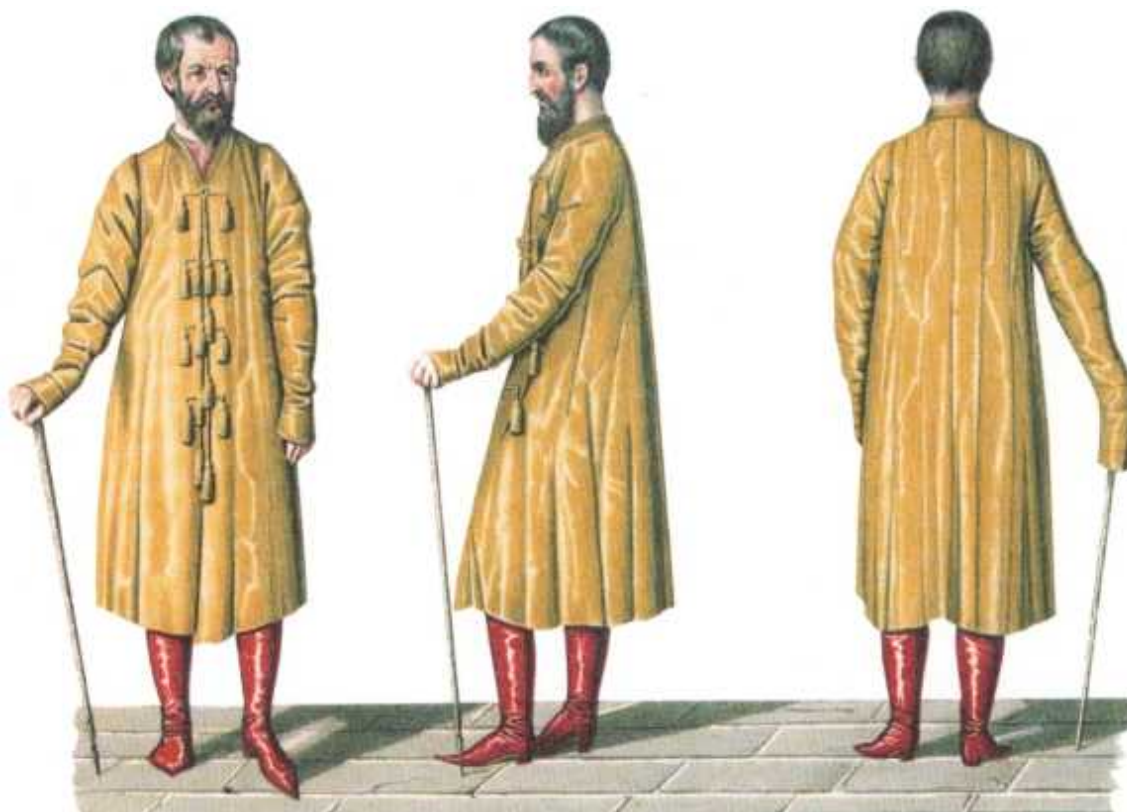


А. Васнецов Крытый Воскресенский мост в конце XVI века

Один из Глинских, князь Юрий, был в это время вместе с боярами на площади; почуял он беду, когда услышал такие речи в народе, и поспешил укрыться в

Успенский собор; но враги Глинских натравили толпу на него. Разъяренная чернь ворвалась в собор, убила Юрия, выволокла труп и кинула на том месте, где казнили преступников. Расходившаяся толпа бросилась затем на двор Глинского, разграбила все имущество, людей его перебила. Но этого было мало. На третий день после убийства князя Юрия чернь толпами повалила в село Воробьево, к царскому дворцу, и громкими криками требовала, чтобы царь выдал ей на расправу свою бабку, Анну Глинскую, и другого сына ее, Михаила, которые будто бы спрятаны в царских покоях. Царь был поражен этим страшным движением народа; однако не потерял решимости — велел разогнать мятежников выстрелами; испуганная толпа рассеялась. Но главные коноводы, которые направили ярость толпы на Глинских, остались невредимы. Напуганный Михаил Глинский уже и не думал о борьбе, он хотел было даже бежать в Литву.

Царь был, конечно, сильно потрясен всеми этими событиями: перед ним стояла грозная толпа народа, в котором была вся его сила и опора, которым по воле Божией он был призван править, и эта толпа совершила дикую расправу с его дядей; он, государь, своими ушами слышал грозные крики разъяренной черни, которая требовала от него, от своего владыки, выдачи остальных родичей! Было над чем задуматься!.. Не кара ли это небесная за тяжкие грехи?.. Не внушение ли это свыше ему — царю, забывшему о своем царстве? Такие потрясающие события не проходят даром в жизни человека... Иван словно очнулся. Совесть заговорила в нем.



***Ф. Солнцев Шелковый кафтан царя Иоанна
Васильевича Грозного***

В это время подле юного царя является Сильвестр, священник Благовещенского собора. Это был человек умный, благомыслящий, проникнутый суровым благочестием, твердый нравом. Явился он к царю, быть может, в такую минуту, когда тяжелое раздумье давило впечатлительную душу Ивана. Сильвестр говорил ему о несчастном положении Московской земли, указывал, что причина бедствий — нерадение и пороки царя; что кара Божия висит над ним; начал строго уличать его Священным Писанием и заклинять страшным Божиим именем, рассказывал ему о чудесах и знамениях. Видно, красноречиво говорил суровый обличитель: Иван сам признавался потом, что речь Сильвестра сильно подействовала на него. (Есть мнение, что не речь, а

послание Сильвестра произвело сильное впечатление на царя; но так было дело или иначе, сущность его от этого не изменяется.) Царь раскаялся, решился исправиться и отдаться всей душой своим высоким обязанностям. Нуждался он в твердой опоре и совете — и Сильвестр стал главным его советником.

Сдружился царь в это время и с Алексеем Адашевым, случайно попавшим в число молодых людей, которых набирал к себе Иван для своих забав. Адашев был очень умный и высокочестный человек. Он и Сильвестр мало-помалу собирают вокруг Ивана лучших и способнейших людей того времени. Были в числе их знатные бояре: князья Воротынский, Одоевский, Курлятов, Андрей Курбский, Серебряный, Горбатый-Шуйский, Шереметев и другие. Адашев и Сильвестр возвышали и незнатных людей, но честных и способных, и давали им важные должности.

И вот эти лучшие люди стали заправлять государством. Иван Васильевич без совещания с этой «избранной радой» (думой) ничего не делал.

Задумал юный царь, вероятно, по внушению своих добрых советников, дело, еще небывалое в Москве, — велел собрать к себе со всей земли избранных людей для того, чтобы этот «Земский собор» обсудил разные дела.

Когда все излюбленные люди собрались, царь в один воскресный день, после обедни, вышел из Кремля с духовенством, боярами и дружиною на Лобное место. Отслужили здесь молебен. Тогда царь обратился к митрополиту с такою речью: — Молю тебя, святой владыка, будь мой пособник и наставник. Знаю, что ты добрых дел и любви желатель. Ведаешь сам, что я после отца моего остался четырех лет, а после матери — восьми; родственники обо мне не заботились; сильные бояре и вельможи не радели обо мне, властвовали как хотели, и сами себе саны и почести давали именем

моим. Много корысти, хищений и обид творили; я же по моей молодости и беспомощности, словно глухой, не слышал, как немой, не имел слова обличения против них. О, нечестивые лихоимцы и хищники и судьи неправедные! Какой ответ теперь дадите нам за то, что много из-за вас пролито слез и крови? Я чист от сей крови; вы же ждите воздания за нее...



С. Иванов Земский собор

Затем, поклонившись на все стороны, царь обратился к народу: — Люди Божьи, дарованные нам Богом, молю вас ради Бога и любви к нам!.. Теперь нам ваших обид, разорений и налогов исправить нельзя вследствие продолжительного моего несовершеннолетия, пустоты и беспомощности,

вследствие неправд бояр моих и властей, бессудства, лихоимства и сребролюбия. Молю вас, отпустите друг другу вражды и тягости, кроме разве очень больших дел. В этих делах и в новых я сам буду вам, насколько можно, судья и оборона; буду неправду уничтожать и похищенное возвращать.



***Царь и великий князь всея Руси Иоанн Васильевич
(Грозный) Царский титулярник***

Так каялся царь и такие обещания давал народу.

В этот же день он пожаловал Адашева в окольничьи и сказал ему при этом: — Алексей! Взял я тебя из нищих и самых незначительных людей. Слышал я о твоих добрых делах и взыскал тебя выше меры для помощи душе моей... Поручаю тебе принимать челобитные от бедных и обиженных и разбирать их внимательно. Не бойся сильных и знатных, похитивших почести и

губящих своим насилием бедных и немощных. Не смотри и на ложные слезы бедного, клеветущего на богатых, ложными слезами хотящего быть правым; но все рассматривай внимательно и приноси к нам истину, боясь Суда Божия. Избери судей праведных от бояр и вельмож.

С этого времени стали заботиться о правосудии и законности, и народу стало гораздо легче, чем прежде.

Суд и управление

Восстановить суд и правду, умиротворить народ, потерявший терпение от бессудия, неправды и всяческих насилий во время злостного правления бояр, — вот что стало первою заботою советников юного царя.

Должностные лица, запятнавшие себя лихоимством и насилием, были лишены своих мест; их заменили лучшие люди, «судьи правдивые». Законы Иоанна III снова были пересмотрены и дополнены, и в 1550 году явился новый, более подробный Судебник; притом были изданы «Уставные грамоты», дополнявшие его.

Суд был по-прежнему наместничий, боярский и царский. Церковные дела подлежали суду святительскому.

Уже Иоанн III строго запрещал судьям брать посулы и лихву с подсудимых и творить неправды и насилия. Но, видно, зло было все еще слишком сильно и давало себя чувствовать; в новом Судебнике уже постановлены строгие наказания за неправый суд и посулы. «Если окажется, — говорится здесь, — что боярин и дьяк взяли посулы и обвинили не по суду, то на них доправить весь иск и все судебные пошлины втрое и сверх того ценою, какую сам государь назначит. Если дьяк, взявши посул, запишет дело не так, как было на суде, то на нем доправить вполовину против боярина и сверх того посадить в тюрьму. Если подьячий без судьи и без дьяка что-либо запишет не так, как нужно по суду, то подвергается за это торговой казни — битью кнутом».

Чтобы избавить народ от насилий и неправд должностных лиц, решено было дать городским и сельским общинам прежнее право выбирать из своей среды доверенных лиц, «излюбленных людей», земских

старост и целовальников (присяжных), которые должны были всегда присутствовать при судах наместников и волостелей и блюсти справедливость. При них обыкновенно был свой дьяк, который записывал все производство дела, а они скрепляли список своей печатью. Выборные люди не только были при суде, но участвовали и в других делах общины. Опись имущества, раскладка податей, сбор их производились при участии «излюбленных» земских людей. Хозяйственные дела общин, наблюдение за порядком и тишиною (то есть полицейский надзор), предупреждение преступлений, поимка воров и разбойников — все это лежало на обязанности «выборных людей»: земских старост, сотских и десятских.

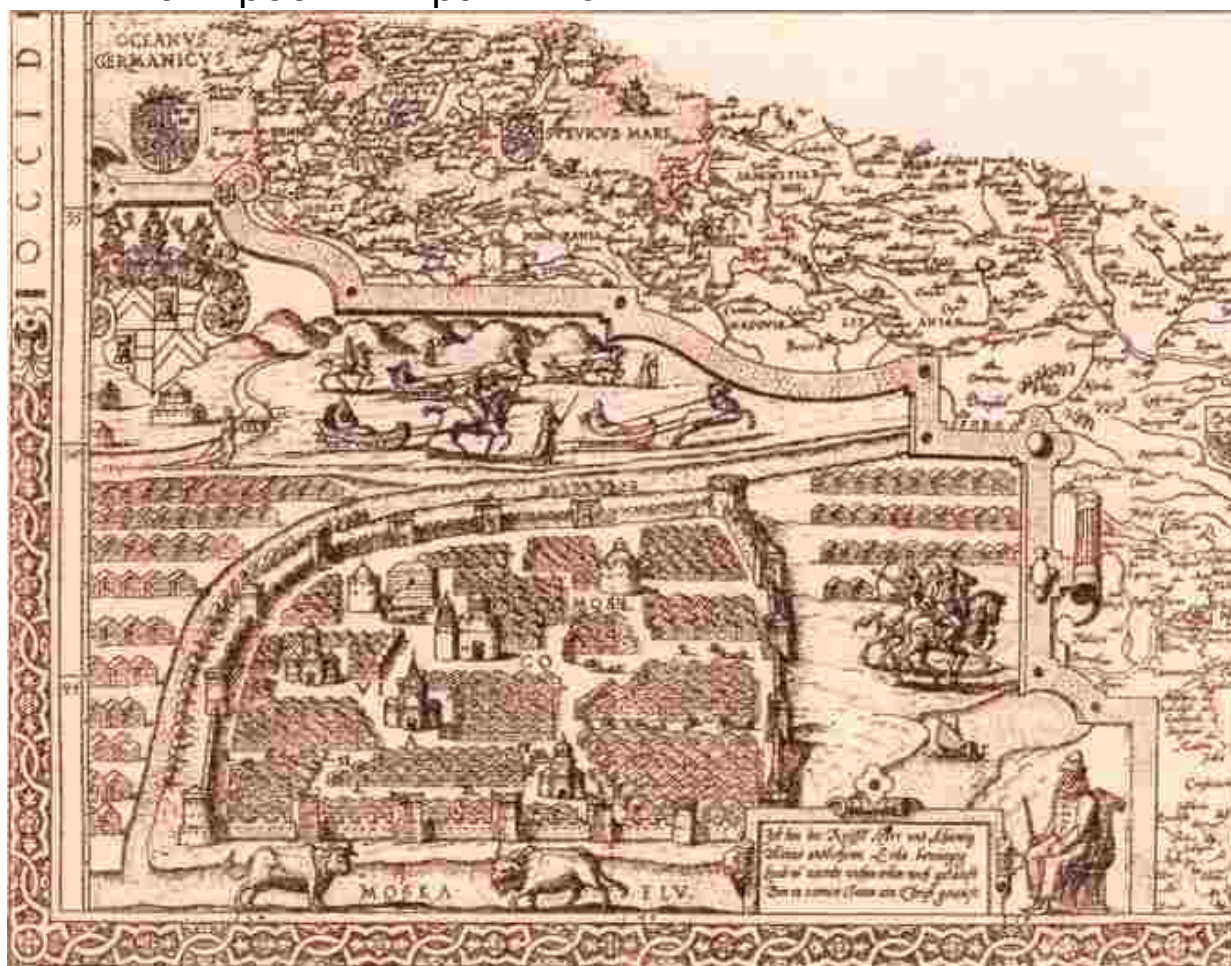


С. Иванов Суд в Московском государстве

Важные судебные дела (уголовные) были в руках губных старост. Их избирали из детей боярских целым уездом. Уездом назывался город с волостями, а волость составляли несколько земледельческих сел с их землями. В городах и волостях по-прежнему были государевы наместники и волостели, которые по старине «кормились» на счет местного населения; но при выборных людях творить злоупотребления им было трудно: они могли судить без земских старост только служилых государевых людей. Город или волость могли даже и совсем не зависеть от государевых наместников в своих домашних делах, стоило лишь вносить в казну столько денег, сколько их шло на содержание наместника и волостеля.

Таким образом юный царь и его советники думали совершить великое дело: наряду с государственным управлением, создать еще земское самоуправление; при таком строе сами общины ведались бы со своими делами, управлялись бы своими выборными властями под высшим наблюдением государевых чиновников. Казалось, что при этом дело управления должно было бы улучшиться: выборные лица, земские люди лучше знали местные нужды, лучше могли соблюсти выгоды своей волости, чем заезжие московские наместники; а правительство избавлялось от множества мелких дел и беспрестанных жалоб на несправедливость чиновников. Но беда была в том, что во многих местностях, где уже давно уничтожено было самоуправление, жители отвыкли совсем от него, так что им, привыкшим заботиться только о своих личных делах, было в тягость хлопотать об общих выгодах. Трудно при этом было и выбрать таких старост и целовальников, которые радели бы об общей пользе.

Установлено было строже, чем прежде, отбывание воинской повинности. Кроме духовных лиц, все прочие делились на два разряда: служилых людей и неслужилых. К последним относились купцы, посадские (мещане) и волостные крестьяне. Служилые люди делились на высших и низших; первые (бояре, окольные, дьяки и дети боярские) занимали видные места и должности, владели землей и прочее; низшие являлись простыми ратниками.



Часть плана Москвы времен Иоанна Грозного

Теперь установлено было, чтобы каждый помещик приводил по требованию известное число ратников смотря по количеству населенной земли в его поместье

(обыкновенно со ста четвертей — один конный воин); при этом определялось, как должны быть вооружены ратники.

Каждый прибывший на службу помещик должен был явиться к воеводе своего города на смотр; воевода отмечал в списке, кто и как приходил на службу. Тех, которые являлись в исправности, «конны, людны и оружны», записывали в высший разряд; им выдавались от царя награды — прибавка поместий; у неисправных уменьшали земли. «Нети», то есть вовсе не явившиеся на службу, наказывались еще строже, если не было уважительных причин неявки. Для заведования службою помещиков учрежден Разряд, или Разрядный приказ, то есть присутственное место, где вели дело обыкновенно боярин и дьяк с подьячими, которым царь приказывал ведать то дело. Каждый помещик, достигнув совершеннолетия, являлся или к воеводе своего города записаться в служилый список, или отправлялся в Москву, в Разрядный приказ, при этом объявлял, с чего он будет служить, то есть владеет ли он вотчинами и поместьями или нуждается в новом наделе. В последнем случае ему давалось поместье, и он назывался новик.

Именитые и богатые бояре, приводя на войну большие отряды, назначались обыкновенно начальниками на главные места. Мало-помалу вошло в обычай считаться местами: знатный по происхождению находил для себя унижением подчиняться менее знатному. Как прежде удельные князья спорили об уделах, ссылаясь на свое старшинство в роде, так теперь спорили их потомки — бояре о начальственных местах в войске. Этот обычай, конечно, нередко сильно вредил делу. Царь хотел уничтожить местничество. По его указу только начальники полков могли «местничаться» между собой, остальные же, не дослужившиеся еще до начальственных должностей, должны были служить «без мест». Местничество

начинало уже сказываться и в других случаях — в управлении городов, в придворной жизни и причиняло много вреда и хлопот.

Стоглав

Церковные дела, в которых было много «нестроения и смуты», также обратили на себя внимание царя и «добрых» его советников. В 1551 году, 27 февраля, по царскому приказу в Кремлевский дворец собралось множество духовных лиц: митрополит, девять архиепископов, архимандриты, игумены и другие; тут же были и высшие мирские сановники.

Царь обратился к ним с такой речью: — Преосвященный Макарий, митрополит всея Руси, и архиепископы, и епископы, и весь освященный собор... Попросивши у Бога помощи вместе с нами, поспособствуйте мне, порассудите и утвердите по правилам святых отцов и по прежним законам прародителей наших, чтобы всякое дело и всякие обычаи в нашем царстве творились по Божьему велению. О старых обычаях, которые после отца моего поисшатались, о преданиях и законах нарушенных, о пренебреженных заповедях Божьих о земском устройстве, о заблуждении душ наших — обо всем этом подумайте, побеседуйте и нас известите...

Затем царь указал целый ряд вопросов, о которых, по его мнению, следовало подумать собору. Эти указания царя очень любопытны, так как по ним ясно можно представить положение русской церкви и народной нравственности в половине XVI столетия.



И. И. Глазунов Царь Иоанн Васильевич Грозный

Вот некоторые из этих указаний: «По церквам звонят, поют и совершают службу не по уставу. Священники „чинят продажу великую“ священными вещами (антиминсами). Божественные книги писцы пишут с неправильных переводов и не исправляют. Ученики учатся грамоте небрежно. В монастырях некоторые постригаются не для душевного спасения, а ради покоя телесного, бражничают, не по-монашески

живут. Просвирни над просфорами наговаривают (волхвуют). В церквах люди нередко стоят непристойно: в тафьях и шапках, с палками, разговаривают громко, говорят иногда непристойные в церкви речи, ссорятся, а попы и дьяконы поют бесчинно, причетники часто пьяны. Случается, что попы и дьяконы служат в церкви в нетрезвом виде. Христиане приносят на Велик день пасху, сыры, яйца, рыбу печеную, а в иные дни калачи, пироги, блины, караваи и всякие овощи — все это вносится в Москве не только в церковь, но даже в алтарь. Слабость и нерадение у иных православных дошли до того, что люди в тридцать лет и старше бреют головы и бороды себе, платье и одежду иноверных земель носят так, что трудно и признать христианина. Иные крестное знамение не по существу кладут на себя, лживо клянутся именем Божьим, лаются без зазору (без стыда) всякими неподобными речами; даже у иноверцев не творится такого бесчинства. Как Бог терпит наше бесстрашие?».

Из этих указаний видно, что древнее благочестие, которым были сильны русские, начинало колебаться от грубости нравов; что даже духовные лица не всегда соблюдали церковное благочестие, и грубые языческие суеверия (волхвование на просфорах) начали закрадываться в церковную жизнь. Наконец, из слов царя видно, что в самой общественной жизни было много грубости и бесчинства, противного христианскому духу.

Собор, обсудив предложенные царем вопросы, решил принять меры против указанных зол и недостатков. Решено было, чтобы священники из среды своей избирали протоиереев в церковные старосты — пастырей «искусных, добрых и житием непорочных». Старосты с их помощниками, десятскими, должны были наблюдать, чтобы в церквах все (звон, богослужение и всякие требы) совершалось благочинно и чтобы все

священники творили свое дело благообразно, как следует по уставу. Избранные старосты должны являться для испытания и поучения к митрополиту. В соборных храмах должны храниться божественные правила, с которыми они обязаны постоянно справляться.

Если найдут священные книги в какой-либо церкви неисправные, с ошибками, то пусть протопопы и старейшие священники соборно (сообща) исправят их, руководясь хорошим переводом, и писцам, списывающим книги, пусть велят списывать с добрых переводов и поверять. Иконы писать иконописцам поставлено только с древних образов, как греческие живописцы писали, а «от своего замышления» ничего не изменять.

Обучение детей грамоте возложено на обязанность священников. В Москве и в других городах в домах благочестивых и искусных священников, дьяконов и дьяков постановлено учредить училища, куда бы посылать всем православным христианам своих детей для учения грамоте, церковному чтению и письму. Наставники должны были внушать ученикам страх Божий и наблюдать за их нравственностью.

О жизни священников постановлено, что они должны показывать пример всяких добродетелей, благочестия, трезвости. На пирах и во всяких мирских сборищах священникам должно духовно беседовать и Божественным писанием поучать на всякие добродетели; а праздных слов, кощунства и смехотворения отнюдь бы и сами не делали, и детям своим духовным запрещали... Для того чтобы сдерживать народ от бесчинства, решено по торгам кликать, чтобы православные христиане от мала до велика не клялись ложно именем Божиим, непристойными словами не бранились, бороды не брили,

усов не подстригали, так как обычай делать это не христианский, но латинский и еретический.

Постановил собор также настоятелям и игуменам строго наблюдать, чтобы «церковный чин (порядок) и монастырское строение» ни в чем не нарушались бы. Все должно сообразовываться с Божественным уставом, с правилами святых отцов и апостолов. Иноки должны остерегаться всякого греха и предосудительного дела, остерегаться хмельного, не должны держать по кельям ни водки, ни пива, ни меду, а пить квас и другие не хмельные напитки; фряжские (иноземные) вина не запрещаются, так как нигде не написано, что нельзя их пить. Где есть в монастыре эти вина, то иноки «пусть пьют во славу Божью, а не ради пьянства». Пища у игуменов должна быть общая с братиею.

Кроме этих вопросов, на соборе обращено было внимание на другие бесчинства и суеверия. Заявлено было, что на свадьбах играют скоморохи, и когда к церкви венчаться едут, священник с крестом едет, а пред ним скоморохи с играми бесовскими рыщут. Эти скоморохи, собравшись большими ватагами, ходят по деревням, творят всякие насилия, грабят имущество крестьян, даже разбоем занимаются по дорогам. Дети боярские и люди боярские, и всякие бражники (гуляки) зернью играют, пьянствуют, ни службы не служат, не промышляют и много зла творят, иногда даже грабят и разбойничают. По селам и деревням ходят лживые пророки и пророчицы, мужики и бабы; иногда обнаженные, распустив волосы, трясутся и убиваются и говорят, что им является святая Пятница и святая Анастасия, заповедают в среду и пятницу ручного дела не делать, женщинам не прясть, не мыть и прочее. Вооружается собор и против языческих гаданий и суеверий, перечисляет суеверные гадательные книги (рафли, шестокрыл, воронограй и другие), нападает на

языческие игрища накануне Иванова дня, Рождества, Крещения и прочее.



***Неизвестный художник Древнерусский город.
Всадники***

Но при всем добром желании духовных лиц, собравшихся на соборе, они были не в силах устранить указанные бесчинства и суеверия. Да и что мог сделать собор? Постановлял он, например, заводить училища в домах священников, а между тем тут же на соборе объяснилось, почему приходится ставить в попы и дьяконы лиц, которые «грамоте мало умеют»: не поставить их — святые церкви будут без богослужения,

православные будут умирать без покаяния; а когда святители этих ставленников спрашивают, почему они мало умеют грамоте, они отвечают: «Мы-де учимся у своих отцов или у своих мастеров, а больше нам учиться негде». Кому же было учить, когда не только ученых священников, но даже знавших порядочно грамоту было очень мало? Кому было править неисправные церковные книги, находить «добрые» переводы, с которых делать списки? Малограмотные священники, при всем их добром желании, могли скорее портить, чем исправлять книги. Откуда было выбирать таких церковных старост, которые действительно могли бы блюсти во всей чистоте Христово учение и православие, наставлять других священников, когда, по справедливому выражению Максима Грека, тогдашние русские грамотники «по чернилу только бродили, силы же писаного не разумели»? Сильный упадок просвещения — даже и в среде духовенства — вот самая главная причина тех неурядиц, которые занимали духовенство на соборе. Но оно видело главную причину, подобно царю, только в том, что «прежние обычаи поисшатались и прежние законы порушены», и думало строгими предписаниями и запрещениями помочь беде. Не понимали тогда и лучшие люди, что дух веры и благочестия подавлялся невежеством и мертвою обрядностью. Сами святители обряду и внешности придавали слишком большое значение: наряду с тяжкими грехами ставят они иноземную одежду и бритье бороды!.. Да если бы и признано было на соборе, что главное зло, с которым надо бороться, — это общее и крайнее невежество, то и тогда они не в силах были бы скоро помочь беде: невежество — болезнь, от которой общество исцеляется только веками.



В. Суриков Деревенская божница

«Домострой»

Из постановлений Стоглавого собора видно плачевное состояние церкви и народной нравственности. Другое произведение, составленное около этого же времени, показывает, какую жизнь лучшие люди того времени считали образцовой. Известный Сильвестр в поучение своему сыну собрал в одну книгу, под названием «Домострой», правила и наставления, которым предлагает следовать всякому желающему жить праведной жизнью. Правила эти он заимствовал из разных книг, поучительных сочинений отцов церкви, прибавил и свои замечания и наставления сыну. «Домострой» долгое время был в большом почете у наших предков: тут заключались все те мысли, до каких только могли додуматься лучшие русские люди XVI века; тут указывалось до мельчайших подробностей, как должен человек поступать по отношению к Богу, к царю, к людям, к домочадцам, как должен вести свое хозяйство. Сам Сильвестр высоко ценил правила «Домостроя»; в первой главе он говорит сыну и жене его между прочим: «Даю писание на память и вразумление вам и чадам вашим. Если наказания (наставления) нашего не послушаете и не станете следовать ему, и будете творить не так, как писано, то дадите за себя ответ в день Страшного суда, а я вашему греху не причастен».

Указав, во что должен верить всякий христианин (в Святую Троицу, Пречистую Богородицу, воскресение мертвых и прочее), Сильвестр тут же, наряду с этими основами христианской веры, дает наставления, как прикладываться к образам, как есть просфору, как христосоваться и прочее.

«Прикладываться ко кресту или к образу следует помолившись, перекрестясь, дух в себе удержав, а губами не плюскать... А просфору и все освященное вкушать бережно с верою и со страхом, крохи на пол не уронить, а зубами не откусывать, как прочие хлеба, а уламывая кусочками, класть в рот, а есть зубами... Если с кем о Христе целование сотворить, также — дух в себе удержав, поцеловаться, а губами не плюскать...»

Видно, предки наши нуждались в указаниях, как обращаться со святыней, если Сильвестр доходит в своих наставлениях до таких подробностей. Советует он также почаще обращаться за указаниями к отцу духовному: «Подобает чтить и повиноваться ему во всем, и каяться пред ним со слезами, и исповедать ему свои грехи, и заповеди его хранить, и епитимии исправлять. А призывать его к себе в дом часто, и к нему приходить, и извещаться ему всегда по совести, и наставление его с любовью принимать, и слушаться его во всем, и чтить его, бить челом ему низко, советоваться с ним часто о житейских делах, как учить и любить мужу жену свою, и чад, и раб и так далее».



С. Шухвостов В церкви. Жанровая сцена

Кто не живет благочестиво, того, по верованию предков наших, постигало Божье наказание, между прочим, разные несчастья и болезни. «Домострой» советует врачеваться от болезни молитвою и милостынею: «Если Бог пошлет на кого болезнь или какую скорбь, то врачеваться Божьей милостью, да слезами и молитвою, и постом, и милостынею к нищим, да истинным покаянием... Если кого чем обидел — отдать вдвое и впредь не обидеть, да отцов духовных, священников и монахов просить помолиться, и молебны петь, и воду святить честным животворящим крестом, и маслом святиться, да по святым местам обещаться...».

Так обыкновенно и поступали наши предки, но иногда прибегали к совсем другим средствам, которые сильно порицаются в «Домострое»: «Видя Божье наказание на себе и болезни тяжкие за премногие грехи наши и, оставя Бога, создавшего нас, и милости, и прощения грехов не требуя от Него, призываем к себе чародеев и кудесников, да волхвов, да зелейников с кореньями. От них чаем себе помощи временные и готовим себя дьяволу вовеки мучиться. О, безумные! Не рассуждаем о своих грехах, за что Бог нас наказывает, не каемся в них, не оставляем всяких неподобных дел, но желаем тленного и временного...».



Ф. Рисс Скоморохи в деревне

К числу грехов, за которые постигает людей Божье наказание, относятся в «Домострое», между прочим, и следующие: песни бесовские (языческие), плясание, скакание, гудение (музыка), трубы, бубны, сопели (род флейты).

Понятно, почему вооружается против этого Сильвестр: народные игрища и песни заключали в себе много языческого, да притом, по грубости нравов, ко всякому празднеству и веселию примешивалось много непристойного.

Восстает «Домострой» и против травли зверей, против псовых и птичьих охот, против гаданий и волхвований, которые были в те времена в большом ходу.

Даже смех — и тот подвергался осуждению сурового наставника: в те времена истинно благочестивою жизнью считалась жизнь иноческая, и все, что признавалось греховным в монастыре, осуждалось и в мирской жизни. Уподобить свое домашнее житье монастырскому насколько можно более — составляло верх желания благочестивых людей. В зажиточных домах отдельная «храмина», уставленная образами, служила главным местом, куда собиралась семья и домочадцы для молитвы, а у богатых бояр были даже свои домовые церкви.

Вот что говорится в «Домострое» о том, как украсить свой дом святыми образами: «В дому своем всякому христианину во всякой храмине святые и честные образа ставить на стенах, устроив благолепно место со всяким украшением и со светильниками, на которых зажигаются свечи перед образами; после молитвы и пения погашаются и завесой закрываются от нечистоты и пыли. Всегда чистым крылышком или мягкой губкою вытирать их... На славословии Божьем и на святом пении, и на молитве свечи зажигать и кадить благовонным ладаном...». Пред иконами в «храмине»,

советует «Домострой», ежедневно мужу с женою, с детьми и домочадцами, кто грамоте умеет, отпеть вечерню, повечерницу, полунощницу, а утром — заутреню и часы, а в праздничные дни и молебен. Но домашней молитвой нельзя ограничиться: «Домострой» советует как можно чаще ходить в церковь и приносить с собою по возможности свечи, ладан, просфоры и прочие вещи, нужные для богослужения. Подробно говорится и о том, как надо стоять в церкви: «В церкви стоять со страхом и с молчанием молиться... при богослужении ни с кем не беседовать, со вниманием слушать божественное пение и чтение, не озираясь, ни на стену не приклоняться, ни к столпу; ни с посохом не стоять, ни с ноги на ногу не переступать».



Чтение в крестьянской семье

Далее подробно указывается, о ком и о чем следует молиться, как творить крестное знамение, как складывать при этом персты, причем молящийся должен иметь «моление в устах, в сердце умиление и сокрушение о грехах, из очей испускать слезы, а из души воздыхание».

«Домострой» указывает и на важнейшие христианские обязанности: милосердие и милостыню.

«Больных и заключенных посещай, милостыню по мере возможности раздавай; всякого скорбного и нищего, и нуждающегося не презри, а введи в дом свой, напой, накорми, согрей, одень. Молитвами их очистишь душу свою от грехов и Бога умилоставишь. Родителей своих умерших поминай...»

Из всех указанных наставлений мы видим, как высоко ценились набожность и благочестие и как много внимания в то же время обращалось на внешнюю сторону.

К высшим, священным обязанностям человека относится и уважение к царской власти.

«Царя бойся, — говорит „Домострой“, — и служи ему верою, и всегда о нем Бога моли, отнюдь не криви перед ним душою, но покорно всегда истину отвечай ему, так научишься и Небесного Царя бояться... Также и князьям покоряйся и должную честь воздавай им. Апостол Павел говорит: „...все власти от Бога; кто власти противится, тот Божьему повелению противится“.

А царю, и князю, и всякому вельможе не тщися служить ложью, клеветою и лукавством. Погубит Бог всех говорящих ложь. Старейшим тебя честь воздавай; средних как братью почитай, маломощных и скорбных с любовью приветствуй, юнейших как детей люби и всякому созданию Божию не лих будь. Славы земной ни в чем не желай, вечных благ проси у Бога, всякую скорбь и притеснение терпи, за обиды не мсти, зла за зло не воздавай...».

Умение всем угодить, со всеми ужиться, высоко ценится Сильвестром: со всеми должно вести себя, говорится в «Домострое», так, чтобы не только не возбудить ни в ком вражды к себе, не нажить себе каких-либо неприятностей, но заслужить у всех расположение и доброе мнение о себе. Ради этого «Домострой» позволяет даже кривить душой. «Если людям твоим, — говорится здесь, — случится с кем-либо поссориться, то ты брани своих, хотя бы они были и правы, — этим и ссору прекратишь, и вражды не будет». За столом в гостях «Домострой» предписывает хвалить все кушанья, хотя бы они были дурны: «Не подобает говорить: гнило, или кисло, или пресно, или солоно, или горько, но следует всякое кушанье хвалить и с благодарностью вкушать». Особенно советуется гостеприимство и хлебосольство: ласково принять гостя, хорошо угостить его считалось самой священной обязанностью. Во время пиров «Домострой» советует особенно бережно обращаться с гостями: надо было не только всячески ублажать их и угощать, но и заботиться, чтобы они вследствие обильного угощения не потерпели бы какого ущерба. Для этого «Домострой» советует всякому хозяину, устраивающему пир, назначать на это время особого бережного человека (который не должен был пить); он обязан был оберегать пьяного гостя, чтобы тот не потерпел бы чего, не избился, не побранился с кем-либо из других гостей, не подрался и прочее. Нравы наших предков были тогда еще очень грубы, и потому пиршества для неводержанного человека часто кончались печально. Предостерегая от пьянства, «Домострой» говорит: «Если упьешься допьяна и тут же уснешь, где пил, и недоглядит за тобой хозяин, у которого на пиру не один ты, а много гостей, то можешь платье на себе изгряднить, шапку изорвать и деньги из кошны у тебя вынут, и хозяину, у которого ты пил, кручина немалая, а

тебе еще большая, а от людей срамota, — и скажут тебе: „Видишь ли, каков срам и ущерб твоему имению от большого пьянства...“. Если же ты поедешь с пира, а на дворе уснешь, то и того хуже: возьмут у тебя все, что имеешь, платье снимут с тебя и рубахи даже не оставят на тебе...».



С. Иванов Семья

Указывает «Домострой» и на правила приличия: гость не должен сам садиться без приглашения хозяина на почетное место, а, напротив, должен скромно сесть на последнем месте и только тогда пересесть на лучшее, когда хозяин попросит. «За обедом — не кашлять, не плевать, не сморкаться, а если уж понадобится, то, отошед в сторону, вычистить нос или откашляться вежливо, а придется плюнуть, то сделать это, отворотясь от людей, да ногой потереть...»

В семье, по «Домострою», все должно было вполне подчиняться главе дома, хозяину. Жена, дети и слуги должны были «все творить по его приказанию». Только с разрешения мужа жена могла ходить в церковь, в гости; во всем она должна была спрашивать его совета не только по хозяйству, но даже — о чем говорить с гостями.

Чувство страха считалось главным средством водворить семейное благочиние, и потому наказания были в большом ходу.

«Если жена или сын, или дочь не слушает приказаний и наставлений и не боится, то муж или отец должен учить их уму-разуму и плетью постегать, по вине смотря, и не перед людьми; а поучив, примолвить и пожаловать, и никак не гневаться друг на друга. А про всякую вину по уху и по лицу не бить, ни кулаком под сердце, ни пинком, ни посохом не колоть... Кто с сердца или с кручины так бьет, многие притчи от того бывают: слепота и глухота, и руку, и ногу вывихнет, и главоболие, и зубная болезнь... а плетью с наказанием бить — и разумно, и больно, и страшно, и здорово... А только если великая вина — за ослушание и небрежение, то плетью вежливенько бить, за руки держа, по вине смотря, да побив и примолвить, а гнев никак бы не был...»

Из этих слов видно, как были в обычае грубая расправа, побои, и Сильвестр, выхваляя плетку при наказании, имеет в виду устранить, по крайней мере, вредные последствия побоев чем попало.



Н. Неврев Пряха

В каждом зажиточном доме в Москве было множество слуг и домашнее хозяйство было большое и сложное: хозяйке тогда было чем заняться дома. «Домострой» представляет нам образец «порядливой хозяйки», которая обязана служить для всех слуг примером трудолюбия и усердия. Она не должна была допускать, чтобы ее будили слуги: напротив, она должна

будить их. Проснувшись с рассветом, хозяйка обязана дать всем людям работу и указать порядок на весь день; причем не только смотреть за другими, но и сама знать, как всякое дело делается, как указать другим. Она не должна была и сама сидеть сложа руки. «Муж ли придет, гостя ли обычная, — всегда бы над рукоделием сидела», и с гостями беседовать ей следовало «о рукоделии и домашнем строении, как порядок вести и какое рукодельице сделать, и кто что укажет, на том низко челом бить».

Бережливость и скопидомство считаются необходимыми свойствами хорошей хозяйки. «Придется делать, — говорит „Домострой“, — рубахи или женские платья, то все самой (хозяйке) кроить или дать при себе кроить, и всякие остатки и обрезки — все было бы прибрано: мелкое в мешочках, а остатки сверчены и связаны, и все было бы припрятано. Понадобится починить старое платье — и есть куски, и не надо отыскивать материи на рынке; а если придется по рынку искать, то устанешь подбираючи; приберешь, то втрое заплатишь, а то и совсем не приберешь».



И. Пелевин Первенец

В другом месте «Домостроя» говорится: «Всякое платье верхнее и нижнее должно быть вымыто, а ветхое зашито и заплатано, — тогда и людям пригоже посмотреть, и себе мило и прибыльно, и сиротине можно дать во спасение души».

Такая же бережливость и предусмотрительность предписывается хозяйке и в других хозяйственных

расходах: она должна знать, как муку сеять, как квашню поставить, как тесто месить, как печь хлебы, пироги, калачи и прочее; и сколько выйдет чего из четверти, из осьмины, и сколько высевок, должна знать «меру и счет во всем и беречь все: когда хлебы печь, тогда и платье мыть, — дровам неубыточно» и прочее.

Весь сложный хозяйственный обиход богатого дома до мельчайших подробностей указан Сильвестром. В некоторых списках «Домостроя» в конце прибавлена даже очень обстоятельная роспись, какие кушанья в какие дни должно подавать. Трудны были тогда обязанности хозяйки дома, жены; зато великая похвала той, которая управится с ними. «Если Бог дарует кому жену добрую — дороже она камня многоценного. Жена добрая, трудолюбивая и молчаливая — венец мужу своему. Блажен муж такой жены и прочее».

Кроме хозяйства, на обязанности жен должно было бы лежать и воспитание детей; но в те времена на него смотрели очень уж просто.

Мать вскармливала своих детей. Затем старались внушить им страх Божий и дух благочестия. Дочек мать приучала к разным рукоделиям и хозяйству. Мальчиков в зажиточных семьях учили грамоте, разным «промыслам» и «вежеству», умению обходиться с людьми.

Страх наказания считался главным средством при воспитании.

«Казни сына своего, — говорил „Домострой“, — от юности его, и он успокоит тебя на старость твою... И не ослабей, бия младенца. Если его жезлом бьешь, то не умрет, но здоровее будет: бия его по телу, ты душу его избавляешь от смерти. Если дочь имеешь, положи и на нее свою грозу...».

Образец благовоспитанного юноши взят в «Домострое» из поучения Василия Великого. «Юноша должен иметь душевную чистоту, походку скромную, голос умильный, речь пристойную, при старейших

должен молчать, мудрейших слушать; к равным себе и меньшим любовь иметь нелицемерную, мало говорить, но много разуметь, не избыточествовать беседою, не дерзку быть на смех, стыдливостью украшаться, долу зрение иметь, горе же душу и прочее».



К. Лемох Родительская радость

Как только сын достигал совершеннолетия, родители старались женить его. Еще более хлопотали, чтоб выдать замуж дочерей. Предусмотрительный Сильвестр дает такой совет: у кого родится дочь, тому следует с первых же дней ее жизни думать о приданом — отчислять в ее пользу часть всякого прибýtка, откладывать на долю дочери полотна, разные материи,

дорогие украшения, утварь и прочее. Так понемногу, незаметно, без особенных лишений, «себе не в досаду» и составится приданое. «Растут дочери и страху Божьему и вежеству учатся, и приданое прибывает; как замуж сговорят — все и готово... А умрет дочь по воле Божией — приданое пойдет на помин ее души».

За слугами «Домострой» советует зорко следить и не доверять им, чтоб не крали, не обманывали, но вместе с тем предписывает заботиться о них, хорошо кормить и одевать их. Через слуг нередко возникали ссоры, и потому «Домострой» особенно настойчиво советует предупреждать сплетни слуг. «Слугам своим заповедуй о людях не переговаривать, и, если слуги были где и видели что недоброе, того не сказывали бы дома, и что дома делается, того у чужих людей не рассказывали бы... Если придется посылать куда-нибудь сына или слугу — сказать что-либо или сделать, то вороти его и выпроси, и только, когда он повторит все перед тобою, как ты ему сказывал, тогда пошли».

Слуга, придя к дому, куда послан, у ворот должен легонько постучать, а когда пойдет по двору и станут его спрашивать, с каким делом идет, то слуга не должен был говорить или мог ответить любопытному: «Не к тебе послан, а к кому послан, с тем мне и говорить».

«У сеней слуга должен ноги отереть, нос высморкать и молитву Иисусову сотворить; если „аминя“ не отдадут, то в другой раз сотворить молитву и в третий... Как впустят, святым иконам поклониться дважды, а третий поклон хозяину отдать и править то дело, с каким послан...

Умный слуга, если где и услышит что-либо враждебное своему господину, скажет обратное, где клянут и лают, — а он похвалу и благодарение поведает. От таких умных и вежливых, и благоразумных слуг промеж добрых людей любовь сводится, и таких умных

слуг берегут и жалуют, как детей своих, и советуются с ними обо всем».

Мир и доброе согласие между людьми, как видно из приведенных слов, ценятся «Домостроем» так высоко, что позволяется ради добрых отношений поступиться даже правдой.



И. Прянишников Калики переходные

В заключение Сильвестр уже от себя дает наставление сыну своему Анфиму; здесь вкратце повторено то, что говорилось раньше в «Домострое». Подобно Владимиру Мономаху, и Сильвестр в своем поучении не только дает указание, как благочестиво жить, но и ссылается на свой пример: «Видел ты, чадо мое, — говорит Сильвестр сыну; — как мы жили в благословении и страхе Божьем, в простоте сердца, в церковном прилежании, всегда со страхом пользуясь

Божественным писанием. Видел ты, как Божьей милостью от всех я был почитаем и всеми любим, и всякому, в чем надо было, уноровил (угодил): и трудом, и услугою, и покорностью, а не гордынею, не прекословием; не осуждал никого, не пересмеивал, не укорял, не бранился ни с кем, а случалась от кого обида, и мы Бога ради терпели и на себя вину брали, и потому враги становились друзьями... Если случалось согрешить пред Богом или пред людьми, то скоро о грехе том плакался пред Богом и у отца духовного каялся... Не пропускал никогда от юности своей и до сего времени церковной службы, разве только по болезни пропускал. Ни нищего, ни странника, ни калеки, ни больного никогда не презирал; из темниц, из плена, из рабства выкупал и голодных по силе кормил. Своих рабов всех освободил и наделил имуществом, и все эти рабочие наши теперь свободны, хорошо живут, как сам видишь, молят Бога за нас и доброхотствуют нам всегда, а кто забыл нас — пусть Бог того простит. А ныне домочадцы наши все свободны, живут у нас по своей воле. Видел ты, чадо мое, как многих сирот, рабов и убогих мужеского пола и женского вскормил я и вспоил до совершенного возраста и в Новгороде, и в Москве, научил по способностям: многих — грамоте и писать, и петь, иных иконному письму, иных серебряному мастерству и другим всяким рукоделиям (ремеслам). А твоя мать многих девиц убогих воспитала, обучила рукоделию и всякому домашнему обиходу и, наделив приданым, замуж подала; а мужской пол поженила на дочерях добрых людей. Все они, по Божьей милости, своими домами живут: многие в священническом сане и в дьяконском, другие — в дьяках и в подьячих и в разных чинах, по своим природным способностям, „кто чего дородился“ и в чем кому Бог благословил быть: иные занимаются разными ремеслами и промыслами, многие торгуют и прочее».

Благочестив и умен был составитель «Домостроя». Много собрал он полезных правил и добрых советов в своей книге, как Богу угодить, царю служить, с людьми уживаться и свой дом строить, то есть хозяйство вести. Не одного внешнего благочестия и обрядности требует «Домострой», но и выполнения высших христианских обязанностей — любви к ближним, помощи убогим и сиротам и прочее. Сам Сильвестр, как видно из его наставления сыну, не только на словах, но и на деле старался исполнять христианские обязанности: многих сирот и бедных приютил у себя, воспитал и пристроил и рабов своих на волю отпустил...



П. Суходольский Крестьянский двор

Но нет в «Домострое» ни веры в ум, ни веры в нравственное достоинство человека. Всякий шаг, всякое движение пытается Сильвестр предусмотреть и дать подробное правило и мелочные указания, как поступать в разных житейских делах. Казалось, человеку оставалось только следовать во всем этим указаниям и жизнь его должна была течь спокойно, невозмутимо и благочестиво, — своим умом жить человеку не полагалось. Какое же побуждение должно было заставлять его идти по указанному пути? Страх наказания Божия должен был побуждать его жить благочестиво, страх наказания господствовал и в семье; на нем были основаны и повиновение жены мужу и детей отцу. Наказание, с одной стороны; награда — с другой, то есть чувство страха или чувство корысти — вот что должно было направлять, по взгляду даже лучших людей того времени, волю человека на путь истины и добра. Но ведь чтобы идти по этому пути, нужно безбоязненно, смело служить истине, нужно бескорыстно любить добро, творить его, не рассчитывая ни на какие награды; пример такого отношения к истине и добру и показал людям Иисус Христос.

Но этого не понимали даже и лучшие русские люди XVI века.

Образцом праведной жизни считалась жизнь монастырская. Подобие ее хотел, видимо, составитель «Домостроя» водворить и среди мирян.

«Домострой» с его подробными правилами, которыми определен каждый шаг в жизни, начиная с обязанностей к Богу и церкви и кончая мелочными замечаниями о хозяйственном обиходе, напоминает строгий монастырский устав, от которого не допускаются никакие отступления. Даже веселье, смех, игры, пение и другие мирские потехи и удовольствия, греховные, на взгляд монаха, «Домостроем» запрещаются. Но в то же время допускаются

отступления от правды для того, чтобы угодить другим, ужиться со всеми в добром согласии; а излишняя угодливость и уживчивость легко вели к тому, что человек мирился со всяким злом в жизни, сживался с ним, и на деле выходило, что человек был благочестивым лишь по внешности.

Нравственная и разумная жизнь может процветать только в том обществе, где господствуют чистое нравственное чувство, влекущее само собою человека к добру и отвращающее от зла, и светлый ум, способный различать, что хорошо и что дурно, способный указывать и средства для борьбы со злом. К несчастью, вековое рабство в тяжкую пору татарщины сильно повредило нравственному чувству русского человека — приучило его унижаться, лукавить и обманывать. Нищета, вековое отчуждение от более образованного Запада, упадок образования даже среди духовенства — все это мешало русскому уму развернуться во всей его силе. Понятно, почему члены Стоглавного собора не могли ничего другого придумать, как восстановить «старину», а Сильвестр — собрать всевозможные старые правила праведного жития. Понятно, почему ни то, ни другое помочь горю не могло.



Вид Казани в XVII веке

Покорение Казани и Астрахани

Казань во время малолетства Ивана Васильевича, по словам современника, «допекала Руси хуже Батыева разорения»: казанцы беспрестанно нападали на русские земли, разоряли их, жгли, грабили и убивали людей; жестокости творили страшные: у пленников отрезывали носы и уши, обрубали руки и ноги, вешали за ребра на железных крюках; русских пленников продавали восточным купцам целыми толпами, словно скот. После смерти Сафы-Гирея, заклятого врага Москвы, казанцы признали ханом малолетнего сына его под опекой матери.

Два раза уже юный царь московский ходил под Казань; походы были неудачны; но во второй поход была построена верстах в сорока от нее крепость Свияжск, откуда русский сторожевой отряд всегда мог наблюдать за казанцами.

Окрестные племена — черемисы, чуваша — стали переходить в русское подданство. В Казани были люди, которые понимали, что ей не под силу борьба с Москвою и лучше добровольно ей подчиниться; они добились наконец того, что ханом у них стал снова подручник московского царя — Шиг-Алей, но он недолго усидел здесь. Казанцы надеялись, что крепость Свияжск будет очищена, и, чтобы угодить московского царя, выпустили до 60 тысяч пленных. Но русские и не думали покидать Свияжск: надежды казанцев, что Шиг-Алей устроит это дело, не оправдались; врагов у него и прежде было немало, теперь же вражда усилилась; составилась даже заговор против него... Он вовремя проведал об этом, зазвал к себе на пир заговорщиков и велел их здесь перебить. 70 человек было убито, но некоторым удалось спастись. Кровавая расправа Шиг-

Алея без всякого суда и разбора еще пуще разожгла ненависть к нему; оставаться ему в Казани становилось опасно. Чтобы как-нибудь сбыть с рук ненавистного хана, казанцы, сторонники Москвы, изъявили готовность совсем подчиниться московскому царю и просили его вывести от них Шиг-Алея и прислать своего наместника. Наместником послан был к ним князь Семен Микулинский; но противники Москвы успели взволновать в Казани народ, распуская слухи, будто русские хотят перебить их всех: казанцы не впустили Микулинского в город, а призвали к себе одного из ногайских ханов — Едигера.



Л. Каменев Летний пейзаж. Под Казанью

Тогда царь решился покончить с Казанью. Начались большие военные сборы. В половине июня царь простился с женою, принял благословение у митрополита и отправился в Коломну, где должна была собраться рать. На пути пришла к нему тревожная весть,

что Крымская орда идет на русскую Украину. Крымцы попытались взять Тулу, но когда встретили здесь сильный отпор и проведали, что неподалеку собрана большая военная сила, то поспешили уйти. Русским воеводам, посланным на выручку Тулы, все-таки удалось истребить большой отряд татар, не успевший вовремя отступить.

Все русское войско, собранное для Казанского похода, было разделено на две части: одна, с царем во главе, двинулась на Казань через Владимир, а другая пошла южнее, на Рязань, ближе к степям, чтобы ногаи или другие степняки внезапным нападением не помешали походу. За рекою Сурою обе части русского войска должны были соединиться.

В начале июля царь выступил в поход. Всюду на пути он посещал церкви, монастыри, принимал благословение от духовенства; во Владимире долго и усердно молился пред гробницей своего прародителя — святого Александра Невского.

20 августа русское войско расположилось на лугу, в 6 верстах от Казани, на равнине, которая широко раскидывалась меж Волгою и горою, где стояла крепость с каменными мечетями и дворцом. Два дня русские выгружали с судов пушки и снаряды. Тут к царю явился перебежчик из Казани и заявил, что хан Едигер, мурзы и муллы (мусульманские священники) возбудили такую вражду и ярость в народе к христианам, что никто из казанцев и не помышляет о мире; что съестных и военных запасов много; что, кроме 30 с лишком тысяч отборных воинов в городе, большое число наездников под начальством отважного Япанчи отряжено занять засеку (наскоро сооруженную крепость) близ города, на Арском поле, чтобы оттуда беспрестанно нападать на осаждающих. Казань была хорошо укреплена: высокая крепкая стена с боевыми башнями окружала город; ее составляли два ряда огромных и крепких дубовых

столбов, между которыми была насыпана и плотно убита земля с щебнем; стена была окружена широким и очень глубоким рвом. Все предвещало очень упорную защиту. Царь советовался с боярами, как повести осаду. Для устройства прикрытия от выстрелов из города приказано было каждому воину приготовить по бревну, каждому десятку воинов — по туру. (Туры — большие и высокие корзины, плетенные из прутьев; наполненные землею и поставленные рядом, они представляли хорошую защиту от стрел и пуль.) Затем были указаны места для разных полков и частей рати; одному отряду велено было стать на Арском поле и охранять войско от нападений Япанчи; всем строго было запрещено самовольно, без государева приказа, вступать в бой.



Г. Севостьянов На Казань. 1552 год

23 августа утром отряды русской рати должны были занять свои места. На восходе солнца выехал царь. Ударили в бубны, затрубили в трубы, полки построились. Распущены были знамена. На царском знамени был образ Иисуса Христа, а сверху — крест, бывший у Дмитрия Донского на Куликовом поле. Царь и воеводы сошли с коней. Отслужен был молебен. После того государь призвал к себе всех воевод, бояр и воинов своего полка и держал речь, ободрял их, напоминал, что они идут бороться за единокровную братию, за

православных христиан, которые много лет томятся в плену у казанцев и претерпевают тяжкие мучения, напоминал Христовы слова, что нет выше подвига, как душу свою полагать за ближних своих...

Русские войска обступили Казань. Рать была огромная — доходила до 150 тысяч человек; главную ее силу составляли стрельцы. Это было постоянное пешее войско, учрежденное впервые царем Иваном Васильевичем. Стрельцы вооружены были ружьями и бердышами, или секирами. При войске было полтораста пушек.

Казанцы всеми силами старались помешать русским близко подойти к городу и укрепиться, открыли жестокую стрельбу со стен и башен. С первого же дня осады начались частые и внезапные вылазки; под городскими стенами часто загорались кровавые сечи. Но русская рать делала свое дело молодецки; воеводы были хорошие, и никогда прежде не соблюдался так строго ратный порядок, как теперь. Несмотря на всевозможные помехи, русским удалось со всех сторон окружить город, поставить туры и тыны для защиты от огня; ни въезда в город, ни выезда не было. Под прикрытием туров были поставлены пушки, и русские принялись громить город; но вылазки из города не прекращались; особенно вредили русским наездники, которые под предводительством Япанчи часто налетали на них из лесной засеки. Курбский, знаменитый участник казанской осады, говорит, что эти нападения делались по условному знаку: казанцы выносили большое мусульманское знамя на высокую башню или на стену и махали им. Тогда татарские наездники и налетали из лесу на русских. В то же время отворялись городские ворота, тысячи храбрецов выбегали из города, отчаянно кидались на русские укрепления, и начиналась лютая сеча. Эти беспрестанные и неожиданные нападения страшно томили русских: ни отдыху им не было, ни

времени даже поест спокойно. Ежедневно почти три недели длилось это томительное состояние. Русское войско терпело огромный урон. Наконец царь на совете с воеводами решил отрядить большую силу, чтобы покончить с Япанчой. Воеводою над этим отрядом был назначен князь Горбатый-Шуйский. Он искусно повел дело: велел напасть на татар, укрепившихся на Арском поле, завязать битву, а потом отступить до самых русских укреплений. Татары подумали, что русские бегут, погнались за ними, да зарвались слишком далеко, так что русские войска охватили их со всех сторон и стремительно ударили на них. Хоть и ловкие наездники были татары, хоть и сыпались их меткие стрелы на русских подобно частому дождю, но русские сломили врагов; татары пустились в бегство. Верст десять гнала их русская конница; весь путь покрылся убитыми и ранеными басурманами; до тысячи человек захвачено было в плен.

Царь, по словам Курбского, приказал пред русскими укреплениями выставить пленных татар, привязать их к кольям, чтобы эти узники умоляли своих единоверцев сдаться царю. Русские также ездили около города и обещали от имени царя жизнь и свободу всем пленникам и осажденным, если они добровольно сдадутся. Выслушали молча казанцы это предложение и тотчас же стали стрелять со стен не столько в русских, сколько в своих.

— Лучше вам, — кричали при этом стрелявшие, — погибнуть от наших рук, чем от рук нечестивых гяуров!

Упорство казанцев привело царя в ярость: он велел всех пленных перебить перед городом.



В. Бодров Осада Казани в 1552 году

Хотя русские воеводы предвидели долгую осаду, но все-таки изыскивали всякие способы ускорить взятие города. Сильно занимала их мысль, откуда казанцы берут воду — река Казанка, при которой стоял город, была уже в руках русских. Наконец проведали от перебежчиков, что на берегу реки, близ городских ворот, есть тайник (подземный ключ), и ходят казанцы к нему за водой подземным ходом.

Тогда царь поручил иностранцу «розмыслу» (инженеру), который был у него на службе, сделать подкоп под тайник. Ученики этого розмысла под присмотром князя Серебряного повели мину. Десять дней рылись они. Наконец царю донесли, что над работниками слышны голоса и шаги татар. Велено было вкатить в подкоп несколько бочек пороху.

Когда все было уже готово, царь выехал посмотреть. Последовал взрыв. Тайник взорван был с людьми, которые шли за водой. Стена городская в одном месте осела и обрушилась. Много народу было побито в городе камнями и бревнами, падавшими с высоты. Казанцы обмерли от ужаса. Русские отряды стремительно кинулись в пролом. Многие, особенно рьяные удальцы, ворвались в город с громким криком, «как львы рыкали, — по словам летописи, — свирепо безбожных татар убивали и множество их полонили». Но казанцы очнулись от страха и отразили русских. Царь на этот раз удержал войско от нового приступа.

Уныние распространилось в городе. Многие думали, что дольше защищаться нельзя; но более упорные взяли верх, стали копать землю в разных местах и дорылись до нового ключа. Вода была здесь смрадная и вредная; иные болели от нее, пухли, другие воздерживались, насколько могли, от питья, терпели жажду, но молчали и сражались...

Между тем русские соорудили деревянную башню в шесть сажен вышиною, ночью тайком пододвинули ее к городской стене, к главным Царским воротам и поставили на башне 10 больших и до 50 малых пушек. Отряд самых искусных стрелков занял ее. С утра следующего дня стали с башни обстреливать город. Стрельцы стояли на башне выше городской стены и могли метко бить из пищалей людей на улицах и дворах; казанцы рыли себе ямы, землянки, прятались в них от русских выстрелов, но сдаваться и не думали, хотя царь им снова делал мирные предложения.

Пять недель почти стояли уже русские под Казанью; укрепления свои они так близко придвинули к городу, что в иных местах только городской ров отделял их от стен. Десятки тысяч бойцов с той и другой стороны пали в лютых схватках. Близилась осень с ее дождями и непогодами, а конца осаде не предвиделось...

В те времена даже и более образованные люди верили в силу волшебства или чародейства. Князь Курбский говорит, что на городские стены при восходе солнца выходили какие-то старцы и бабы и в виду русского войска творили разные чары: «вопили сатанинские слова, махали своими одеждами на русское войско и неблагочинно вертелись», — и тогда вдруг подымался сильный ветер, собирались тучи, хотя раньше небо было совершенно ясно, лил дождь ливнем, и земля на тех местах, где стояли русские, обращалась в болото. Царю посоветовали привезти из Москвы крест с частицею чудотворящего дерева. Когда был привезен этот крест и стали совершать молебствия и крестные ходы, то сила «поганских чар», по словам Курбского, прекратилась.

По свидетельству летописи, были и для православных добрые знамения — набожные люди видели вещие сны: один видел, как святые апостолы благословляли Казань, где должно было водвориться православие; другому святой Николай Чудотворец повелел возвестить царю, что Казань будет взята. Замечен был некоторыми какой-то чудный свет над городом, поднимавшийся столпами... Все эти знамения предвещали успех.

Семь недель уже прошло от начала осады. Царь решился взорвать стену порохом и взять город с бою. Было сделано по его приказу три подкопа. 30 сентября один был взорван. Взрыв разворотил часть стены; множество людей, земли, камней и бревен взлетело на воздух. Казанцы были ошеломлены; русские воспользовались этим, бросились на город через ров, заваливши его турами; закипела страшная битва.

Казанцы бились отчаянно, думали, что пришел их последний час. Грохот пушек, лязг и треск оружия, крики воинов раздавались в густой туче дыма, висевшей над городом. Несмотря на отчаянное упорство татар,

русские были уже на стенах; многие резались с татарами на улицах. Князь Воротынский, отряд которого был в деле, дал знать царю, что русские уже в городе, и просил помощи. Царь не был еще уверен в успехе приступа и приказал отступить; все же русские заняли одну городскую башню, и казанцы не могли, несмотря на все усилия, выбить их отсюда; на месте разрушенных частей стены поставили новые срубы, засыпав их землею, и приготовились опять к обороне.

К 1 октября главные подкопы были готовы, и войску приказано было готовиться к решительному бою. Воины исповедовались и приобщались Святых Тайн; а те, которые были под стенами города, старались под градом пуль и камней завалить ров землей и бревнами, чтобы проложить путь к стенам.

Попытался еще раз царь уладить дело мирно, без кровопролития, послал казанцам сказать, что он пощадит их и никакого зла им не причинят, если они смирятся, будут бить ему челом.

— Не бьем челом, — отвечали в один голос осажденные, — на стене — Русь, в башне — Русь: мы другую стену поставим или погибнем все, или отсидимся!

Кровавой битвы нельзя было миновать. Решено было взорвать подкопы и всеми силами ударить на город на следующее утро к трем часам утра.

В ночь с субботы на воскресенье шли приготовления. Из города видели необычное движение в русском стане — поняли, в чем дело, и готовились тоже к последнему смертному бою...

Занялась заря. Небо было ясное, чистое. Казанцы, готовые к бою, стояли на стенах, русские — в своих укреплениях.

Ни с той, ни с другой стороны не стреляли. Время от времени только звучали то там, то сям трубы и бубны, и

снова наступала полная тишина. То была тишина томительная, зловещая, словно затишье перед грозой...

Царь перед рассветом беседовал наедине со своим духовником, затем стал вооружаться, надевать свой юшман, как вдруг ему почудился колокольный звон из Казани.

— Слышу, — сказал царь своим приближенным, — звон как будто Симонова монастыря!

Это было принято за доброе предзнаменование. Царь пошел к заутрене в свою походную церковь, устроенную в шатре.



И. Коровин Взятие Казани Иоанном Грозным

Князь Воротынский уведомил царя, что розмысл уже все приготовил, 48 бочек зелия (пороху) под город подведено, и мешкать до третьего часа нельзя, потому что из города заметили приготовления... Царь послал возвестить по всем полкам, чтоб все изготавились к бою, отпустил от себя всех воевод по их местам, а своему полку велел ждать себя в урочном месте, сам же хотел прослушать обедню.

Дьякон оканчивал чтение Евангелия, и лишь только возгласил слова: «и будет едино стадо и един пастырь», как грянул взрыв, словно гром, земля дрогнула... Царь выступил немного из церковных дверей и увидел страшное зрелище: дым и земля, взорванная порохом, затмили воздух; бревна, камни и множество людей летело в вышину. Царь вернулся в церковь, чтобы дослушать службу. Только что дьякон произнес слова молитвы за царя: «О еже Господу Богу нашему наипаче поспешите и покорите под ногой его всякого врага и супостата», как разразился второй взрыв, еще сильнее, чем первый. Ужасно было видеть множество истерзанных трупов и искалеченных людей, летящих в воздухе на страшной высоте!..



А. Кившенко Покорение Казани

С криком «С нами Бог!» русское войско со всех сторон кинулось на город. Татары призывали на помощь Магомета и с яростью схватывались с русскими. Жестокая сеча кипела в городских воротах, в проломах и на стенах.

Один из царских приближенных вошел в церковь и сказал государю:

— Государь, время тебе ехать, уже полки ждут тебя!

— Если до конца пения дождемся, — отвечал ему царь, — то получим от Христа совершенную милость.

Явился второй вестник.

— Великое время, — сказал он, — царю ехать, чтоб укрепились воины в бою, увидев его!

Царь глубоко вздохнул, и слезы полились из глаз его.

— Не оставь меня, Господи мой, — молился он, — и не отступи от меня!

Затем он приложился к образу чудотворца Сергия, выпил святой воды, вкусил просфоры, принял благословение и сказал духовенству:

— Простите меня и благословите пострадать за веру Христову, молитесь Бога беспрестанно, помогайте нам молитвою!

Сказав это, царь сел на коня и поскакал к своему полку.

Русские знамена уже развевались на городских стенах. Русские ворвались в город с разных сторон. Особенно лютый бой пришлось выдержать отряду Курбского, который приступал к городу со стороны речки Казанки. Здесь пришлось войску взбираться на гору, где стояла высокая городская башня. Татары подпустили русских близко к стене и затем дали страшный залп из ружей; посыпались на русских и стрелы подобно частому дождю; полетели тучами и камни, побивая рать, словно град ниву. Когда же русские подошли с неимоверным трудом к самой стене, казанцы окачивали их сверху кипящим варом, валили на них с большой высоты огромные камни и грузные бревна. Много погибло тут русских удальцов. Несмотря на отчаянное упорство татар, русские приставили все-таки лестницы и взбирались на стену; иные лезли в окна башни, в проломы. Татары, выбитые из башни, сбитые со стены, обратили тыл.

Лишь только русские ворвались в город, говорит Курбский, как многие из них, падкие до корысти, бросились грабить дома. Да и было на что позариться! Многие дома и лавки полны были золота, серебра, дорогих мехов и камней самоцветных... Иные воины, которые лежали на поле, притворившись тяжело

ранеными или убитыми, вскакивали, бежали в город и принимались усердно за грабеж. Набежали в город даже кашевары и обозные люди и принялись за работу... Татары заметили это и, видя, что против них стоит не особенно много русских воинов, поналегли на них всею силою и стали их теснить — те начали отступать. Тогда страх обуял русских грабителей. Ударились они в бегство: иные из них не попадали в ворота, бросались с захваченным добром через стены, другие кидали и добычу, бежали и кричали впопыхах: «Секут, секут!».

Сам царь, увидев бегущие толпы своих людей, сначала было упал духом; но, узнав, в чем дело, ободрился, послал половину своего полка (10 тысяч человек) на помощь бившимся в городе, а тех, что кидались на грабеж, велел беспощадно убивать. Свежее войско, вступившее в город, помогло сломить отчаянную оборону.



Ф. Солнцев Шапка царства Казанского

В самом городе долго еще кипела яростная свалка. В страшной тесноте трудно было управляться копьями и саблями — враги схватывались руками и резались ножами, попирая ногами мертвых и раненых. Иные воины лезли на кровли домов и оттуда разили врагов. Князь Воротынский просил помощи. Царь послал пеших воинов — конным невозможно было бы и пробраться в тесноте.

Едигер заперся в своем дворце и сильно отбивался от русских, наконец увидел, что тут не спастись ему, ринулся со своим отрядом к воротам, думая прорваться сквозь ряды русских из города; но путь ему заградил отряд Курбского, а сзади напирало главное русское войско.

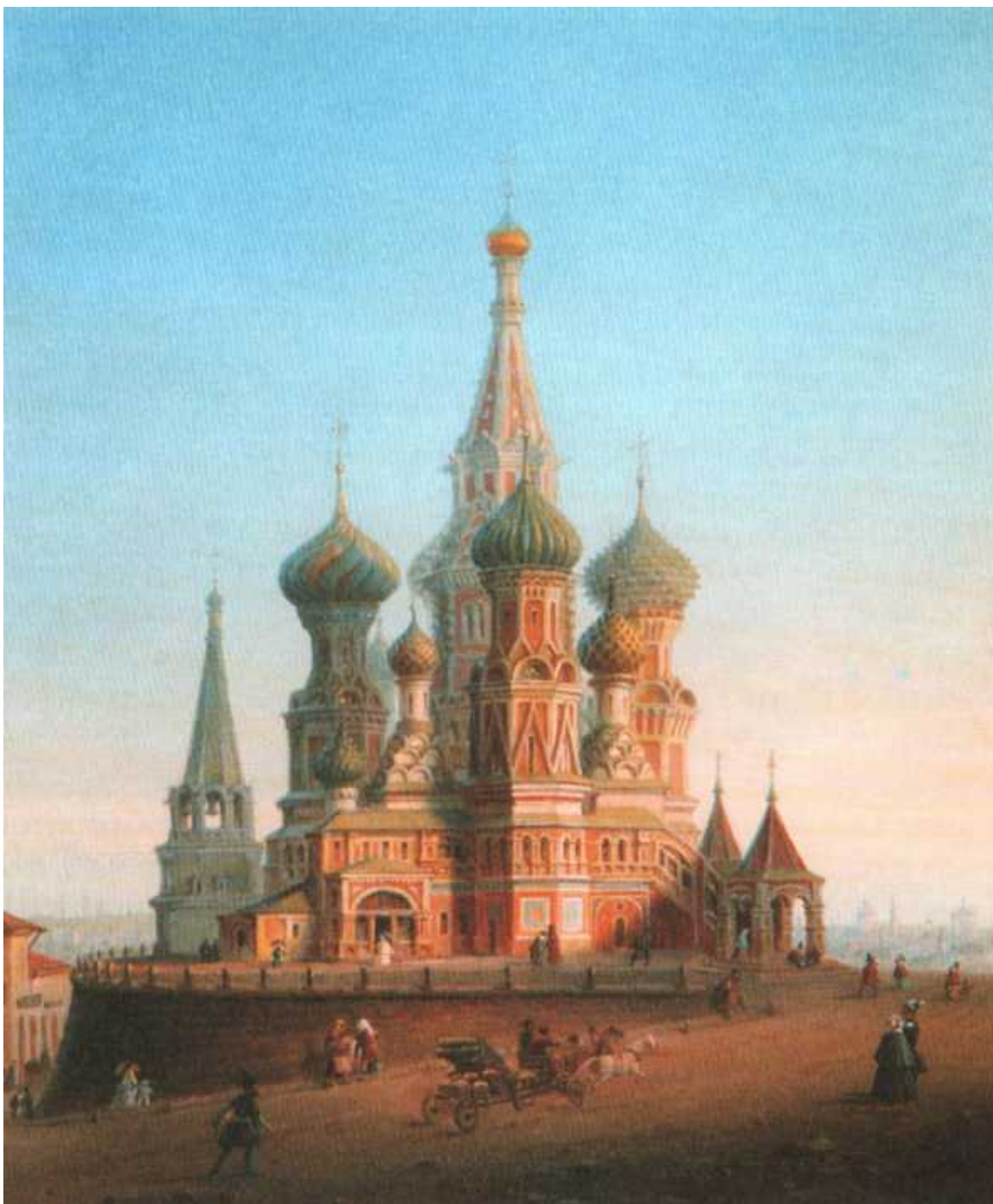
Татары по трупам своих взобрались на башню и закричали русским, что хотят вступить с ними в переговоры.

— Отдаем вам царя своего живым, — кричали они, — ведите его к своему государю; а мы выйдем в поле испытать с вами последнюю чашу в бою!

Выдавши русским своего царя с несколькими вельможами, татары кинулись к берегу Казанки, перешли через реку и думали спастись, но два брата Курбских с несколькими удалцами догнали их и врубались в толпу. Хотя татары и смяли напавших, но подоспели новые русские силы, и казанцам было нанесено окончательное поражение; немногим удалось спастись.

Все вооруженные люди в Казани по приказу царя были избиты без милосердия; забирали в плен только женщин и детей.

Царь велел служить благодарственный молебен под своим знаменем; сам своими руками водрузил крест на том месте, где стояло царское знамя во время взятия Казани, и приказал тут построить церковь во имя Нерукотворенного образа.



А. П. Боголюбов Храм Василин Блаженною

Двоюродный брат царя князь Владимир Андреевич, Шиг-Алей и все воеводы принесли свои поздравления

государю; они сказали: — Радуйся, православный царь, Божьей благодатью победивший супостатов! Будь здоров на многия лета на Казанском царстве, дарованном тебе Богом. Ты воистину по Боге наш заступник от безбожных агарян. Тобою бедные христиане ныне освобождаются навеки, и нечестивое место благодатью освящается, и впредь у Бога милости просим, да покорит под ноги твои всех супостатов твоих!

Царь, по словам летописи, ответил им так: — Бог это совершил твоим, князь Владимир Андреевич, попечением, всего нашего воинства старанием и молитвою всенародною. Да будет воля Господня!

Одна улица в городе, ведшая к царскому дворцу, была по приказу царя очищена от трупов. Это стоило немалого труда: груды тел лежали на улицах, горы их были у стен; рвы были наполнены ими, поле усеяно. Все свидетельствовало о страшной лютости боя.

Царь, окруженный своими воеводами, въехал в Казань. Несколько тысяч православных, томившихся в казанской неволе и теперь освобожденных, кланялись царю в землю и кричали:

— Избавитель ты наш! Ты спас нас из ада! Ты ради нас, несчастных, не щадил своей головы!

Все православные были в большой радости. Да и как было им не радоваться? «На том месте, — говорит летописец, — где прежде водворялись нечестивые цари и много лет проливалась кровь бедствующих христиан, теперь воссияло праведное солнце, животворящий крест, образ владыки нашего Христа и Пречистой Его Матери и великих чудотворцев!».

Царь приказал тушить пожар, пылавший еще в некоторых частях города, и очистить улицы от трупов. На свою долю царь взял только знамена, пушки городские да Едигера, с которым обошелся весьма милостиво; все же богатства Казани и всех пленных, жен и детей отдал в добычу своему войску.

Наместником в Казань назначен был князь Александр Борисович Горбатый.

С великим торжеством вернулся государь в Москву. Здесь были устроены ему торжественные встречи.

Многие казанские князья крестились и вошли в число московских бояр; Едигер тоже принял крещение и наречен был Симеоном.

В память покорения Казани был тогда заложен в Москве, на Красной площади у Кремля, храм Покрова Богородицы. Теперь этот храм обыкновенно называют церковью Василия Блаженного, так как здесь покоятся святые мощи этого юродивого. Здание это представляет очень любопытный памятник своеобразного и затейливого зодчества. Строитель храма, несомненно, был человек весьма талантливый; имя его, к сожалению, неизвестно. В народе сложилось даже баснословное предание, будто царь, восхищенный красотой здания, велел выколоть глаза зодчему, чтобы он не мог нигде в чужом краю выстроить ничего подобного.



***К. Рабус Внутренний вид нижней церкви храма
Василия Блаженного в Москве***

Покорение Казани было великим событием в глазах всех русских: в нем видели победу христианства над басурманством — победу над исконными врагами, разорявшими Русскую землю, уводившими в тяжкую неволю толпами христиан. Победа эта стоила гораздо больше усилий, чем взятие Новгорода или Смоленска; по силе и упорству борьба с Казанью напоминала даже Куликовскую битву. Притом и следствия этого завоевания были чрезвычайно важны: теперь Волга — самый важный путь для торговли с Востоком — попала в руки русских; главного торгового соперника на этом пути и врага, мешавшего не только торговле, но и мелким промыслам, не стало, и русское население

начинает мало-помалу заселять богатые приволжские земли.

Упорство татар, страшная лютость боя и ужасное действие пороха сильно врезались в память участников боя и в память народа, среди которого, конечно, распространились рассказы очевидцев казанского взятия.



Е. Принцев Астраханский кремль

Вспоминает и до сих пор наш народ в своих песнях,

Как царь-государь
Под Казань подступал,
Как под речку, под Казанку,
Подкоп подкопал,
Сорок бочек закопал,
Что с тем ли ярым зельем,
Черным порохом,
А на бочки становили
Воску ярова свечи.

Показалось царю, говорится в песне, что долго те свечи не догорают; начал он уже и гневаться и казнью грозить пушкарям и зажигалыщикам, да один из них был посмелее, стал говорить царю, что в тиши (под землею) свечи тише горят, но

Не успел пушкарь
Слово вымолвить,
Как и взорвало стену
Белокаменную,
Поломало все башенки
Узорчатые.

В другой песне народ представляет по-своему и ужас побоища:

Казань-то город во крови стоит,
Казанка-то речка кровью протекла,
Мелкие ручьи горячими слезами;
По лугам — лугам да все волосы.

По горам — горам да все головы.
Да все головы разнообразные...

Пять лет пришлось еще русским воевать в Казанской области, чтобы окончательно покорить обитавшие здесь полудикие племена: мордву, черемису, вотяков, чувашей и башкирцев. Мешали русским утвердиться в Приволжье и орды ногайских татар; их подбивал к борьбе с русскими турецкий султан: трудно было мусульманам примириться с мыслью, что богатый край уходит из их рук и многие магометане становятся данниками христиан. К счастью для Москвы, ногаи не могли действовать дружно: постоянные распри и раздоры шли между их князьями: иные из них искали даже сами защиты Москвы и боролись против своих же единомерцев.

Один из этих ханов искал помощи московского царя против астраханского хана Ямгурчея, с которым были у царя и без того свои счеты: в Астрахани оскорбили и ограбили русского посла; притом Ямгурчей дружил с крымским ханом, врагом Москвы. В 1554 году русская рать в тридцать тысяч человек под начальством князя Пронского спустилась по Волге под Астрахань. Хан бежал, даже и не пытался обороняться, и город занят был совсем без боя. Сначала посажен был здесь ханом подручник московского царя — Дербыш, обязанный платить дань; но когда он стал кривить душой, тайно сноситься с Крымом, то был изгнан в 1556 году, и Астрахань окончательно присоединена к Москве. Теперь вся Волга с ее устьем была в руках русских.

Крымский хан не сумел помешать русским утвердиться ни в Казани, ни в Астрахани, но сильно злобился и старался всячески вредить русским — искал всякого удобного случая внезапно напасть на русские окраины.

Сильно страдал народ от этих разбойничьих наездов. Татары свирепствовали, как и встарь: села и города выжигали, жителей одних избивали, других целыми толпами угоняли к себе в неволю. Русские ставили, как и прежде, по всей южной окраине острожки, устраивали засеки в лесах против пути, рыли рвы, заваливали дороги срубленным лесом, даже в реках по дну вколачивали острые колья по тем местам, где можно было перейти вброд. Царь приказал усилить сторожевые отряды по южной границе. Но что особенно важно — с этого времени и русские стали донимать крымцев внезапными наездами на их земли. Легкие отряды удальцов спускались по Дону или по Днепру и громили улусы в самом Крыму. Иногда эти наезды были очень удачны: так, в 1559 году Даниил Адашев с небольшой легкой ратью пробрался в самый Крым и наделал крымцам большого переполоха, разгромил несколько улусов и вывел из плена много русского люда.



А. Орловский Бивак казаков

В это время на Дону и на Днепре складывалось уже сильное казачество, с которым все труднее и труднее было справляться крымцам. Легкие казацкие отряды нередко спускались на челнах по рекам, нежданно-негаданно являлись в Крыму и хозяйничали там так же, как татары на Руси.

Книгопечатание в Москве

«Старые обычаи поисшатались» — вот на что указывали на Стоглавом соборе как на главную причину всех церковных неурядиц. Восстановить старые порядки и сохранять их во всей их чистоте стало главной задачей духовенства. Из писателей того времени разве только один Максим Грек вполне ясно понимал, что этого мало и русским необходимо более всего просвещение, пробуждение живой мысли... Другие же самые видные писатели искали спасения только в соблюдении «святой старины».

Весьма важным памятником этого времени надо считать «Четьи-Минеи» митрополита Макария. В этом огромном труде (12 больших книг) собраны были жития святых, слова и поучения на их праздники, их творения всякого рода, целые книги Святого Писания и толкования на них. Двенадцать лет под руководством Макария трудились переписчики над этим сборником. Другой труд тоже очень важный — это «Кормчая книга» — сборник церковных законов, постановлений и правил русских князей и святителей. Наконец, Макарию приписывают и составление сборника сведений по русской истории под названием «Степенной книги». Все эти труды представляли опору для сохранения старины, давали духовное оружие для борьбы с разными «новшествами» и «мнениями», которых боялись пуще огня; о них даже говорили: «всем страстям мать — мнение; мнение — второе падение», боялись тем более, что в ту пору на Западе «новшества» и «мнения» «люторской ереси» расшатывали старый строй церкви.



Апостол Москва. 1564 год

Но как ни заботились о том, чтобы никакие «мнения» не проникли в Русскую землю, все-таки в это время (1553 год) проявилась здесь ересь Матвея Башкина и Феодосия Косого. Башкин наслушался «западных умствований» и сам стал по своему разуму объяснять Священное Писание и говорить «недоуменные речи» и нашел себе последователей в Москве. Ересь, однако, была открыта, созван был собор для суда над еретиками. Оказалось, что они, подобно жидовствующим, отвергали божество Сына и равенство Его с Богом Отцом, таинство причащения и покаяния, почитание икон, святых и прочее. Феодосий Косой, монах Кириллова монастыря, зашел в ереси еще дальше.

Башкина и его сторонников разослали по монастырским тюрьмам. Феодосию, однако, удалось бежать в Литву, где он продолжал распространять свою

ересь. Особенно сильно писал против еретиков Зиновий Отенский (Отень монастырь недалеко от Новгорода).

Борьба с ересью, желание сохранить незыблемо старину заставляли более всего подумать о том, как бы церковные, богослужебные книги охранить от порчи: книги на Руси тогда были по-прежнему рукописные. Обыкновенно при монастырях и при епископах были «доброписцы», которые занимались перепискою книг из усердия и любви к делу. Кроме того, были в городах писцы, которые промышляли перепискою как богослужебных, так и всяких «четьих книг», которые продавались обыкновенно на торжищах.



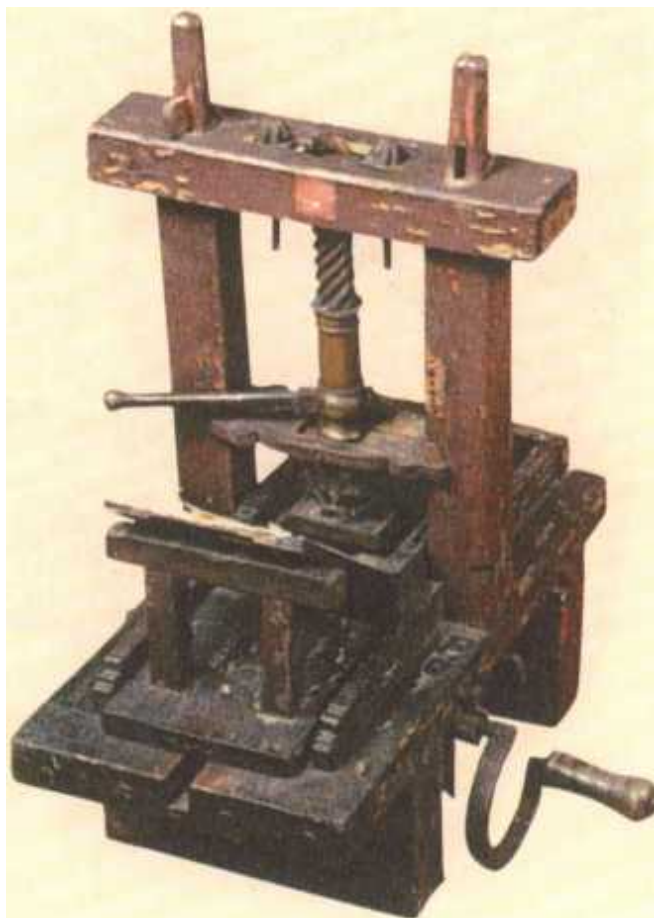
***А. Любимов Проект памятника первому русскому
типографу Ивану Федорову в Москве***

Когда по взятии Казани стали строить в новозавоеванной земле новые церкви, то потребовалось много богослужебных книг, и царь приказал скупать их — оказалось, что из огромного числа купленных рукописных книг очень немногие были годными; в других же было так много пропусков, ошибок, описок,

искажений, ненамеренных и намеренных, что исправить их не было возможности. Это обстоятельство, по мнению некоторых, навело царя на мысль завести в Москве книгопечатание. Уже сто лет прошло с тех пор, как типографский станок начал работать в Западной Европе, а в Москве о печатании книг и помину не было до 1553 года. Когда царь сказал митрополиту Макарию о своем намерении, оно пришлось тому очень по душе.

— Эта мысль, — сказал он, — внушена самим Богом, это — дар, свыше исходящий!

Тогда царь велел строить особый дом для помещения типографии и приискивать мастеров. Постройка дома, или Печатного двора, как называли его, длилась десять лет. Наконец, в апреле 1563 года началось, а 1 марта 1564 года кончено печатание первой, напечатанной в Москве книги «Деяния апостольские».



Станок Московского печатного двора XVI век

Главным мастером в первой русской типографии был русский человек — дьякон Иван Федоров, а главным сотрудником его — Петр Тимофеев Мстиславец. Иван Федоров, как видно, хорошо изучил свое дело, быть может, в Италии: он не только умел сам набирать и печатать книги, но и отливать очень искусно литеры. Эти же мастера в следующем году напечатали еще Часовник, а затем должны были бежать из Москвы: их обвинили в ереси и порче книг. Говорят, что недруги русских первопечатников подожгли даже и Печатный двор. Сам Иван Федоров рассказывал, что бежать из Москвы его заставило «презельное озлобление от многих начальник и учителей, которые на нас, зависти

ради, многие ереси умышляли, хотели благое дело во зло превратить, и Божье дело вконец погубить».

Первые русские печатники бежали в Литву и здесь продолжали заниматься своим делом; однако и после их бегства печатное дело в Москве снова было восстановлено, но велось в таких незначительных размерах, что не могло вытеснить из употребления рукописных книг, писанных малограмотными писцами.



Книжный знак Ивана Федорова

Войны со Швецией и Ливонией

Близкие к царю люди после взятии Казани советовали ему совсем покончить и с Крымом; завоевать его казалось делом нетрудным; но царь не послушался этого совета: между Крымом и московскими владениями были огромные незаселенные степи, где кочевали разбойничьи татарские шайки: много военных сил надо было, чтобы удержать Крым в руках; притом пришлось бы вести войну и с турками, так как крымский хан был подручником султана.

Другие думы в ту пору занимали царя.

Сильно уже сказывалась надобность сблизиться с Западом. После взятия Новгорода и Пскова торговля с иноземцами здесь сильно упала, а между тем на Руси промышленность, особенно обрабатывающая, была очень слаба — многие иноземные товары нужны были в Москве; нужны были и знающие иностранцы, «хитрые мастера», которые умели хорошие пушки и пищали лить и хитрые дела с порохом делать. Кто знает, сколько бы русской крови напрасно пролилось под Казанью, если бы не было у царя иноземных розмыслов?

Начинали понимать лучшие люди в Москве настоящую цену знания и мастерства. За ними-то и тянулись к Западу.

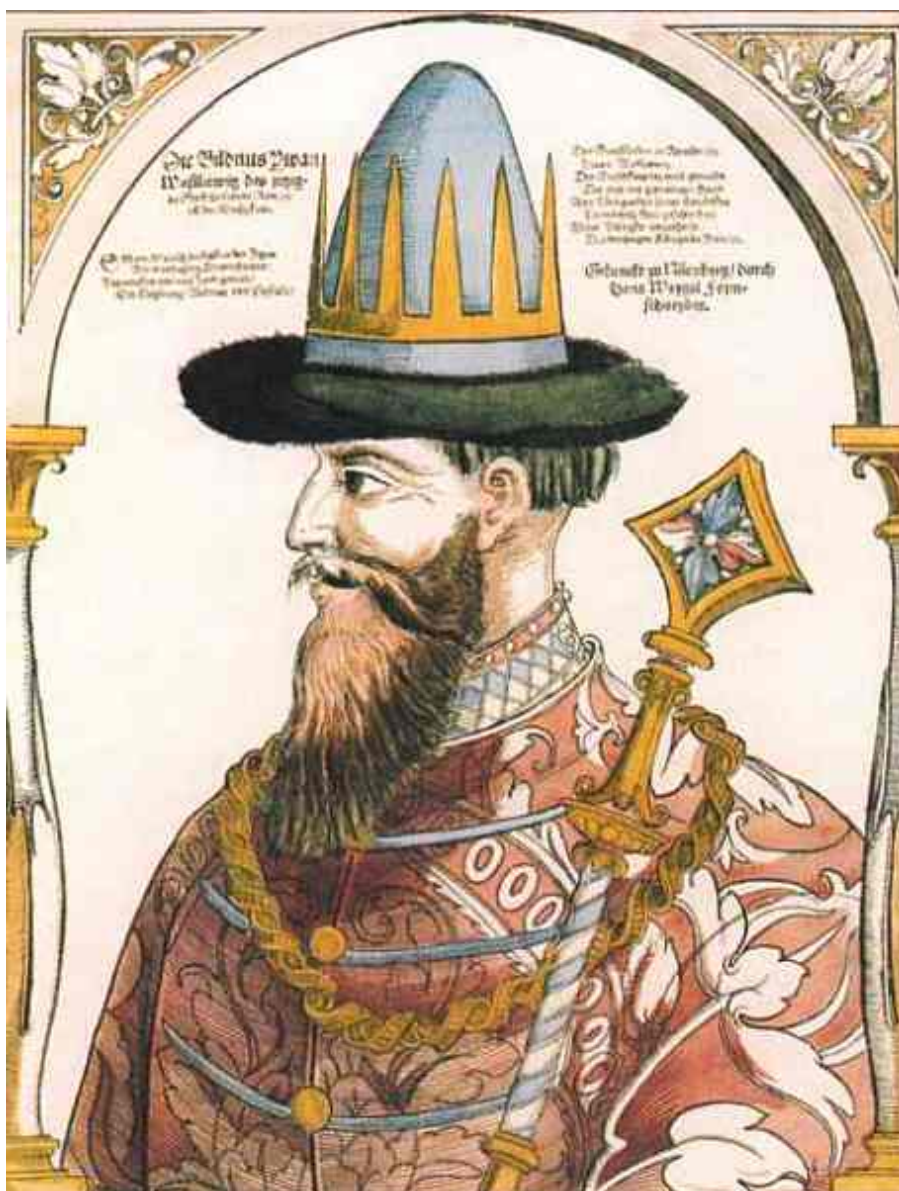
Еще в 1547 году поручено было от имени царя немцу Шлитте нанять за границей в русскую службу «хитрых мастеров». Он подрядил 123 человека, знающих разные искусства и ремесла. Между ними были зодчие, литейщики, слесаря, рудокопы и прочие. Они уже готовились из Любека отправиться морем в Московию; но об этом проведали ливонцы и стали всячески хлопотать у городского начальства Любека, чтобы этих

мастеров не пускали в Московию. По проискам ливонцев Шлитте был посажен в тюрьму, и все дело расстроилось.

Страшна становилась Московия своим западным соседям, и сильно опасались они, чтобы европейские знания и искусства, особенно же военное, не усилили ее еще более, — вот почему ливонцы всеми мерами старались помешать русским сблизиться с Западной Европой.

Но все-таки, несмотря на все помехи и происки соседей-врагов, у русских мало-помалу завязывались сношения с Западом; нуждались русские в европейских товарах, но нуждались и западноевропейские промышленники и торговцы в новых рынках для сбыта своих произведений, в новых путях для торговли. В Англии в это время составила компания (общество) с тем, чтобы изыскать более удобные и короткие пути в богатую Индию и Китай через северные страны Европы. Общество снарядило три корабля с целью попытаться по Северному океану проплыть в Тихий океан. Два корабля были затерты льдами у мурманского берега; все люди, в том числе и начальник предприятия Вилогби, замерзли; но третий корабль зашел в Белое море, пристал 24 августа 1553 года при устье Северной Двины, близ Холмогор. Капитан корабля Ченслер завел сношения с холмогорским начальством; затем отправился в Москву, где царь принял его весьма милостиво, обласкал и дал ему дружелюбную грамоту к английскому королю с приглашением начать переговоры о торговле. В 1555 году Ченслер вторично приехал в Москву, уже как королевский посол, и выхлопотал льготную грамоту: англичанам дано было в торговле важное преимущество (привилегия) — они получили право торговать безданно, беспошлинно и в Москве, и в других русских городах. С этого времени начались с Англией дружественные сношения, а немного времени спустя и с голландцами.

Но сношения с Европой через Белое море были неудобны: большую часть года оно для торговли было закрыто льдами Северного океана, да и путь от Белого моря до Москвы по северному малонаселенному краю был и длинен, и труден. Берега Балтийского моря для сношений с Западом были гораздо удобнее; здесь-то и задумал царь утвердиться. Но два врага зорко стерегли от русских эти заветные берега: то были шведы и ливонцы.



Царь Иоанн IV Васильевич Грозный Гравюра XVI века

Со шведами не раз уже возникали пограничные ссоры. В 1554 году они привели к войне. Она шла без особенного успеха для той и другой стороны: напрасно шведы пытались взять русскую крепость Орешек; не могли и русские осилить Выборга, но зато окрестные места около него страшно опустошали. Наконец шведский король запросил мира.

Королевская грамота начиналась очень смиренно: «Мы, Густав, Божьей милостью Свейский, Готский и Вендский король, челом бью государю Ивану Васильевичу о твоей милости».

Напротив того, из ответной грамоты московского царя видно, что он свысока смотрит на шведского короля: «Мы для королевского челобитья, — говорится в ней, — разлитие крови христианской велим унять. Если король свои гордостные мысли оставит и за свое клятвопреступление и за все свои неправды станет нам бить челом покорно, то мы челобитье его примем».

Мир со шведами был заключен. Шведским купцам дано было право ездить через русские земли в Индию и Китай; зато русские могли через Швецию ездить в западные европейские города.

Порешил Иван Васильевич свести счеты и с Ливонией. Не забыл он ливонских происков по делу Шлитте; но был и другой предлог к войне. Лет пятьдесят уже прошло с тех пор, как Ливония не платила Москве условленной раньше дани. Московские государи, занятые другими, более важными делами, оставляли Ливонию в покое, не выправляли этой дани. В 1554 году Иван Васильевич потребовал уплаты ее за все пятьдесят лет.

Московские бояре говорили ливонским послам: — Ливонская земля — извечная отчина великих князей, и ливонцы должны платить дань.

Ливония в это время находилась в жалком состоянии. Цветущая пора ордена меченосцев миновала. Рыцари уже не были прежними грозными бойцами: они обратились в богатых помещиков, баронов, живших в свое удовольствие, в неге и в роскоши на счет поработанного народа. Простой народ — латыши и финны — ненавидели своих владык-немцев. Бароны враждовали с духовенством, не ладили и между собой. Торговые города стремились к полной независимости. Все шло врозь в Ливонии, и потому она была легкой добычей.

В Москве хорошо это понимали; царь решил добывать Ливонию. Не осмелились литовцы отказаться от уплаты дани; епископ Дерптский обязался в три года уплатить ее, но исполнить обязательства не смог. Уже при заключении этого договора на сейме русский посол грозил: — Не будете платить дани государю моему — сам соберет!

Срочные три года прошли, а дань не была выплачена.

В 1557 году явились в Москву ливонские послы без денег с просьбой, чтоб дань была с них сложена.

От имени царя было им объявлено, что договор ими нарушен, и если дань не уплачивается, то государь будет ее, «положа упование на Бога, сам искать на магистре и на всей Ливонской земле». Послов он не пустил к себе и на глаза.



***П. Соколов-Скаля Взятие Иваном Грозным
ливонской крепости Кокенгаузен***

Испуганные ливонцы снарядили новое посольство к царю просить хоть об уменьшении дани. Переговоры опять не привели ни к чему: послы приехали с пустыми руками. Один из немецких летописцев рассказывает, будто ливонских послов пред их отъездом в насмешку пригласили к царскому столу и подали им пустые блюда.

Большое войско, состоящее более чем наполовину из татар, по приказу царя вторглось в начале 1558 года в Ливонию. Началось страшное разорение на пространстве 200 верст; побивали нещадно не только вооруженные отряды, но и жителей немецкого происхождения.

После этого нашествия начальники русской рати: Шиг-Алей, бояре и воеводы послали ливонскому

магистру грамоту, в которой говорилось: «За ваше неисправление и клятвопреступление государь послал на вас войну, кровь пролилась от вас. Если хотите исправиться и кровь унять, то присылайте к государю с челобитьем, а мы все станем за вас просить».



Неизвестный художник Царь Иван Васильевич

На Ливонском сейме решено было искать во что бы то ни стало мира с царем. Кое-как с большим трудом собрали деньги для уплаты дани. Положение Ливонии было плачевное: не было ни средств, ни войска, ни того единодушия, какое необходимо для стойкого отпора сильному врагу. Царь согласился на переговоры и

приказал было прекратить войну. Но жители города Нарвы, несмотря на остановку с русской стороны военных действий, продолжали обстреливать соседнюю русскую крепость Ивангород, и потому война продолжалась.

Послам ливонским, прибывшим в Москву, бояре заявили: — Если ваш магистр и все рыцари и бискупы (епископы) хотят отворотить гнев государя и его силу ратную от своей земли, пусть сделают так, как сделали царь казанский и астраханский, пусть сами явятся к царю и ударят челом всею ливонскою землею, а потом поступят так, как будет угодно царю.

Требовалась, значит, от ливонцев полная покорность, а они рассчитывали было, уплатив дань, остаться по-старому в независимости от Москвы. Хотя потом в переговорах были сделаны некоторые уступки в пользу Ливонии, но все же мир не мог состояться.

Война со всеми ее ужасами продолжалась. Некоторые города сдавались без отпора, другие взяты были осадой или с бою. Ливония гибла под ударами русских. Обороняться ей было невмочь. Напрасно лучшие из ливонцев призывали своих соотечественников к пожертвованию имуществом, говорили о необходимости единодушия, указывали на то, что на чужую помощь рассчитывать нечего, что чужой защитник Ливонии будет вместе с тем и ее поработителем. Напрасно раздавались горячие речи. Проповедовалось это «глухим», по словам современника.

Бросились ливонцы за помощью во все стороны: обратились к германскому императору, но безуспешно: им отвечали, что «ему невозможно все христианство на всех местах даже от одних турок оборонять». Дания, Швеция и Польша обещали на просьбу ливонцев помочь своим посредничеством; но это ни к чему не привело.

— Ливония — земля царская, — отвечали в Москве польскому послу, когда тот заикнулся было о

Ливонии, — царь наказывает своих строптивых подданных.

— Захочет магистр государева жалованья, — отвечал царь на просьбу магистра унять войну, — то он сам бил бы челом, а по его челобитью смотря, и государь его пожалует!

А уже Нарва, Нейгауз, Дерпт и другие города, всего до двадцати, были взяты русскими. Спасения ливонцам не было!..

Тогда решено было отдаться под власть польского короля: ливонское дворянство рассчитывало, что ему будет легче под зависимостью магнатской Польши, чем Москвы. Магистр Кеттлер получил в наследственное владение Курляндию — земли к западу от Двины. Остров Эзель попал под власть Дании, а Ревель — Швеции. Польский король обязался по договору 1561 года защищать Ливонию от Москвы.

Войны с Польшей царю нельзя было миновать. В эту пору начинаются в Москве новые порядки.

Удаление Сильвестра и Адашева

То время, когда Сильвестр и Адашев были близки к Ивану Васильевичу, считается лучшею порою его царствования.

Современники не находят слов для похвалы царю: к вельможам, к народу был он, говорит летописец, ласков, всех награждал по достоинству, к бедным был щедр и милостив; заботы его были всецело отданы народному благу. Иноземцы, знавшие его или слышавшие о нем от очевидцев, не меньше хвалят его. Царь Иоанн, пишут они, затмил своих предков и могуществом, и добродетелью. Много у него внешних врагов, но все они ужасаются русского имени. К подданным он снисходителен, приветлив, любит разговаривать с ними, часто дает им обеды во дворце и, несмотря на то, умеет быть повелительным — скажет боярину: «Иди!» — и тот бежит; изъявит свою досаду вельможе — и тот в отчаянии и так далее. Словом, нет народа в Европе более русских преданного своему государю, которого они равно и страшатся, и любят.

Таков был, по словам современников, юный самодержец в ту пору, когда подле него были такие люди, как Сильвестр и Адашев. Государь им вполне доверял: Сильвестра величал отцом своим, Адашева считал ближайшим другом. Когда приходилось избирать какого-нибудь духовного сановника, царь посылал Сильвестра побеседовать с ним, изведать его ум и нрав; такое же значение имел Адашев в делах гражданских и военных. Много хороших людей таким образом получили власть и силу.

Юному царю, начавшему царствовать в тяжелую пору, после боярского самоуправства, после страшного московского пожара и народного мятежа, нужны были

такие честные и разумные советники, как Сильвестр и Адашев. Но вот народ поуспокоился, управление улучшилось, Казанский поход кончился очень счастливо, царь возмужал, стал увереннее в самом себе; теперь он начал высказывать желание жить больше своим умом: так, после взятия Казани задумал он завоевать Ливонию, а Сильвестр настоятельно советовал ему покорить Крым, но Иван Васильевич не послушался и начал Ливонскую войну. Умный и твердый нравом Сильвестр был из тех людей, которые любят, чтобы другие во всем их слушались; наставительная речь его и охота во все входить, даже в мелочи, начинала уже, видимо, тяготить возмужавшего и самолюбивого царя, тем более что прямодушный наставник не умел хитрить, управлять волею царя ловко, незаметно для него. Но все-таки глубокое уважение и любовь к Сильвестру и Адашеву еще крепко связывали царя с ними.



Вскоре после взятия Казани дело изменилось... Царь сильно занемог. Опасались скорой его кончины. По совету, вероятно, братьев жены, он пожелал распорядиться престолонаследием. В своем завещании он назначил наследником сына своего Димитрия, недавно родившегося. Это значило, что власть до совершеннолетия его должна попасть в руки Захарьиных. Когда князь Воротынский от имени царя начал приводить к присяге его двоюродного брата, Владимира Андреевича Старицкого, и бояр, то князь Владимир отказался присягать ребенку; многие бояре тоже стали противиться этому, говоря, что они не хотят повиноваться Захарьиным: боярское правление было еще у всех свежо в памяти. Спор, шумные речи бояр, даже брань услышал царь из своей опочивальни и обратился к ним с такими словами: — Если вы Димитрию, сыну моему, не целуете креста, стало быть, у вас есть другой государь; а ведь вы не раз целовали мне крест, что мимо меня государей вам не искать. Теперь я велю вам служить сыну моему Димитрию, а не Захарьиным, а вы души свои забыли, нам и детям нашим служить не хотите, в чем нам крест целовали, того не помните. Кто не хочет служить государю-младенцу, тот и большому не захочет служить, и если мы вам не надобны, то это на ваших душах!

В ответ на это окольный Федор Адашев, отец царского любимца, высказался откровеннее других: — Тебе, государю, и твоему сыну, царевичу Димитрию, крест целуем, а Захарьиным, Даниле с братьею, нам не служить: твой сын еще в пеленках, и властвовать над нами будут Захарьины, а от бояр в твое малолетство мы видывали многие беды.

Некоторые присягнули, а другие стояли на том, что лучше служить князю Владимиру Андреевичу, чем попасть в руки к Захарьиным.

Царь лично потребовал у князя Владимира, чтобы он присягнул, но тот противился.

— Знаешь сам, — сказал ему царь, — что станется на душе твоей, если креста не хочешь целовать!

Затем царь обратился к боярам, давшим присягу, и сказал: — Бояре, я болен, мне уж не до того; а вы, на чем мне и сыну моему Димитрию крест целовали, по тому и делайте!

Эти бояре стали настоятельно требовать у сторонников Владимира Андреевича, чтобы они не выходили из царской воли и присягнули Димитрию. Снова поднялись споры, шум и брань...

Владимира Андреевича некоторые корили за то, что он и его мать в это время раздавали деньги своим служилым людям, как бы задабривая их... Его даже стали бояться — не хотели пускать к больному государю. Сильвестр, молчавший до тех пор, вступился за князя.

— Зачем вы не пускаете князя Владимира к государю, — сказал он боярам, — он добра хочет государю.

Бояре отвечали, что они поступают по присяге царю и сыну его и заботятся о том, «как бы государство их было крепче».

С этих пор началась рознь и вражда у присягнувших бояр с Сильвестром и его сторонниками.

На другой день царь призвал бояр и снова требовал от них присяги, говорил, что по тяжелой болезни он сам не может приводить к присяге, и поручил это дело боярам — князьям Мстиславскому и Воротынскому. При этом царь сказал присягнувшим боярам:

— Вы дали мне и сыну моему душу на том, что будете нам служить; а другие бояре сына моего на

государстве не хотят видеть; так если по воле Божией умру, то вы, пожалуйста, не забудьте, на чем мне и сыну моему крест целовали: не дайте боярам сына моего извести, но бегите с ним в чужую землю, куда Бог вам укажет... А вы, Захарьины, думаете, что бояре вас пощадят? — вы у них будете первые мертвецы, так вы бы за сына моего и за его мать умерли, а жены моей на поругание не дали.



***В. Мейер Поход русских войск во главе с воеводой
Данилой Адашевым к Черному морю против
крымского хана. 1559 год***

Из этих слов видно, какие тяжкие и мрачные мысли о судьбе семьи обуревали душу больного царя и как он смотрел на бояр, не хотевших присягать его сыну. Они испугались слов царя, увидели, что он смотрит на них как на изменников, готовых даже погубить его семью, и

стали давать присягу... Некоторые присягали только из страха, боясь, что им плохо придется от царя в случае его выздоровления. Не обошлось и тут без пререканий и жестких слов между боярами. Князя Владимира Андреевича, по свидетельству одного летописца, бояре насильно заставили присягнуть — объявили ему, что иначе не выпустят его из дворца.

Царь выздоровел. Понятно, какие чувства должен был питать он к боярам, которые так долго и упорно противились его воле; у него, конечно, была причина сильно страшиться за участь своей семьи в случае, если бы царем стал Владимир Андреевич, который мог живо помнить расправу с отцом своим и дядею. И вот между непокорными боярами, стоявшими за Владимира, царь видит людей, самых близких к Сильвестру и Адашеву. Отец Адашева прямо высказывает нежелание служить царским родичам; сам Сильвестр заступает за Владимира Андреевича, а Алексей Адашев хотя и присягает, но голоса его, убеждающего повиноваться царской воле, не слышно среди боярских споров...

Конечно, царю особенно тяжело было видеть, что те люди, которых он глубоко уважал, с которыми делил свою душу, склонялись на сторону врагов его только потому, как он думал, что не ладили с братьями царицы. Он не думал, что Сильвестр и Адашев, оставаясь вполне преданными ему, могли думать и о благе всего народа, могли искренно бояться боярского правления, от которого только что успела отдохнуть Русская земля.



К. Лебедев Царь Иоанн IV Грозный просит игумена Кирилла благословить его в монахи

Недоверие даже к близким людям, подозрительность, опасливость, которые улеглись было в душе Ивана Васильевича, снова заговорили в нем, но пока еще он не трогал ни Сильвестра, ни Адашева, ни близких к ним людей.

Царь дал обет по выздоровлении поехать на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь и в начале весны отправился в путь. Вопреки совету Максима Грека, к которому заехал он в Троицкий монастырь, он продолжал путь с женой и малюткой-сыном.

На пути царь заехал в Песношский монастырь, где жил в заточении Вассиан Топорков, бывший коломенский епископ и любимец Василия Ивановича. Попал в заточение он во время боярского управления.

Курбский рассказывает, будто Иван Васильевич, беседуя с Вассианом, спросил у него:

— Как должен я царствовать, чтобы вельмож своих держать в послушании?

А Вассиан в ответ царю прошептал: — Если хочешь быть самодержцем, не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя: если так станешь поступать, то будешь тверд на царстве и все будет в твоих руках; если же будешь иметь при себе людей умнее себя, то будешь поневоле слушаться их.

— И сам отец мой, если бы жив был, не дал бы мне такого полезного совета! — сказал царь и поцеловал руку хитрому старцу, умевшему угадать, что придется особенно по сердцу ему.

Курбский говорит, будто бы от этого злостного совета и началась беда; но и раньше уже, как сказано, царь стал враждебно смотреть на бояр.

Поездка царя на богомолье кончилась несчастьем: маленький сын его скончался.

Хотя Сильвестр и Адашев все еще были близки к государю, но холодность его к ним заметно возрастала. Опека этих людей, превосходство которых над собою он чувствовал, тяготила его; притом были, конечно, и люди, которые возбуждали его против Сильвестра и Адашева, наговаривали на них. Так дело шло до весны 1560 года.

Прежние любимцы и ближайшие советники царя скоро и сами почувствовали неловкость своего положения... Адашев отправился воеводою в Ливонию, где шла тогда война, а Сильвестр удалился в Кириллов монастырь.

В этом же 1560 году на царя обрушилось новое несчастье: любимая супруга его царица Анастасия скончалась. Он был в большом горе. Этим печальным случаем воспользовались недруги Сильвестра и Адашева, чтобы доконать их — пустили в ход молву, что Анастасия изведена их чарами...

Хоть и нелепы были эти рассказы, но нашлись люди, готовые верить им, тем более что покойная царица была не в ладах с Сильвестром и Адашевым. Слушал эти рассказы и сам царь. Узнав о клевете, изгнанники писали к царю, умоляли его, чтобы наряжен был суд, чтобы дали им очную ставку с клеветниками; но последние, конечно, пуще всего боялись встретиться лицом к лицу с обвиненными, которые, несомненно, доказали бы всю нелепость гнусной клеветы.



П. Плешанов Иван Грозный и Сильвестр

Стали тогда враги Сильвестра и Адашева выговаривать царю, что этих изгнанников опасно ему и на глаза себе пускать; что они одним взором своим могут снова заморозить его, поработить по-прежнему его царскую волю своей. Пугали царя и тем, что народ и войско очень расположены к Сильвестру и Адашеву и может подняться из-за них мятеж.

Ненавистники прежних царских любимцев старались подействовать на царя и страхом, и лестью; говорили ему между прочим о них:

— Они тебя держали до сих пор как в оковах. По их приказу ты пил и ел; ни в чем они не давали тебе воли, ни в большом, ни в малом, не давали тебе ни людей твоих миловать, ни царством твоим владеть. Если бы не они при тебе были и не держали тебя как в узде, то ты владел бы теперь почти всею вселенною. Теперь, когда ты отогнал их от себя, то пришел в свой разум, открылись твои очи, смотришь свободно на свое царство и сам один управляешь им.

Подобные речи, конечно, приходились по душе самолюбивому Ивану Васильевичу.

Суд над Сильвестром и Адашевым был произведен заочно, несмотря на заявление митрополита и еще нескольких благомыслящих людей, что надо призвать и выслушать подсудимых; их заочно и без явных улик признали виновными. Сильвестр был сослан в Соловецкий монастырь, а Адашева заключили в Дерпте, где он месяца через два и умер от горячки. Враги его распустили молву, будто он не мог вынести, что измена его открыта, и отравился ядом.

Недруги Сильвестра и Адашева торжествовали.

Иные люди стали теперь подле царя, иные и порядки начались. Хотел царь быть настоящим самодержцем, но,

на беду, был рабом своих страстей. Пока были пред его глазами люди высокого ума, ревнители добра и правды, и он проникался добром и правдою, уважал своих умных советников, свои помыслы направлял ко благу народа... Суровый Сильвестр умел в душу царя вселить чувство страха Божия, умел действовать на его пугливую совесть; любящая и любимая его супруга Анастасия своею любовью и кротостью смирляла буйные порывы его. Но вот не стало подле него ни жены, ни Сильвестра, ни других добрых советников. Хотя царь уважал и любил их, но без них сначала ему стало как будто легче, словно тяжелая обуза свалилась с плеч его: слишком самолюбивым людям обидно видеть подле себя лиц, превосходящих их умом или нравственным достоинством; превосходство других словно их давит. А Иван Васильевич был страшно самолюбив. Новые советники его вовсе не походили на прежних: это были люди своекорыстные, думавшие только о себе, ничтожные по уму, мелкие по чувствам, низкие льстецы. Уважать подобных людей царь не мог, быть может, в душе даже презирал их, но они сделались необходимы для него: они умели ловко потакать страстям и склонностям его, умели приятно щекотать его самолюбие и успокаивать тревоги его совести.



К. Маковский Поцелуйный обряд

Прихотливый, непостоянный нрав Ивана требовал перемены ощущений, разгула, удалых потех... При жизни жены и при Сильвестре, который, надо полагать, и в царском доме старался водворить «праведную» и «порядливую» жизнь по правилам «Домостроя», не было простору царю; теперь же нрав его развернулся во всей своей силе... В разгуле и попойках он хотел забыть и утрату любимой жены, и «унизительный плен у лихих чаровников — Сильвестра и Адашева», как старались уверить царя новые его советники.

Начинаются, говорит Курбский, частые пиры и попойки, чаши великие наполняются «зело пьяным» питьем. Первую чашу пьют за здоровье царя, потом за здоровье всех пирующих с ним, и пока не упьются допьяна или до неистовства, до тех пор приносят все

новые и новые чаши. А кто не хочет больше пить, тех всячески принуждают, смеются над ними, издеваются, на голову выливают им вино или кричат: — Вот, государь, такой-то (называют имя) не хочет веселиться на твоём пиру, тебя и нас осуждает, смеется над нами, как над пьяницами! Это твои недоброхоты, государь: они не согласны с тобой, не слушают тебя! Сильвестров и Алексеев дух еще не вышел из них!

Таким образом, на этих попойках отставать от других в питье и веселье становилось не только неудобно, но даже и опасно.



К. Маковский Князь Репнин на пиру у Ивана Грозного

Новые любимцы царя выдумывали ежедневно разные потехи и игрища, чтобы веселить его. Шумные пиры, попойки, скоморошество, разгул — вот что

занимало теперь его. Лучшие люди, конечно, скорбели, глядя на все это, жалели о прежних царских советниках. Эти люди с печальными лицами, с горьким упреком во взорах, без сомнения, становились ненавистны и царским любимцам, и самому царю...

— Вот твои недоброхоты, — шептали ему наушники, указывая на этих людей, — они распускают вредные для тебя слухи, сеют вражду к тебе.

Злоба в сердце царя росла с каждым днем: он не хотел и мысли допустить, чтобы кто-либо, кроме его самого, осмеливался бы осуждать его поступки... Наконец, начались опалы и казни. Прежде всего пострадали люди, близкие к Адашеву: их лишали имений, ссылали по отдаленным местам. Даниил Адашев (брат Алексея), обвиненный в том, что будто бы думал чарами извести царя, был казнен с двадцатилетним сыном своим. Казнено было и еще несколько родичей Адашева.

Князь Дмитрий Овчинин-Оболенский оскорбил царского любимца Федора Басманова, тот пожаловался царю. По царскому приказу князь был позван на обед. Государь ласково угощал его за столом, велел налить ему большую чашу меду. Овчинин, уже пьяный, не мог допить чашу.

— Так ли ты мне, государю своему, добра желаешь? — сказал тогда царь. — Если ты не захотел здесь выпить за здоровье мое, то иди в мой погреб; там всякие есть напитки, там и выпьешь за мое здоровье!

Пьяный боярин, думая, что царь любезно с ним шутит, пошел в сопровождении царских людей в погреб. Там, говорят, его по приказанию царя и задавили.

В эту же пору пострадал и другой знатный боярин — князь Михаил Репнин. Довелось ему быть на царском пире. Вино лилось рекой.... Поднялось шумное веселье. Опьяневшие гости, а с ними и царь, стали плясать вместе со скоморохами, надев личины (маски).

Не вынес этого зрелища благочестивый и знатный боярин и заплакал.

— Недостойно тебе, о царь христианский, — сказал он, — творить подобное!

Царь же стал нудить и Репнина принять участие в общем веселье.

— Веселись и играй с нами! — сказал ему царь и стал надевать на него маску.

— Не будет того, чтоб я, думный боярин, сотворил такое безумие и бесчинство, — с негодованием воскликнул Репнин, бросил маску на пол и потоптал ее.

В ярости царь прогнал его от себя, а через несколько дней Репнин по его приказу был убит, как говорит Курбский, в церкви, так что кровь его обагрила церковный помост.

Один за другим лучшие бояре подвергались опалам и казням: князя Курлятева, друга Адашева, сначала насильно постригли в монахи со всем семейством, а потом убили; князя Михаила Воротынского с женой и детьми сослали на Белоозеро; пострадали и бояре Шереметевы и другие.



К. Лебедев Боярин

Москва оцепенела в ужасе... Кровь лилась; темницы наполнялись заключенными, монастыри — ссыльными. Каждому боярину, недовольному новыми порядками, приходилось трепетать за свою жизнь. С каждой новой жертвой царского гнева росло число недовольных. Хотя казнь и ссылка обыкновенно постигали не только лиц, навлекших на себя подозрение или гнев царя, но и

родичей их, все-таки оставались же в Москве лица, близкие к пострадавшим или знакомые, да и совсем посторонние люди не могли не возмущаться несправедливостью и жестокостью, которые при новых советниках царя стали господствовать... Только наушникам и доносчикам, готовым ради своей выгоды лгать и клеветать на кого угодно, жилось в эту пору хорошо. Печальный вид какого-либо боярина, смелое и правдивое слово, укор кому-либо из новых царских любимцев — все это давало повод к доносам и наветам, все это доводилось до ведома подозрительного Ивана Васильевича и вело к опалам и казням.

Злоба в душе царя росла; ненависть к боярам, таившаяся в его сердце еще с детства, разгоралась все сильнее и сильнее. Ему казалось, что кругом него страшная крамола и измена, постоянные наветы и доносы еще больше поддерживали эту мысль. То страх, то злоба овладевали сердцем его. Ум его туманился: он свирепел все больше и больше. В это время шла у него борьба с Литвою, и мысль, что бояре могут изменить ему, передаться на сторону врагов, волновала его. Он брал с бояр «поручные записи» — обязательства служить верно и ему, и его детям, не искать другого государя, не отъезжать в Литву и иные государства. Мало того, что сами бояре давали клятвенные обещания не изменять, царь заставлял и других за них ручаться с обязательством уплатить в казну большие деньги в случае их измены. Случаи измены и ухода бояр в Литву уже сказывались... Князь Вишневецкий, старшина днепровских казаков, явился было на службу в Москву, чтобы громить Крым, но увидел, что это дело не сладится, и ушел на службу к литовскому князю.

Иван Васильевич досадовал, но не хотел показать этого и велел гонцу говорить в Литве, если его спросят о Вишневецком: «Притек он к нашему государю, как собака, и утек, как собака, и государю нашему, и земле

нашей от этого нет никакого убытка». В это же время бежали в Литву бояре Черкасские.

Но ни одна измена не поразила так сильно Ивана Васильевича, как измена князя Курбского.

Измена Курбского и переписка его о царем

Князь Андрей Михайлович Курбский особенно прославился при взятии Казани. Еще раньше он выказал свою отвагу, отражая татар от русской южной Украины; несмотря на раны, он неутомимо бился под Казанью и немало помог взятию ее и истреблению татарского войска. Царь высоко ценил воинскую доблесть Курбского. Когда в Ливонской войне дела русских приняли было худой оборот и русские войска приуныли, царь призвал его и сказал: — Принужден я или сам идти супротив лифлянтов, или тебя, любимого моего, послать, «да охрабрится» снова мое войско. Иди и с Божией помощью послужи мне верно.

Не напрасно царь надеялся на мужество и военное искусство Курбского: он в два месяца одержал восемь побед над рыцарями и разгромил Ливонию. До 1563 года он безупречно и доблестно служил царю и отечеству, но в этом году дело изменилось. В одном случае царскому любимцу не посчастливилось: под Невлем он проиграл битву, хотя у него было гораздо больше войска, чем у неприятеля. Неудача эта рассердила царя, и он обмолвился гневным словом... Друзья Курбского известили его об этом. Знал он и раньше о перемене в царе, о лютых казнях, о ненависти царя к боярам и глубоко скорбел. Один за другим гибли в Москве от царского гнева люди, близкие Курбскому, бояре именитые, оказавшие большие услуги царю; и вот — очередь за ним... Ему ли на тридцать пятом году жизни, полному сил и надежд, уже знаменитому победами, образованнейшему из русских бояр, погибнуть бесславной смертью на плахе? Ему ли, потомку Владимира Мономаха, не ведающему за собой никакого

проступка, пострадать от гнева царя, окруженного презренными наушниками, готовыми чернить всех честных людей? Подобные вопросы легко могли явиться у Курбского. Могло припомниться ему и старое право не только именитых князей, но даже и простых дружинников переходить по своему желанию на службу от одного русского князя к другому. А польский король, он же и великий князь литовский и русский (по юго-западным русским областям), уже рассылал московским боярам зазывные листы, обещая им королевскую ласку и привольное житье в своем государстве. Некоторые уже и перешли на службу в Литву.

Мысль о позорной казни после стольких заслуг возмущала Курбского, а жить, видно, ему еще очень хотелось.

— Чего хочешь ты, — спросил он свою жену, — мертвым ли видеть меня пред собой или с живым навеки расстаться?

— Не только видеть тебя мертвым, но и слушать о смерти твоей не желаю! — ответила жена.



П. Рыженко Князь Андрей Курбский

Обливаясь горькими слезами, простился Курбский с женою и сыном. Тайком, ночью, перелез он через городскую стену (города Дерпта, где он был в то время воеводою).

Здесь, в поле, ждал его верный слуга Василий Шибанов с конями, и Курбский, вдвоем со своим холопом, ускакал в город Вольмар, занятый в то время

литовцами. Сильно обрадовались враги Москвы измене знаменитого русского воеводы.

Но едва ли радовался он сам... Бежал он от позорной смерти, но позор измены следовал за ним по пятам! Стыд, горе и ненависть к тому, кто побудил его опозорить себя изменою, давили его. Страстно захотелось ему излить свои чувства, сказать царю ту горькую правду, которой никто не осмелился бы сказать ему в лицо, сорвать свое сердце...

И вот Курбский пишет письмо к Ивану Васильевичу, полное горьких укоров. Верный холоп Курбского, Василий Шибанов, готовый служить даже прихотям своего любимого господина, повез письмо в Москву, подал его на Красном крыльце самому царю и сказал:

— От господина моего, твоего изгнанника, князя Курбского!

Царь в припадке страшного гнева, по словам предания, ударил своим остроконечным посохом в ногу Шибанову и пробил ее. Кровь заструилась из раны у него, но он даже не изменился в лице и стоял недвижно, а царь налег на свой посох и приказал читать письмо...



А. Карелин Пишут наказ

Послание Курбского

«Царю, от Бога препрославленному, пресветлому прежде в православии, а теперь за наши грехи ставшему противником этому. Да понимает понимающий, да понимает тот, у кого совесть прокаженная, какой даже не найти и среди безбожных народов!»

Так начинается письмо Курбского.

«За что, о царь, — спрашивал он далее, — сильных во Израили ты побил и воевод, данных тебе Богом, разным казням предал и победоносную и святую кровь их пролил, мученической их кровью церковные пороги обагрил?

За что на доброхотов твоих, душу свою за тебя полагающих, умыслил ты неслыханные мучения и гонения, ложно обвиняя их в изменах и чародействах?.. Чем провинились они пред тобою, о царь? Чем прогневали тебя? Не они ли прегордые царства разорили и своим мужеством и храбростью покорили тебе тех, у которых прежде наши предки были в рабстве? Не их ли разумом достались тебе претвердые города германские (ливонские)? Это ли нам бедным воздаяние твое, что ты губишь нас целыми родами? Уж не бессмертным ли себя, царь, считаешь? Уж не прельщен ли ты небывалой ересью, не думаешь ли, что тебе не придется и предстать пред неподкупным Судьей, Иисусом Христом?.. Он, Христос мой, сидящий на престоле херувимском, будет Судьей между тобой и мной!

Какого только зла я не потерпел?! За благие дела мои ты воздал мне злом, за любовь мою — ненавистью! Кровь моя, как вода, пролитая за тебя, вопиет на тебя к Господу моему! Бог свидетель, прилежно я размышлял, искал в уме своем и не нашел своей вины и не знаю, чем

согрешил я пред тобою. Ходил я пред войском твоим и не причинил тебе никакого бесчестия, только славные победы, с помощью ангела Господня, одерживал во славу тебе... И так не один год и не два, но много лет трудился я в поте лица, с терпением трудился вдали от отечества, мало видел и моих родителей, и жену мою. В далеких городах против врагов моих боролся, многие нужды терпел и болезни... Много раз был ранен в битвах, и тело мое уже все сокрушено язвами. Но для тебя, царь, все это ничего не значит, и ты нестерпимую ярость и горчайшую ненависть, паче разожженной печи, являешь к нам.

Хотел было я рассказать по порядку все мои ратные дела, которые совершал на славу твою, с помощью Христа; но не рассказал потому, что Бог лучше знает, нежели человек. Бог за все мздовоздатель... Да будет ведомо тебе, царю, — уже не увидишь ты в этом мире лица моего. Но не думай, что я буду молчать! До смерти моей буду непрестанно вопиять со слезами на тебя безначальной Троице... Не думай, царь, что избиенные тобой неповинно, заточенные и изгнанные без правды, уже погибли окончательно, не хвались этим как победой. Избиенные тобой у престола Господня стоят, отмщения на тебя просят; заключенные же и изгнанные тобой без правды на земле вопиют на тебя к Богу и день и ночь!..

Письмо это, — говорит в заключение Курбский, — слезами измоченное, умирая, идя к Богу моему, Иисусу Христу, на суд с тобою, велю вложить с собою в гроб».

Понятно, как это послание должно было подействовать на царя. Один из лучших воевод его, один из надежных бояр изменяет ему, переходит к врагам, дерзко корит его, своего царя, говорит, что у него «прокаженная совесть»! Измена Курбского и письмо его, конечно, разожгли еще пуще злобу царя, еще больше усилили его недоверие к боярам. Кому же и

верить из них, если Курбский изменил ему и выказал столько вражды?!



Герб князей Курбских

Царь приказал пытать Шибанова, чтобы выведать от него все подробности побега Курбского, узнать его доброхотов и единомышленников в Москве. Шибанов подвергся страшным пыткам, но в мучениях хвалил своего господина и не открыл ничего. Такая твердость и верность слуги своему господину изумили всех...

Гнев и злоба, закипевшие в душе царя от укоров изменника, требовали исхода; но жертва ускользнула из рук, оставалось только одно — донять изменника словом, и царь излил свои чувства и мысли в огромном послании Курбскому. Много сказалось здесь и едких слов, и горькой правды, и обидной напраслины... Сильно, видно, говорило сердце у царя, когда он писал свое

послание: нет здесь той связности и обдуманности, какая бывает у того, кто пишет спокойно, — иные мысли, как будто недосказаны, другие повторяются, местами речь запутанная; но из послания царя видны и ум его, и начитанность; видны и взгляды его на самодержавие, на царские обязанности, на бояр... Вот почему письмо это драгоценно для истории.

Послание царя

Послание начинается очень длинным вступлением: «Бог наш Троица, иже прежде век сый, ныне есть Отец и Сын и Святой Дух, ниже начала имать, ниже конца, о нем же живем и движемся есмы, им же царие царствуют и сильнии пишут правду...». Далее во вступлении говорится: «Победоносная хоругвь и крест честный даны первому в благочестии царю Константину Великому и его преемникам, всем православным царям и блюстителям православия... Божьи слова всю вселенную, как орлы, облетели... Искра благочестия дошла и до Русского царства: самодержавство Божиим изволением получило начало от великого князя Владимира, просветившего всю Русскую землю святым крещением, и великого князя Владимира Мономаха, который от греков „высокодостойнейшую честь“ принял, и храброго великого государя Александра Невского, победившего безбожных немцев, и достохвального великого государя Дмитрия, который одержал за Доном великую победу над безбожными агарянами. Дошло самодержавство до мстителя неправдам, деда нашего, великого государя Ивана, до блаженной памяти отца нашего, великого государя Василия, старых прародительских земель обретателя, дошло и до нас, смиренных, скипетродержание русского царствия. Мы же хвалим за премногую милость к нам Бога, не попустившего доселе руке нашей обagrиться единоплеменной кровью, потому что мы ни у кого не отнимали царства, но Божиим изволением и прародителей, и родителей своих благословением как родились в царском достоинстве, так и выросли, и воцарились, — свое взяли, не чужое отняли...».



В. Шварц Посол от князя Курбского

После этих слов, которыми Иван Васильевич, очевидно, хотел показать всю законность, всю силу и величие своей власти, он обращается к Курбскому.

«Наш христианский смиренный ответ бывшему прежде истинного христианского самодержавства и нашего государства боярину и советнику и воеводе, а ныне же клятвопреступнику и губителю христианства и врагам его служителю, князю Андрею Михайловичу Курбскому...

Зачем, князь, думая соблюсти благочестие, ты душу свою отверг? Что дашь взамен ее в день Страшного суда? Если и весь мир приобретешь, все же наконец смерть постигнет тебя! Зачем ради тела погубил ты душу свою? Убоялся ты смерти по ложному слову своих друзей, а все они, как бесы, преступивши крестное

целование, всюду нам сети расставляли, надзирая за нашими словами и движениями, думая, что мы должны быть (безгрешны) как бесплотные, и потому сплетали на нас поношения и укоризны... От этих бесовских слухов наполнились вы ярости на меня, как смертоносного змеиного яда, и душу свою погубили и на разорение церкви стали... Или думаешь, окаянный, что убережешься от этого? Никак! Если придется тебе заодно с ними (литовцами) воевать, то должен будешь ты и церкви (православные) разорять, и иконы попирашь, и христиан губить. Где руками своими не дерзнешь творить этого, то мыслью своею смертовною (советом) много злобы сотворишь. Подумай же, как при вражеском нашествии конскими копытами будут растерзаны и растоптаны нежные члены младенцев... И вот твое „злостное умышление“ уподобится Иродову неистовству в избии младенцев...

Ты, ради тела, душу погубил... Разумей же, бедняк, с какой высоты и в какую пропасть низвергся ты!.. Это ли твое благочестие, что погубил ты душу свою ради своего самолюбия? Разумные люди и там (в Литве) поймут, что ты, желая славы мимолетной и богатства, это сделал, а не от смерти бежал. Если ты праведен и благочестив, как говоришь, почему же убоялся неповинной смерти — ведь это не смерть, а приобретение? Придется же во всяком случае умереть! Презрел ты и слова апостола Павла: „Всякая душа владыкам властвующим да повинуется: нет такого владычества, которое не от Бога учинено, — и потому противящийся власти Божией повелению противится. Смотри же и пойми: кто противится власти, тот Богу противится“. А кто Богу противится, тот зовется отступником, а это — горчайшее согрешение. Сказано это апостолом о всякой власти, которая даже добыта кровью и войною. Припомни же сказанное выше, что мы не насилием приобрели царство... Презрел ты также слова апостола Павла,

Сказанные в другом месте: „Рабы, слушайтесь своих господ, не только пред очами их повинуюсь, как человекоугодники, но как Богу, и не только благим (господам), но и строптивым, не только за гнев, но и за совесть“. Это воля Божия, творя благое, пострадать!



С. Иванов Стрельцы

Почему же не захотел ты от меня, строптивного владыки, страдать и венец жизни (нетленный мученический венец) наследовать? Ради временной славы сребролюбия и сладостей мира сего ты все свое душевное благочестие с христианскою верою и законом попрал!

Как не устыдился ты раба своего Васьки Шибанова! Он благочестие свое соблюл. Пред царем и пред

народом, при смертных вратах стоя, он не изменил крестному целованию, но, восхваляя тебя, готов был всякую смерть принять за тебя... А ты из-за одного гневного слова моего не только свою душу, но и души всех прародителей погубил, потому что Бог деду нашему поручил их в работу; и они, дав свои души (то есть присягнув), до смерти своей служили и вам, своим детям, приказали служить деда нашего детям и внукам. И это все ты забыл, „собацким изменным обычаем“ преступил крестное целование, соединился с врагами христиан, да к тому же еще „скудоумными словами“ нелепости говоришь против нас, словно камни на небо бросая...

Писание твое я хорошо уразумел (вразумлено внятно)... Оно кажется снаружи наполненным меда и сота, но яд аспида ты скрыл под устами своими... От слепотствующей злобы твоей ты не можешь истины и видеть... Разве это „совесть прокаженная“ — свое царство держать в своей руке и власти своим рабам не давать? „Разве тот „супротивник разуму“, кто не хочет быть во власти своих рабов? И в том ли „православие пресветлое“, чтобы рабы владели и повелевали?

Если и есть на мне малое согрешение, то от вашего же соблазна и измены. Я — человек: нет человека без греха, безгрешен только один Бог. Я не считаю себя, как ты, выше человека, равным ангелам. А о безбожных государях что и говорить! Они своими царствами не владеют: как велят им их рабы, так они и властвуют; а российские самодержцы изначала сами владеют, а не бояре и вельможи. И ты этого не мог в своей злобе рассудить; по-твоему, благочестие — самодержавству быть под владычеством попа и под вашей властью, а это, по твоему разуму, — нечестие, что мы сами захотели иметь власть, данную нам от Бога, и не пожелали быть под властью попа...

Потому ли я противником вашим явился, что не дал вам погубить себя?.. А ты сам поступил и против разума, и против клятвы из-за ложного страха смерти!.. Чего сам не творишь, то нам советуешь... Как начали вы поношения и укоризны нам, так и ныне не перестаете, звериной яростью распалясь, совершаете вы свою измену. Эта ли ваша доброхотная, прямая служба — поносить и укорять?!

Что ж, собака, и пишешь, и соболезуешь, совершив такую злобу?”

Затем в письме приводятся примеры из священной истории и из истории Греции, показывающие, что подданным следует покоряться власти, а властителям следует быть в иных случаях и очень строгими, по словам апостола: „Иных милуйте, иных же страхом спасайте“. Злодеев нельзя называть мучениками, не разбирая, за что кто пострадаёт... злодеев щадить не следует... — пишет царь. — Константин Великий убил сына своего для блага царства, князь Федор Ростиславич, прародитель твой, много крови пролил в Смоленске на Пасху, а все же причтен к лику святых. Давид оказался угодным Богу, хотя и приказал избить в Иерусалиме своих врагов и ненавистников...».

«И во всякое время, — говорится далее в письме, — царям следует быть осмотрительными: иногда кротчайшими, иногда же ярыми; добрым людям оказывать милость и кротость, злым ярость и мучение. Не могущий так поступать не царь. Хочешь не бояться власти? — благотвори. Если же злое творишь — бойся: не напрасно царь носит меч, а на месть злодеям и в защиту добродеем.

Ты же уподобился Иуде-предателю! Как он на Владыку всех „возбесился“ и на смерть предал Его, так и ты, пребывая с нами и хлеб наш вкушая, собирал злобу на нас в своем сердце!.. Почему ты являешься учителем моим? Кто тебя поставил судьей или начальником над

нами?.. От кого ты послан проповедовать? Кто рукополагал тебя?..

Нигде ты не найдешь того, чтобы не разрушилось царство, обладаемое попами. Они в Греции царство погубили и туркам подчинились! Эту погибель и нам советуешь? Пусть она на твою голову падет.

Разве это хорошо, попу и прегордым лукавым рабам владеть, а царю только царским почетом пользоваться, а властью быть ничем не лучше раба? Как же он и самодержцем будет называться, если не сам все устраивает?».

Далее Иван Васильевич приводит примеры из ветхозаветной истории для подтверждения своих мнений.

«Когда Бог избавил израильтян от рабства египетского, то вспомни, кого поставил властвовать, священника или многих правителей? Одного Моисея поставил властителем, а священствовать велел Аарону, а в мирские дела не вмешиваться. Когда же Аарон стал вмешиваться, тогда отпали люди даже от Бога... Когда Илья-жрец взял на себя и священство, и царство, то и сам, и сыновья его погибли злою смертью и весь Израиль побежден был до дней царя Давида!»

Затем в письме приводятся примеры из истории Рима, Византии, Италии в доказательство того, что и могучие царства гибли от разделения власти и подчинения царей вельможам. «Иное дело, — говорится далее, — душу свою спасти (быть иноком), иное — заботиться о душе и теле многих; иное дело — святительская власть, иное — царское правление. В монашестве можно быть подобно агнцу смиренному или птице, которая не сеет, не жнет и в житницы не собирает; царское же правление требует страха, и запрещения, и обуздания... „Горе, — говорит пророк, — дому тому, которым многие обладают“. Видишь, —

обращается Иван Васильевич к Курбскому, — что владение многих подобно женскому безумию!».

Далее царь корит Курбского за то, что он называет изменников доброхотными. «А что ты писал, „за что я сильных во Израили побил и воевод, данных нам от Бога, погубил разными смертями“, — так это ты писал ложно, лгал, как отец твой, дьявол, научил...



В. Васнецов Царь Иоанн Васильевич Грозный

Кто сильнейший во Израили, не знаю; земля правится Божьим милосердием, Пречистой Богородицы милостью, всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и, наконец, нами, государями, а не

судьями и воеводами. Если я и казнил разными смертями воевод своих, так их у нас множество и кроме вас, изменников. Своих холопов вольны мы жаловать, вольны и казнить... В иных землях сам увидишь, сколько зла творится злым: там не по-здешнему! Это вы своим злобесным обычаем утвердили, чтоб изменников любить: в иных землях их казнят, тем и власть утверждается. А мук, гонения и смертей различных ни на кого я не умышлял, а что упомянул ты об изменах и чародействе, так собак таких всюду казнят!»

После этого в письме подробно припоминает Иван Васильевич о тех обидах, какие он терпел от бояр в детстве, о тех смутах и беззакониях, какие творили они после смерти матери его. Глубоко запали в память Ивана Васильевича разные, даже мелочные случаи, поразившие его в детстве.



В. Шварц Посол XVI века

Припоминает он о самоуправстве и насилиях бояр над близкими ему людьми; затем говорит: «Нас же с единокровным братом, святопочившим Юрием, держали как посторонних и убогих детей. Каких только лишений не вынес я в одежде и пище?!

Вспомню хоть это одно: играю я в детстве, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем

опершись и положив ногу на постель нашего отца... Кто может вынести такую гордыню? Трудно исчислить, сколько страданий вынес я в детстве! Много раз поздно ел не по своей вине... Что сказать о казне (имуществе) родительской? Все лукаво расхитили, будто детям боярским на жалованье, и деда нашего бесчисленную казну и отца себе захватили... Наковали себе сосудов золотых и серебряных и имена родителей своих на них вырезали, будто это их родительское добро... А о казне дядей наших что и говорить? — Все себе расхитили!..»

Припомнив московский пожар и народный мятеж, царь говорит о том, как «собака» Алексей (Адашев) и поп Сильвестр, который «восхитился (увлекся) властью, как Илья-жрец», сблизились с ним; как Сильвестр с Алексеем сдружился и стали они между собою тайно от нас, говорит царь, советоваться о делах, считая нас неразумными... Припоминает царь, как эти советники на все места поставили своих угодников. «Все они по своему хотению творили. Что бы мы ни посоветовали, хотя и благое, — все это им казалось непотребным; они же хотя бы и что дурное советовали — все считалось благим... Даже в домашней жизни, — с горечью прибавляет царь, — все творилось по их хотению, я же был не в своей воле, словно младенец! Разве это противно разуму, что я в зрелом возрасте не захотел быть младенцем?».



П. Шамшин Боярин перед походом

Дальше царь в своем письме корит бояр, что они не оберегали его, как следует, во время казанского похода, что во время его болезни не хотели по его требованию присягать его сыну, хотели воцарить Владимира, питали вражду к царице Анастасии.

«Таково их доброхотство к нам!» — восклицает царь.

«Ты их, тленных людей, называешь предстателями у Бога... Ты еллинам (язычникам) уподобляешься, осмеливаясь тленных людей называть предстателями... Мы же, христиане, знаем христианскую Пречистую Владычицу Богородицу; затем предстатели — все небесные силы, архангелы и ангелы; затем молитвенники наши пророки, апостолы, святые мученики...

Вот предстатели христианские! И нам царям, носящим порфиру, неприлично называться предстателями. Ты же не стыдишься тленных людей, притом изменников, называть предстателями!.. А что писал ты, будто те „предстатели прегордые царства разорили и проч.“, то это разумно сказать только о Казанском царстве, а около Астрахани и близко вашей милости не было... В том ли состоит храбрость, чтобы службу считать опалю? Когда вы ходили в поход на Казань без понуждения, охотно? Вы всегда ходили, как на бедное хождение... Когда истощились запасы под Казанью, вы, постояв три дня, уже хотели вернуться, если бы я не удержал вас... Если бы при взятии города я не удержал вас, сколько бы вы погубили православного воинства, начавши бой не вовремя? А потом, когда милостью Божьей город был взят, вместо того, чтобы порядок водворять, вы кинулись грабить! Это значит прегордые царства разорять, как ты безумно и надменно хвалишься!..» Затем царь корит бояр за то, что и во время Ливонской войны они плохо делали свое дело, как рабы, с понуждением, а не по собственной воле...

Исчислив все недостатки бояр, действительные и мнимые, Иван Васильевич говорит: «А за такие ваши заслуги, как сказано выше, вы достойны были многих опал и казней; но мы еще милостиво вас наказывали...

Если бы я по твоему достоинству поступил — ты к нашему недругу не уехал бы!

„Кровь твоя, — говоришь ты, — пролитая иноплемениками за нас, вопиет на нас к Богу“. Это смеха достойно! Не нами, а другими пролитая, на других и вопиет. Если и пролил ты кровь в борьбе с супостатами, так сделал ты это для отечества. Не сделай ты этого, ты не был бы христианин, а варвар. Во сколько раз больше наша кровь вопиет на вас к Богу, нами самими пролитая не ранами, не каплями, но многим потом и многим трудом, каким вы отягощали меня сверх силы! И от вашей злобы вместо крови много слез наших излилось, еще больше воздыханий и стенаний сердечных; оттого получил я и боль в пояснице!»

Затем царь презрительно отзывается о заслугах Курбского, корит его за неудачу под городом Невлем и потом прибавляет: «Военные твои дела нам хорошо ведомы... Не считай меня неразумным или младенцем по уму. Не думайте также меня „детскими страшилами“ напугать, как прежде делали с попом Сильвестром и с Алексеем...

Лица твоего, пишешь, уже не увидеть нам до дня Страшного суда Божия... Да кто и захочет такое эфиопское лицо видеть?!

Убиенные, говоришь, предстоят у престола Божия, и это помышление твое суемудрено; по словам апостола: „Бога никто же нигде же виде“. Вы, изменники, если и вопиете без правды, ничего не получите... Я же ничем не хвалюсь в гордости: делаю свое царское дело и выше себя ничего не творю... Подвластным людям благим воздаю благое, злым — злое... Не по желанию казню их, а по нужде...

А что свое писание с собою в гроб хочешь положить, этим ты последнее свое христианство отверг от себя! Господь велел не противиться злу, ты же даже обычное, что и невежды понимают, прощение пред кончиною отверг, и потому ты не достоин и отпевания...»



Ф. Дрегер Чаша с портретом царя Иоанна Васильевича и с изображением четырех евангелистов

Эти выдержки из огромного послания царя Ивана ясно показывают, что с Курбским он никак не мог сойтись в понятиях. Он крепко держался той мысли, что для блага государства необходимо, чтобы государь был настоящий самодержец, не стеснялся бы ничьими советами, и чтобы бояре были только верными слугами, исполнителями его воли, служили бы ему так же верно, как, например, Шибанов — Курбскому. А Курбский, выставляя на вид свое высокое происхождение от святого Федора Ростиславича, князя Смоленского и

Ярославского, все хорошее в начале царствования Ивана Васильевича вменяет в заслугу только боярам и стоит на том, что бояре должны быть советниками и сотрудниками царя, а не слугами, беспрекословно исполняющими его волю. «Царь хотя и почтен царским саном, — говорит Курбский в своей истории, — но может и не получить от Бога некоторых дарований и потому должен искать доброго и полезного совета не только у советников своих (бояр), но и простых людей, ибо дар духа дается не по богатству внешнему и не по силе царства, но по правости душевной».

Укоры в жестокости были нисколько не убедительны для царя. Казнить лиходеев и изменников он считал своим неотъемлемым правом. Убедить же царя в невинности казненных бояр Курбский, конечно, менее всего был в состоянии: напротив того, измена его самого и резкое письмо еще больше утверждали царя в той мысли, что на бояр, даже и самых близких, полагаться ему нельзя. В нем крепла все больше и больше мысль, что его личное благо и благо всей земли требуют, чтобы боярская крамола была истреблена с корнем.

Послание царя полно веских укоров, едких и злых насмешек... Сильно задели они за живое Курбского. Да и мог ли он успокоить свою совесть?! Его измена, от каких бы причин она ни вышла, все же оставалась изменой; присяга была им нарушена; от родной земли он отрекся, перешел на сторону врагов ее...

На длинное послание царя Курбский ответил коротким письмом, из которого видно, как укоры царя и насмешки доняли его. Он называет царское письмо «широковещательным и многошумящим», говорит, что оно полно «неукротимого гнева и ядовитых слов», что так писать не только великому царю, но и простому воину непристойно, что в письме царя «нахватано из Священного Писания со многою яростью и лютостью не строками и стихами, как в обычае у людей ученых, а

целыми книгами, посланиями, и тут же говорится и о постелях, о телогреях и иные бабьи басни». Так писать, по словам Курбского, совсем непристойно в страну, где есть люди ученые, искусные в книжном деле. «Да и пристойно ли, — говорится дальше в письме, — мне, человеку смирившемуся, оскорбленному, без правды изгнанному, хотя бы и многогрешному, прежде суда Божия так грозить?.. И вместо утешения так кусательно грызть меня неповинного, бывшего от юности твоим верным слугою! Не думаю, чтобы это было Богу угодно... И чего же ты от нас еще хочешь? Не только своих единоплеменных князей из потомства великого Владимира ты поморил и отнял от них имущества движимые и недвижимые, что не успел отнять твой дед и отец, но и последние рубахи свои, могу сказать, по евангельскому слову, мы отдали твоему прегордому и царскому величеству... Хотел бы я на каждое твое слово возразить, о царь, и мог бы это сделать, но удержал руку мою с тростью, возлагая все на божий суд, — рассудил лучше здесь молчать, а говорить там, пред престолом Христа, Господа моего, вместе со всеми избиенными и гонимыми тобой. Да притом непристойно людям рыцарским (благородным) браниться, как рабам; очень стыдно и христианам извергать из уст слова нечистые и кусательные!...».



Неизвестный художник Портрет Иоанна Грозного

Но на этом переписка царя с Курбским еще не кончилась. Несколько лет спустя они снова обменялись письмами, о которых будет сказано ниже.

Александровская слобода и опричники

Большое зло своему отечеству, и особенно боярам, причинил Курбский своей изменой и письмами. В лице его словно все русское боярство кидало царю дерзкий вызов. По словам Курбского, одного из самых видных бояр и по сану, и по уму, и по царской милости, выходило, что все хорошее творилось и творится боярами и царскими советниками, а царь без бояр — ничто! И это пришлось выслушать царю, мечтавшему быть настоящим властелином, самодержцем, от бывшего своего любимца, от боярина, которому он доверял вполне. Самолюбие Ивана Васильевича было страшно оскорблено. Это ясно видно из его ответного письма: он в свою очередь считает заслуги бояр ничтожными, указывает подробно на измены, и у него вырываются такие зловещие слова: «Вы (бояре) достойны были многих опал и казней: но мы еще милостиво вас наказываем!.. Если бы я по твоему достоинству, — обращается царь к Курбскому, — поступил с тобой, ты к нашему недругу не уехал бы».



К. Лебедев Иоанн Грозный в Александровской слободе

Письмо Курбского страшно раздражило царя, вызвало у него новый сильный порыв злобы. Мысль, что бояре, злейшие враги его и лиходеи, ищут его гибели, давила его. Он знал, что между боярами есть доброхоты Курбского; но как найти их? Как уберечься от них?.. Чувство страха за свою жизнь охватило его...

Рано утром, 3 декабря 1564 года, Москва была сильно встревожена. На Кремлевской площади появилось множество саней. Из царского дворца выносили и укладывали на них царское имущество: иконы, кресты, драгоценные сосуды, золото, серебро, одежды и прочее. Уже раньше носились слухи, что царь куда-то намерен ехать; но эти сборы ясно показывали, что он думает не о временной поездке, а перебирается со всем своим имуществом, куда же именно и надолго ли — этого никто не знал. В Успенском соборе шла торжественная служба. Обедню служил по приказу царя сам митрополит. В церкви ждали государя духовенство, бояре и сановники. Царь пришел, долго и усердно молился, принял благословение от митрополита, милостиво простился с бывшими в церкви, дал свою руку целовать боярам, сановникам и купцам. Затем он сел в сани с царицей (второй супругой своей, Марией Темрюковной), с детьми и несколькими своими новыми любимцами и уехал из Москвы в село Коломенское, где пробыл две недели, переждал распутицу и поехал дальше; наконец остановился в Александровской слободе (теперь город Александров Владимирской губернии).

Митрополит, бояре и народ в Москве — все были в большой тревоге... Никто не знал, что значит этот внезапный отъезд государя.

Прежде, когда он уезжал из столицы, всем было известно, куда и на какой срок он ехал и кому чем распорядиться во время его отсутствия. Теперь же все осталось в полной неизвестности. Таинственный отъезд царя из Москвы не предвещал ничего доброго. Это чувствовалось всеми.

Наконец после долгого томительного ожидания, были присланы в Москву 3 января две грамоты от царя: одна — митрополиту, другая — купцам и всему московскому народу.

Митрополиту царь объявлял свой гнев на все духовенство, бояр, служилых и приказных людей; припоминал, сколько зла причинили бояре государству в его малолетство, обвинял их за то, что они не заботятся ни о государе, ни о государстве, убегают от службы, теснят народ; сильно сетовал царь и на то, что духовные лица, архиепископы и епископы, заступаются за виновных, мешают ему казнить их, и потому, говорилось в грамоте, «Царь и Государь и Великий князь от великой жалости сердца, не желая их многих изменных дел терпеть, покинул свое государство и поехал, чтобы поселиться там, где ему, Государю, Бог укажет».

В другой грамоте, которая была громогласно прочтена народу, царь успокаивал московских людей, купцов и простолюдинов, чтобы они ничего не опасались; что он к ним милостив и на них нет у него ни гнева, ни опалы.



***И. Г. Машков Опричный двор царя Ивана Грозного.
XVI век***

Все в Москве пришло в ужас и смятение. В это время шла война с Литвой, крымские татары грозили с юга, и в такую-то трудную пору являлось в государстве полное безначалие!

— Государь нас покинул, мы погибаем, — кричал народ, — кто спасет нас теперь от нашествия врагов? Мы останемся, как овцы, без пастыря!

Духовные лица, бояре, приказные люди — все стали упрашивать, умолять митрополита, чтобы он умилиствовал, упросил государя не покидать царства.

— Пусть государь не оставляет государства, пусть казнит своих лиходеев. В животе и смерти волен Бог и государь! — слышалось со всех сторон.

— Мы все своими головами, — прибавляли бояре и служилые люди, — идем за тобою, святителем, бить челом государю и плакаться.

— Пусть царь только укажет нам своих лиходеев и изменников, мы сами их истребим! — кричали купцы и народ.

Митрополит немедленно хотел было ехать к царю, но на общем совете порешили, чтобы он остался блюсти столицу: здесь уже начинались беспорядки от безначалия. Духовенство и бояре отправились в Александровскую слободу бить челом царю, умолять его от всей Москвы вернуться на царство. Царь принял посланных и выслушал их. Они, восхваляя его всячески, умоляли ради святых икон и христианской веры, которые могут быть поруганы врагами-еретиками, взять снова власть в свои руки.

— А если тебя, государь, смущает измена и пороки в нашей земле, — прибавили они, — то да будет воля твоя — казнить и миловать виновных и исправлять все мудрыми твоими законами!

В ответ им царь исчислил снова в длинной речи неправды, крамолы и измены бояр, но ради мольбы архиепископов и епископов соглашался опять взять свои государства, но на особых условиях, о которых обещал их известить. Казалось, сердце грозного владыки смягчилось смирением и мольбою подвластных. Он удержал некоторых бояр при себе, других сановников и должностных лиц отпустил в Москву, чтобы там до его приезда дела шли своим чередом.

Почти месяц опять прошел в томительном ожидании. Наконец, 2 февраля, царь торжественно въехал в Москву. На другой день созваны были духовенство, бояре и знатнейшие сановники.



Ю. Сергеев Пир Ивана Грозного в Александровской слободе

Наружность царя поразила всех: его трудно было узнать — так изменился он за последнее время. Высокий ростом, стройный, широкоплечий, он раньше имел величественную и красивую осанку; серые, хотя небольшие, но живые и пронизательные глаза его были полны огня; нос у него был римский (с горбинкой), прекрасные волосы, длинные усы и густая окладистая борода — все это делало его наружность довольно красивою. Но теперь он страшно похудел и опустился, черты лица его исказились свирепостью, глаза его, казалось, погасли, тревога и злоба виделась во взорах его, волосы на голове и бороде почти все выпали. Видно, страшную душевную тревогу пережил он за последнее время. В опасную игру он играл! А что, если бояре и сами управятся в Москве? А что, если народ не станет за меня и никто не явится просить меня вернуться на царство? Эти страшные вопросы должны были сильно волновать крайне мнительного и властолюбивого царя; страх и злоба — два самых едких, губительных для здоровья чувства — попеременно обуревали его душу... Но страшная игра выиграна! Царь торжествовал.

Духовенство, народ и бояре, эти исконные, заклятые его враги, признали, что без него все царство погибнет; что без него все они, словно стадо без пастуха. Все преклонилось пред ним, своим всесильным владыкой, который волен в жизни и смерти своих подданных. Самолюбие его, слишком чуткое, раздраженное письмом Курбского, должно было успокоиться. Теперь он во всеоружии своей власти мог расправиться со своими внутренними врагами...

Пред собранием духовных лиц и важнейших сановников он много рассуждал о значении верховной власти для государства, о неизбежности для блага его строгих, решительных мер; затем заявил о необходимости для себя особого отряда телохранителей — опричников. Все государство, по мысли царя, делилось на две части: опричину и земщину. Многие города, волости и часть Москвы отходили под непосредственное ведение самого государя, в опричину; на доходы с этих городов должен был содержаться царский двор и опричники; а все остальные города и земли составляли земщину. Всякие земские дела и все управление государством царь приказал ведать старейшим боярам, которые назывались земскими; только в случае военных известий и важных дел внутренних должны были они являться к государю. Сам же он хотел всецело заняться искоренением крамолы и измены в земле своей. В Москве он приказал строить себе новый дворец за Неглинной (между Арбатом и Никитской улицей) и оградить его высокой стеною, словно крепость.

Окружив себя сильной и верной стражей, царь принялся за искоренение крамолы. И снова полилась боярская кровь...

Начались казни мнимых соумышленников Курбского, которые будто бы с ним заодно замыслили погубить царя, покойную супругу его и детей. На этот раз первую

жертвою был знаменитый участник казанского похода, князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский. Царь приказал казнить с ним и его сына, еще семнадцатилетнего юношу. Твердо и спокойно, держась за руки, шли они на казнь. Сын, не желая видеть смерти своего отца, склонил было первый голову на плаху, но отец отвел его и сказал: — О, единородный сын мой, да не узрят очи мои отсечения твоей головы!

Казнь совершилась прежде над отцом. Тогда юноша поднял отрубленную голову своего отца и громко молился, благодаря Бога за то, что он сподобился умереть с отцом неповинно. Затем он приложился к голове отца и склонил свою на плаху. Так рассказывает Курбский об этой казни.



Н. Неврев Опричники

Еще несколько бояр было казнено в тот же день; двух бояр по приказу царя постригли в монахи. У многих дворян и боярских детей отняты были имения, других сослали из Москвы. За верность некоторых, не подвергшихся никакой опале, но казавшихся царю почему-либо сомнительными, должны были ручаться их родичи и друзья, обязываясь в случае измены вносить за них огромные деньги.

После этой расправы царь принялся устраивать свою дружину. Ему помогали в этом деле новые ближайшие его советники: Алексей Басманов, Малюта Скуратов, князь Афанасий Вяземский и другие любимцы. К ним приводили сильных молодых людей незнатного происхождения, из служилого сословия. Царь главным образом разведывал, кто они и с кем в родстве. В дружину вербовались юноши безродные, не имевшие никаких связей с именитыми боярами, притом удалые, готовые на все; они должны были давать присягу служить одному только царю верою и правдою, доносить на изменников, не водить дружбы с земскими людьми, не знать даже ни отца, ни матери, ведать только одного царя. За это государь наделял их щедро поместьями и имуществом, так что они из безродных бедняков обращались в зажиточных помещиков. Земли и имущества давались опричникам в тех городах и волостях, которые по распоряжению царя отходили в опричину. Прежние же помещики и владельцы (числом до 12 000) должны были выселиться отсюда в поместья, отведенные им в земских волостях.



Г. Седов Иван Грозный и Малюта Скуратов

Навербовал себе царь в свое «опричное» войско сначала 1000 молодых людей, но скоро это число возросло до 6000 человек. Верхом на лихих, борзых конях эти молодые удальцы в блестящем вооружении казались очень красивы; но скоро они стали всем земским людям и страшны, и ненавистны! Ужасную службу должны были они служить царю. По приказу его

они привязывали к седлам собачьи головы и метлы: это было знаком того, что они должны, как псы, грызть царских лихоедов и выметать крамолу из Русской земли...

И для царя, и для царства дело необходимое искоренять всякое зло, находить лиходеев и отнимать у них всякую возможность творить лихо, необходимо крамолу выметать из своей земли. Так, наверно, думал царь, вербуя себе опричников, так, конечно, думали и многие новобранцы-опричники. Но беда в том, что вся их служба только в том и была, чтобы находить крамольников и изменников: кто из опричников их не находил, тот, стало быть, плохо свое дело делал; кто часто доносил, того хвалили за усердие и щедро награждали. Стали опричники усердствовать, чтобы не даром жалованье от царя получать, не напрасно его милостью пользоваться, старались во что бы то ни стало найти крамолу. Чуть кто покажется им подозрительным, на того и доносят. Многие опричники корысти ради пускались и на обманы, лгали на нелюбимых царем людей, винили их в небывалых винах, придумывали сами улики; а царь верил своим опричникам больше, чем кому-либо, — по их обвинениям, без настоящего суда, казнил обвиненных да еще часть имущества казненных давал в награду доносчикам. Ложный донос и клевета, таким образом, оказывались не только делом безопасным, но и очень выгодным: оправдаться оклеветанному без правого суда было очень трудно, а обвинителя царь хвалил за усердие и награждал... В этом и было главное зло. Вот почему опричники или кромешники (от слов: опричь и кроме), как звали их в народе, стали скоро всем и страшны, и ненавистны.

Царь не остался в Москве, а водворился в Александровской слободе. Тут были устроены большие царские палаты. Они были обведены рвом и валом, так что представляли настоящую крепость. Никто без

ведома царя не смел ни въехать туда, ни выехать. Подле царского двора была слобода, где на отдельных улицах жили опричники, купцы и пр. В трех верстах от царского двора стояла воинская стража. Кругом слободы на большом пространстве тянулись дремучие леса.

Царь, видимо, решился вконец сломить боярство. Дед и отец царя покончили с уделами, собрали всю Русскую землю под власть Москвы, но зато в Москву собрались и потомки удельных князей, стали боярами у московских государей. Иван III и Василий III любили больше пользоваться услугами людей незнатных, выслужившихся, дьяков, и хоть приучили и знатных бояр княжеской крови преклоняться пред собою, но не очень-то доверялись им и явно недолюбливали их. Зато в малолетство царя Ивана именитые бояре подняли было голову, стали хозяйничать в государстве, но хозяйничали, на свою беду, дурно, своекорыстно; народ возненавидел боярское правление; завели бояре между собой, как их предки, удельные князья, споры и распри из-за власти, из-за мест. Царь приходил в возраст, а бояре по-прежнему своевольничали; хотели править его именем, тщеславились своим знатным происхождением, своими заслугами, ни во что не ставили государя, да притом и ненадежны были, готовы были ему изменять ради своих выгод. Понимал также царь, что ему, окруженному такими боярами, не утвердить такого самодержавства, какого ему хотелось. Он решился сломить боярство. К этому побуждали его и личная ненависть, и политический расчет: он хотел довершить дело своих предков, поднять власть государя на самую большую высоту, чтобы не напрасно говорилось в народе: «Един Бог на небе, един царь на земле». Недаром Иван Васильевич короновался царем; недаром любил он прописывать в грамотах длинейший и пышный титул свой; недаром он старательно вычитывал из священных книг и летописей все, что касалось

самодержавной власти, и даже производил свой род от римского императора Августа.

Непомерное властолюбие, страх за свою жизнь и ненависть к боярам — вот что побудило царя завести опричину, удалиться из Москвы, засесть в укрепленном дворце в Александровской слободе с надежными слугами, приняться за выполнение страшного своего замысла — истребить не только крамолу, но и все, что могло хоть сколько-нибудь мешать самодержавию, особенно же знатных бояр, дерзавших возноситься своим происхождением, искавших власти...

Александровская слобода скоро обратилась как бы в становище охотников, откуда отряды их время от времени выезжали на ловлю лиходеев и изменников. Сюда беспрестанно привозили добычу, и пред глазами царя производились страшные пытки. В ужасных муках иные из несчастных винулись в небывалых проступках, взводимых на них опричниками, и тут же совершались над не повинными ни в чем беспощадные, мучительные казни... Кровавые зрелища пыток и казней губительно действуют и на мучителей: человеческое чувство у них тупеет, они дичают, кровь и мучения начинают им даже нравиться... Жестокость и страсть к кровавым зрелищам, очевидно, росли и в царе, и в приближенных его; ум его туманился; но совесть, видимо, по временам мучила его; он часто и долго молился, любил церковную службу.

Странная затея между прочим пришла ему в голову: задумал он обратить свой дворец в монастырь, выбрал из опричников 300 самых лихих, назвал их иноками, себя игуменом, князя Вяземского келарем, Малюту пономарем. Поверх своих блестящих кафтанов они надевали черные монашеские рясы, на головы скуфейки, или тафьи. Рано утром, в четвертом часу, царь ходил с царевичами и Малютою на колокольню и благовестил. Опричники-иноки под страхом наказания спешили к

заутрене. Служба длилась до 6 или 7 часов. Царь в церкви сам пел, читал, молился и так усердно бил поклоны, что на лбу его оставались часто синяки. В 8 часов начиналась обедня; в 10 часов садились за братскую трапезу, за которой братия пила, ела досыта: всякого яства, вина и меду было вдоволь. Во время трапезы царь стоя читал вслух из поучительных книг или Библии, обедал сам он позже. Во время обеда любил беседовать со своими приближенными о вере и выказывал при этом очень большую начитанность и память. После обеда дремал или отправлялся в темницу смотреть на пытки; казалось, они забавляли его; нередко он возвращался с пыток веселым, разговорчивым, шутил. В 8 часов шли к вечерне, затем в десятом часу царь удалялся в свою спальню; здесь три слепца-сказочника по очереди рассказывали ему сказки, пока он не засыпал. Вскоре после полуночи он просыпался и начинал день молитвою...

Случалось, что в церкви царю делались доклады, и он тут же во время богослужения отдавал приказы — иногда насчет пыток и казней. Бывали случаи, что по приказу его иноки-опричники, даже не сбросив с себя монашеских мантий, вскакивали на коней и с дикими криками неслись грабить двор какого-нибудь опального боярина и чинить над ним кровавую расправу.



***А. Литовченко Иван Грозный показывает сокровища
английскому послу Горсею***

Свою жизнь царь разнообразил время от времени объездами, посещал монастыри, осматривал крепости, тешился охотами; особенно любил он медвежью травлю. Когда являлось в Москву какое-нибудь важное иноземное посольство, он приезжал сюда и торжественно, во всем величии своей власти, принимал послов в Кремлевской палате.

Митрополит Филипп

Когда все в трепете и в ужасе притихло пред страшной царской грозой; когда бояре даже у себя дома не осмеливались выразить вслух свой страх и скорбь, опасаясь слуг, часто доносивших и клеветавших на своих господ; когда все трепетало пред опричниками, жадно стерегущими свою добычу, тогда неожиданно раздался на Руси смелый голос, осуждавший непомерную жестокость царя. Беспредельна была власть государя: он был волен в жизни и смерти каждого подданного своего; правда и суд были в его руках; но и над ним была высшая Божья правда. Во имя этой-то правды и заговорил митрополит Филипп.

После митрополитов Макария и Афанасия, которые очень смиренно держали себя перед царем и только изредка осмеливались «печаловаться» об опальных, то есть просить царя о милосердии к ним, по воле царя в митрополиты был избран Филипп.

Он происходил из знатного боярского рода Колычевых. В малолетство Ивана Васильевича его взяли ко двору, но был он здесь недолго и тридцати лет удалился в Соловецкую обитель (на Белом море) и там постригся. Лет через десять возвели его в сан игумена. Филипп сделал для обители очень много и своими средствами, и распорядительностью: монастырь при нем достиг цветущего состояния; он соорудил две каменные церкви, кельи, больницы, осушил болота, устроил каналы, дороги и прочее. Молва о деятельном игумене самого отдаленного северного монастыря широко распространялась между православным людом. По делам монастыря Филипп посетил Москву в лучшую пору царствования Ивана Васильевича и понравился ему.

Когда царь вспомнил о Филиппе и предложил его в митрополиты, то все духовные и бояре сказали, что трудно было бы и найти более достойного пастыря церкви, чем он.

По царскому приказу он прибыл в Москву. Царь принял его очень милостиво, с большой честью пригласил к своему столу, но когда предложил ему принять сан митрополита, он отказался и смиренно просил отпустить его в Соловки. Царь настаивал. Тогда Филипп смело сказал: — Я повинюсь твоей воле, но отмени опричнину: иначе быть мне митрополитом невозможно!

Государь разгневался. Казалось, дело не сладится, но епископы умоляли, с одной стороны, царя не гневаться, а с другой — Филиппа согласиться. Филипп уступил усиленным просьбам и даже согласился дать письменное обещание не вмешиваться ни в опричнину, ни в обиход царской домашней жизни. Верно, он надеялся, что и при этих уступках ему удастся много принести пользы родной земле. 25 июля 1566 года торжественно в Успенском соборе в присутствии царя совершилось поставление Филиппа в митрополиты.

На некоторое время наступила тишина; царь, казалось, воздерживался от жестокости; но это было лишь временным роздыхом... Опричники, посылаемые царем в Москву разведывать и наблюдать, нет ли измены, доносили ему, что их все избегают, словно язвы, что всюду, даже на улицах, умолкает разговор, лишь только завидят опричника. Опричников, разумеется, все и боялись, и ненавидели, как доносчиков, готовых лгать и клеветать, и как палачей, обагренных кровью сотен невинных жертв. Нетрудно это было бы понять и царю, но ему чудились всюду крамолы и измены, и в этом случае ему казалось, что в Москве готовится большой заговор... В это время князьям Вельскому, Мстиславскому, Воротынскому и Челядину были

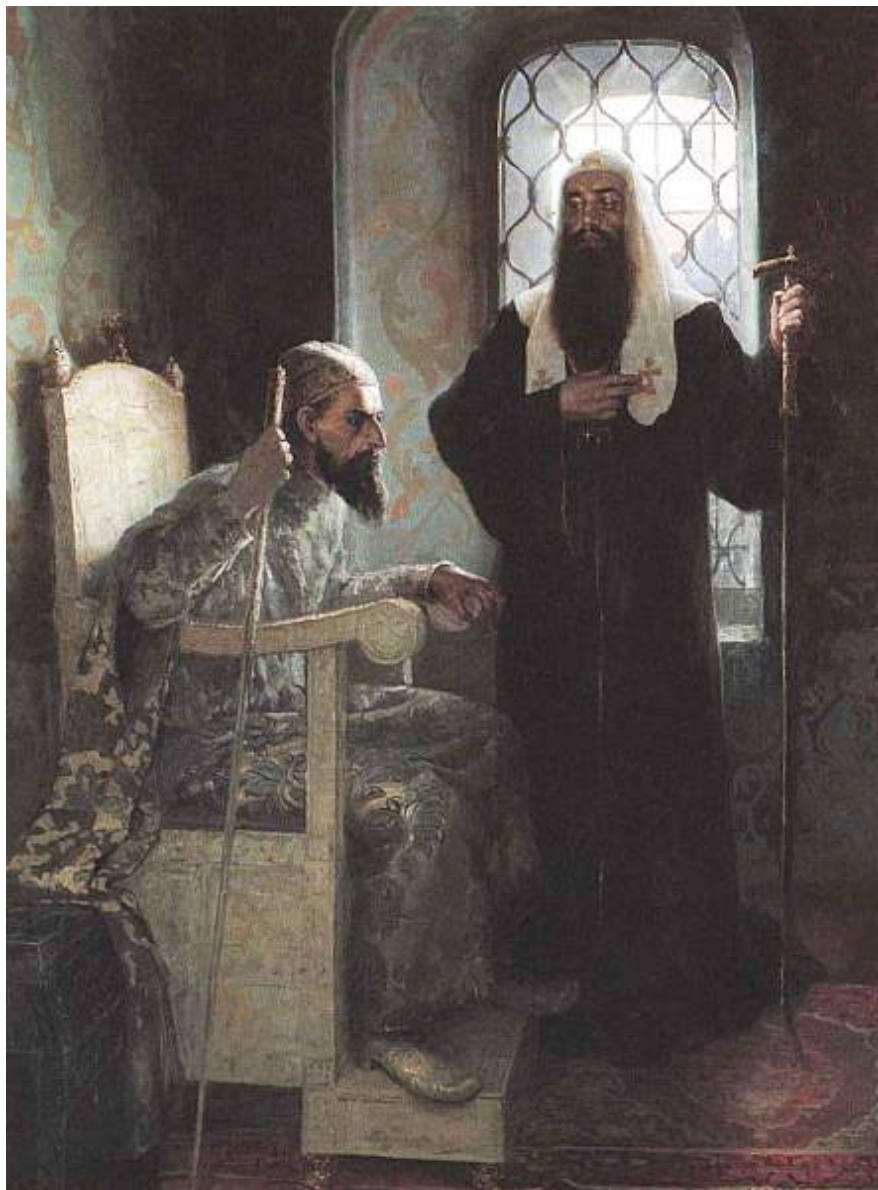
присланы от польского короля и литовского гетмана призывные грамоты с приглашением перейти на сторону короля. Бояре предъявили эти грамоты царю и отвечали королю бранью и насмешками. Очень вероятно, что сам царь указал, как им ответить. (Быть может, и самые призывные грамоты были придуманы по его приказу, чтобы испытать верность бояр.) По этому поводу начались новые розыски. Первым трем боярам удалось на этот раз счастливо отделаться, но старик Челяднин пострадал. Царь особенно недолголюбивал его, и на него было возведено между прочим нелепое обвинение, будто он хотел свергнуть царя с престола и сам сделаться царем. Есть известие, будто царь призвал Челяднина и в присутствии всего двора облачил его в царскую одежду и посадил на трон; затем, сняв шапку, низко и почтительно поклонился ему и торжественно произнес: — Здрав буди, великий царь земли Русской! Теперь ты принял от меня честь, какой искал! Но я имею власть сделать тебя царем, могу и низвергнуть тебя с престола! — и с этими словами вонзил нож в сердце несчастного старика.



Я. Турлыгин Митрополит Филипп и Иоанн Грозный

Опричники умертвили и жену его. Затем казнили и мнимых соумышленников Челяднина, князей Куракина, Ряполовского, трех Ростовских; знаменитого полководца, князя Петра Щенятева, который думал спастись в монастыре, отрекшись от мира, замучили, по словам Курбского; князя Ивана Турунта-Пронского — старика, служившего еще отцу царя, участника всех походов, утопили. Много знатных людей, родичей их и лиц, близких им, погибло в это время в Москве. На иных нападали опричники совершенно внезапно, когда те

шли, не ведая за собой никакой вины, в церковь или в должность.



О. Кузьмин Иван Грозный и митрополит Филипп

Опричники с длинными ножами и секирами рыскали по городу, отыскивая свои жертвы, и убивали ежедневно десятки людей на виду у всех. На улицах и площадях валялись трупы убитых: никто не осмеливался не только

хоронить погибших, но даже выражать сожаление о них. Жители боялись даже выходить из домов своих.

Не мог снести этих ужасов митрополит Филипп. Он дал царю обет не вмешиваться в опричнину, но считал себя вправе давать царю пастырские советы, ходатайствовать, чтоб не лилась без суда неповинная кровь... Святитель отправился к царю и вел с ним тайную беседу. В чем она состояла — неизвестно, но убеждения Филиппа, очевидно, не подействовали на царя. Угодники его из духовных лиц стали ему наговаривать и клеветать на митрополита, которого царь и так уже подозревал в доброхотстве боярам.

Кровь лилась по-прежнему. Тогда святитель заговорил всенародно. В соборной церкви 22 марта 1568 года он обратился к царю с такой речью:

— О державный царь! Ты облечен самым высоким саном от Бога и должен чтить Его более всего. Тебе дан скипетр власти земной, чтобы ты соблюдал правду в людях и царствовал над ними по закону. Правда — самое драгоценное сокровище для того, кто стяжал ее. По естеству ты подобен всякому человеку, а по власти подобен Богу: как смертный, не превозносись, а как образ Божий, не увлекайся гневом. По справедливости властелином может назваться лишь тот, кто сам собой владеет, а не рабствует позорным страстям. От века не слыхано, чтобы благочестивые цари так волновали свою державу; при предках твоих не бывало ничего подобного тому, что ты творишь: у самих язычников не случалось ничего такого! Это смелое обличение привело царя в ярость.

— Что тебе, чернецу, за дело до наших царских решений, — воскликнул он в гневе, — разве тебе неизвестно, что меня мои же хотят поглотить?!

— Я, точно, чернец, — отвечал твердо и спокойно Филипп, — но по благодати Святого Духа, по избранию Святого собора и твоему изволению я — пастырь

Христовой церкви и вместе с тобою обязан иметь попечение о благочестии и мире всего православного христианства!

— Одно тебе говорю, отче, молчи, а нас благослови действовать по нашей воле! — возразил государь, едва сдерживая гнев.

— Благочестивый царь, молчание наше умножает грех души твоей и может причинить ей гибель, — сказал в ответ святитель.

Царь в негодовании снова напоминал, что на него восстали люди и ищут ему зла, а Филипп советовал ему прогнать от себя людей, говорящих ему неправду, и приблизить советников добрых, а не льстивых. Царь в припадке сильного гнева стал грозить пастырю церкви.

— Филипп, не прекословь державе нашей, — кричал он, — да не постигнет тебя мой гнев, или сложи с себя свой сан!

— Ни просьб, ни мзды, ни ходатаев не употреблял я, чтобы получить этот сан. Зачем ты лишил меня пустыни? — смиренно ответил митрополит.

В большом гневе на митрополита царь вышел из церкви. Через некоторое время он явился в Успенский собор. Сам государь и опричники, сопровождавшие его, были в черных монашеских мантиях с высокими шлыками на головах.

Государь приблизился к митрополичьему месту, где стоял Филипп, и просил у него благословения. Святитель смотрел на образ Спасителя и молчал...

— Святой владыко! — сказали бояре. — Благочестивый государь пред тобою и просит твоего благословения.

Тогда святитель взглянул на него и с укоризной произнес:

— Царь благий! Кому поревновал ты, приняв на себя такой вид, изменив свое благолепие? Убойся Суда Божьего: на других закон ты налагаешь, а сам

нарушаешь его. У татар, у язычников есть правда, — в одной России нет ее; во всем мире можно встретить милосердие, а в России нет сострадания даже к невинным и правым!.. Здесь, в храме, мы приносим Богу бескровную жертву за спасение мира; а там, за алтарем, льется безвинно кровь христианская. Ты сам просишь прощения в грехах своих пред Богом; прощай же и других, согрешающих перед тобой!

Царь пришел в страшную ярость.

— Нашу ли волю, Филипп, думаешь изменить? — кричал он в гневе. Митрополит пробовал возразить, что он скорбит не только о тех, чья мученическая кровь напрасно льется, но и о самом царе, и его душевном спасении; но царь ничего не слушал, в сильном гневе махал рукой, грозил митрополиту изгнанием и разными муками.

— Ты противишься, Филипп, нашей державе; посмотрим же на твою твердость! — говорил он в ярости.

— Я — пришелец на земле, — отвечал святитель, — как и отцы мои, и за истину благочестия готов претерпеть и лишение сана, и всякие муки.

Тут же, в соборе, некоторые из врагов Филиппа, в том числе и Пимен, архиепископ новгородский, желая в угоду царю унижить всенародно святителя, взвели на него небывалые проступки; но Филипп спокойно изобличил своих обвинителей в гнусной клевете. Враги его потерпели на этот раз полную неудачу.

Царь приказал схватить всех приближенных митрополита; их заключили под стражу, подвергли пыткам, стараясь выведать от них что-либо предосудительное для митрополита, но ничего не допытались. А злым царским советникам и опричникам надо было погубить святителя, чтобы спасти себя: они боялись, чтобы слово его как-нибудь не дошло до сердца царя.

В это время начались в Москве новые дикие бесчинства опричников. Страдали тут и люди, на которых даже и тени подозрения в какой-нибудь вине против царя не могло падать; не только их, но и жен, и дочерей их опричники страшно оскорбляли. Казалось, они хотели испытать, способен ли еще запуганный люд возмущаться чем-либо и роптать...

Последнее всенародное объяснение царя с митрополитом произошло 28 июля. Шла митрополичья служба в Новодевичьем монастыре. Тут был государь со своими опричниками. Во время крестного хода по монастырской стене, когда митрополит у святых ворот остановился читать Евангелие, он увидел, обратившись к народу, что один опричник стоит в тафье.

— Чтение слова Божия, — сказал митрополит царю, — следует слушать христианам с непокровенной головой, а эти, откуда взяли агарянский обычай предстоять здесь с покрытыми главами?

— Кто такой? — спросил царь и стал в толпе искать глазами виновного. Но опричник уже успел снять тафью.

Тогда государя его приближенные уверили, что митрополит говорит неправду по злобе на опричников, издеваясь над царской властью. Царь вышел из себя от гнева, стал всенародно бранить святителя лжецом, мятежником и злодеем.

После этого случая царь решил во что бы то ни стало низложить Филиппа; но в Москве все высоко чтили его, знали его святую жизнь, и врагам святителя, чтобы хоть сколько-нибудь придать законный вид его низложению, пришлось прибегнуть к клевете. В Москве говорили только о добродетелях его, и потому послано было несколько лиц в Соловки расследовать тамошнюю жизнь бывшего игумена. Ласки, угрозы, подкупы — все было пущено в ход, чтобы найти лжесвидетелей. Хотя и с большим трудом, но удалось наконец нанебовать несколько иноков, в том числе даже и игумена Паисия,

готовых клеветать на Филиппа. Их привезли в Москву. Немедленно для суда над митрополитом открыт был собор, на котором присутствовал сам государь. Призван был обвиняемый. Выслушаны обвинения; но Филипп и не думал оправдываться, он только обратился к Паисию и кротко заметил:

— Чадо, что сеешь, то и пожнешь!



***А. Новоскольцев Последние минуты митрополита
Филиппа***

Затем, обратившись к царю и всему собору, сказал, что не страшится смерти; что лучше умереть невинным мучеником, нежели в сане митрополита безмолвно терпеть ужасы и беззакония. Тут же он положил свой пастырский жезл и начал слагать с себя знаки своего сана: белый клобук, мантию... Это смирение и величественное спокойствие святителя раздражили царя; он приказал Филиппу остановиться, исполнять свои святительские обязанности и ждать судебного приговора.

8 ноября 1568 года, когда Филипп совершал богослужение в соборе и стоял в полном облачении пред алтарем, вдруг вошел в церковь Алексей Басманов, царский любимец, с опричниками. По его приказу прочтен был соборный приговор о низложении митрополита. На глазах народа, пораженного ужасом, совершилось неслыханное дело: опричники кинулись на митрополита, сорвали с него святительское облачение, набросили на него ветхую, изодранную монашескую одежду и с позором, метлами, выгнали его из церкви. Народ со слезами бежал следом за ним, когда его везли, посадив на дровни. «Молитесь!» — говорил он народу... Лицо его было светло, и он ласково благословлял людей.



Н. Неврев Кончина митрополита Филиппа

Филиппа отвезли сначала в Богоявленский монастырь в заключение; здесь целую неделю просидел он в смрадной темнице, в оковах, томимый голодом. Царь хотел было осудить его на сожжение, так как клеветники обвиняли его между прочим в чародействе; но по ходатайству духовных лиц согласился оставить ему жизнь. Между тем царь беспощадно истреблял род бояр Колычевых. Говорят, будто он прислал Филиппу отсеченную голову одного из любимых его родичей и велел сказать: «Вот твой любимый сродник: не помогли ему твои чары!». Святитель поклонился до земли перед

головой, благословил ее, с любовью облобызал и отдал принесшему. Наконец, по приказу царя Филипп был удален из Москвы и сослан в заточение в Тверской Отроч монастырь. Скоро здесь он и умер мученической смертью.

Когда царь с опричниками ехал в Новгород творить кровавую расправу, Малюта Скуратов по пути заехал к Филиппу в монастырь просить благословения.

— Я благословляю только добрых и на доброе! — ответил святитель.

Тогда Малюта задушил его подушкой, а затем пустил молву, что он задохнулся от сильного жара в келье.

Впоследствии Филипп был причтен к лику святых. Мощи святого мученика ныне покоятся в Успенском соборе в Москве.



Митрополит Филипп

Разгром Новгорода и московские казни

Уже погибли почти все лица, которые во время болезни царя склонялись на сторону его двоюродного брата, князя Владимира Андреевича, но сам Владимир еще оставался жив. До какой степени ему не доверял царь после болезни своей, видно из того, что несколько раз брал с него записи (письменные обязательства) верно служить и ему, царю, и сыну его. Князь Владимир должен был при этом обещать, что пойдет войной даже на своего родного брата, если прикажет царевич; донесет ему даже на свою мать, если та умыслит ему какое зло, и прочее.

Царь переменял у Владимира всех бояр и слуг, из одной волости перевел его в другую, наконец, и совсем покончил с ним. По одному известию, князь замышлял перейти в подданство Сигизмунду. Так ли это было действительно или это была клевета — трудно судить; но вначале Владимир Андреевич погиб. По одним известиям, он был осужден в присутствии царя выпить отраву, по другим — ему была отрублена голова. С ним вместе казнены были его жена, дети, и даже служанок, выразивших сочувствие своим господам, расстреляли.

Ненасытная злоба кипела в сердце Иоанна; никакие жертвы, казалось, не могли утолить ее: очевидно, страшная душевная болезнь обуревала его. Вечный страх измены помрачал ум его, делал его злобным, жестоким. Страшась сам всего, он хотел страшить всех... Мало того что он беспощадно истреблял боярские роды, он хотел быть страшен и простому люду.

Несомненно, что опричники своими доносами и клеветами разжигали все пуще и пуще больную душу Иоанна.

Летом 1569 года явился к царю какой-то бродяга с доносом, что новгородцы хотят предаться польскому королю. Доносчик заявил, что написана даже грамота к королю и хранится в Софийском соборе, за образом Богоматери. Царь отправил в Новгород доверенное лицо вместе с доносчиком, и грамота действительно нашлась в указанном месте. Говорят, что доносчик из мести новгородцам, чем-то обидевшим его, сам сочинил грамоту и очень искусно подписался под руку архиепископа и некоторых влиятельных новгородцев.

Царь поверил доносу. Новгородцы и псковичи, среди которых еще жили предания о старых вольностях, могли казаться ему подозрительными. Весьма вероятно, что в Новгороде, вдали от Москвы, смелее, чем где-либо, поговаривали о бесчинствах опричины, и слухи об этом могли доходить до царя. Он еще раньше доноса выселил из Новгорода и Пскова несколько сот семей; теперь же, имея благовидный повод, решился этим городам дать надолго острастку.



А. Васнецов Улица в городе. Эскиз декораций к опере П. И. Чайковского «Опричник» в постановке оперного театра С. И. Зимина в Москве

В декабре 1569 года он предпринял поход на север. Не только опричники были с царем, но он вел с собою будто на настоящую войну и отряд войска. Разгром начался с границ бывших тверских владений, от города Клина до Новгорода. Опричники врывались в города, грабили, били кого попало, даже убивали людей неведомо за что. Особенно сильно пострадала Тверь.

2 января 1570 года прибыл в Новгород передовой отряд царской дружины и занял все пути из города, чтобы ни один человек не ушел отсюда. Во всех подгородных монастырях начальники этого отряда запечатали казну, захватили игуменов и иноків числом более 500; взяты были под стражу и священники новгородских церквей; знатнейших жителей, купцов, приказных людей также забрали под стражу, а имущество их опечатали.

6 января вечером прибыл царь со всем двором, с полутора тысячами стрельцов, и остановился на Торговой стороне, на Городище. На следующий день отдано было первое приказание: захваченных игуменов и монахов бить палками до смерти и трупы развозить по монастырям для погребения. На третий день по приезде, в воскресенье, государь отправился в кремль, к Святой Софии, к обедне. На Волховском мосту, по стародавнему обычаю, владыка Пимен со всем собором, с крестами и иконами вышел встречать государя. Владыка хотел осенить его крестом, но Иоанн не подошел к кресту, а начал гневно говорить владыке:

— Ты не пастырь и не учитель — но волк, хищник, грабитель, изменник, нашей царской багрянице и венцу досадитель!..

Сказавши это, он приказал владыке служить обедню в Софийском соборе. По окончании службы государь с ближайшими своими опричниками из церкви пошел к владыке в столовую палату. Здесь для высокого гостя был приготовлен обед. Но едва царь отведал пищи, как вдруг завопил страшным голосом. Это было условным знаком нападения. Владыку схватили. Опричники кинулись грабить двор и казну его; хватили его слуг и отдавали под стражу, а потом по царскому приказу ходили по всем монастырям и церквям и забирали церковную казну и утварь.

Затем царь с сыном своим отправился снова на Торговую сторону, в Городище, и здесь открыл суд: сюда приводили новгородцев, взятых под стражу; их подвергали пыткам, жгли при помощи какого-то состава на медленном огне. Обвиненных, привязавши к саням, волокли к Волхову. Здесь большое пространство реки было очищено ото льда. Осужденных с Волховского моста с высоты бросали в воду, связанных по рукам и ногам. Кидали также женщин и детей, младенцев привязывали к их матерям. По реке ездили в челнах опричники и баграми, рогатинами и топорами добивали тех, которые всплывали.

Эта ужасная расправа длилась, «грех наших ради», говорит летописец, пять недель без перерыва.

Казненных и замученных до смерти было более полутора тысяч. После того опричники рыскали по городу и его окрестностям, грабили лавки, дворы, разоряли дома, истребляли домашние запасы, убивали скот... Верст на двести кругом Новгорода были опустошены села и деревни.

Наконец 13 февраля царь приказал созвать уцелевших новгородцев с каждой улицы по одному. Явились они пред ним, трепеща от страха, бледные, как мертвецы: они ожидали смерти. Но царь взглянул на них милостиво и обратился к ним с ласковой речью.



А. Васнецов Московский застенок. Конец XVI века

— Молите человеколюбивого Бога, — сказал он, — о нашем благочестивом державстве, о детях наших молитесь, чтобы Господь даровал нам победу на всех видимых и невидимых врагов. Пусть взыщется вся кровь эта на изменниках, владыке Пимене и его советниках; вы же об этом теперь не скорбите и живите в Новгороде благодарно!

Пимен, клеветавший раньше на Филиппа, лишен был сана, предан поруганию и сослан в заточение.

Памятен остался новгородцам этот грозный суд... Два года спустя после погрома, во время обедни, в одной церкви вдруг разнеслась почему-то молва, что царь с опричниками приехал в город. Толпа в ужасе кинулась во все стороны. Мужчины, женщины и дети с плачем бежали, сами не зная куда. Страх от бегущих сообщился и другим; купцы от испуга покидали даже свои лавки, товары и бежали... Не скоро и очнулись от страха. Такой переполох произвел слух о приезде грозного владыки.

Из Новгорода царь отправился в Псков. Псковичи в ужасе ждали участи новгородцев, исповедовались, причащались... Но псковский воевода князь Юрий Токмаков оказался очень находчивым: он распорядился, чтобы устроена была царю особенная, небывалая встреча. Иоанн подъехал к Пскову ночью и остановился переночевать в одном подгородном монастыре. На заре царь услышал звон во всех псковских церквях: то благовестили к заутрене; псковичи готовились в последний раз пред смертью помолиться Богу. Это, говорят, тронуло государя и расположило к жалости.

Когда же он вступил в город, то его взорам представилось неожиданное зрелище. Жители стояли по улицам, каждый пред своим домом, с женами своими и детьми, держа в руках хлеб и соль. Завидев царя, все падали на колена и с полной покорностью приветствовали его. Эта встреча умилила его. Он запретил опричникам убивать или мучить жителей, позволил только пограбить их.



***И. Пелевин Царь Иоанн Грозный в келье юродивою
Николая Салоса***

Царь недолго пробыл в Пскове. Рассказывают между прочим, что он посетил блаженного Николу Салоса («Салос» по-гречески значит юродивый). Никола стал потчевать царя сырым мясом, а тогда был Великий пост.

— Я — христианин, — сказал царь, — и не ем говядины в пост.

— Хуже ты делаешь, мясо человеческое ты ешь! — возразил юродивый.

Этим укором и некоторыми дурными предвещаниями юродивый, говорят, так напугал суеверного Иоанна, что он поспешил уехать из Пскова.

По возвращении его в Москву начались и здесь розыски участников новгородской измены. На многих бояр и даже близких царю людей было донесено, будто они сносились с Пименом и злоумышляли на государя.

25 июля на большой Московской площади, в Китай-городе, поставлено было 18 виселиц, разложены были разные орудия пытки, зажжен громадный костер, над которым повесили огромный чан с водой. Готовилось страшное зрелище. Жители Москвы в ужасе спешили укрыться: торговцы бежали, покидая свои открытые лавки. Боялись все, что над Москвою разразится такая же гроза царской немилости, как над Новгородом. Площадь опустела. Только толпа опричников стояла здесь в ожидании жертв. Среди тишины словно вымершего города раздался звук бубнов: то въезжал царь. Он был верхом на коне; с ним рядом ехал его любимый старший сын Иван Иванович; следом за ними — приближенные сановники, отряды опричников, позади них вели осужденных, около трехсот человек, уже измученных пытками, истерзанных, походивших на мертвецов.

Царь осмотрелся и остался очень недоволен, что площадь пуста, что нет народа. Он приказал опричникам сгонять людей. Жители, конечно, не смели ослушаться, выходили испуганные из ям, из погребов, куда попрятались со страху. Когда площадь наполнилась народом, царь громко сказал:

— Народ, увидишь муки и гибель, но караю изменников. Отвечай, прав ли суд мой?

— Да здравствует на многия лета государь великий! Да погибнут изменники! — закричал в ответ народ.

Царь приказал отделить из толпы осужденных сто восемьдесят человек менее виновных и даровал им жизнь.

Затем начались и продолжались четыре часа подряд ужасные, изысканно-мучительные казни...

Не станем описывать этих ужасов, глубоко возмущающих человеческое чувство. Хотя о них подробно рассказывают в своих записках иноземцы, свидетельствует Курбский, говорят и наши летописи, но всему верить нельзя: все, что слишком поражает чувство человека, обыкновенно потом в рассказах преувеличивается — даже невольно; а иноземцы, сначала служившие грозному царю, потом изменившие, конечно, очень склонны были преувеличивать ужас жестоких казней его. То же надо сказать и о русских изменниках. Но если даже откинуть все баснословное в рассказах о лютых казнях и мучениях, то все-таки много еще останется несомненного и ужасного...

Упоминается в современных записках о страшных орудиях мучения: сковородах, печах, клещах; говорится о том, что вбивали иглы под ногти, резали по суставам, перетирали веревками и прочее.

Надо припомнить, что в то время и в Западной Европе обильно лилась человеческая кровь. Это была пора какого-то умственного и нравственного помрачения.



Г. Мясоедов Историческая сцена (Иван Грозный в келье псковского старца Николы)

Набожность и зверство шли рука об руку. В Испании дымились сотни костров, на которых приносились человеческие жертвы, — жгли еретиков во имя Христовой веры. Во Франции в одну ночь десятки тысяч их были избиты во имя той же веры, а в Риме папа, считавшийся наместником Христа на земле, праздновал

эти злодейства как победы Христовой веры над ересью и служил благодарственные молебны!..

Жестокость Ивана Васильевича дошла до высшей меры после новгородских казней. Его опричники, часто окровавленные, с дикими криками: «Гойда! Гойда!» — носились на своих лихих конях по Москве, приводя всех в ужас. Даже потехи грозного царя были порой ужасны. Случалось, что он приказывал выпускать медведей на толпу народа, ни в чем не повинного, и тешился воплями испуганных и убегающих людей, стонами пострадавших. Искалеченных, впрочем, он всегда щедро награждал.

Любил царь тешиться с веселыми людьми, скоморохами. У него было много и шутов. Но их участь также бывала иногда очень горькая! Рассказывают, что один шут, князь Гвоздев, пошутил как-то неудачно во время царского обеда. Царь вылил на него миску горячих щей. Несчастный завопил и хотел бежать. Это совсем не понравилось царю, и он ударил шута ножом. Тот упал, обливаясь кровью. Царь опомнился, велел поскорее позвать своего врача Арнольфа и сказал ему: — Исцели слугу моего доброго, я пошутил с ним неосторожно.

— Так неосторожно, — отвечал лекарь, взглянув на рану, — что разве только Бог и твое царское величество может воскресить его.

Тогда царь, махнув рукой, проговорил: «Ну его, пса!» — и продолжал пировать.

Случалось, если верить рассказам иностранцев, что и смертная казнь обращалась в злую потеху. Над жертвой издевались.

Рассказывают, например, такой случай. Один из воевод, Никита Казаринов, ожидая опалы и смерти, уехал из Москвы и посхимился в одном из монастырей. Царь послал за ним, с злобной усмешкой сказал, что схимники — ангелы и потому должны лететь на небо, и велел его взорвать на бочке пороха.

Жестокие нравы были в ту пору, и как ни ужасны были мучения и казни, но люди того времени так не возмущались ими, как возмутились бы теперь. В довершение бедствий в 1570 году свирепствовали ужасный голод и мор. Холода, а потом засухи сгубили жатву. Цены на хлеб поднялись неслыханные. Бедняки толпами скитались по улицам Москвы, прося подаяния. Люди, прежде достаточные, разорились, обнищали вконец. На улицах, на дорогах лежали трупы умерших от голода... От изнурения, от дурной пищи и от голода начались поварьные болезни. До 1572 года продолжались бедствия. В это время обрушилось на Москву новое несчастье — страшное нашествие крымских татар.



В. Владимиров Казнь боярина

Войны с соседями

Ливония под ударами русских, как сказано, уже распалась на части. Польша, которой досталась большая часть ее владений, должна была по договору 1561 года защищать ее.

Ливония с ее крепостями, замками и особенно с ее прекрасными приморскими гаванями была как для Польши, так и для Москвы очень заманчивой добычей; но нелегко давалась она в руки Ивану Васильевичу! Ему приходилось столкнуться не только с Польшей, но и со Швецией, захватившей Ревель, и с Данией, присвоившей остров Эзель. Более опасным соперником была Польша. Попытался было Иван Васильевич уладить здесь дело мирным путем, даже для этого думал было жениться на одной из сестер польского короля Сигизмунда Августа. Тут у царя были и другие расчеты: женившись на сестре бездетного короля, последнего из Ягеллонов, со смертью его царь получал некоторые права на Литву. Дело это, однако, не сладилось: переговоры прервались, и загорелась война, так как царь и не думал выпускать из рук Ливонии.

Война началась, как всегда, опустошительными набегами. Но в начале 1563 года сам царь с огромной ратью и нарядом (пушками) двинулся в Литву и к Полоцку и осадил его, а через две недели, 15 февраля, город, стены которого были сильно разбиты и сожжены, сдался. Имение воевод, панов и купцов отобрано в царскую казну; множество жидов, которых не терпел царь, потоплено в Двине; но наемные воины короля, более 500 человек, были щедро одарены шубами, и дана была им воля: ехать к королю или поступить на службу к царю, или вернуться к себе на родину. Очевидно, Иоанн очень заботился о том, чтобы в чужих краях шла добрая

молва о нем и чтобы иноземцы охотно шли в царскую службу. После взятия Полоцка царь вернулся в Москву так же торжественно, как из-под Казани.

Польский король завел переговоры о мире, но царь на уступку Полоцка и Ливонии не согласился, и потому переговоры не привели ни к чему. Война продолжалась. На этот раз московское войско потерпело неудачу. Недалеко от Орши, на реке Уле, оно было разбито литовским гетманом; но особенных выгод для себя из этой победы враги не извлекли. Измена Курбского тоже не принесла им большой пользы. Полоцка обратно взять они не могли. Война продолжалась, но шла довольно вяло, с переменным счастьем.

Начались опять переговоры. Король просил перемирия и уступал царю все города и земли, занятые московскими войсками. Иван Васильевич призадумался: с одной стороны, уступка Полоцка и значительной части Ливонии (Юрьевской области) после поражения под Оршей казалась ему выгодной; с другой стороны, приходилось отказаться от морских берегов (не занятых еще русскими войсками), а ведь ради морских гаваней и война загорелась. Досадно и больно было царю и подумать, что Рига и другие богатые города и хорошие гавани достанутся Польше даром.



И. С. Глазунов Иван Грозный

Он колебался, соглашаться ли на перемирие или нет. Тогда пришло ему на ум собрать большой собор для совещания об этом вопросе. Раньше государи наши советовались о важнейших делах с вельможами в Боярской думе, куда приглашалось иногда и знатнейшее духовенство. Но мы знаем уже, как царь относился к боярам, и потому понятно, что он предпочел собор из

разных сословий. По его приказу летом 1566 года собралось более трехсот лиц: тут были духовные лица, бояре, дворяне, помещики из западных областей, смежных с Литвой, дьяки, знатнейшие московские купцы и смоляне. К этому собору царь обратился с вопросом — мириться ли ему с королем на предложенных условиях или нет. Собор, где подавались голоса по сословиям, пришел к заключению, что надо добывать всю Ливонию. Это решение подкрепило царя, и он снова стал готовиться к упорной войне. Переговоры еще длились, но дело уладиться не могло. Царь требовал, между прочим, выдачи изменника Курбского. Но война явно уже тяготила и короля, и царя. Самолюбие Ивана Васильевича было польщено: литовские послы стали называть его царем (прежде не хотели признать этого титула). Более миролюбиво заговорили и московские посланцы. Надо сказать, что им давались от царя очень обстоятельные наказы, о чем говорить, как отвечать на разные вопросы, как держать себя. Выдачи Курбского на этот раз уже не требовалось; но в наказе посланцу находим следующее любопытное место: «Станет говорить князь Андрей Курбский или иной который государев изменник, то отвечать: с изменником что говорить? Вы своей изменой сколько ни лукавствуете бесовским обычаем, а Бог государю свыше подает на врагов победу и вашу измену разрушает! Больше того не говорить ничего и прочь отойти. А с простым изменником и того не говорить, а, выругав его, плюнуть в глаза, да и пойти прочь».

Только в 1570 году удалось наконец заключить перемирие на три года. Царь все больше и больше убеждался, что очень трудно ему добиться желанной цели — вполне завладеть заветными берегами Балтийского моря. По совету приближенных иностранцев он предложил датскому принцу Магнусу, владельцу острова Эзеля, Ливонию с титулом короля, с

тем чтобы он был в зависимости от Москвы и чтобы московской торговле и сношениям с Западом никакой помехи в ливонских гаванях не делалось. Магнус согласился, прибыл в Москву в 1570 году и был объявлен женихом царской племянницы, дочери казненного Владимира Андреевича.

Занятый войной на Западе, царь старался всеми силами ладить с Крымом. Польский король давно уже подбивал хана Девлет-Гирея к нападению на русскую Украину, а царь в свою очередь старался всячески его задобрить, писал ему дружелюбные письма, величал «своим братом», посылал ему «поминки», то есть подарки, между прочим дорогие одежды со своего плеча, драгоценные сосуды, причем писал: «В котором платье мы тебе, брату своему, дали клятву (в дружбе), и мы то платье с плеч своих тебе, брату своему, послали, и ты б, брат наш, то платье и носил на здоровье; а из которой чары мы пили, и мы ту чару с черпалкой послали к тебе же, и ты б из нее пил на здоровье». Но ничто не помогло. Принимая щедрые подарки от царя, хан, ссылаясь на них, только выторговывал себе еще больше подачек от короля. Притом турецкий султан вознамерился во что бы то ни стало отнять у Москвы Астрахань и Казань и приказал своему подручнику, крымскому хану, выступить в поход на Астрахань (1569 год). Турецкий отряд (в 17 000 человек) и крымская орда (50 000 человек) двинулись к Волге; но поход этот совсем не удался. Турецкое войско не хотело оставаться на зимовку под Астраханью и терпеть во всем недостатки, волновалось, а когда дошла до турок, весть, что в Астрахань пришла сильная русская рать, то и вовсе вышло из повиновения и без всякого бою обратилось в бегство...



Герб княжества Полоцкого

В то время, когда в Москве свежи еще были в памяти народа лютые казни после новгородского погрома, когда голод и моровое поветрие уже свирепствовали во всей силе, внезапно новая беда обрушилась на Русскую землю.

Девлет-Гирей и после неудачного турецко-татарского похода по-прежнему продолжал требовать у царя уступки Астрахани и Казани. Очевидно, это было только предлогом к нападению. Все лето 1570 года прошло в тревожных ожиданиях набега крымцев: русские разведчики видели в степях огромные облака пыли, следы многочисленной конницы, но появлялись татары всюду лишь мелкими шайками. Царь и его воеводы уже было и успокоились, думая, что татары не затевают большого дела.

Наступила весна 1571 года. В южных русских пределах вдруг показались татары. Хан собрал все подчиненные ему мелкие орды, более ста тысяч человек, и неожиданно вторгся в южную Украину. Никакие казачьи станицы и украинские крепости сдержать напора такой орды не могли. Нашлись русские изменники, которые сказали Девлет-Гирею, что голод, моровая язва и лютые казни так опустошили Русскую землю, что царь не в состоянии вывести в поле большой рати. Изменники ручались головой, что они проведут татар к самой Москве так, что на всем пути не будет встречи с русским войском.



Е. Данилевский Иван Грозный

Наскоро собранная русская рать выступила на Оку навстречу татарам. Царь с опричниками прибыл в Серпухов. Но хан по указанию изменников тайно от

русских воевод переправился через Оку и шел уже на Москву. Царь со своими опричниками, отрезанный от главного войска, должен был искать спасения и поспешно отступил сначала в Александровскую слободу, а оттуда в Ростов. Русская рать спешила на выручку столицы, успела днем раньше татар стать под Москвой и расположилась в предместьях города, вместо того чтобы встретить неприятеля в открытом поле. Это было пагубной ошибкой.

24 мая, в праздник Вознесения, хан подступил к Москве. Утро было ясное и тихое. Хан приказал зажечь предместья.

Русское войско готовилось уже бодро к смертному бою, как вдруг вспыхнул пожар сразу во многих местах. Запылали деревянные домишки сначала по окраинам предместья. Быстро с кровли на кровлю перебежал огонь по скученным деревянным постройкам и с треском пожирал сухое дерево. Тучи дыма за клубились над Москвой. Поднялся вихрь, и скоро море огня разлилось по всему городу!..

Нечего было и думать гасить сплошной пожар. Забыли и о татарах. Жители Москвы, толпы людей, бежавших от татар сюда из всех окрестных мест, воины — все смешались, толпились по улицам, все с воплями ужаса искали спасения и гибли тысячами... Очевидцы говорят, что на иных улицах и особенно у ворот, самых отдаленных от неприятеля, сбились огромные толпы народа; друг у друга перебивали дорогу, шли по головам стеснившейся толпы, верхние давили нижних, задние — передних. В несколько часов вся Москва выгорела дотла. Уцелел только Кремль благодаря своим высоким каменным стенам. Несколько сот тысяч жителей погибло во время этого ужасного пожара Москвы, подобного которому по страшным последствиям не бывало ни прежде, ни после... Тела загрохотали реку Москву так, что потом пришлось нарочно поставить людей — спускать

трупы вниз по реке. «Кто видел это ужасное зрелище, — пишет один иностранец-очевидец, — тот вспоминает о нем всегда с новым трепетом и молит Бога, чтобы не видеть ничего подобного вторично». Этот пожар поразил страхом даже и самих татар. Среди почти сплошного огня им было не до грабежа. Хан приказал своей орде отойти к Коломенскому селу; осаждать Кремль он не стал, а, захватив огромное число пленных, говорят, более ста тысяч, двинулся обратно, разоряя и грабя все на пути...

Царю прислал он надменную грамоту.



А. Васнецов «Татары идут!» Конец XVI века

«Жгу и пустошу все, — писал он, — за Казань и Астрахань, а всего света богатства применяю к праху... Я пришел на тебя, город твой сжег, хотел венца твоего и головы, но ты не стал против нас, а еще хвалишься, что ты Московский Государь!.. Захочешь с нами в дружбе быть, так отдай нам юрт Астрахань и Казань... Хоть всесветное богатство захочешь дать нам вместо них, не надобно!.. А государства твоего дороги я видел и опознал».

Как ни тяжело было гордому царю, но на этот раз пришлось смириться. В ответной грамоте он даже соглашался уступить хану Астрахань, «только теперь, — прибавлял он, — этому делу скоро стать нехорошо: для него должны быть у нас твои послы, а гонцами такого великого дела сделать невозможно; до тех бы пор ты пожаловал, дал срок и земли нашей не воевал».

Но хан, слишком понадеясь на свой успех, не довольствовался обещанной уступкой Астрахани, требовал и Казани. Летом 1572 года он снова поднялся со всей своей ордой на Москву, переправился через Оку с такими же силами, как и в первый раз. Но на берегу Лопасни настиг его воевода князь Михаил Иванович Воротынский с большим русским войском и в нескольких жарких схватках разбил татар. Хан бежал.



Король Речи Посполитой Стефан Баторий

Теперь Иван Васильевич заговорил с ним иным языком. Об уступке Астрахани, конечно, уж и речи быть не могло. Помирившись с ханом и посылая ему, по обычаю, подарки, на этот раз самые ничтожные, царь подсмеивается над похвальбой ханской грамоты. «Поминки тебе послал я легкие, — пишет он хану, — добрых поминков не послал: ты ведь писал, что тебе

деньги не надобны, что богатство для тебя равно праху!». В это время в Польше произошло важное событие. Король Сигизмунд Август умер, а с ним угас и род Ягеллонов. В 1569 году, когда Литва неразрывно соединилась с Польшей, установлено было право избирать королей на сеймах. Теперь, когда прекратился королевский дом, некоторые из польских и литовских панов задумали было избрать в короли второго сына московского царя — Феодора. Но царь колебался, медлил, а в это время посол французского короля ловко орудовал в пользу Генриха, брата своего государя, причем не жалел ни золота, ни обещаний. На сейме был избран Генрих. Впрочем, он скоро уехал из Польши, так как со смертью его брата очистился для него французский престол. Снова пришлось литовским и польским сановникам выбирать себе короля.

В эту пору завязались сношения Германии с Москвой. Император Максимилиан, желая посадить на польский престол своего сына, просил Ивана Васильевича помочь этому делу и вместе с тем ходатайствовал у царя за Ливонию. Царь, принимая германских послов во всем величии своем, поразил их своим блеском, роскошью и богатством, а русские послы, приехавшие от царя к императору с грамотой и подарками, удивили его и всех придворных своеобразной пестротой своих богатых одежд. (Сохранилось любопытное современное изображение этого посольства.)

Однако никакой пользы из переговоров этих не извлекла ни Германия, ни Москва: польский престол не достался ни германскому принцу, ни русскому царевичу, — избран был в 1575 году трансильванский воевода — Стефан Баторий.

Между тем царь немедленно начал войну в Прибалтийском крае, лишь только кончилось перемирие. Завязалась война и со Швецией; однако, несмотря на все усилия Магнуса и русских, им не удалось завладеть

Ревелем, который был в руках шведов. Зато поход самого царя летом 1577 года был очень удачен: город за городом сдавались ему и его воеводам. Заняв город Вольмар, царь вспомнил, что здесь было писано Курбским его письмо, не утерпел и сам снова написал язвительное послание бывшему своему воеводе.

Оно начинается с прописания всего царского титула, в который уже включены слова: «обладатель земли лифляндской». «Если беззаконий моих, — смиренно пишет царь, — и больше песку морского, то все же надеюсь на милосердие Бога: Он может пучиною милости своей потопить беззакония мои». Затем царь упоминает о победах, дарованных ему Богом, над немцами, Литвой и татарами, снова вспоминает об изменах бояр, которые не слушались его, «сами государились, как хотели», и в конце письма едко подсмеивается над Курбским. «Вы говорили, — пишет царь, — нет (кроме вас) людей на Руси! Некому стоять! Вот теперь вас и нет... Кто же берет крепкие города германские? Сила Животворящего креста города берет... А что писал ты, что мы тебя в дальние города будто в опале посылали, то писал ты это себе в досаду. Мы ныне Божьей волей и дальше твоих дальних городов прошли и ногами наших коней переехали все ваши дороги из Литвы и в Литву, и пешие ходили, и воду во всех тех местах пили... Можно ли теперь говорить, что не везде ноги коня нашего были? И в город Водьмар, где ты хотел успокоиться от всех трудов твоих, и туда на покой тебе Бог нас принес. Ты думал, что здесь укрылся, а мы и тут по воле Божьей догнали. Пришлось тебе и подальше поехать!».



В. Садовников Панорамный вид Ревела

Но торжество царя продолжалось недолго; лишь только он отбыл из Ливонии, как и поляки, и шведы стали одолевать русских. Сильное поражение русским было нанесено близ Вендена. Король Магнус, уже женатый на царской племяннице, передался полякам.

Переговоры, начатые Стефаном Баторием, не привели ни к чему. Царь относился к нему свысока, даже не хотел, по обычаю, называть его в грамотах «братом», а звал «соседом», потому что Стефан стал королем не по происхождению своему и не по воле Божьей, а по «многомятежному человеческому хотению» (по избранию сейма). Ливонию царь по-прежнему называл «своей вотчиной» и уступок никаких не делал.

Стефан Баторий, вступая на престол, между прочим обещал вернуть Литве земли, отнятые у нее Москвой. У него была испытанная, закаленная в боях пехота,

венгерская и немецкая, хорошо вооруженная, было много хороших пушек, и потому он рассчитывал на верный успех в борьбе с нестройными и плохо вооруженными полчищами русских. Притом он сам был очень искусным вождем.

Царь думал, что война будет ведена в Ливонии, и послал туда большое войско; но Баторий направил удар в другую сторону и летом 1579 года осадил Полоцк. Полоцк защищался очень упорно более трех недель. Жители усердно помогали воинам, бросались тушить пожары, когда они вспыхивали от неприятельских выстрелов; женщины и старики спускались на веревках и под ядрами доставали воду из Двины; но, несмотря на все упорство защиты, город был наконец взят. Затем после страшной резни Баторий занял крепость Сокол.

1580 год был еще несчастнее для русских. Баторий брал город за городом (Велиж, Усвят, Великие Луки), а с другой стороны шведский полководец Делагарди одерживал верх над русскими в Эстонии.

Царь смирился, понизил свою речь в переговорах с королем, стал говорить миролюбивее. Послам к королю было наказано вести себя покорно: если король не встанет, не ответит на поклон царя, не спросит о его здоровье, то все это оставить без внимания, даже снести брань и всякие обиды, а «самим не задирать и невежливых слов королю не говорить».

Послы предложили королю от имени царя Ливонию, за исключением четырех городов; но король требовал всей Ливонии, сверх того еще уступки Себежа и уплаты 400 тысяч золотых венгерских за военные издержки.

Царь был сильно раздосадован этими новыми требованиями короля, написал ему укорительное письмо. «Мы ищем того, как бы кровь христианскую унять, а ты, — говорилось в письме, — ищешь того, как бы воевать».

Попытки помириться на иных условиях тоже не состоялись.

Баторий выступил в новый поход, а к царю послал дерзкое послание, где называл его фараоном московским, волком и прочим. «Для чего ты к нам не прибыл с войсками своими? — спрашивает между прочим Баторий. — Для чего своих подданных не оборонил? И бедная курица пред ястребом и орлом птенцов своих крыльями покрывает, а ты, орел двуглавый (ибо такова твоя печать), прядешься!.. Если не хочешь крови христианской проливать, — прибавлял Баторий, — так уговоримся о месте и о часе, сядем на коней и сразимся между собой».



К. Брюллов Осада Пскова польским королем Стефаном Баторием в 1581 году

26 августа польские войска взяли крепость Остров и подошли ко Пскову. Здесь и кончились успехи Батория. Псков славился как лучшая русская крепость: стены тут недавно были возобновлены, на них поставлено много хороших пушек, в городе введено сильное войско, во главе которого стояли опытные воеводы, особенно доблестный князь Иван Петрович Шуйский.

О достопамятной обороне Пскова сохранилось подробное сказание («Повесть о псковской осаде»).

Баторий велел укрепиться под стенами города, рыть борозды (траншеи), ставить туры для прикрепления людей и пушек. Защитники Пскова тоже не теряли времени, принялись строить внутренние укрепления... 7 сентября на рассвете неприятель открыл сильную пальбу; из двадцати больших орудий громил городскую стену, стараясь сделать в ней проломы для приступа. На другой день стена в нескольких местах была сбита. Путь в город был открыт, и воеводы Батория, сидевшие в это время за обедом, хвалились, что ужинать будут в Пскове.



А. Орловский Польский всадник в рыцарских латах

Распустив знамена, при звуках труб, пошли поляки, венгры и немцы на приступ. В город по звону осадного колокола не только воины спешили к своим местам, но и все жители, могущие держать оружие в руках, бежали на помощь своим и стали с воинами в самом опасном месте, между развалинами каменной стены и новой деревянной, еще не достроенной. Но, несмотря на

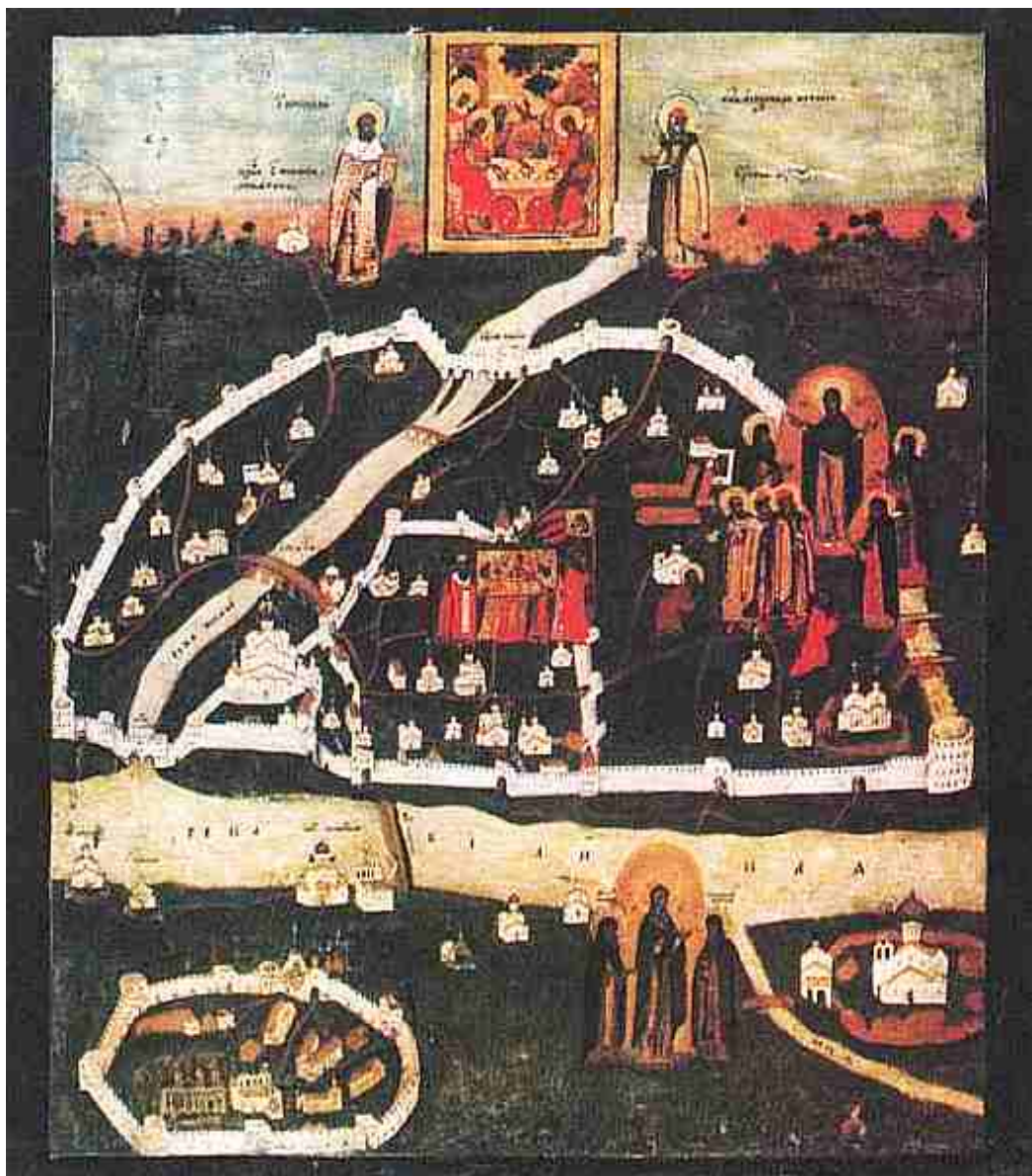
ужасный огонь, открытый по неприятелю, он упорно шел вперед, по трупам своих достиг крепости, сломил отчаянное сопротивление и ворвался... Уже на двух башнях (Покровской и Свиной) развевались королевские знамена. Русские изнемогали и все больше и больше подавались под напором врагов. Шуйский, облитый кровью, сошел со своего раненого коня и удерживал отступающих... В это самое время духовенство вынесло из храма образ Богоматери и мощи святого Всеволода-Гавриила и шло в самый пыл битвы. Бойцы при виде своей местной святыни ободрились. Вдруг с ужасным громом и треском взлетела на воздух Свиная башня. Воеводам удалось взорвать ее. Ров наполнился истерзанными телами врагов, овладевших башней. Неприятель оторопел. Русские дружно ударили на врагов и смяли их. Подоспели к месту боя свежие отряды воинов из более отдаленных частей города; враги не выдержали нового напора и побежали... Дальше всех защищались венгры, засевшие в Покровской башне; наконец и их осилили. Жители помогали воинам, приносили воду, убирали раненых, веревками тащили легкие пушки, брошенные неприятелем у стен. Уже поздно ночью вернулись победители в город с огромным числом пленных. Это достопамятное дело происходило 8 сентября.

Пытался всячески Баторий взять Псков: велел делать подкопы, стрелять день и ночь в крепость, пускать каленые ядра, чтобы произвести пожар; написал увещание русским воеводам, обещая им и городу всякие льготы, если сдадутся, и неминуемую гибель в случае упорства. Так как осажденные не хотели иметь никаких сношений с неприятелем, то письмо короля с этим увещанием было пущено в город со стрелой.

Таким же способом псковские воеводы прислали королю свой ответ: — За богатства всего мира не изменим своему крестному целованию. Если Бог за нас,

никто не осилит нас! Мы готовы умереть, но не предадим Пскова... Готовься на брань, а чья будет победа — Бог покажет!

Не удалась Баторию и подкопы: осажденные вели против них свои мины и резались с неприятелем под землей. Напрасны были и новые приступы. Когда враги подходили к стене, прикрываясь большими щитами от пуль, и старались ломами пробить каменную стену, русские на них лили горящую смолу, шестами с крючьями оттаскивали их от стены.



Вид Пскова. XVI век

Войско Батория, несмотря на то, что числом вдвое превосходило осажденных, совсем упало духом и отчаялось осилить город, даже подгородного Печорского монастыря не удалось ему взять.

Хотя доблестная оборона Пскова несколько и ободрила царя, но все-таки он сильно желал мира. Шведский полководец Делагарди отнимал у русских город за городом, взял Гапсал, Нарву, отнял и старые русские города: Яму (Ямбург) и Копорье.

Тяжела становилась царю война с двумя соседями: Он решился помириться хоть с Польшей; послал посольство в Рим к папе, просил его помочь миру и выражал желание сблизиться с ним и императором на случай войны с турками.

Папа с радостью согласился быть посредником: в Риме все еще не теряли надежды прибрать к рукам русскую православную церковь. В Москву был отправлен папский легат (посол) Антоний Поссевин. Это был очень умный и ловкий человек. Приняли его в Москве с большим почетом; но когда он начал было говорить о делах веры, то царь уклончиво заявил, что прежде всего надо уладить мир.

При посредстве Поссевина переговоры начались в деревне Киверова Гора, у Запольского яма. Русские послы так упорно отстаивали выгоды своего государя, что несколько раз Поссевин выходил из себя: он начинал уже браниться, и даже до того дошло, что одного посла схватил за ворот... С большим трудом было наконец заключено перемирие в январе 1582 года на десять лет. Иоанн уступал Баторию все свои завоевания в Ливонии и Полоцк.

Война со шведами продолжалась еще год. Наконец в мае 1583 года было заключено трехлетнее перемирие на

реке Плисе. Швеция удерживала не только всю Эстонию, но и русские города: Яму и Копорье.

Так печально кончились важные замыслы царя овладеть Балтийским побережьем и войти в более близкие сношения с Западом. Велики были силы Москвы; но западное военное искусство еще брало верх над ними.

В это время приходилось царю обратить военную силу на восток, на Приволжский край: там поднялась луговая черемиса.



М. Нестеров Папские послы у Ивана Грозного

Антоний Поссевин

По заключении перемирия Поссевин снова явился в Москву и стал добиваться беседы с царем о вере, о соединении церквей. Несмотря на то что государь всячески уклонялся от этого разговора, легат неотвязно добивался своего. Наконец его допустили к царю, и в присутствии бояр произошло любопытное прение царя с папским послом.

Поссевин держал речь, старался убедить царя, что между римской и греческой верой нет существенного различия, ссылаясь на Флорентийский собор (сочинение об этом соборе он раньше поднес царю), указывал на то, что соединение с Римом увеличит могущество царя, сдружит его с государями Запада и станет он настоящим восточным императором. Царь на это уклончиво сказал:

— В нашей православной вере я родился и с Божьей помощью достиг 51 года; следовательно, мне не время уже переменять исповедание или желать обширнейшего государства; я помышляю только о жизни будущей!

В заключение снова заявил, что он не хочет рассуждать о церковных вопросах, чтобы не сказать чего лишнего и неприятного.

Настойчивый Поссевин уверял, что можно говорить и об этих вопросах хладнокровно, и настаивал на продолжении переговоров.

Эта неотвязность, видимо, начинала раздражать царя.

— Не хочу говорить с тобой о великих догматах веры, — начал он, — тебе было бы это неприятно, а вот дело малое: вижу, что ты бреешь бороду, а брить и стричь бороды не велено не только духовным, но и

мирским людям; ты же в римской церкви поп, а бороду стрижешь. Откуда ты это взял, из какого учения?

Этот совсем неожиданный вопрос озадачил Поссевина: он смущенно проговорил, что у него борода не растет.

Но царь, начав говорить, не мог уже сдержать своей речи.

— Сказывали мне, — продолжал он, — что папу носят на престоле и целуют его сапог, на котором вышит крест с изображением распятия Христова. Ежели это правда, то хорошо ли это? Вот первая причина несогласия нашей веры с вашей... Мы поклоняемся честному кресту по преданию святых апостолов и святых отцов церкви, и ниже пояса у нас креста не носят и образов не ставят.

Затем царь, ссылаясь на места Святого Писания, распространился о необходимости для пастырей церкви смирения и сказал между прочим:

— Папа не Христос; престол, на котором его носят, не облако, да и те, которые его носят, не ангелы!

Поссевин отвечал, что папам воздают честь как наместникам Христа; причем напомнил, что ведь преклоняются же перед государями и прибавил:

— Вот ты тоже государь великий в своем государстве! Как же нам не величать тебя и не припадать к ногам твоим?

С этими словами Поссевин поклонился в ноги царю. Но эта уловка не имела успеха.

— Святителям, ученикам апостольским, — сказал царь, — следует подавать собою пример смирения, а не возноситься гордостью превыше царей земных. Царям подобает честь царская, а святителям, папам и патриархам — честь святительская. Те папы, которые следовали заповедям Христовым, апостольскому преданию и постановлениям семи вселенских соборов, были действительно сопрестольниками апостолов; а папа, который идет наперекор учению Христову, тот папа, говорю, не пастырь, а волк.

— Если уж папа волк, — резко сказал обиженный Поссевин, — то что же тут мне и говорить! Зачем же посылал ты просить его о помощи? Зачем называл его, как и предшественники твои, пастырем церкви?

Раздраженный царь в гневе вскочил со своего места и, приступая к Поссевину с палкой своей, закричал:

— Видно, у мужиков ты учился, что осмеливаешься со мной говорить по-мужицки!

Поссевин струсил и стал извиняться... Царь в свою очередь одумался и поспешил загладить свою горячность.

— Говорил я тебе давеча, — сказал он уже мягко Поссевину, — что разговор о вере не кончится без неприятности; впрочем, я не вашего папу, — прибавил он, — называю волком, а того папу, который не захочет следовать учению Христову и преданию апостольскому. Однако оставим этот разговор!



Иоанн IV Грозный

Думал Поссевин добиться хотя того, чтобы католикам позволено было иметь свою церковь в Москве; но это тоже не удалось. Ему ответили так:

— Им (католикам) вольно приезжать в наше государство и попам их с ними; только бы они учения своего между русскими людьми не плодили и костелов не ставили: пусть каждый остается в своей вере. В нашем государстве много разных вер; мы ни у кого воли не отнимаем: живут все по своей воле, как кто хочет, а церковей иноверных до сих пор в нашем государстве не ставливали.

Сухо было принято также предложение Поссевина отпустить нескольких молодых русских людей в Рим для учения.

— Теперь вскорости годных для этого людей собрать нельзя, а как, Бог даст, наши приказные таких людей наберут, то мы, — посулил царь, — их пришлем к папе.

Очень недоверчиво смотрели православные русские на католическое духовенство и справедливо опасались властолюбивых замыслов пап. Попытка Рима подчинить своей власти восточную православную церковь и на этот раз не удалась. Впрочем, царь, видимо, хотел поддержать добрые отношения с папой и в грамоте писал ему:

«Мы грамоту твою радостно приняли и любительно выслушали, посла твоего Антония с великой любовью приняли; мы хотим быть в братстве с тобою, цесарем и с другими христианскими государями, чтобы христианство было освобождено из рук мусульманских и пребывало в покое...».

Покорение Сибири

В то время как неудачи на западе сильно огорчали царя, нежданно его порадовало завоевание огромной области на востоке.

Еще в 1558 году царь подарил богатому промышленнику Григорию Строганову большие незаселенные земли по обе стороны реки Камы до Чусовой на протяжении 146 верст. Григорий Строганов с братом Яковом, по примеру отца, нажившего громадное состояние в Сольвычегодске соляным промыслом, задумал завести соляные варницы в большом размере в новом краю, заселить его, завести хлебопашество и торговлю. Заселение пустопорожних мест, заведение новых промыслов было, конечно, очень выгодно для всего государства, и потому царь не только охотно уступал земли предприимчивым промышленникам, но давал им и большие льготы.



Ф. Солнцев Ермак — покоритель Сибири

Строгановым дано было право призывать в свои земли свободных людей, творить суд над поселенцами, которые на двадцать лет избавлялись от всяких податей и повинностей; потом дано право строить укрепления и держать вооруженные отряды для обороны от нападений соседних народцев (остяков, черемисы, ногаев и других). Наконец, позволено было Строгановым набирать себе охочих людей, казаков, и ходить войной против враждебных инородцев. Скоро Строгановым

пришлось столкнуться и с племенами, жившими по соседству, за Уральскими горами. Здесь, на берегах рек Тобола, Иртыша и Туры, находилось татарское царство; главный город назывался Искер, или Сибирь, на реке Тоболе; по имени этого города и все царство называлось Сибирским. Раньше сибирские ханы искали покровительства московского царя, одно время платили ему даже ясак (дань) мехами, но последний хан Кучум выказал вражду к Москве, бил и брал в плен остяков, плативших ей дань; а царевич сибирский Махмет-Кул ходил с войском на реку Чусовую проводить пути к строгановским городкам, причем побил здесь много московских данников, жен и детей их забрал в плен. Строгановы уведомили об этом царя и челом ему били позволить им укрепиться за Уралом, держать для обороны и там огненный наряд (артиллерию) и на свой счет набирать добровольцев для борьбы с врагами. Царь позволил. Это было в 1574 году. Григория и Якова Строгановых уже не было в живых. Дело продолжали их младший брат Семен и дети: Максим, сын Яков, и Никита, сын Григория.

Навербовать дружину удальцов в то время было нетрудно.

По южным и восточным степным окраинам Московского государства, как было сказано, являются еще с XV века вольные, гулящие люди, охочие до войны, — казаки. Одни из них жили по станицам, несли государеву службу, обороняли границы от нападений разбойничьих татарских шаек, а другие, в полном смысле вольные «степные птицы», уходили из-под всякого надзора, «гуляли» в степном раздолье, нападали, на свой страх, на татар, грабили их, охотились в степи, рыбачили по рекам, разбивали купеческие караваны татарские, да и русским купцам порой спуска не давали... Шайки таких казаков гуляли и по Дону, и по Волге. На жалобы ногайского хана, что

казаки, несмотря на то, что он в мире с Москвой, грабят татарских купцов на Дону, царь отвечал:

«Эти разбойники живут на Дону без нашего ведома, от нас бегают. Мы и прежде посылали не один раз, чтобы их переловить, но люди наши добыть их не могут».

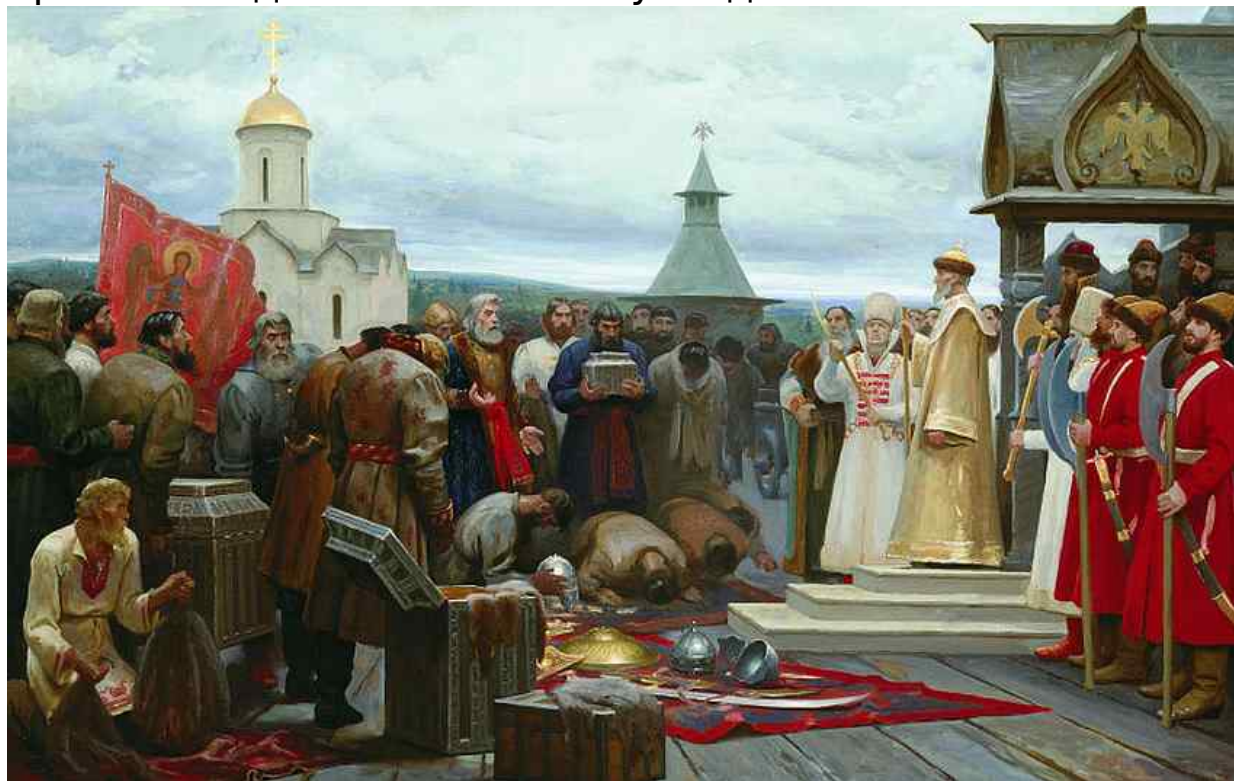
Изловить в широких степях шайки этих «воровских» казаков, как их звали, действительно было очень мудрено.

Ватагу такой казацкой вольницы, более 500 человек, привел на службу Строгановым атаман Василий Тимофеев, по прозвищу Ермак. Это был удалец богатырской силы, притом очень ловкий, сметливый... Главными помощниками его были Иван Кольцо, за свои разбои осужденный на смерть, но не пойманный, Никита Пан и Василий Мещеряк, — все это были молодцы, прошедшие, как говорится, огонь и воду, не знавшие страха. Походили на них и остальные товарищи Ермака. Таких-то людей, готовых на все, и надо было Строгановым. Они хотели не только оборонить свои владения от набегов сибирского царя, но дать ему острастку, чтобы надолго отвадить от нападений. Для этого решено было напасть на Кучума в его собственных владениях. Это предприятие, сулившее и добычу хорошую, и славу воинскую, пришлось очень по душе Ермаку и его молодцам. Строгановы снабдили их всем нужным: съестными припасами, ружьями, даже небольшими пушками.

К отряду Ермака присоединилось еще несколько десятков удальцов-охотников, так что всего в отряде насчитывали 840 человек. Забрав с собой вожатых, знавших хорошо речные пути, и толмачей, Ермак 1 сентября 1582 года отправился с удалой дружиной искать счастья.

По наветам одного воеводы, недоброхота Строгановых, царь приказал им вернуть Ермака и не

задирать сибирского «Салтана»; но царская грамота пришла поздно: казаки были уже далеко.



С. Чикуньчиков Приход посольства Ермака к Ивану Грозному

Сначала плыли они на стругах и челнах вверх по реке Чусовой; затем повернули в реку Серебрянку. Труден был этот путь, в иных местах по мелководью приходилось плыть на плотах. Из Серебрянки перевезлись волоком через проходы в Уральском хребте в реку Жаровлю, впадающую в Тагил, отсюда спустились в реку Туру. До сих пор казаки никакой помехи не встречали; редко даже и людей по берегам видели: земля здесь была дикая, почти совсем безлюдная. По реке Туре пошло люднее. Здесь впервые встретили городок (теперь город Туринск), где властвовал князек Епанча. Тут пришлось уже в дело пустить оружие,

потому что с берега стали по казакам стрелять из луков. Они дали залп из ружей. Несколько татар упало; остальные в ужасе ударились в бегство: никогда еще они не видали огнестрельного оружия. Городок Епанчи был разорен казаками. Скоро пришлось им и другую толпу татар разогнать пальбой.

Захваченных в плен настращали выстрелами, показывали им, как пули пробивают их доспехи, и добыли от них сведения о Кучуме и силах его. Некоторых из пленников Ермак нарочно отпускал на волю, чтобы они разносили всюду страх своими рассказами о чудесном свойстве русского оружия.

— Сильны русские войны, — говорили они, по свидетельству летописи, — когда стрельнут из своих луков, тогда огонь из них пышет, дым великий исходит и как будто гром грянет. Стрел не видно, а ранят и насмерть бьют. Защититься от них никакими доспехами нельзя; куяки, панцири и кольчуги наши — все пробивают насквозь!



К. Лебедев Поход Ермака

На ружье, конечно, более всего и надеялась горсть храбрецов, задумавшая не более не менее, как завоевать целое царство и покорить десятки тысяч людей.

Казаки плыли вниз по Тоболу, и не раз приходилось им разгонять выстрелами толпы туземцев. Кучум хотя и был напуган и рассказами беглецов о больших силах врага, и разными зловещими предсказаниями, но сдаваться без боя не намерен был. Собрал он все свое войско. Сам расположился станом на берегу Иртыша, близ устья Тобола (неподалеку от нынешнего города Тобольска), на горе Чувашево, устроил здесь новую

засеку на всякий случай, а царевича Махмет-Кула отрядил с большим войском вперед, навстречу казакам. Он встретил их на берегу Тобола, при урочище Бабасан, завязал битву, но не мог осилить их. Они плыли вперед; на пути взяли еще городок; нашли тут богатую добычу, забрали с собой и отправились дальше. При впадении Тобола в Иртыш татары снова настигли казаков и осыпали их стрелами. Казаки отбили и это нападение, но у них было уже несколько убитых, и почти все были переранены стрелами. Дело становилось горячим. Татары, верно, разглядели, что врагов не слишком-то много, и всеми силами налегли на них. Но казаки были уже недалеко от столицы; скоро должна была решиться участь их похода. Надо было выбить Кучума из его засеки и овладеть столицей. Призадумались было казаки: силы у Кучума было гораздо больше — на каждого русского, пожалуй, по двадцати татар приходилось. Собрались казаки в круг и стали толковать, как быть: вперед ли идти или назад вернуться. Одни стали говорить, что надо вернуться; другие и сам Ермак иначе рассуждал.

— Братцы, — говорили они, — куда нам бежать? Осень уже: в реках лед смерзается...



Неизвестный художник Портрет Ермака

Не примем худой славы, укоризны на себя не положим, будем надеяться на Бога: Он и беспомощным помощник! Вспомним, братцы, обещание, какое мы давали честным людям (Строгановым). Назад со стыдом возвратиться нам нельзя. Коли Бог нам поможет, то и по смерти память наша не оскудеет в этих странах, и слава наша вечна будет!

Согласились с этим все, решили — оставаться и до смерти биться.

На рассвете 23 октября казаки двинулись на засеку. Пушки и ружья сослужили теперь им свою службу. Татары из-за своей ограды пускали тучи стрел, но мало вреда причиняли русским удалцам; наконец сами проломали свою засеку в трех местах и ударили на казаков. Начался страшный рукопашный бой. Тут уж ружья не помогали: приходилось рубиться мечами или схватываться прямо руками. Оказалось, что казаки и здесь себя показали богатырями: несмотря на то что враги были в двадцать раз многочисленнее, казаки сломили их. Махмет-Кул был ранен, татары смешались, многие упали духом; иные подвластные Кучуму князьки, видя, что враги одолевают, оставили бой. Кучум бежал сначала в свою столицу Сибирь, захватил здесь свои пожитки и бежал дальше.

26 октября казаки заняли покинутую жителями Сибирь. Приуныли было победители в пустом городе. Их сильно уж поубавилось: в последнем только сражении пало их 107 человек; было немало раненых и больных. Идти дальше им стало уже невмочь, а между тем запасы у них кончились и наступала лютая зима. Голод и смерть грозили им...

Но через несколько дней остяки, вогуличи, татары со своими князьками стали приходить к Ермаку, бить ему челом, — приносили ему дары и разные припасы; он же приводил их к присяге государю, обнадеживал их его милостью, обходился ласково и отпускал без всякой обиды в их юрты. Казакам строго было запрещено обижать покорившихся туземцев.

Зиму провели казаки спокойно; только Махмет-Кул напал было на них, Ермак разбил его, и он несколько времени не беспокоил казаков; но с наступлением весны думал было врасплох напасть на них, да сам попал впросак: казаки подстерегли врагов, напали на них

сонных ночью и захватили в плен Махмет-Кула. Ермак обошелся с ним очень приветливо. Плен этого храброго и ретивого татарского витязя был ударом для Кучума. В это время на него шел войной его личный враг, один татарский князь; наконец, свой воевода изменил ему. Дела Кучума были совсем плохи.

Лето 1582 года казаки провели в походах, покоряя татарские городки и улусы по рекам Иртышу и Оби. Между тем Ермак дал знать Строгановым, что он «салтана Кучума одолел, стольный город его взял и царевича Махмета-Кула полонил», Строгановы спешили обрадовать этой вестью царя. Скоро явилось в Москву и особое посольство от Ермака — Иван Кольцо с несколькими товарищами — бить челом государю царством Сибирским и поднести ему в дар драгоценные произведения завоеванного края: меха соболя, бобровые и лисьи.

Давно уже, говорят современники, не бывало такой радости в Москве. Молва, что не оскудела милость Божья к России, что Бог послал ей новое обширное царство, быстро разносилась в народе и радовала всех, привыкших слышать за последние годы только о неудачах и бедствиях.

Грозный царь принял Ивана Кольцо милостиво, не только простил его с товарищами за прежние их преступления, но щедро наградил, а Ермаку, говорят, послал в подарок шубу с плеча своего, серебряный ковш и два панциря; но что важнее всего — отправил в Сибирь воеводу, князя Волховского, со значительным отрядом войска. Очень уж немного удальцов оставалось под рукой Ермака, и трудно ему было бы удержать свое завоевание без подмоги. Махмет-Кул был отправлен в Москву, где поступил на службу царю; но Кучум все-таки успел оправиться и войти в силу. Русским воинам плохо пришлось в Сибири: они терпели часто недостатки в жизненных припасах; распространились между ними

болезни; случилось, что татарские князьки, притворившись сначала верными данниками и союзниками, губили потом отряды казаков, доверившихся им. Так погиб Иван Кольцо с несколькими товарищами. Воевода, присланный царем, умер от болезни.



А. Кившенко Покорение Сибири

Скоро затем погиб и сам Ермак. Проведал он, что Кучум собирается перехватить на пути бухарский караван, шедший в Сибирь. Захватив с собою 50 своих удалцов, Ермак поспешил навстречу бухарским купцам, чтобы охранять их от хищников на пути по Иртышу. Целый день казаки поджидали караван при впадении реки Вагая в Иртыш; но ни купцы, ни хищники не показывались... Ночь была бурная. Дождь лил ливнем.

Ветер бушевал на реке. Истомленные казаки расположились отдохнуть на берегу и скоро заснули как убитые. Оплошал на этот раз Ермак: не поставил сторожей, не думал, видно, чтобы враги напали в такую ночь. А неприятель был очень близок: с другой стороны реки подстерегал казаков!.. Кучумовы лазутчики нашли в реке брод, пробрались к русским и затем принесли своим радостную весть, что казаки спят мертвецким сном, в доказательство чего представили три похищенные у них пищали и пороховницы. По указанию лазутчиков татары перебрались тайком через реку, напали на спящих казаков и перерезали их всех, кроме двух. Один спасся и принес в Сибирь ужасную весть об избиении отряда, а другой — сам Ермак, услышав стоны, вскочил, успел своей саблей отбить убийц, кинувшихся на него, бросился с берега в Иртыш, думая спастись вплавь, но утонул от тяжести своих железных доспехов (5 августа 1584 года). Через несколько дней тело Ермака течением реки прибило к берегу, где и нашли его татары и по богатым доспехам с медной оправой, с золотым орлом на груди узнали в утопленнике покорителя Сибири. Понятно, как обрадовался этому Кучум, как торжествовали гибель Ермака все враги его! А в Сибири весть о смерти вождя привела русских в такое отчаяние, что они уже не пытались и бороться с Кучумом, покинули Сибирь, чтобы вернуться к себе на родину. Это случилось уже по смерти Грозного.



В. Суриков Покорение Сибири Ермаком

Но дело Ермака не погибло. Путь в Сибирь был указан, и начало русскому владычеству здесь положено. После смерти Грозного и гибели Ермака русские отряды один за другим шли по пути, который он указал, за Каменный Пояс (Урал); туземные полудикие народы одни за другими подпадали под власть русского царя, несли ему свой ясак (подать); заводились в новом краю русские поселки, строились города, и мало-помалу весь север Азии с его неисчерпаемыми богатствами достался России.

Не ошибся Ермак, когда говорил своим сподвижникам: «Не оскудеет память наша в этих странах». Память об удалцах, положивших начало русскому владычеству в Сибири, живет доныне и здесь, и на их родине. В своих песнях наш народ и до сих пор вспоминает об удалом казацком атамане, который искупил свои вины перед царем покорением Сибири. В одной песне говорится о Ермаке, как он, одолев Кучума, послал сказать царю:

Ой ты гой еси, надежа православный царь!
Не вели меня казнить, да вели речь говорить:
Как и я-то, Ермак, сын Тимофеевич,
Как и я-то гулял по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому
(Каспийскому), Как и я-то разбивал ведь
бусы-корабли... А теперича, надежа
православный царь,
Приношу тебе буйную головушку
И с буйной головушкой царство Сибирское!

Сохранились в Сибири и местные предания о Ермаке;
а в 1839 году в городе Тобольске, неподалеку от места,
где находился древний Искер, или Сибирь, поставлен
памятник, чтобы увековечить память удалого
покорителя этого края.



А. Литовченко Иван Грозный

Последние годы царствования Грозного

Тяжелой порой для русской земли были последние годы царствования Грозного. Покорение Сибири было единственным радостным событием. Неудачи на западе сильно раздражали царя, по-прежнему шли розыски действительных и мнимых изменников, совершались пытки и лютые казни... Хотя ненавистная всем опричина была отменена еще в 1572 году, но отменена лишь по имени: царя все-таки окружали люди, которые пользовались его подозрительностью и другими слабостями для своекорыстных целей. Прежних любимцев царя уже не было подле него: князь Афанасий Вяземский и Алексей Басманов, погубившие множество людей, сами были казнены во время московских казней, так как царь и этих страшных советников своих заподозрил в крамоле. Малюта Скуратов был убит при осаде Полоцка. Но на беду России и властелина ее, новые его приближенные находили более удобным для себя потакать слабостям и страстям его, чем стоять за правду.



В. Пукирев Иван Грозный в молельне

Из Полоцка, после взятия его Баторием, Курбский прислал царю два письма в ответ на его второе послание. Всячески старается Курбский оправдать свою измену и снова корит царя за то, что он вместо прежних добрых советников приблизил к себе дурных людей. «Когда прельстили тебя, — говорится в письме, — презлые и прелукавые человекоугодники (которые смертоноснее всякой язвы в государстве — в этом согласны все мудрые), ласкатели, губящие и тебя, и отчество свое, чего только Бог не попустил на русскую землю?! И голод, и моровое поветрие, и варварский меч, и сожжение Москвы, и опустошение всей Русской земли,

и, что горше всего, — бегство царя от врага!.. Ты, как говорят здесь, хоронясь от татар по лесам, едва не погиб от голоду с кромешниками твоими!.. А когда жил ты богоугодно, тот же измаилитский пес (крымский хан) пред нами, наименьшими твоими слугами, бегал в Диком поле и места себе найти не мог. Вместо теперешних тяжких даней твоих хану мы прежде платили ему дань нашими саблями по басурманским головам!».



С. Щербаков Видения Иоанна Грозного

С презрением отзывается Курбский о царских воеводах, воевавших в Ливонии, называет их «окаянными воеводишками», корит царя за то, что он не мог оборонить Полоцка, отдал его врагу со всем народом, и в заключение говорит, что пора уже царю опомниться, укротиться и войти в чувства...

В другом письме Курбский глубоко скорбит о пагубной перемене в царе и о бедствиях отечества.

«Если пророки плакали и рыдали, — говорится в письме, — о граде Иерусалиме и о церкви преукрашенной... то как нам не заплакать о церкви твоей телесной? В ней некогда пребывал Святой Дух; покаянием была она очищена, чистыми слезами омыта; от нее молитвы, как благоухание фимиама, восходили к престолу Господню; в ней на твердом основании православной веры созидались благочестивые дела; в ней, в этой телесной церкви, душа царская, как чистая голубица, серебристыми крыльями блистала... Такова была прежде твоя церковь телесная!.. Тогда варварские народы не только с городами, но с целыми царствами покорялись тебе и предупреждения твоими христианскими полками ходил архангел-хранитель... Тогда это было, когда при тебе были избранные мужи...

Когда же церковь твою телесную осквернили (гнусные ласкатели) разными грехами и злодействами, которыми всегубитель наш, дьявол, губит людей, то он приблизил к тебе вместо крепких вождей и воевод — богомерзких Вельских с товарищами, вместо храброго воинства — кромешников, или опричников кровоядных... вместо боговдохновенных книг и молитв — скоморохов с разными дудами и бесовскими песнями, вместо блаженного пресвитера (Сильвестра), который примирил тебя с Богом чистым покаянием, — чаровников и волхвов...

Вспомни, — говорит Курбский в заключение, — первые дни свои, когда ты блаженно царствовал... Не

губи себя и дома твоего... Очнись и воспрянь!».

Царь уже не отвечал на эти письма. Много горькой и страшной правды было в них. Не мог не признать этого и сам царь. По временам укоры совести терзали его; сознание озаряло его больную душу, и он становился тогда страшен самому себе. Беспорядочная жизнь, полная тревог и разгула, преждевременно состарила Иоанна: сорока лет с небольшим он смотрел уже стариком. В 1572 году, томимый предчувствием смерти или гибели от врагов, он написал завещание своим сыновьям. Здесь находим между прочим такие строки: «Ум мой покрылся струпьями, тело изнемогло, телесные и духовные струпья умножились, и нет врача, который исцелил бы меня... Хотя я еще и жив, но Богу своими скарредными делами я смраднее мертвеца... Всех людей от Адама и до сего дня я превзошел беззакониями — потому я всеми и ненавижим»...

После вступления Иоанн дает наставление сыновьям, как жить. Прежде всего, советует научиться, как веровать и как Богу угодить и твердо держаться православной веры, хотя бы пришлось за это пострадать до смерти. Затем, по словам завещания, надо научиться, как людей держать и жаловать, как от них беречься, как их привязывать к себе; надо также освоиться со всяким делом, священническим, иноческим, ратным, судейским, со всяким житейским обиходом, разузнавать, какие порядки ведутся здесь, какие в иных государствах, как кто живет и как кому пригоже быть. «Если все это будете знать, — говорит Иоанн, — то не вам будут люди указывать, а вы людям...». Особенно любопытны в завещании следующие советы сыновьям: «Людей, которые вам прямо служат, вы бы жаловали, любили и берегли... а которые лихи, и вы бы на тех опалы клали не вскоре, а по рассуждению, не яростью», а далее приводятся следующие слова: «Подобает царю три сия

вещи имети: яко Богу не гневаться и яко смертну не возноситься и долготерпеливу быти к согрешающим».

Из этого замечательного завещания ясно видно, как по временам мучили Иоанна угрызения совести и как ясно мог он сознавать высокие царские обязанности; но дурные страсти заглушали ум его; он более следовал своему сердцу, испорченному с детства, чем уму...

Воли подчинить свои чувства разуму у него не хватало. Это и было главным его несчастьем. Угрызения совести и раскаяние, по-видимому, казались ему иногда малодушием, и тогда свирепость его проявлялась в новой силе. По временам он падал духом, всякие беды и невзгоды так удручали его, что он думал покинуть престол и постричься в монахи. В своем послании в Кирилло-Белозерский монастырь он между прочим говорил: «И мнится мне, окаянному, что я уже наполовину чернец, и хотя еще не отстал от всякого мирского мятежа, но уже ношу на себе благословение рукоположения ангельского образа», и затем сетует, что монастырские нравы сильно изменяются к худшему, и высказывает такие мысли о строгости иноческого жития, что ясно видно, как он сильно задумывался над этим вопросом. Раз даже явилась у него странная затея: он нарек «великим князем всея Руси» крещеного татарского царя Симеона Бекбулатовича (1574 год) и вручил ему управление всей земщиной, а сам наравне с подданными, называя себя лишь московским князем, писал челобитные Симеону в таком, например, виде: «Государю, великому князю Симеону Бекбулатовичу, Иванец Васильев со своими детишками с Иванцем да с Федорцем челом бьют. Государь, смилуйся, пожалуй...» и так далее.



Н. Неврев Василиса Мелентьева и Иван Грозный

Словно хотелось Иоанну испытать, сможет ли он снизойти со своей царственной высоты на степень подданного... (Впрочем, затея эта продолжалась недолго: через два года Иоанн сослал «великого князя всея Руси» в Тверь.) Порой страх опасности так обуревал его, что он боялся быть даже при своем войске, опасаясь, чтобы свои же воеводы не изменили, не

выдали его врагам (изменники, приведшие крымского хана на Москву, были памятны ему). Он даже вел тайные переговоры с английским двором, прося убежища в Англии в случае большой опасности ему и семье его. Все это показывает, как полна тревог была его жизнь.



***И. Репин Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября
1581 года***

В семейной жизни он тоже не был счастлив. По смерти первой, нежно любимой им супруги, он после неудавшейся попытки жениться на сестре польского короля женился на дочери черкесского князя Темрюка, нареченной при крещении Марией. После ее смерти

(1569 год) царь вступил в третий брак; выбор его пал на Марфу Собакину, дочь новгородского купца. Через несколько дней после брака она умерла. Царь был сильно огорчен и говорил, что лихие люди извели ее, и, вопреки церковному уставу, женился в четвертый раз на Анне Колтовской. Он призывал высших духовных лиц на собор и просил не вменить ему в грех это нарушение церковного устава, причем утверждал, что прежние его супруги все три были отравлены... В этом он был, как видно, вполне убежден. Собор поступил по желанию царя. Через год он велел постричь свою четвертую супругу в монахини, а сам еще два раза вступал в брак уже без разрешения церкви (с Анной Васильчиковой и Василисой Мелентьевой). Наконец, в 1580 году, он обвенчался в последний раз с Марией Федоровной Нагой.

В ноябре 1581 года в Александровской слободе случилось страшное событие. Царевич Иван Иванович стал укорять отца, по одним известиям, за унижительные переговоры с Баторием, а по другим — за обиду своей жены. Иоанн, скорый на гнев, не стерпел грубости сына и в запальчивости ударил его со всего размаху своим костылем по голове. Царевич упал, обливаясь кровью... Царь опомнился, завопил в отчаянии, рвал на себе волосы, рыдал, звал лекарей... Через несколько дней царевич скончался. Царь был убит горем, говорил, что он не хочет больше царствовать, приказывал боярам из среды своей выбирать царя, так как второго своего сына, Феодора, считал неспособным царствовать.

Бояре умоляли Ивана Васильевича не оставлять царства хотя до конца войны... Долго он был в ужасном душевном состоянии, не мог спать по ночам: угрызения совести и кровавые призраки терзали его, и он метался как в горячке. Стал он делать по монастырям большие вклады, посылал щедрые дары на Восток по святым местам и обителям, чтобы всюду поминали и молились

за упокой души его сына. Припомнились ему в эту пору и тысячи людей, погибших, подобно царевичу, от неразумного гнева его. Он усиливался припомнить замученных им или казненных по именам, вписывал их в синодики (поминальные записи) и посылал по монастырям молиться за упокой их душ.

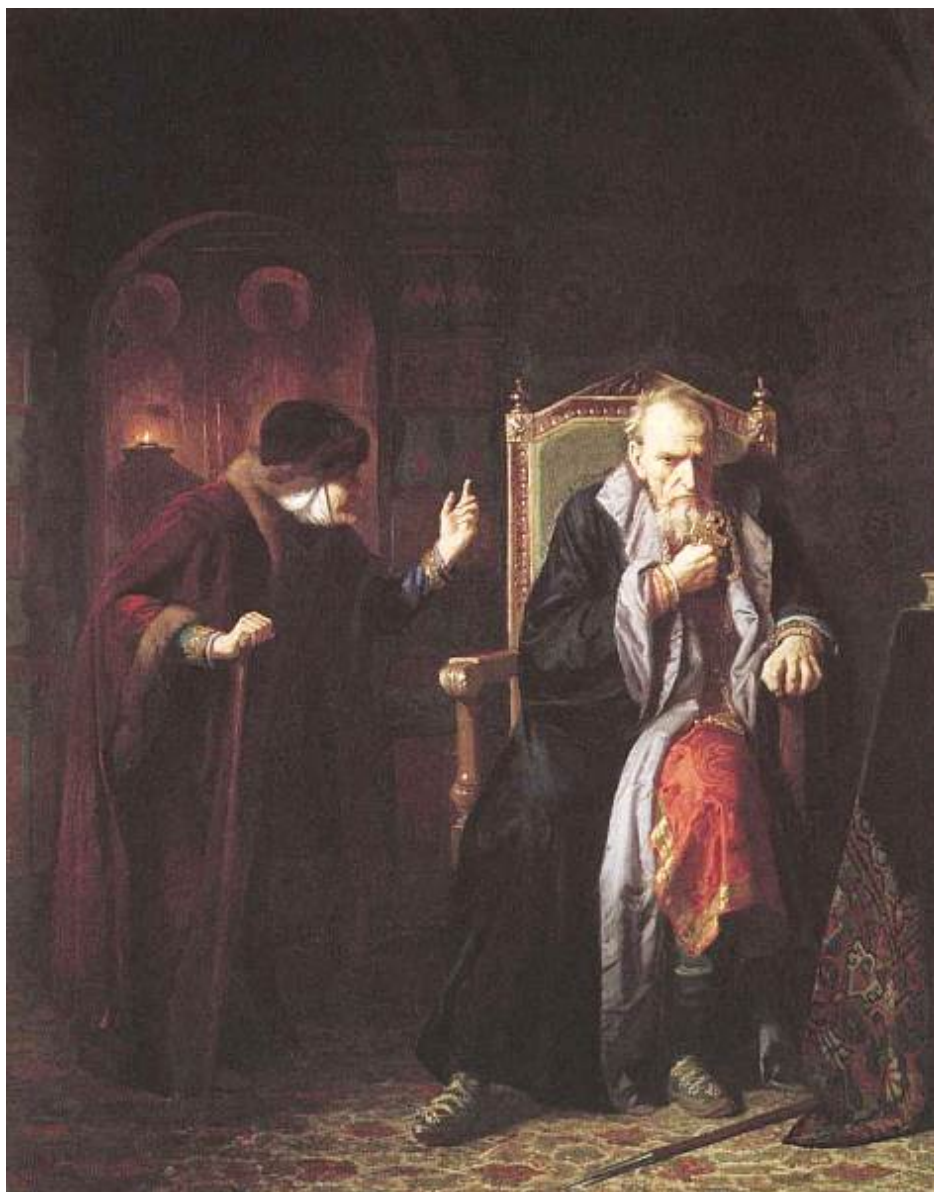


В. Шварц Иван Грозный у тела сына

В Кирилло-Белозерском монастыре сохранилось два таких синодика как несомненное свидетельство многочисленных казней Иоанна Грозного и угрызений его совести. Многие погибших называет он по именам, но еще больше упоминает безыменных. «Помяни, Господи, — читаем, например, в синодике, — княгиню иноку Евдокию, иноку Марию, иноку Александру (при этих именах заметка: потоплены в Шексне реке

повелением царя Ивана)... Помяни, Господи, души рабов своих тысячу пятьсот пять человек (новгородцев)». При некоторых именах помечено «с женою», «с детьми» и так далее. Общий итог всем погибшим означен в синодике в 3470 душ.

Но ни мучения совести, ни ясное сознание своих проступков не могли изменить нрава Грозного. После заключения унижительного мира с Польшей он предал мучительным казням ратных людей, которые легко сдавались неприятелям во время войны, а ливонских пленников, которых у него было множество, травил медведями.



К. Вениг Иван Грозный и его мамка

Последнюю супругу свою, Марию Нагую, царь скоро невзлюбил почему-то, думал с нею уже развестись и стал сватать через своих послов родственницу английской королевы. Это было в конце 1583 года. Но с начала следующего года царь стал чувствовать себя все хуже и хуже. Хотя ему было всего 53 года, но он казался уже совсем дряхлым стариком, а тут к общей слабости

прибавилась еще страшная болезнь: у него стали гнить внутренности, пухнуть тело. Когда началась его болезнь, на небе явилась комета. Он вышел на красное крыльцо, долго смотрел на нее и вдруг изменился в лице.

— Это — знамение моей смерти! — сказал он окружающим.

Иноземные врачи истощали все свои усилия, чтобы вылечить больного. Волхвы, которых по приказу суеверного царя свезли в Москву с разных концов Русской земли, должны были гадать, выздоровеет ли царь. Он то падал духом, каялся, молился, раздавал щедрую милостыню, освобождал заключенных, то прежние страстные порывы вдруг снова наполняли его душу... Но болезнь видимо усиливалась. Он уже едва мог ходить. В марте были разосланы по монастырям грамоты настоятелям от имени царя, в которых говорилось между прочим: «...князь великий Иван Васильевич челом бьет, молясь преподобию вашему, чтоб вы пожаловали, о моем окаянстве соборно и по кельям молили, чтобы Господь Бог и Пречистая Богородица, ваших ради пречистых молитв, моему окаянству отпущение грехов даровали, от настоящие смертные болезни свободили и здравие дали; и в чем мы пред вами виноваты, в том бы вы нас пожаловали — простили, а вы в чем пред нами виноваты, и вас Бог во всем простит».

Иван Васильевич, когда чувствовал себя лучше, приказывал носить себя на креслах в палату, где хранились его сокровища, золотые украшения, драгоценные камни и прочее. Он, видимо, гордился своим богатством и показывал еще за несколько дней до своей смерти английскому послу свои алмазы, яхонты и другие самоцветные камни и подробно рассказывал о разных таинственных и чудодейственных их свойствах, в которые верили тогда суеверные люди...

17 марта, после теплого купанья, он почувствовал себя гораздо лучше и на другой день, говорят, дал было приказ казнить волхвов и гадателей, которые будто бы пророчили ему беду именно 18 марта. В этот день, после купанья, он опять чувствовал себя хорошо и расположился было, сидя на кровати, сыграть с Вельским в шахматы и уже расставлял их, как вдруг упал на постель без дыхания... Поднялась страшная суматоха. Звали врачей. Кинулись за духовенством. Врачи терли бездыханное тело разными снадобьями, старались возбудить в нем жизнь. Но все было напрасно! Митрополит поспешно читал над ним молитвы пострижения, нарекая его в монашестве Ионою.

Ударили в колокол на исход души, и узнала Москва, что Грозного царя не стало.

Царствование Ивана Грозного весьма важно по событиям внешним и внутренним.

Полное торжество на Востоке над исконным врагом Русской земли — татарами, завоевание всего Поволжья и покорение Сибири могли бы составить славу любого царствования. Попытки пробить через Ливонию более удобный путь для сношения с Западом — попытки упорные, хотя и неудавшиеся, свидетельствуют о большом уме Ивана IV. Он, видимо, желал сблизиться с более просвещенными странами, завел деятельные сношения и торговлю с Англией, вел переговоры с папой и с императором, которые уже начинали смотреть на московского царя как на естественного союзника в борьбе с турками, тогда еще страшными для Европы.

Не менее важны были и внутренние события. Никогда прежде не сознавались так ясно, как в царствование Ивана Васильевича, недостатки в управлении, в судопроизводстве, в церковных делах, в нравах и обычаях; никогда раньше не прилагалось и столько забот, как при Грозном, чтобы помочь беде, исправить недостатки. Призыв земских выборных на

совет о важных государственных делах, земское самоуправление, новый более полный Судебник, Стоглавый собор ясно свидетельствуют об этих заботах. Но успеху их мешали застарелое невежество и нравственная загрубелость русских. У них не было еще тогда ни умственной, ни нравственной силы для обновления; они знали только свои порядки и могли только крепко держаться за свою «святую старину», дурно понятую и малоприменимую к новым условиям жизни... Вот почему заботы об улучшении государственного строя и общественной жизни не принесли большой пользы.

Но самым важным внутренним событием была страшная кровавая борьба самодержавия с боярством.

Плотной толпой обступили царский трон знатные бояре, потомки удельных князей, и заслонили было царя от народа. Никогда еще бояре не достигали в Москве такой силы, как в малолетство царя Ивана. С возрастом у него все больше и больше зрела мысль, что делу его предков, великих собирателей Русской земли, грозит беда, что самодержавие, которое так старательно растили они, будет заглушено потомками князей, уделы которых поглощены были Москвой.

Борьба самодержавия с боярством становилась неизбежной.

Русские бояре не понимали своих общих выгод, не действовали заодно, беспрерывно враждовали между собой, готовы были губить друг друга ради своих личных целей, своими насилиями и неправдами озлобили против себя народ, притом не раз изменяли своей присяге. Это все облегчало и узаконивало борьбу с ними. Их грубый произвол и личные обиды царю во время его малолетства породили глубокую ненависть и чувство мести в его душе, и потому борьба должна была стать жестокой, беспощадной.

Припомним страшную грубость нравов того времени — ту кулачную расправу, какая совершалась боярами на глазах царя-ребенка, и притом над людьми, близкими ему; припомним, что порывистая, бурная природа Ивана Васильевича, несмотря на его большой ум, не знала удержу ни в чем, а сердце его было испорчено еще смолоду, — припомним все это — и мы поймем, почему страницы царствования Грозного в нашей истории самые ужасные, самые кровавые...

Боярство было им раздавлено. Особенно сильно пострадали более знатные боярские роды; а уцелевшие бояре смирились до последней степени: в своих челобитных царю они и уже раньше называли себя уменьшительными именами (например, холоп твой Иванец, Федорец и прочие), а теперь стали называться уничижительными именами (Ванька, Федька). Постоянный страх унижает людей, портит нравы их, делает их малодушными, скрытными, льстивыми, лукавыми. Сильно измельчали духом люди, стоявшие вокруг Грозного царя под конец царствования его; о людях, верных царю и отечеству, о людях, смело говорящих истину, не слышно стало.

На грудах тел казненных бояр, на потоках крови, часто безвинно пролитой, Грозный царь, окруженный опричниками, стал страшен не только боярам, но и всему народу, а под конец и самому себе.

Личность Грозного сохранилась в народной памяти. В народных песнях он является в грозном величии завоевателя татарских царств и судьи, карающего измену. В одной песне говорится:

Как зачиналася каменна Москва,
Тогда зачинался и Грозный царь,
Что Грозный царь — Иван, сударь
Васильевич.
Когда ходил он под Казань-город,

Под Казань-город и под Астрахань;
Он Казань-город мимоходом взял.
Полонил царя и с царицею,
Выводил измену из Пскова,
Изо Пскова и из Новгорода.



***П. Геллер Митрополит перед кончиной Ивана
Грозною посвящает его в схиму***

«В жизни и смерти людей волен Бог да царь», — говорил уже тогда народ. Власть царя от Бога — Богу одному он должен и ответ давать за свои деяния. Так смотрел на свою власть царь, так смотрел на нее и народ. Лютые казни в глазах народа были такой же Божьей карой за грехи, как голод, мор, пожары и тому

подобные бедствия. Но все же в песнях вспоминается, что лютые казни Грозного царя не всегда были справедливы:

Он грозен, батюшка, и милостив.
Он за правду жалует, за неправду вешает.
Уж настали злые годы на московский народ,
Как и стал православный царь грозней
прежнего:
Он за правды, за неправды делал казни лютые.

Говорится в песнях и о смерти царя между прочим следующее:

На святой Руси — в каменной Москве,
В каменной Москве — в золотом Кремле,
У Ивана было у Великого,
У Михаила у Архангела,
У собора у Успенского,
Ударяли в большой колокол,
В соборе-то в Успенском,
Тут стоял нов кипарисов гроб,
Во гробу-то лежит православный царь,
Православный царь Иван Грозный Васильевич.
В головах у него стоит животворящий крест,
У креста лежит корона его царская,
На ногах его вострый, грозный меч.
Животворящему кресту всякий молится,
Золотому венцу всякий кланяется,
А на грозен меч взглянет, всяк ужаснется.